БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПАМЯТЬ
И СЛАВА

MEMORIA ET GLORIA

Соломон Захарович КАЦЕНБОГЕН

К 130-летию со дня рождения

МИНСК
БГУ
2019

УДК 316(476)(091)(092)Каценбоген
ББК 60.5(4Беи)-8Каценбоген
П15

Серия основана в 2003 г.

Редакционная коллегия:
А. Г. Кохановский, О. А. Яновский, А. Н. Данилов

Составитель А. Н. Максимчик

Рецензенты:
доктор социологических наук *Е. Е. Кучко*;
доктор исторических наук *А. А. Гужаловский*

Использованы материалы Национального архива Республики Беларусь; Российского государственного архива социально-политической истории; Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга; Центра документации общественных организаций Свердловской области; Архива Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского; Архива Уральского федерального университета; Национальной библиотеки Республики Беларусь; Российской национальной библиотеки; Музея истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; Музея истории БГУ; личного архива внуков С. З. Каценбогена Г. Е. Вершкайна и Н. М. Тимченко

Память и слава: Соломон Захарович Каценбоген. К 130-летию
П15 со дня рождения / редкол.: А. Г. Кохановский, О. А. Яновский, А. Н. Данилов ; сост. А. Н. Максимчик. – Минск : БГУ, 2019. – 263, [8] л. цв. ил. – (Memoria et Gloria).
ISBN 978-985-566-708-8.

Издание посвящено научной, педагогической, административной и организаторской деятельности профессора С. З. Каценбогена (1889–1946) – основоположника социологии в Беларуси, создателя кафедры социологии и первобытной культуры, декана факультета общественных наук, заместителя ректора БГУ, руководителя ряда советских высших учебных заведений и кафедр в Саратове, Ленинграде, Свердловске. Представлены ранее неопубликованные материалы, знакомящие с жизнью и деятельностью ученого, его научным и педагогическим наследием.

УДК 316(476)(091)(092)Каценбоген
ББК 60.5(4Беи)-8Каценбоген

ISBN 978-985-566-708-8
© БГУ, 2019

MEMORIA ET GLORIA

Так называется серия, посвященная известным ученым и педагогам Белорусского государственного университета, внесшим большой личный вклад в развитие науки и образования. Это дань памяти тем, кто прославил нашу альма-матер, нашу страну, оставил значительный след в истории отечественной науки, образования и культуры.

Задача серии – на основе оригинальных документов, воспоминаний современников и других материалов познакомить читателя с педагогическим и научным наследием тех, кто прославил Беларусь и наш университет, показать их жизненный и творческий путь в контексте времени, созидательной деятельности на ниве университетского образования и науки.

Подготовленное в рамках приближающегося 100-летнего юбилея Белорусского государственного университета, это издание особое. Оно посвящено пионеру социологии в Беларуси, первому заместителю ректора БГУ профессору Соломону Захаровичу Каценбогену, со дня рождения которого в мае 2019 г. исполняется 130 лет.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга посвящена одному из отцов-основателей Белорусского государственного университета – профессору Соломону Захаровичу Каценбогену. Через биографию юбиляра замысловато преломляются многие знаковые события в истории университета. Это 100-летняя годовщина с момента подписания Декрета Центрального исполнительного комитета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов ССРБ от 25 февраля 1919 г. о выделении на нужды открывающегося университета денежной суммы из республиканских средств, а также 30 лет с момента основания кафедры социологии БГУ.

Во многом благодаря титанической работоспособности С. З. Каценбогена процесс создания Белорусского государственного университета стал динамично воплощаться в жизнь. Его участие в становлении белорусской высшей школы прослеживается на всех направлениях – это и организация учебного процесса, и стимулирование научной и общественной деятельности в студенческой и преподавательской среде, и постоянная забота по улучшению условий проживания и работы приглашенных для преподавания в университете лиц, а также поиск, привлечение и распределение финансовых средств для своевременных выплат заработной платы сотрудникам, научно-исследовательских командировок, закупок необходимого оборудования для аудиторий, кабинетов, клиник и лабораторий, комплектования фондов библиотеки и музея. В 1925 г. ректор В. И. Пичета, обращаясь к первым выпускникам факультета общественных наук БГУ, сказал о Соломоне Захаровиче следующее: «С. З. Каценбогин, как профессор по новой кафедре социологии и первобытной культуры, как заместитель ректора, много сил и здоровья отдал факультету общественных наук, как его декан и профессор. Вы все хорошо знаете его работу в деле красования университета». Именно С. З. Каценбогену принадлежат первые от-

четы о деятельности университета, благодаря которым сохранилась ценная информация о начальных шагах становления высшего образования и науки в молодой советской республике.

Соломон Захарович стоял у истоков социологических исследований в Беларуси: возглавлял кафедру социологии и первобытной культуры, созданную в БГУ в 1921 г. Его по праву можно считать и одним из основоположников советской социологии в СССР.

Нельзя не отметить и тот факт, что С. З. Каценбоген, талантливый государственный управленец, входил в состав Совета народных комиссаров БССР в 1920–1924 гг., первым возглавил Народный комиссариат социального обеспечения, занимал должность заместителя народного комиссара просвещения.

Все вышесказанное значительно масштабирует его фигуру, а также результаты его деятельности на уровне не только университета, но и всей республики.

Соломон Захарович Каценбоген как социолог и философ, как преподаватель и вузовский управленец известен и за пределами Беларуси. В разные годы он возглавлял Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена, Свердловский государственный педагогический институт, был организатором и руководителем кафедр и факультетов.

Во многом книга о Соломоне Захаровиче стала возможна после того, как в 2016 г. в БГУ был создан временный творческий коллектив, задачей которого является подготовка и написание серии материалов о наиболее знаковых и ярких ученых и преподавателях университета (серия «Белорусский государственный университет. 100 лет на благо Отечества»). Волей случая составителю этого издания было предложено подготовить материал о С. З. Каценбогене. Посещение библиотек, изучение его опубликованных работ в журналах и газетах, поиск документов в архивах, знакомство и многочасовое общение с внуками Соломона Захаровича, результаты которого не получили должного отражения в уже подготовленной о нем статье, поставили на повестку дня вопрос издания более широкого формата.

В соответствии с уже выработанной структурой университетской серии «Memoria et Gloria» был написан биографический очерк о С. З. Каценбогене, основанием для которого послужила опубликованная о нем

статья в 2017 г. в журнале «Социология». В работу включены недавно обнаруженные и неизвестные ранее факты биографии ученого и педагога. К тому же издание дополнено разделом с архивными документами и малоизвестными материалами.

Значительные изменения коснулись и ранее публиковавшегося списка работ С. З. Каценбогена. Он составлен на основании поисковой работы по фондам Национальной библиотеки Беларуси, Российской национальной библиотеки и Российской государственной библиотеки и помощи, оказанной директором музея Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена Е. М. Колосовой и главным хранителем фондов музея Е. М. Гурьяновой. При составлении перечня работ С. З. Каценбогена использовались архивные документы (автобиографии, личные листки по учету кадров), в тексте которых упоминались названия статей, место и год издания. В документах первой половины 1940-х гг. неоднократно указывалось, что список профессора С. З. Каценбогена состоит из более чем 160 работ: «до 60 печатных работ по вопросам философии, социологии и истории культуры. Свыше 100 небольших статей по разным вопросам, в том числе по вопросам ленинизма и борьбы на два фронта».

Наряду с этим в список работ не включен ряд статей, подготовленных к печати и/или опубликованных С. З. Каценбогеном в разные годы, на которые он указывал в некоторых документах. Это связано с тем, что в процессе поиска и составления перечня работ они не были найдены и охарактеризованы так, как этого требуют правила составления библиографического описания. Считаем, что указание их названия, ориентировочное место и год издания позволят заинтересованным исследователям найти и дополнить имеющуюся библиографию. К ним относятся следующие работы: 1) стихотворение в прозе «Лес» (о посещении Ясной Поляны) (Минск, 1910–1911 гг.); 2) газетная статья «Три грации (голод, чума, смерть)» (Брест-Литовск, 1911–1912 гг.); 3) статья «Маховое колесо истории» (Киев, журнал «Огни», 1911); 4) статья «Крестьянские войны в Германии» (Киев, 1912); 5) статья «Хозяйственные силы Германии (К пересмотру русско-германского торгового договора)» (Киев, 1914); 6) монография «Пролетариат и крестьянство» (социологический труд) (Минск, 1920); 7) статья «Социально-политические воззрения М. Бакунина» (Саратов, 1926); 8) статья «Университет должен стать центром научной мысли» (Казань, газета «За пролетарские кадры», 1932); 9) статья

«Марксистско-ленинскую методологию в основу работы КГУ» (Казань, газета «За пролетарские кадры», 1932); 10) стенографический курс лекций по истории философии, читанный в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена в 1934–1935 учебном году (Ленинград, 1935); 11) статья «Теория познания Б. Спинозы» (Свердловск, 1941); 12) статья «Эпоха Б. Спинозы и его современники» (Свердловск, 1941); 13) статья «Л. Н. Толстой, как мыслитель и художник» (Свердловск, 1941); 14) статья «Теория отражения в работах Ф. Энгельса» (Свердловск, 1941); 15) монография «Б. Спиноза – жизнь и творчество» (Свердловск, 1945).

В издании нашли место также работы профессора, публикация которых ставила целью показать широту научных интересов ученого. Это статьи по истории, этнографии, археологии, социологии, философии и литературоведению. Трудно не согласиться с цитатой известного российского историка В. О. Ключевского о том, что «в жизни ученого и писателя главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли». В преобладающей своей массе – это научные статьи С. З. Каценбогена, опубликованные именно в белорусский период его деятельности, поскольку, как показывает библиография его работ, именно этот период являлся наиболее продуктивным и насыщенным в научном творчестве. Сегодня статьи, с одной стороны, имеют историографическую ценность, а с другой – не утратили определенную актуальность и значение для науки.

Раздел, посвященный ключевым датам жизни и деятельности профессора С. З. Каценбогена, подготовлен на основании широкого круга привлеченных исторических источников. Издание дополнено фотографиями из семейных архивов внуков С. З. Каценбогена – Григория Ефимовича Вершкайна и Надежды Михайловны Тимченко. Составитель им благодарен и признателен за предоставление уникальных материалов для подготовки книги, а также родственнику С. З. Каценбогена Михаилу Нейману за возможность получения и использования копий ряда найденных им архивных документов.

Хотелось бы также высказать слова благодарности в адрес руководства БГУ и исторического факультета, сотрудников Управления редакционно-издательской работы БГУ за помощь в издании книги, коллегам (заведующему кафедрой истории России БГУ профессору О. А. Яновскому, заведующему Музеем истории БГУ Э. Л. Малиновской, сотруднику этого музея Д. И. Пригодич, заведующему кафедрой социологии БГУ профес-

сору А. Н. Данилову, заведующему кафедрой социологии, коммуникаций и управления Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского профессору Л. С. Аникину, научному сотруднику Российского этнографического музея Р. Ш. Зельницкой), кто помогал словом и делом в создании этой книги.

А. Н. Максимчик

УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ОРГАНИЗАТОР И РУКОВОДИТЕЛЬ СОВЕТСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В летопись Белорусского государственного университета Соломон Захарович Каценбоген вписан как первый заместитель первого ректора белорусской альма-матер, где занимает заслуженное место в ряду ее отцов-основателей. Приближающийся 100-летний юбилей со дня открытия БГУ – хороший повод задаться вопросом: а что мы знаем о первых сотрудниках университета? Когда и почему они сделали свой выбор в пользу работы в его стенах? Как сложилась их судьба? Какой след оставили после себя? Ответы на эти, как и на многие другие вопросы, не будут исчерпывающими и однозначными, поскольку в каждом из них живет своя не до конца раскрытая логика и история. Однако попытки приблизиться к поиску искомых ответов с помощью документов и других свидетельств той эпохи могут послужить крайне важным, оригинальным результатом осмысления не только истории становления высшей школы в Беларуси, но и той пространственно-временной среды, в которой жили и работали университетские педагоги. Если рассматривать эти вопросы относительно личности С. З. Каценбогена, создается впечатление, что ответы на них получить практически невозможно, поскольку биографические сведения о нем и его деятельности сужены до формата энциклопедической статьи, аналог которой к тому же не всегда можно встретить в соответствующих изданиях. А если и есть, то структура и содержание статей очень схожи с личным листком по учету кадров, заполнение пунктов которого объективно недостаточно для раскрытия многогранной личности этого человека.

Частично дефицит информации о деятельности Соломона Захаровича в разные периоды времени восполняется благодаря публикациям, посвященным кругу его научных интересов и местам работы. Впечатления о педагогическом стиле, а также любопытные штрихи к его портрету оставили в своих воспоминаниях студенты вузов, в которых работал С. З. Каценбо-

ген. Широта научно-исследовательского кругозора ученого восстанавливается на основе составления библиографического списка опубликованных статей в газетах и журналах, трудов, изданных отдельными брошюрами, книгами и в тематических сборниках.

Работа с архивными документами показала, что за скобками остался внушительный пласт информации, позволяющий существенно заполнить пробелы в биографии Соломона Захаровича, а также скорректировать известные данные о нем. К тому же в процессе сбора материала удалось найти его внуков, в личных архивах которых хранятся уникальные документы, принадлежавшие их известному деду (личные вещи, фотодокументы, удостоверения, письма и т. д.). Этот комплекс критически осмысленных исторических источников положен в основу книги, цель которой – создать качественно новый – «объемный» – портрет человека, сделавшего карьеру университетского управленца и оригинального ученого-энциклопедиста.

Информации о корнях и детстве Соломона Захаровича обнаружить удалось не так много. Установлено, что фамилия Каценбогин встречается в архивных документах по Минску с 1834 г. Но если тогда в городе проживала только одна семья с такой фамилией, то уже к 1894 г. количество семей выросло до пяти. В одной из этих мещанских семей 10 мая 1889 г. и родился будущий всесоюзно известный вузовский управленец, ученый и педагог. Его отец Зусьман (Зысель) Шиманов Каценбогин*, по сведениям Соломона Захаровича, до октябрьского переворота примыкал к народовольцам, за что вынужден был несколько лет скрываться в Германии, по возвращении служил бухгалтером в частной банкирской конторе, а после 1917 г. – бухгалтером в Главлескоме БССР. Мать Гинда (Ольга) Нисановна была домохозяйкой. В 1915 г. она умерла, а в 1927 г. скончался отец.

О братьях и/или сестрах также сведения весьма отрывочные. В одном из листков по учету кадров в графе «Кто из родственников живет за границей» С. З. Каценбоген отмечал, что в Вильно живет жена покойного брата с детьми. Возможно, речь шла о старшем брате Григории, который окончил ветеринарный институт, но в годы Первой мировой войны умер от сыпного тифа на фронте. Более подробные сведения сохранились о другом брате – Науме. Из документов видно, что он родился 1 апреля 1897 г., в 1914 г. с серебряной медалью окончил Минское семиклассное коммерческое училище, был слушателем ряда вузов Петрограда: Петроградского института высших коммерческих знаний, Психоневрологического института, Петроградского политехнического института императора Петра Великого.

*В документах встречается двоякое написание фамилии: Каценбоген и Каценбогин.

В 1918–1921 гг. он состоял на службе в Народном комиссариате по продовольствию в должности начальника организационного отдела Управления товароснабжения. В сентябре 1921 г. Наум написал заявление на имя ректора Белорусского политехнического института о принятии его в число студентов химического отделения. В личном деле Н. З. Каценбогина имеется письмо от 23 сентября 1921 г. на имя ректора института Н. К. Ярошевича за подписью брата (Соломона Захаровича) с просьбой о зачислении Наума в ряды студентов без испытаний. Дальнейшую его судьбу, к сожалению, проследить не удалось. Можно только добавить, что в личном архиве внука С. З. Каценбогена Г. Е. Вершкайна сохранился портрет Наума Захаровича с его дарственной надписью и датой: 27 сентября 1946 г.

Такой интерес к членам семьи Соломона Захаровича вызван тем, что по рассказам его внуков один из родственников уехал в Америку, где устроился на руководящую должность в Библиотеку Конгресса США. В 1920-е гг. он мог способствовать пересылке научной и учебной литературы для формировавшейся библиотеки БГУ.

Возвращаясь к биографии Соломона Захаровича, стоит отметить, что найденные архивные документы раскрывают интересные сведения о годах его учебы, о которых ранее ничего не было известно. В 1898 г. в девятилетнем возрасте Соломон поступил в Седлецкую гимназию, но проучился там только до 1903 г., когда по рапорту попечителя Варшавского учебного округа А. Н. Шварца был исключен за организацию привисленской забастовки учащихся. В этот период С. З. Каценбоген знакомится с основными идеями социал-демократии и в 1904 г. вступает в ряды еврейской социалистической партии Бунд. Вернувшись в Минск, принимает активное участие в забастовках и демонстрациях, ведет по заданию Бунда политработу. В конце 1904 г., вопреки желанию родителей, Соломон переехал в Киев, где поступил в частную мужскую гимназию В. И. Петра, из которой в скором времени был отчислен за агитационную работу. Во время одной из демонстраций в Киеве в 1905 г. схвачен полицией, жестоко избит и административно выслан в Минск.

Пробыв около полугода в Минске и так не получив заветного аттестата, Соломон решил попытать счастья в Одессе в частной еврейской гимназии М. М. Иглицкого. Однако и здесь учебу он страстно «разбавлял» агитационной работой среди учащейся молодежи. Там же ведет кружки по политической экономии, частый гость на рабочих собраниях. Не проучившись и года, был отчислен, после чего направился к родственникам в Гродно. В 1907 г. путем новых вступительных экзаменов 18-летний юноша поступил в одну из частных гимназий города, которую благополучно окончил в 1910 г. Однако и там, как писал сам С. З. Каценбоген, «вел

агитационную работу, будучи на нелегальных собраниях, читал доклады (помню читал по поводу его [А. Бебеля – А. М.] юбилея – о Бебеле и его работе, о семье, об историческом материализме, о взглядах Чернышевского на русскую общину), энергично боролся с сионистами», «был активнейшим организатором [агитационной работы среди] рабочих табачной фабрики Шерешевского». Отчетливое понимание того, что знания являются эффективным оружием в руках агитатора, толкало его к дальнейшей учебе.

В 1910 г. С. З. Каценбоген поступил на экономическое отделение Киевского коммерческого института, которым в то время руководил известный белорусский историк М. В. Довнар-Запольский. Студентом Соломон обнаружил склонность к «ученым исследованиям» и талант журналиста. В 1911 г. в киевском журнале «Огни», популярном в молодежной среде, опубликовал первую статью – «Маховое колесо истории», также писал статьи на злободневные политические темы для одной из нелегальных газет Брест-Литовска. За время учебы опубликовал две одобренные институтом работы: «Крестьянские войны в Германии» (1912) и «Хозяйственные силы Германии (К пересмотру русско-германского торгового договора)» (1914). В институте состоял членом религиозно-философского общества, «вел педагогическую работу на различных курсах по истории культуры и социологии». Как покажет дальнейшее профессиональное «вызревание» С. З. Каценбогена, киевский период в его жизни четко обозначил вектор будущей научной деятельности, выявив в нем качества педагога и ученого. Несмотря на учебную загруженность, он успевал участвовать во всех политических выступлениях студентов. В ноябре 1910 г. с делегацией студенчества Соломон Захарович выезжал в Ясную Поляну на похороны Л. Н. Толстого (уже будучи в Саратове, 25 октября 1928 г. в Обществе литературоведения при Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского С. З. Каценбоген поделился со слушателями своими воспоминаниями о днях смерти писателя).

Получив в 1914 г. свой первый диплом о высшем образовании, 25-летний экономист направился в российскую столицу, где поступил на 3-й курс юридического факультета Петроградского психоневрологического института. В это же время в институт поступил и его брат – Наум Захарович. Не исключено, что выбор места обучения для Соломона Захаровича был обдуманным и целенаправленным. Испытывая дефицит знаний в области социологии, он связывал с этим учебным заведением заполнение существовавших пробелов, поскольку именно в нем в 1911 г. была открыта первая в Российской империи кафедра социологии, которую возглавляли

ведущие специалисты того времени – М. М. Ковалевский, Е. В. де Роберти, К. Н. Тахтарев. «Все время, – писал Соломон Захарович, – усиленно изучал политическую экономию, историю первобытной культуры и социологию». В институте он получил высокую профессиональную подготовку не только в области права, но и в других сферах, что затем в полной мере проявилось в педагогической и научной деятельности.

Учебу он совмещал с трудом: в 1915 г. служил статистиком в страховом агентстве на Бакинских нефтяных промыслах, с января 1916 г. по декабрь 1917 г. – секретарем на кожевенном заводе Земсоюза в Бобруйске. За время работы на этой должности в жизни С. З. Каценбогена произошло важное событие: он познакомился со своей будущей женой – Надеждой Зиновьевной, с которой оформил брак в 1916 г. Надежда Зиновьевна была дочерью известного в Бобруйске собственника мебельного магазина Зимеля Каценбогина. В браке у них родилось трое детей: Евгений (1916 г. рожд., умер в младенческом возрасте), Михаил (1917–1993) и Эсфирь (1923–2002).

Окончание института и получение второго диплома по специальности «Экономика и право» совпало с годом начала глубинных и масштабных трансформаций на всем постимперском пространстве, вызванных революционными потрясениями 1917 г. Для Соломона Захаровича, как человека, не успевшего запятнать свое реноме в служении рухнувшему режиму и имеющего высокий образовательный уровень на фоне острого дефицита специалистов для советской власти, открывались новые перспективы и возможности. Не будучи равнодушным ко всему происходящему в стране, он с головой окунулся в революционную работу. «При взрыве Февральской революции был одним из трех товарищей, организовавших первый Совет рабочих и солдатских депутатов в г. Бобруйске; товарищем Председателя Совдепа; гласным и секретарем городской думы, заведующим отделом труда и биржей труда. Был членом, а в 1918 г. председателем Бобруйского комитета Бунда», – отмечал он в автобиографии 1923 г. Карьера С. З. Каценбогена продолжала стремительно идти в гору: с июля 1918 г. по июнь 1919 г. находился на должности заместителя заведующего отделом социального обеспечения в Бобруйске, затем был назначен заместителем наркома социального обеспечения Литвы и Беларуси (июнь – август 1919 г.). Чуть меньше года С. З. Каценбоген являлся заместителем председателя Особой продовольственной комиссии Западного военного округа (август 1919 г. – июль 1920 г.) в Смоленске, совмещая работу с должностью председателя Смоленской организации Бунда. В этот период он активно сотрудничает с коммунистической партией большевиков, по пред-

ложению Смоленского комитета партии избирается членом Смоленского совета рабочих депутатов. В апреле 1920 г. Соломон Захарович сделал для себя очень важный шаг – вступил в ряды ВКП(б).

После освобождения в июле 1920 г. Минска от польских войск С. З. Каценбоген, имевший за плечами богатейший опыт в области управления и выработавший в себе качества руководителя, назначается наркомом социального обеспечения ССРБ, а в июле 1921 г. переводится на должность заместителя наркома просвещения республики. В Минске вплоть до своего отъезда в Саратов Соломон Захарович вместе с семьей жил во «Втором доме Советов» – легендарном строении в центре города (на пересечении улиц К. Маркса и Ленина).

Несмотря на колоссальную административную загруженность находил время для научной и педагогической работы, ведя ее преимущественно в партшколах и комвузе ССРБ. В одной из минских школ, а затем и на всех отделениях БГУ читал курс «Пролетарская революция». Курс включал в себя несколько разделов: введение (метод, объем, задачи курса и основные его положения); историческая часть – эпоха торгового, промышленного и финансового капитализма, включая анализ социально-экономических условий эпохи и революционного движения; теоретическая часть – теория пролетарской революции как теория научного социализма, основные тенденции капитализма, Zusammenbruchstheorie*, социология марксизма, марксистское обоснование завоевания власти, государства, демократии, диктатуры; вопрос о расколе в международном социалистическом движении и опыты пролетарских революций.

С назначением С. З. Каценбогена на должность заместителя народного комиссара и заведующего административно-организационным центром в аппарате Народного комиссариата просвещения республики (возглавляемым известным общественным и политическим деятелем, ученым и историком В. М. Игнатовским), начался новый виток в его жизни, который стремительно стал сближать советского чиновника с бурно развернувшимися мероприятиями по созданию университета в Минске. На страницах газет он активно отстаивал необходимость существенных преобразований в области просвещения ввиду наметившегося партийного курса в этом вопросе. Так, сущность реформы в области высшего образования сводилась к тому, что высшая школа, дававшая раньше «строго научное» образование, оторванное от жизни, переставала быть таковой, а должна была служить прежде всего практическим государственным и местным жизненным

*Теория коллапса (нем.).

потребностям, давать массовую подготовку и создавать кадры специалистов, необходимых для различных отраслей советского строительства.

Войдя в состав коллегии Наркомпроса, С. З. Каценбоген 9 июля 1921 г. поставил свою подпись под постановлением наркомата о назначении в Правление университета В. И. Пичеты, В. М. Игнатовского, М. Я. Фрумкиной и Ф. Ф. Турука, а также об утверждении кандидатуры Пичеты на пост ректора. Уже через два дня, на торжественном собрании по случаю открытия университета, С. З. Каценбоген выступил с инициативой, поддержанной собранием, отправки благодарственных телеграмм В. И. Ленину, Российской и Украинской академиям наук, Московскому, Петроградскому, Киевскому университетам.

Вопрос о переходе С. З. Каценбогена в университет выходил далеко за пределы его собственных пожеланий. Значение фигуры видного управленца в государственных делах республики и политическая благонадежность делали интеллектуала-чиновника востребованным в руководстве БГУ. На X отчетной конференции Центрального Бюро КП(б)Б значительное внимание было уделено политическому соответствию состава профессоров и преподавателей первого белорусского университета. С целью усиления марксистской составляющей педагогического процесса в БГУ было предложено С. З. Каценбогену вместе с В. М. Игнатовским и В. Г. Кнорины читать соответствующие учебные курсы. Для создания противовеса В. И. Пичете, как и всей приглашенной «старой» профессуре, заместителями ректора были поставлены преподаватели-партийцы. И первым на эту должность был назначен С. З. Каценбоген. Однако интерес к профессионализму уже проявившего себя ученого высказало и Правление университета. БГУ нуждался в опытном управленце и администраторе, в человеке, имевшем широкий круг общения во властных кругах республики, в специалисте с двумя высшими образованиями, не уступавшего по своим знаниям лучшим ученым того времени. Стремление к работе в университете проявил и сам С. З. Каценбоген, который видел возможность в полной мере реализовать свой творческий потенциал в БГУ. «Будучи в течение 20 лет партийным работником и в то же время не переставая заниматься наукой, – писал он, – считаю своим подлинным призванием научную деятельность».

Согласно архивным документам Соломон Захарович стал числиться сотрудником БГУ с 9 сентября 1921 г. Период его работы в университете можно разделить на определенные сферы деятельности в соответствии с теми должностными функциями, которые были на него возложены. При таком рассмотрении его многогранная деятельность может быть представ-

лена под разными углами зрения: заместитель ректора и член Правления БГУ, многопрофильный педагог-новатор, ученый-энциклопедист и популяризатор знаний.

С 1 октября 1922 г. С. З. Каценбоген вступил в должность заместителя ректора по хозяйственно-административной деятельности. На этом посту он проработал до 13 июля 1925 г., когда на общем собрании студентов и Правления университета был избран заместителем ректора по академической части. Высокая и ответственная должность предполагала приложение колоссальных усилий по укреплению всех основ университетской деятельности. О том, что представлял собой университет на первых порах своей истории, лаконично описано в воспоминаниях профессора С. Я. Вольфсона: «Белорусский государственный университет родился… Правда, условия его существования в первые месяцы были суровыми. Аудитории нередко представляла, напряженно слушая лектора, сотенная толпа, которая стояла между четырех стен. Стояли студенты – отсутствовали скамейки, стоял профессор – отсутствовало кресло. В галошах, в пальто, в шубах, некоторые с поднятыми воротниками. А в факультетской канцелярии писали в перчатках и карандашами: чернила замерзали. Но университет жил…».

Перед заместителем ректора стояла нескончаемая череда проблем и вопросов, которые требовали безотлагательного решения. Университет испытывал трудности с учебными и административными помещениями, их ремонтом. Необходима была соответствующая мебель, оборудование учебно-вспомогательных учреждений, лабораторий, кабинетов. Многие преподаватели не были обеспечены не только квартирами, но просто жилыми помещениями. Доходило до того, что профессорско-преподавательский состав практически не получал продуктов питания, поскольку академические пайки на них не распространялись. Порой нечем было платить им заработную плату. Обращаясь к руководству республики, С. З. Каценбоген констатировал: «Лишенные какой бы то ни было продпомощи <…> не получая по целым месяцам положенного им содержания, сотрудники БГУ влачат жалкое существование, но стойко переносят все лишения и безропотно выполняют свои обязанности. В то время как сотрудники всех Наркоматов получают пайки, служащие БГУ, которые подобно этим Наркоматам не сняты с госснабжения, лишены пайков. Между тем Бел. Гос. Университет является также государственным учреждением, значение его для Края общепризнанно и никем уже не оспаривается». С этой просьбой заместитель ректора неоднократно ходатайствовал перед Президиумом ЦИК Беларуси и добивался положительных результа-

тов. Так, благодаря настойчивости С. З. Каценбогена в вопросе распределения продовольственных посылок для профессорско-преподавательского персонала, получаемых по линии Американской администрации помощи, пайки были выданы лингвисту С. М. Некрашевичу, писателям Я. Купале и Я. Коласу. Подпись заместителя ректора требовалась даже на такого рода заявлениях, как: «Согласно распоряжению Народного комиссара продовольствия, Правление Университета просит не отказать в зависящем распоряжении Продбазе № 1 об обмене выданного в счет майского академического пайка гороха, в количестве 11 пуд. 5 фун., на соответствующее количество гречневой крупы». А осенью 1922 г. он озвучил предложение о необходимости приобретения лошади, упряжи и экипажа «для служебных командировок профессорско-преподавательского персонала и ответственных работников административного персонала».

На заседаниях Правления БГУ С. З. Каценбоген постоянно поднимал проблемы, связанные с жилищными нуждами сотрудников, делился результатами их решения, докладывал о распределении финансовых средств, поступавших на счет университета. Ставя защиту интересов университета во главу угла, он никогда не забывал о своих коллегах и студентах. Так, в письме от 23 марта 1923 г. за подписью С. З. Каценбогена в Наркомздрав настоятельно рекомендовалось: «Так как были случаи, что профессора-медики Белгосуниверситета назначались для участия в Комиссии по освидетельствованию здоровья лиц подлежащих приему на военную службу, Правление просит сделать распоряжение Военно-санитарному отделу Наркомвоена Белоруссии, чтобы профессора-медики не назначались в эти Комиссии, ибо это нарушает нормальный ход учебных занятий в Университете». Фамилию заместителя ректора встречаем и при решении вопроса о необходимости немедленной вакцинации студентов в связи с возросшей угрозой эпидемии оспы.

Будучи тактичным, дисциплинированным и ответственным руководителем, Соломон Захарович требовал проявления этих же качеств и от других подчиненных. В качестве примера можно привести случай на заседании Правления БГУ в начале марта 1923 г. Во время своего выступления С. З. Каценбоген поднял вопрос о недобросовестной деятельности заведующего финансовым отделом П. Г. Жемчужина, который не успел подготовить в срок общую и квартальную сметы университета. Соломон Захарович усмотрел ничем необъяснимую медлительность и халатность и предложил объявить строгий выговор. Однако когда некоторые члены Правления не только поддержали предложение, но и высказались за увольнение нерадивого работника, С. З. Каценбоген убедил коллег все же

ограничиться выговором, желая сберечь целостность коллектива и солидарность в принятии решений.

Немаловажной чертой его должностного «портрета» служит и тот факт, что в моменты отсутствия в стенах университета В. И. Пичеты он постоянно исполнял функции ректора.

Именно С. З. Каценбогену принадлежат первые обобщающие отчеты о деятельности и развитии университета, поскольку он вникал во все вопросы и хорошо знал общую картину. Благодаря этим годовым отчетам, опубликованным в «Працах БДУ» в 1922 и 1923 гг., мы имеем ценную и всестороннюю информацию о первых годах становления флагмана белорусского образования и науки. Университетская библиотека комплектовалась во многом благодаря стараниям и связям Соломона Захаровича. Уже к 1922 г. она располагала более 100 тыс. томов. В 1924 г. по предложению С. З. Каценбогена за немалые деньги куплены издания из личного собрания книг профессора К. К. Случевского, касающихся правовой и социологической тематики.

В историю университета и всей Беларуси С. З. Каценбоген вошел как один из первых профессоров: с началом учебного года стал читать на факультете общественных наук «социально-экономические дисциплины» и числился в штатном расписании БГУ «состоявшим по кафедре социологии и первобытной культуры» (тогда понятие кафедры отличалось от современного и прежде всего означало лекционный курс профессора). Вместе с В. М. Игнатовским 27 сентября 1922 г. Главпрофобр РСФСР утвердил С. З. Каценбогена в звании профессора БГУ. На протяжении четырех лет (1922–1925) он являлся деканом факультета общественных наук, был председателем Предметной исторической комиссии педагогического факультета. Помимо социологических дисциплин «Общая социология» и «Генетическая социология» Соломон Захарович читал курсы «История революционных движений на Западе в связи с историей научного социализма», «История социалистической мысли», «История развития общественных форм».

В педагогической работе С. З. Каценбоген стремился идти в ногу со всеми методическими новациями, углубляя практические ориентиры учебного процесса. Он постоянно выписывал заграничные периодические издания для ведения курса по генетической социологии и первобытной культуре. По его предложению Предметная историческая комиссия разрешила вместо лекционного курса «Генетическая социология» вести для студентов 2-го года обучения практические занятия. На основе семинаров, которые вел С. З. Каценбоген, студенты готовили доклады, публи-

ковали статьи в студенческом журнале «Чырвоны сцяг», редактором которого являлся сам профессор.

На своих лекциях в духе тацитовской формулы «Sine ira et studio»* Соломон Захарович подчеркивал, что «жизнь и историю человеческого общества надо изучать в том ее подчас суровом и неприглядном виде, в каком она развивалась и развивается сейчас». По его мнению, социология стала наукой только тогда, когда под нее был подведен солидный исторический, этнографический и археологический фундамент. Ученого более всего интересовала первобытная культура, с которой он связывал последующие и современные тенденции в развитии человечества. Можно предположить, что понятия и общественные процессы, анализировавшиеся на его лекциях, во многом служили делу революционного преобразования общества, особенно когда речь заходила о первобытном коммунизме. Он отмечал, что «теория первобытного коммунизма является единственно правильной исходной точкой зрения, отправляясь от которой, мы в состоянии наметить более или менее правильное решение сложных вопросов генеономии». Вместе с неизбежным конъюнктурным моментом, присутствующим в исследованиях С. З. Каценбогена (характер осмысления революционного и постреволюционного времени), и сегодня заметна давняя увлеченность ученого тем, что он более всего знал – история первобытной культуры.

Сложность положения профессора-лектора заключалась в том, что требовалось доказывать необходимость социологии для решения задач социалистического строительства и в то же время решительно отмежевываться от ее основоположников, которые, по мнению адептов нового строя, были «величайшими идеологами буржуазии». Следовало представить социологию как важную составную часть марксистско-ленинского мировоззрения. Соломон Захарович считал, что марксизм представлял такое мировоззрение, которое на основе диалектического метода устанавливало единую всеобщую закономерность в природе и обществе. «Главные положения марксистской социологии, – писал он, – признание примата общества над личностью, признание исторически преходящего характера всякой экономической структуры, признание доминирующей роли производства». Известный историк, выпускник БГУ, слушавший его лекции, Н. Н. Улащик вспоминал: «Это был мужчина еще молодой и здоровый, на голове его росла куча густых черных кучерявых волос. <…> Лекцию читал так, как будто перед ним сидели не первокурсники, плохо искушенные в науках, но высокообразованное общество. Со всеми предшественниками в социо-

*Без гнева и пристрастия (лат.).

логии и философии Каценбоген обходился очень круто: Спенсер, Ковалевский, Сорокин и некоторые другие были полностью разрушены за одну лекцию. Про существование большинства этих ученых мы вообще не слышали. Они промелькнули перед нами, были в момент разбиты, растоптаны и выброшены. Каценбоген шел, как победитель через разбитые армии».

Положение усугублялось тем обстоятельством, что изначально отсутствовала необходимая литература, с помощью которой студенты могли бы подготовиться к успешной сдаче экзаменов и зачетов по читаемым курсам. Только в 1925 г. «Белгосиздат» опубликовал работу Каценбогена «Что такое марксизм (философские и социологические основания)», что существенно упростило положение студентов. Однако они и сами проявляли инициативу, подготовив на печатной машинке в двух частях курс лекций С. З. Каценбогена «Марксистская социология», прочитанный им в 1924/25 академическом году на педагогическом факультете. «Только уступая многократным настойчивым просьбам моих слушателей, я решился дать согласие на печатание выпускаемых записок», – пояснил свою позицию в предисловии лектор. Единственный экземпляр курса, который для студентов в те далекие годы к моменту начала сессии становился дороже золота, хранится в Национальной библиотеке Беларуси. Студенческая инициатива объяснялась требовательностью профессора к подготовке студента, отвечавшего ему на экзамене. Н. Н. Улащик писал: «…Каценбоген наводил панику на весь Университет, в частности на первый курс, который должен сдавать ему зачет по социологии. Каценбоген держал у себя студентов по часу, у студенток были истерики, говорили, что они даже падали в обморок там. Чтобы сдать зачет, необходимо было прочитать целую кучу книг и уметь разносить все предшествующие философские системы также удало, как это делал сам Соломон Захарович». Со слов Улащика, его боялись, но уважали за то, что всегда высоко держал «образовательную планку».

Пытаясь упростить и сделать более наглядным содержание своих лекций, С. З. Каценбоген вынашивал идею создания при университете Музея первобытной культуры и истории религии, который бы использовался для «демонстрации студентам в связи с курсами генетической социологии и др. дисциплин, а также для демонстрации различным школам, краткосрочным курсам и всякого рода иным профессиональным и другим учреждениям и коллективам». Идею поддержало Правление БГУ. В 1923 г. в Москве Соломон Захарович вел переговоры с известным археологом В. А. Городцовым на предмет передачи экспонатов по археологии из Государственного исторического музея. В следующем году он подпи-

сал договор с Художественной мастерской наглядных учебных пособий при Петроградском губернском отделе народного образования, которая обязалась изготовить 350 моделей, воспроизведенных с оригиналов коллекций, хранящихся в Эрмитаже и Академии наук, предметов по истории первобытной культуры, египетской и буддийской религии. Кроме этого в Ленинграде им было закуплено специальное оборудование, шкафы, витрины, подставки и тумбы. Первым директором музея стал его инициатор. За годы работы в БГУ, несмотря на большую загруженность, он всегда находил время для улучшения и пополнения новыми предметами. Музей первобытной культуры был личной визитной карточкой С. З. Каценбогена, которая ярко и недвусмысленно демонстрировала его ученый и педагогический статус. В 1925 г. ученый уехал в командировку в Германию, где изучал «социологическую литературу и материалы по первобытной культуре», музейное дело, а также занимался поиском «всевозможных предметов оборудования по антропологии и археологии». Он также посетил ряд этнографических музеев в Берлине, Лейпциге, Дрездене, Гамбурге и составил их описание. На фундаменте, заложенном С. З. Каценбогеном, в последующие годы шло развитие как Исторического музея БГУ, так и других университетских коллекций.

Яркой гранью личности Соломона Захаровича являлась его научно-исследовательская работа не только в стенах университета, но и в других научных учреждениях республики. Следует сказать, что он свободно говорил, читал и писал на немецком и французском языках. Это позволило ему в 1923 г. перевести с французского работу писателя Рене Марана «Батуала» (Batouala) и опубликовать ее в Минске, снабдив собственными комментариями и размышлениями. С немецкого языка перевел и издал очерки по истории первобытной культуры немецких историков и этнографов Генриха Кунова и Анны Левин-Дорш, на идеи которых белорусский ученый часто ссылался при чтении университетских курсов и в своих статьях.

В условиях развернувшейся в республике белорусизации С. З. Каценбоген чувствовал себя несколько неловко. В личной карточке сотрудника Наркомпроса в графе «Родной язык» он записал русский, а белорусский лишь понимал, но не мог свободно выражать на нем свои мысли. Н. Н. Улащик, сравнивая уровень знания белорусского языка среди профессуры БГУ, по этому поводу отмечал следующее: «Если даже С. З. Каценбоген… время от времени заканчивал речь фразой, сказанной на белорусском, Сербов на это не шел никогда. Про философа Вольфсона, разумеется, говорить не надо: в этом он был полностью солидарен с Сербовым». И это в то время, когда БГУ активно включился в процесс белору-

сизации, периодически проводя проверки на знание белорусского языка среди профессоров и преподавателей. Профессору нередко приходилось прибегать к помощи переводчика с русского на белорусский язык при публикации своих работ в журнале «Полымя».

Энциклопедизм Соломона Захаровича хорошо виден в тематике его докладов, выступлений и публикации статей. Например, в конце сентября 1921 г. он вместе с В. И. Пичетой выступил на втором Всебелорусском съезде работников просвещения, а 12 февраля 1922 г. на диспуте в университете, посвященном обсуждению нашумевшего сборника статей представителей российской эмиграции «Смена вех», вышедшего в Праге в 1921 г. Только за первый учебный 1922/23 год С. З. Каценбоген выступил с докладами на темы: «Проблема большевизма и Советского государства в западноевропейской литературе», «Опыт социологического анализа этнографического романа Рене Марана “Батуала”», «Огюст Бланки и его учение», «Плеханов как историк русской общественной мысли». Он прочел публичные лекции на темы «Эволюция любви, брака и семьи» и «Мировой хаос и международные договоры». В день революционного студенчества на торжественном заседании в городском театре выступил с докладом «Основные этапы истории революционного студенчества». В годовщину Февральской революции прочел публичную лекцию «История и ход Февральской революции в свете новейшей литературы». На заседании факультета общественных наук, где чествовали Янку Купалу, «оценил лирику Купалы как подлинное зеркало жизни белорусского народа», а на публичном заседании БГУ, посвященному пятилетию со дня смерти М. Богдановича, сделал доклад о творчестве поэта и его значении для белорусской литературы.

С. З. Каценбоген систематически публиковался в журналах и газетах республики на различные темы, наглядно показывающие широкие границы его научных интересов. Обозначим лишь некоторые из них: «Спорные вопросы генеономии» (1923), «Сложная форма брака у племени Аруссi-Галласов в Абиссинии» (1923), «Генезис и эволюция украшений и одежды» (1924), «Очерки по истории первобытной культуры Беларуси» (1924), «Историческое значение Ленина» (1925), «Ленин о государстве» (1925), «Правовое положение евреев в Белоруссии накануне революции 1917 г.» (1925), «Место высшего социально-экономического образования в системе советского строительства» (1925), «К вопросу о закономерностях гражданской жизни» (1925) и др.

Соломон Захарович успевал сотрудничать с ежемесячником Центрального бюро КП(б)Б «Вперед», был редактором серии изданий «Библиотека

“Советская Белоруссия”», являлся членом минского Общества воинствующих материалистов, стоял во главе этнографической секции Инбелкульта, вместе с В. И. Пичетой, В. Д. Дружчицем входил в состав Президиума историко-археологической секции Инбелкульта, был председателем комиссии по охране памятников старины. При его участии была организована и проведена первая этнографическая экспедиция в 1922–1923 гг. с целью подготовки белорусского этнографического отдела для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве. На историко-археологической секции Инбелкульта он сделал доклад «К вопросу о доисторической культуре Беларуси». Его вклад в развитие краеведческого движения в нашей стране получил высокую оценку во время выступления В. И. Пичеты на Всебелорусской краеведческой конференции 1924 г. 16 января 1925 г. С. З. Каценбоген был избран действительным членом Института белоруской культуры, а уже в феврале того же года на втором общем съезде членов Инбелкульта его включили в состав комиссии, в задачу которой входила подготовка юбилейного сборника, посвященного 400-летию белорусской печати. Летом 1925 г. вместе с В. И. Пичетой и А. А. Смоличем его зачислили в состав комиссии для подготовки международного конгресса белорусоведов. В заметке «Звязды» от 2 июля сообщалось, что комиссия предполагает издать на немецком и белорусском языках справочник о Беларуси и ее хозяйственных и научных достижениях.

В 1925 г. в динамичной научно-исследовательской и педагогической карьере С. З. Каценбогена произошел резкий поворот. Занимая высокий пост в БГУ, Соломон Захарович часто бывал в Москве на расширенных заседаниях союзного Наркомпроса. Во время одного из таких заседаний в ноябре 1925 г. он получил предложение от заместителя Наркомпроса РСФСР И. И. Ходоровского о смене места работы. Судя по всему, предложение было заманчивым, поскольку уже 25 ноября 1925 г. на заседании Правления БГУ рассматривалось заявление С. З. Каценбогена об освобождении его от занимаемых должностей в связи с тем, что он «откомандировывался» в Москву в распоряжение ЦК РКП(б).

Просьба была удовлетворена: «Правление БГУ выражает профессору С. З. Каценбогену искреннюю благодарность за работы по Университету». Что же послужило причиной столь быстрого решения? Желание расти вверх? Или были другие, менее значимые факторы, способствовавшие его уходу из университета? Ответы на некоторые вопросы можно найти все у того же Н. Н. Улащика. В своих воспоминаниях он описывает случай, произошедший с профессором во второй половине 1925 г. В газете «Звязда» на его книгу «Что такое марксизм (философские и социологиче-

ские основания)» была опубликована острая и едкая рецензия заместителя заведующего отдела печати ЦК КП(б)Б В. А. Сербенты. Из ее названия («О весьма неудачной и совершенно неполезной книжке по марксизму») и содержания выходило, что профессор Каценбоген несведущ во многих вопросах философии, его трактовка марксизма является ошибочной и извращенной. При этом подобная оценка исключалась другой рецензией на эту же работу, подготовленной авторитетным специалистом – профессором кафедры философии факультета общественных наук Московского университета – Л. И. Аксельрод, которую хорошо знали в партийном и научном сообществе под псевдонимом Ортодокс. Вот что пишет Улащик: «Утром, когда слухи о рецензии разошлись по Университету, все, кто мог, ринулись к газетчикам, чтобы купить газету. Рецензию читали, как гениальную поэму. Читали, млея от радости. Такие счастливые дни приходят редко. После кому-то пришла в голову мысль, что вот мы читаем, а Соломон Захарович, может, ничего не знает – следует сообщить и ему. Предложение принимается. Рецензию вырезали, положили в конверт и толкнули в почтовый ящик, другому захотелось сделать тоже самое, и скоро целая толпа студентов вырезала рецензии, клали в конверты и писали адрес – Каценбогену. Писем натолкали целый ящик. Звонили друг другу по телефону, передавали на улице и со всех концов города Каценбогену сыпанули еще писем. Под конец нагло слали уже письма без марок – пусть сам выкупает, он богаче за своих студентов. Слава Каценбогена исчезла в один день. Он оставался заместителем ректора, был профессором, как и раньше, но на него уже смотрели как на живого мертвеца, дело которого окончено. Учить социологию кинули, сдавать почти не ходили».

Эту издевку со стороны студентов нельзя сбрасывать со счетов при выяснении мотивов ухода Соломона Захаровича из БГУ. Будучи мудрым и опытным человеком, он расценил данную рецензию как сигнал к началу процесса «вымывания» его заслуг и авторитета, а также очернения его личности в глазах государственных и партийных инстанций. И, что самое ужасное, – санкция на это была получена с согласия в верхах республики. Несмотря на такие его волевые черты характера, как прямолинейность и отсутствие боязни высказывать свое собственное мнение, в постоянно дрейфующих идеологических течениях второй половины 1920-х гг. они делали его фигуру уязвимой. К слову, нужно отметить, что рецензия В. А. Сербенты не осталась без реакции Соломона Захаровича: 13 октября 1925 г. в «Звяздзе» он опубликовал статью «Литературная хлестаковщина», где по пунктам четко и грамотно ответил на все замечания и выпады «развязного литературного Хлестакова». В качестве третейского судьи

развернувшихся «баталий» на страницах печати выступила редакция газеты «Звязда», которая подвела им итог: «Оставляя в стороне критику теоретических построений и выкладок проф. Каценбогена (это – дело критики специальных изданий), все же редакция считает, что книга проф. К-на непопулярна, страдает излишней ученостью и не может служить полезным руководством для студентов».

В сложившейся ситуации предложение Ходоровского для С. З. Каценбогена могло открыть новую, не замаранную страницу биографии. После удовлетворения заявления профессора уже на следующий день он сделал доклад в Научном обществе БГУ на тему «Марксистская диалектика и механистическое мировоззрение». По окончанию его выступления решением участников Соломон Захарович был избран почетным другом Научного общества и Инбелкульта. В знак уважения и признательности деятельности ученого редакционная коллегия журнала «Працы БДУ» в 1926 г. опубликовала этот доклад. На вокзале коллеги по работе устроили пышные проводы.

С отъездом Соломона Захаровича из Минска социология «в чистом виде» как предмет стала менее востребованной. Читать подобные курсы желающих не находилось: и в силу неподготовленности, и из-за боязни исказить сущностные характеристики уже столь отчетливо наметившегося «крутого перелома». К тому же курс и соответствующий проект «марксистской социологии» С. З. Каценбогена носил в себе яркие черты индивидуально-авторского характера и выступал в качестве уникальной разработки белорусской марксистской философии 1920-х гг., придавая ей определенную исключительность в общесоветском масштабе. Однако в 1929 г. в Институте философии Коммунистической академии был сделан категорический вывод, что социология – это лженаука, выдуманная французским реакционером Огюстом Контом, и само слово «социология» не должно использоваться в марксистской литературе. Социология надолго попала в опалу и наряду с генетикой и кибернетикой признавалась в качестве буржуазной лженауки. Возрождение белорусской республиканской и университетской социологии пришлось лишь на 1960-е гг.

Новое место работы С. З. Каценбогена оказалось не в Москве, а в Саратове: ему предложили пост декана только что образованного факультета права и хозяйства и заведующего кафедрой диалектического материализма. 12 декабря 1925 г. Соломон Захарович был утвержден профессором по курсу исторического материализма, и почти сразу прочел на ученом совете Саратовского государственного университета (СГУ) первую пространную лекцию «Марксизм и социология», как обозрение курса «Диа-

мат», предложенного для преподавания студентам всех факультетов университета. В университете он читал также курсы «Основные этапы истории материализма, идеалистической философии и социологии», «Основания марксистской социологии», «Основные элементы генетической социологии». Будущий доцент кафедры истории средних веков Саратовского университета, а в 1920-е гг. – студент этого вуза, В. А. Ермолаев вспоминал, что Соломон Захарович достаточно хорошо читал лекции, «имел хорошо подвешенный язык, большое честолюбие…», «среди университетских партийцев он был авторитетной фигурой». Саратовский исследователь В. И. Семенов отмечал, что лекции Каценбогена никого не оставляли равнодушным, а когда лектор увлекательно излагал быт пещерного человека, описывал следы материальной культуры, проблески духовной жизни и интеллекта, в зале царила тишина напряженного внимания, сменявшаяся потом возгласами одобрения и аплодисментами.

В Саратове С. З. Каценбоген был вскоре избран председателем научного Общества воинствующих материалистов и состоял председателем Ассоциации научно-исследовательских учреждений и организаций Нижневолжского края, для которой разработал положение о работе. Прослыл активным на общественном поприще: являлся депутатом городского Совета рабочих и красноармейских депутатов нескольких созывов. В 1930 г. Соломона Захаровича утвердили действительным членом Нижневолжского института краеведения имени М. Горького при университете. На одном из заседаний института он и выступил с докладом «Социология первобытного искусства». С. З. Каценбоген состоял председателем философской секции Нижневолжского института марксизма-ленинизма, членом секции культурной революции. Он также являлся заместителем директора института по научно-исследовательской части.

Молодого, но опытного и энергичного профессора сразу же заметили. В 1928 г., когда встал вопрос о новом ректоре, кандидатура Каценбогена, который к тому времени уже являлся заместителем ректора С. Р. Миротворцева, была одной из первых. И уже 1 апреля 1928 г. Соломона Захаровича назначили ректором Саратовского государственного университета. На этом посту в отличие от своих ближайших приемников он пробыл довольно долго – до 4 июня 1932 г.

В годы работы в Саратове С. З. Каценбоген не забывал о Беларуси, о Минске, о БГУ. Так, в связи с празднованием пятилетнего юбилея Белорусского государственного университета профессор направил поздравление с пожеланиями дальнейшего укрепления и процветания флагмана белорусского образования и науки. В 1929 г. по инициативе ректора

С. З. Каценбогена студенты факультета права и хозяйства СГУ вызвали на соревнование своих коллег из БГУ.

В первом томе «История Саратовского университета» (2009) сообщается следующее: «Четыре года, в течение которых С. З. Каценбоген был первоначально ректором, а затем директором СГУ, – один из самых тяжелых периодов в истории нашего университета. Это была не вина ректора-директора, а его беда». Дело в том, что время его руководства университетом совпало с периодом существенной трансформации, охватившей систему высшего образования в целом по стране. 23 июля 1930 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов», которое узаконило реорганизацию факультетов университетов в самостоятельные вузы и изъятие гуманитарных факультетов. В течение только лишь одного года (1930/31) Саратовский университет потерял ряд своих ключевых структурных подразделений (кооперативное отделение экономического факультета преобразовано в Институт потребительской кооперации; медицинский факультет, факультет советского строительства и права выделены в самостоятельные институты). Подобные разрушительные тенденции были характерны и для БГУ. Видя как происходит децентрализация университета, Соломон Захарович в знак протеста подал заявление об уходе со своего высокого поста. Одним из последних его действий на посту директора явилось инспекторское обследование Казанского государственного университета имени В. И. Ленина, результаты которого получили высокую оценку Наркомпроса РСФСР.

Новым местом работы С. З. Каценбогена стал Ленинградский педагогический институт имени А. И. Герцена, где с июля 1932 г. по март 1935 г. Соломон Захарович являлся директором. Практически сразу он возглавил Общество педагогов-марксистов, располагавшееся по адресу Мойка, 48. На новом месте директор быстро себя зарекомендовал как опытный управленец в вопросах организации высшей школы. В мае 1933 г. при его активном участии была организована конференция по научно-исследовательской работе аспирантов, на которой С. З. Каценбоген сделал доклад «Методология научного исследования». О деятельности на этом высоком посту можно узнать не только на основании его обзорно-отчетных публикаций в журналах «Коммунистическое просвещение» и «Педагогическое образование», но и из автобиографии, в которой отмечал, что за свою деятельность на должности директора «от Всесоюзного комитета по соревнованию ВУЗов при ЦК ВЛКСМ дважды получал почетные грамоты в 1933 и [19]34-м годах», а в 1935 г. «получил звание мастера педпрофес-

сии в результате специальной проверки преподавания в Вузах Ленинграда». Как и в Саратове, С. З. Каценбоген продолжал читать курсы по философии, всячески вовлекая в эту область знаний студентов и аспирантов. Бывшая аспирант Ленинградского научно-исследовательского института языкознания Академии наук в Ленинграде М. А. Полторацкая вспоминала, что «на марксистскую философию приходилось тратить так много времени, что научная специальность оставалась в загоне. Из-за этого в Химическом институте вспыхнул “бунт”. К проф. Каценбогену обратились профессора-химики (Верховский, Крестинская и др.) с протестом, что им приходится закрывать лаборатории, так как их аспиранты корпят не над колбами, а над Спинозами. Но, конечно, этот протест был быстро подавлен спецотделом». Несмотря на это, аспиранты очень ценили профессионализм С. З. Каценбогена, поскольку он всегда старался идти навстречу своим молодым коллегам. Каждому аспиранту он выбирал философскую тему, непосредственно связанную с их научной специальностью.

Однако динамичная деятельность 45-летнего профессора в скором времени стала давать сбои. После убийства С. М. Кирова в декабре 1934 г. Соломон Захарович попал в водоворот «Кировского потока» – репрессий и политических арестов в Ленинграде. В статье «За большевистскую бдительность!» журнала «Под знаменем марксизма» в его адрес была высказана неаргументированная фраза. Анонимный автор назвал его «двурушником и бывшим троцкистом». В опровержительном письме Соломон Захарович написал следующее: «…Эта позорящая меня как коммуниста фраза абсолютно не соответствует действительности. Из решения партколлегии КПК при ЦК ВКП(б) по моему делу очевидно, что я никогда ни в каких антипартийных группировках не состоял. В своей партийной, педагогической и литературной работе я всегда боролся с контрреволюционным троцкизмом и правым оппортунизмом, за генеральную линию партии. Моя работа как директора ленинградского пединститута им. Герцена положительно оценена специальной комиссией, назначенной тов. Бубновым А. С., и детально изучившей состояние пединститута им. Герцена». Несмотря на это, 23 марта 1935 г. парторганизация Ленинградского пединститута исключила С. З. Каценбогена из партии «за троцкистские взгляды в 1923 г., и защиту Троцкого и скрытие этих фактов на чистках в 1929 и 1933 гг.». Далее ситуация только усугублялась: через неделю Смольнинским РК ВКП(б) г. Ленинграда С. З. Каценбогена восстановили, но объявили строгий выговор с предупреждением за отсутствие критики своих прошлых ошибок и карьеризм, с запрещением в течение двух лет занимать ответственные руководящие посты.

Нужно подчеркнуть, что многие личные и профессиональные качества С. З. Каценбогена, а также его бундовское прошлое, во второй половине 1930-х гг. делали его фигуру очень уязвимой. Люди видные и активные становились удобной мишенью для завистников и недоброжелателей. И снова, как десять лет назад, появилось чувство тревоги и страха, которое толкало не только к изменению места работы, но и проживания.

В 1935 г. С. З. Каценбоген переехал в Свердловск, где на непродолжительное время стал сначала проректором, а затем и директором педагогического института. Однако и здесь он не мог спокойно работать и заниматься наукой, постоянно ощущая наблюдение злопыхателей, конкурентов и завистников за поступками, контроль чуть ли не за каждым высказанным словом. Из его минского периода в биографии стали вытягивать на поверхность отдельные сюжеты: вспомнили статью 1923 г. в газете «Звязда» под названием «Самоочищение, а не самоубийство» и его выступление на партсобрании Ляховского района Минска, где он резко высказался о внутрипартийной демократии («нас заставляют молчать, ставя в положение голосующей скотинки», «может создаться впечатление, что у нас не внутрипартийная демократия, а диктатура»), из управления НКВД по Свердловской области была получена информация, что во время научной командировки в Германию в 1925 г. С. З. Каценбоген имел письменную связь с родственниками жены, которые жили за границей и т. д.

В марте 1936 г. Ленинский РК ВКП(б) г. Свердловска исключил Соломона Захаровича из партии, затем в ноябре того же года свердловский горком восстановил в партийных рядах. Ровно через год С. З. Каценбоген снова был исключен из партии с формулировкой «за двурушничество». В реалиях советской системы это было равносильно политической смерти. Подобный остракизм был невыносим, поскольку вокруг человека сразу образовывался вакуум. По месту работы его понизили в должности, что отразилось на материальном положении. В сложившихся обстоятельствах в 1939 г. он вынужден был продать историческому факультету Свердловского университета свою библиотеку (более 2 тысяч книг).

В личном партийном деле С. З. Каценбогена подшито большое количество писем, адресованных в различные инстанции с просьбой посодействовать решению вопроса о восстановлении в рядах ВКП(б). Доведенный до отчаяния, он в 1939 г. решился написать аналогичное письмо И. В. Сталину. Результатом переписки, неоднократных поездок в Москву, собраний и совещаний на местах, подорвавших здоровье С. З. Каценбогена, стало его восстановление в мае 1940 г. в рядах партии.

За год до этого Соломон Захарович стал преподавать в Уральском государственном педагогическом университете, где в 1943 г. организовал кафедру философии и стал ее заведующим, а в декабре 1944 г. – философский кружок. В университете он удостоился быть одним из первых научных руководителей открывшейся аспирантуры. 20 ноября 1945 г. в соответствии с приказом народного комиссара просвещения СССР В. П. Потемкина ему было присвоено почетное звание «Отличник народного просвещения», а 27 ноября вручена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Впечатления о его преподавании в Уральском университете сохранились в записных книжках одной из студенток университета: «…читал курс истории философии, диалектического и исторического материализма, мы сдавали два экзамена по этому курсу. Мне кажется, что историю философии он любил читать больше. Лекции его мы тоже любили, т. к. они были весьма насыщены сведениями о философии и философах. У С. З. Каценбогена была несколько приподнятая, торжественная речь, весьма витиеватый, необычный язык, что тоже импонировало. Но его эрудиция и большие знания меня, например, несколько подавляли, он, мне казалось, стоял как бы над аудиторией». В университете круг научных интересов профессора был расширен изучением биографии и творчества извесного философа XVII в. Баруха Спинозы. В газете «Сталинец» от 18 мая 1945 г. сообщалось, что в ближайшее время должна была выйти часть его большой работы «Б. Спиноза – жизнь и творчество», однако обнаружить ее текст до настоящего времени не удалось.

В мае 1945 г. после очередной неудавшейся попытки навесить на профессора ярлык троцкиста Соломон Захарович тяжело заболел. Изрядно подорвал здоровье свердловский сырой климат. Профессор вынашивал планы перевода на новое место работы в более южные и комфортные для него районы СССР, однако так и не смог этого добиться. Через год с небольшим (1 сентября 1946 г.) в возрасте 57 лет незаурядный ученый и педагог скончался от кровоизлияния в мозг. Траурные мероприятия проходили в стенах Уральского университета. Похоронили профессора на старом еврейском кладбище в Свердловске. Позже, в связи с тем, что на этом кладбище захоронения не проводились свыше 25-ти лет, было принято решение на его месте разбить парк (совр. парк имени В. К. Блюхера). Таким образом, могила С. З. Каценбогена не сохранилась, о ней только напоминает оставшаяся у внуков табличка с памятника деда. Ненамного пережила мужа Надежда Зиновьевна. 21 ноября 1949 г. в возрасте 54 лет она умерла от хронической пневмонии и была похоронена на еврейском кладбище Ленинграда.

Более благосклонна была судьба к детям Соломона Захаровича. Сын Михаил до начала Великой Отечественной войны окончил Уральский университет. Прошел всю войну, был награжден орденами и медалями. После войны служил 28 лет в военно-морском флоте. В отставку вышел в звании капитана 1-го ранга. Его опыт и знания в области радиолокации и технике систем противовоздушной обороны (системе наведения управляемых ракет) позволили ему преподавать в Военно-морской академии имени Н. Г. Кузнецова Ленинграда и ряде политехнических институтов, вести засекреченные научные исследования. В 1960–80-е гг. опубликовал ряд монографий и учебных пособий. Дочь Эсфирь окончила филологический факультет. Преподавала в школе, затем работала в Научно-техническом обществе Свердловска, отвечала за организацию и проведение совещаний в Свердловском домостроительном комбинате.

Подводя итог биографии ученого, педагога и руководителя ряда высших учебных заведений БССР и РСФСР, хочется сказать, что Соломон Захарович Каценбоген – личность неординарная во всех отношениях. Интеллектуал своего времени, он оставил значительный и оригинальный след в развитии социогуманитарных наук первой половины XX в. Результаты его административной и научной деятельности имели и продолжают иметь высокий индекс научного цитирования. Все, к чему был причастен ученый, актуально и сегодня. В Белорусском государственном университете успешно работает кафедра социологии, в Академии наук – Институт социологии. На многих специальностях в университетах Беларуси студентам читаются общие и специальные курсы, в которых современные преподаватели и профессора непременно упоминают Каценбогена, когда излагают истоки социологической мысли в республике.

А. Н. Максимчик

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА С. З. КАЦЕНБОГЕНА

Заверенная нотариусом копия свидетельства, составленного на основании выписки из метрической книги о дате рождения С. З. Каценбогина, представленного для поступления в Петроградский психоневрологический институт

г. Петроград. 28 декабря 1915 г.

Дано сие мною минским раввином минскому мещ. Зусману Зысель Каценбогину в том, что в метрической книге о родившихся евреях по г. Минску за 1889 год под № 282 имеется запись следующего содержания: тысяча восемьсот восемьдесят девятого года десятого мая у минского мещанина Зусмана Шимонова Каценбогина от его законной жены Гинды Нисановны родился в г. Минске сын, коему семнадцатого того же мая при совершении над ним обряда обрезания по Моисееву закону дано имя «Соломон».

В уверение сего подписью и приложенеим казенной печати удостоверяю.

г. Минск. Ноября 29 дня 1898 года.

Минский раввин.

Минская городская управа, согласно постановления своего, состоявшегося сего числа, подписями и приложением печати свидетельствует, что по метрической книге, хранящейся в городской управе, о родившихся евреях по гор. Минску за 1889 год под № 282 имеется запись о рождении десятого мая у минского мещанина Зусмана Шимонова Каценбогина и жены его Гинды Нисановны сына Соломона. Декабря 3 дня 1898 года.

Член управы

Секретарь

Столоначальник

ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 4143. Л. 8–8 об. Рукопись, копия.

Диплом № 1219 об окончании С. З. Каценбогиным экономического отделения Киевского коммерческого института

г. Киев. 11 марта 1917 г.

Дан сей диплом **Каценбогину*** **Соломону Зусьмановичу-Зыселевичу**, сыну мещанина, вероисповедания иудейского, прослушавшему полный курс наук в **Киевском коммерческом инсититуте по ЭКОНОМИЧЕСКОМУ отделению**, в том, что он, **Каценбогин**, подвергался курсовым испытаниям по нижеследующим предметам: **по группе экономических наук**: по теории политической экономии – **пять**, по истории политической экономии – **пять**, по истории хозяйственного строя Западной Европы – **пять**, по истории хозяйственного строя России – **пять**. По статистике – **пять**. **По группе юридических наук**: по энциклопедии права – **пять**, по истории русского государственного права – **три**, по русскому государственному праву – **четыре**, по общему учению о государстве – **пять**, по гражданскому праву – **пять**, по финансовому праву – **пять**, по гражданскому процессу – **пять**, по международному праву (общий курс) – **четыре**, по международному праву (специальный курс) – **четыре**, по административному праву – **пять**. **По описательному товароведению – четыре.**

По новой всеобщей истории, новой русской истории и коммерческой арифметике – подвергался коллоквиуму. По теории политической экономии, экономической политике, финансовому праву, статистике, гражданскому и торговому праву – выполнил практические занятия. **По новым языкам**: по французскому – читает и переводит отлично, по немецкому – читает и переводит очень хорошо, говорит очень хорошо.

На основании **Высочайше** утвержденного в 3 день июня 1912 г. Положения о Киевском коммерческом институте и правил, утвержденных господином министром торговли и промышленности 16 мая 1913 г. он, **Каценбогин**, подвергался в апреле и мае месяцах 1914 года окончательным испытаниям в **Испытательной комиссии** по: экономической политике – **пять**, экономической географии – **пять**, торговому праву – **пять**, счетоведению (общему) – **четыре**, городскому и земскому делу с оценочной статистикой – **пять**.

По сему на основании ст. 27 **Высочайше** утвержденного в 3 день июня месяца 1912 г. Закона об установлении Положения о Киевском коммерческом институте г. **Каценбогин** определением **Испытательной комиссии** при экономическом отделении 27 мая 1914 года, состоявшимся и одобренным Учебным комитетом института 15 апреля 1915 года, **удостоен звания кандидата экономических наук второго разряда**.

*Выделено в оригинале.

На основании **Высочайшего** соизволения, последовавшего 29 июня 1914 г. лицам, окончившим курс наук в Киевском коммерческом институте представляются права на чинопроизводство: окончившим со званием кандидата экономических наук по первому разряду – чин X класса и по второму – чин XII класса при поступлении на государственную службу.

Указанными правами пользуются лица, окончившие курс Киевского коммерческого института при действии **Высочайше** утвержденного 3 июня 1912 г. положения о Киевском коммерческом институте. (Сообщение Учебного отдела министерства торговли и промышленности от 15 июля 1914 г. за № 1783 на имя и. о. директора Киевского коммерческого института.)

В удостоверение сего и дан сей диплом г. **Каценбогину** за надлежащими подписями и приложением печати Киевского коммерческого института.

И. о. директора Киевского коммерческого института, профессор

Председатель Испытательной комиссии,

Декан экономического отделения, профессор

Правитель дел

Личный архив внука С. З. Каценбогена Г. Е. Вершкайна. Машинопись, автограф.

Прошение С. З. Каценбогина на имя председателя учебного комитета Психоневрологического института с просьбой зачислить на юридический факультет института

г. Петроград. Декабрь 1915 г.

Кандидата экономических наук
Соломона Зусмановича Каценбогина,
жительствующего в гор. Москве,
по Б. Серпуховской ул. д. № 38 кв. № 5
у г-на Е. З. Шапиро.

Прошение.

Имея свидетельство об окончании мною экономического отделения Киевского коммерческого института, честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о зачислении меня в число студентов 7-го семестра юридического факультета: 1) временное свидетельство об окончании мною экономического отделения Киевского коммерческого института, 2) метрическое свидетельство о рождении, 3) свидетельство о выполнении воинской повинности для увольняемых с действительной военной службы и 4) 4 фотограф. карточки и копии с означенных документов.

Кандидат экономических наук С. З. Каценбогин.

ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 4143. Л. 4. Рукопись.

Извещение Бобруйского городского головы на имя С. З. Каценбогина об избрании его гласным городской думы г. Бобруйска

г. Бобруйск. 30 июля 1917 г.

Милостивый государь!
Соломон Зусманович

Сим извещая Вас, что Вы избраны в гласные Бобруйской городской думы на срок 1917–1918 гг., прошу пожаловать в помещение театра Рабкина* Депо на первое заседание городской думы, имеющее быть 1 августа в 8 час. вечера.

Городской голова Клименко.

Личный архив внука С. З. Каценбогена Г. Е. Вершкайна. Машинопись, автограф.

Докладная записка наркома социального обеспечения ССРБ С. З. Каценбогена в Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР о помощи населению республики, пострадавшему от погромов за апрель-май 1921 г.

г. Минск. 29 мая 1921 г.

Бандитизм в Белоруссии принимает все большие и большие размеры. Раньше он имел место в некоторых волостях отдельных уездов Белоруссии, теперь вся Белоруссия охвачена бандитизмом. В наиболее сильных формах он проявляется в Бобруйском, Слуцком и Игуменском уездах. Вырезываются целые семьи, живущие по деревням. Случайно остающиеся в живых члены этих семейств направляются в близлежащие местечки, в надежде найти там притон, или же направляются в уездные города.

Однако местечки не служат гарантированными убежищами для них. За последние две недели произошел целый ряд погромов и сожжены целые местечки. Эти погромы сопровождаются убийствами, зверствами и т. д. Погром в м. Шацке Игуменовского уезда: погромленных сто семейств. Погромлено и сожжено м. Ителъ (Селиба): убито 4 чел., до 400 чел. (75 семейств) остались без крова и одежды и направились в г. Бобруйск; погромы в целом ряде местечек Слуцкого уезда и, наконец, дикий и зверский погром в м. Любань, происшедший 26 мая сего года. Убитых и раненых 120 чел., подробности еще не выяснены и т. д. Участились пожары деревень, в начале мая сгорели рабочие кварталы г. Борисова.

Наши материальные ресурсы исчерпаны. Отчет об израсходовании полученных нами вещей послан своевременно Вам. Сейчас у нас на базе имеется всего до 1000 аршин бельевой материи. Тяжелое положение про-

*Зачеркнуто в оригинале.

дов[ольственное], переживаемое сейчас республикой, не даст возможности хоть в минимальном размере оказывать помощь продуктами погромленному населению. Открытие питательных пунктов и столовых в местах скопления пострадавших – дело очень трудное. Для оказания первой срочности помощи м. Любани нам [ничего] не было отпущено за неимением продовольственных продуктов, а просили мы всего 100 пудов муки.

Целый ряд других организационных моментов часто сильно тормозит своевременную, хотя бы минимальную, помощь погромленным. Слуцкий район не может быть обслужен из-за отсутствия передвижных средств, обывательские подводы использовать трудно – необходимо выезжать в пункт и селения, отстоящие до 50 верст от Слуцка, железной дороги нет. Сформированные нами еще в середине апреля с. г. питательные отряды для Слуцкого района не могут в силу этих обстоятельств развернуть свою работу.

Полученные нами два вагона для отрядов недостаточны. Необходимо минимум еще 3, из них один классный. Для оборудования небольшой передвижной больнички необходимо продлить право пользования уже предоставленным из Москвы НКПС еще [на] месяц. Необходимо организовать хотя бы 2 лет[учих] врач[ебных] пит[ательных] отряда. Для этого необходимы автомобили, легкие и грузовые. Считаем необходимым указать, что дело помощи должно быть сконцентрировано в местных комиссариатах. Нами был уполномочен зав[едующий] сек[цией] эпид[емических] отрядов Наркомздрава РСФСР по оказанию помощи погромленным в Мозырском районе т. Верник. Ему были нами предоставлены широкие полномочия. Чем руководствовался НКСО, дав т. Вернику полномочия от НКСО РСФСР?

При таком положении вещей мы лишены возможности правильно организовать дело помощи, такие организационные формы являются нецелесообразными в деле помощи, происходит неправильное распределение работников, отпускаемых вещей и т. д.

Наркомсобесбел просит в срочном порядке исходатайствовать перед соответствующими центральными учреждениями вагоны, 5 грузовых и 2 легких автомобиля; отпустить нам материал для верхней одежды и нижнего белья до 100 тыс. аршин, оборудование детских домов, инвалидных домов, убежищ, патронатов и т. д.

Подробный исчерпывающий доклад о нашей деятельности в области оказания помощи на днях будет выслан почтой.

ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 24. Д. 4. Л. 10. Заверенная копия. Опубл.: Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2007. С. 687–688.

Прощальный адрес от сотрудников Народного комиссариата социального обеспечения ССРБ С. З. Каценбогину в связи с его переводом в Народный комиссариат просвещения ССРБ

г. Минск. 11 июня 1921 г.

Народному комиссару социального обеспечения Белоруссии
С. З. Каценбогину.
Многоуважаемый Соломон Захарьевич.

Высшие Советские органы нашли необходимым отозвать Вас с работы в Наркомсобесбеле и вручить Вам судьбы Народного комиссариата просвещения, чтобы использовать Ваши научные познания и ценный административный опыт на поприще родной Вам по духу школы.

Прощаясь с Вами, Соломон Захарьевич, Комслуж объединяя чувства всех Ваших сотрудников, хочет высказать Вам некоторые мысли.

В трудное время пришлось Вам, Соломон Захарьевич, принять на себя организацию комиссариата социального обеспечения в июле п/г., когда Советская власть вступила в разоренную неоднократными и продолжительными оккупациями Белоруссии.

Много сил потратили Вы тогда на приобретение необходимых Вам помощников и создание аппарата Учреждения. Преодолевая, однако, все организационные затруднения, Вы с полным сознанием важности стоящих перед Нарком СОБ задач, со свойственной Вам энергией, отдались их завершению.

Широки, многогранны и сложны были эти задачи.

Много инициативы, знаний и настойчивости потребовали они от Вас при их осуществлении.

Ваше ясное и широкое понимание людей и жизни были тем фундаментом, на котором Вы и Ваши ближайшие помощники строили эту работу.

Ваши отношения к многочисленным просителям носили всегда ровные и объективные формы. Нужда Ваших сотрудников постоянно находила в Вас живой отклик.

И все это способствовало тому, что Вы внушили доверие и авторитет к своей деятельности, глубокое уважение к своей личности.

Уходя из Наркомсобесбела, Вы, Соломон Захарьевич, оставляете в среде Ваших сотрудников наилучшие воспоминания о времени совместной с Вами работы.

Пусть наши чувства к Вам найдут свое конкретное выражение в нашем общем сердечном пожелании долгих и прочных успехов на Вашем новом ответственном посту.

Личный архив внука С. З. Каценбогена Г. Е. Вершкайна. Машинопись.

Приказ № 23 по Народному комиссариату просвещения ССРБ о назначении С. З. Каценбогина на должность заместителя наркомата

г. Минск. 16 июня 1921 г.

Всем Главкам, Отделам, П/отделам и секциям. Согласно постановления Президиума ЦИК ССРБ от 10 июня с/г. сего числа выступил в исполнение обязанностей Зам. Наркомпроса и Завед. Административно-организационным центром по всем делам входящим в компетенцию Административно-Организационного Центра обращаться исключительно ко мне.

Зам. Наркомпросбел. С. З. Каценбогин.

НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 91. л. 106. Машинопись. Автограф.

Доклад заместителя Наркомпроса ССРБ С. З. Каценбогина о состоянии и проблемах БГУ на заседании СНК Белоруссии в рамках обсуждения вопроса о деятельности и плане работы Наркомпроса ССРБ

г. Минск. 25 августа 1922 г.

Я полагаю, что большинство присутствующих товарищей знакомо с историей университета за истекший период по отчетам, которые были опубликованы в «Трудах Университета». Я должен только сказать, что наш Университет за этот период времени успел завоевать себе довольно прочное место и реноме. Не буду подкреплять это рекламными словами, укажу только на следующее обстоятельство: в довольно далекой от нас Украине выходит научный журнал, так называемый «Наука об Украине». И там имеется специальная заметка, которая посвящена указанию о Белорусском Университете, и оттуда шлется привет «новому собрату по распространению знаний, после долгого периода времени, имевшего возможность укрепиться на территории Белоруссии». Там же подчеркиваются большие научные труды Университета и полагают, что в дальнейшем почва будет благоприятствовать для развития работ Университета.

До сих пор в Университете существовало три факультета: рабочий факультет, факультет общественных наук и медицинский факультет. Рабочий факультет насчитывал в своем составе 264 человека, сплошь рабочие и крестьяне. В настоящее время мы, оценивая работу Рабфака, полагаем влить туда свежую струю, которая составит основное ядро этого факультета, ибо должен сказать, что на рабочем факультете пока имеется недостаточный кадр коммунистических преподавателей. В настоящее время мы этот кадр подготовили, собрали и вливаем теперь в Рабфак. Это вообще освежит рабочий факультет. Достаточно сказать, что тов. Игнатовский сделался Председателем Студкома этого факультета. В этот факультет наблюдается боль-

шая тяга как непосредственное преддверие в высшую школу. Между тем, нужно сказать, что мы не имеем возможность открывать общежитие. Комхоз идет нам навстречу, но он говорит, что он не может нам этого сделать и таким образом приезжающие сюда попадают в тяжелое положение.

Следующий факультет это ФОН. Вообще, весь учебный план, который был намечен в этом году, выполнен полностью и на рабочем факультете и на Фоне, и на медфаке, за исключением двух дисциплин, которые не были пройдены, это на Фоне статистика и на медфаке физика. Вначале физику читал профессор Андреев, но потом он принужден был переехать в Москву и серия его лекций не была закончена. Фон делится на отделения: социально-историческое, этнолого-лингвистическое, социальное и правовое. Этнолого-лингвистическое делится на секции: белорусскую, русскую, еврейскую и польскую. Это единственные секции во всей России. В других университетах этих национальных секций не имеется. Преподавание на этих секциях велось недостаточно полное, благодаря отсутствию преподавателей. По имеющимся у нас теперь фактическим данным, преподавание теперь на этих секциях будет поставлено более образцово. Для этого сюда приезжают крупные силы. На Белорусскую секцию приезжает такая сила, как академик Карский, от которого мы имеем письменное сообщение, что он приезжает сюда, затем приезжает профессор Любавский, потом приезжает профессор Канчер, который будет читать у нас экономическую географию. По данным, которые у нас имеются, по трудам своим профессор Канчер в нашей бедной Белоруссии является весьма ценным работником. Для еврейской секции приезжают такие крупные работники, как Лозинский и Маркон. Во главе этой секции будет стоять профессор Никольский. Для польской секции приезжают сюда такие известные силы, как Мархлевский и Бабинский. В настоящее время открывается педагогический факультет. Вообще нужно указать, что существование Университета за этот период дает себя чувствовать и в периферии. Заметно уже, что в уездах и волостях, по сведениям которые к нам поступают, подтягивается и учительский персонал и ученики. Учителя начинают уже думать о том, что надо мол как-нибудь подзаняться, чтобы подогнать; ученики тоже подтягиваются для того, чтобы попасть в высшую школу и таким образом влияние Белорусского Университета сказывается и на периферии. Сказывается это влияние еще и тем, что за последнее время профессора довольно часто выезжают на места, читают лекции. Так это было в Борисове, Бобруйске и т. д. Следовательно, определенная связь между Белорусским Университетом и периферией имеется. К настоящему учебному году открывается второй и третий курс медфака, и второй курс Фона. До сих пор у нас в Университете числилось 75 профессоров и преподавателей и 68 человек административно-техниче-

ского персонала. Это количество профессоров и преподавателей делится следующим образом: 16 человек профессоров, 40 преподавателей, из них 26 на Рабфаке, 10 человек ассистентов и 9 лекторов. Теперь, в связи с расширением Университета, увеличивается это число до 134-х профессоров и преподавателей и 91 ассистента, при чем по факультетам эта цифра делится следующим образом: на Медфаке – 22 профессора и преподавателя и 45 ассистентов, на Педагогическом факультет – 57 профессоров и преподавателей и 28 ассистентов, на Фоне 29 профессоров и преподавателей и 18 ассистентов, на Рабфаке 26 преподавателей. На Фоне перед нами стала задача укомплектовать достаточный кадр квалифицированных марксистских сил и в этом отношении нам удалось достигнуть чрезвычайно многого. Не по предположительным данным, а по фактическим сведениям могу указать, что к нам приезжают такие крупные преподаватели, как Аксельрод, Адарацкий, Пиантковский, Бабинский, Мархлевский и другие. Все это крупные марксистские силы. Помимо этого мы получаем целый ряд крупных ученых сил не марксистского направления. Таковы например известный криминалист Мокринский, известный знаток по истории литературы и словесности Замотин, известный юрист Бинавер.

Что касается медицинского факультета, то здесь было трудно оборудование и организация основных дисциплин на втором и третьем курсе и организация необходимых лабораторий, кабинетов и клиник. В этой области Президиум ЦИК пошел широко нам навстречу и, благодаря этому, если не полностью, то в известной степени удалось справиться с этой чрезвычайной тяжелой задачей на рубеже второго года существования Университета и фактически мы имеем возможность организовать второй и третий курс Медфака. Конкретно теперь анатомия, аналитическая химия и другие дисциплины устроены окончательно. По химии аналитической читать будет лекции профессор Беркенгейм. По химии органической – Усов, химии бактериологической – Бестужев, физиологии – профессор Розанов, гистологии – Виттенер, фармации – Найдус, физике – профессор Сиротин. Все это лица не те, которых мы только приглашали суда, а также, которые уже дали свое согласие на приезд, некоторые уже приехали. Приехал, между прочим, профессор Сиротин – ректор Костромского Университета, который обещал свой предмет физический взять к нам. Затем по анатомии патологической читает Винтелер, по фармакологии – Бестужев, бактериологии и общей патологии – Изобалинский, по общей хирургии и клинике – профессор Соколовский, он же декан Медфака, по диагностике внутренних болезней с клиникой – Мелких, по частной патологии и терапии тоже Мелких. Кроме того для обслуживания третьего курса создана терапевтическая клиника (бывшая еврейская больница). Устроить эту клинику мы имели

возможность, благодаря тому, что в Горисполком пошел широко нам навстречу. Наркомздрав для ремонта ассигновал нам два с половиной миллиарда, АРА дает нам необходимые хирургические инструменты и белье. Так что в области клиники, не скажу, что все обстоит уже благополучно, но в большей степени уже все сделано. Затем вопрос относительно укомплектования научных сил и лабораторий также решен в положительном смысле. Затем должен указать также, что библиотека значительно подтянулась. У нас было до ста тысяч томов, в настоящее время библиотека усилилась такими основными библиотеками, как библиотеки Карского и Тихомирова. Затем мы получаем из Москвы, благодаря содействию Государственного Ученого Совета все ныне выходящие на территории РСФСР издания, и таким образом удалось уже получить до 5 тысяч книг, вышедших на территории РСФСР и представляющих крупный интерес. Больше того: нам удалось установить живую связь с заграницей, которой не имело большинство высших учебных заведений. Мы связались с Лейпцигской книжной фирмой «Кюмель» и эта фирма присылает нам много очень редких изданий, как например известный «архив по рабочему движению» Гринберга, затем издание Германской социал-демократии «Neue Zeit» (Новое время) и целый ряд других книг, так что это дает возможность вести нормальные занятия в нашем Университете. Для оборудования своих клиник и аудиторий мы полагаем получить средства из нескольких источников. Основной источник – это Россия, мы уже получили из Москвы 14 микроскопов, и при нашей бедности 14 микроскопов представляют собой довольно значительную ценность. От ЦИКа Белоруссии мы получили 40 миллиардов рублей, и эти средства мы распределили таким образом, что самая большая часть пойдет на оборудование. 30 миллиардов идут на Медфак, из них до 11-ти на первый курс. Не буду детализировать подробностей и укажу только главное.

Основное, что нас интересовало к предстоящему учебному году – это организация и изготовление необходимой мебели для аудиторий и лабораторий. Первая мебель для открывающихся курсов и лабораторий уже изготовлена полностью. Должен подчеркнуть, что к величайшему сожалению, те цены, которые поставил нам Союз деревообделочников за изготовленную мебель, феноменальны… Вопрос о топливе является для нас также одним из основных вопросов. В прошлом году, занятия сильно хромали из-за отсутствия топлива. В этом году, благодаря указаниям Президиума ЦИК и содействию тов. Карпа, дело обстоит лучше: мы получили 150 пудов торфа, что нас несколько устраивает. В отношении получения дров, Президиум ЦИК опять пошел нам навстречу и ассигновал нам определенные суммы для приобретения дров, что тоже нас в значительной степени устраивает. И здесь есть маленькая закавыка, которая может быть неизбежна, но

на которую я должен указать: это то, что момент выписывания для нас ассигновки чрезвычайно благоприятен для нас, зато момент получения денег, наоборот неблагоприятен и находится в неизвестном отдалении и от отсутствия и неполучения вовремя средств наша работа сильно страдает. Нам также Президиум ЦИК пошел навстречу по поводу выдачи невыплаченного жалования профессорскому и административно-управленческому персоналу и было предложено Тарифному Совету выдать нам 14 миллиардов. Между тем прошло две недели после этого, а денег мы все еще не имеем. Имеем, правда, резолюцию – выдать деньги, но денег нет. Я это подчеркиваю, что в области финансовой Университету чрезвычайно тяжело живется.

Затем о ремонте: большинство переданных нам зданий ветхи. Стоял вопрос о том, чтобы их ремонтировать, и теперь этот ремонт производится в срочном порядке. Чинятся бывшие епархиальные училища, чинятся здания, где теперь находится химическая лаборатория и т. д., в общем это дело продвигается вперед.

Еще одно обстоятельство, о приеме новых студентов. Как Вам известно к Белорусской Республике (вернее к Белорусскому Университету) прикомандированы ряд губерний: Брянская, Гомельская, Смоленская и Витебская. Оттуда мы получаем много заявлений о приеме. В предстоящем учебном году места, вероятно, все будут заполнены. Так, например, на Медфаке имеется 200 мест, подало прошения 320 человек; на Фоне имеется 252, пока, правда, подало 185, но имеются сведения, что будет подано больше, из Витебской и Гомельской губерний. Сегодня на заседании Приемной комиссии обсуждался вопрос и было решено, что с первого сентября прием прошений прекратить на Медфаке, на Фоне и Педагогическом продлить до 10-го сентября. Сегодня же на заседании были разработаны техника и правила приемных испытаний и целый ряд других вопросов. Большинство подающих прошения – это делегируемые Совпрофбелом или партийными инстанциями и согласно разверстке большинство мест до ста представлено профессиональными и партийными организациями.

В заключение хочу еще упомянуть, об археологических институтах, которые имеются в Витебской и Смоленской губерниях: мы получили официальное извещение, что эти Институты передаются Белорусскому Университету, но это дело пока тормозится. Еще один вопрос финансовый: положение шаткое. Мы думаем перейти по предложению Президиума ЦИК на твердый бюджет. В том смысле, что Университет должен иметь возможность рассчитывать на твердое финансирование. Смета у нас уже разработана и мы ее передаем в Президиум ЦИК.

Остро обстоит у нас вопрос с квартирами. Профессора уже съезжаются, но мы не имеем возможности их разместить, так как те квартиры, ко-

торые были предоставлены нам номинально, фактически в нашем распоряжении еще не имеются и этот вопрос у нас обстоит очень тяжело. Вот все, что я смог сказать о положении и перспективах Университета в течение представленного мне времени.

НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 100. Л. 119–122.

Ходатайство заместителя ректора БГУ С. З. Каценбогена в ЦИК ССРБ об отпуске денежных сумм на нужды университета

г. Минск. 4 сентября 1922 г.

На выплату содержания за август месяц 1922 года профессорско-преподавательскому и административно-хозяйственному персоналу БГУ потребно 18.000.000.000 руб. (1.800.000 руб. дензн. 1922 г.), исчисляя таковое по курсу 1 руб. зол. = 125 р. сов. Центром же отпущено на означенный предмет 8.750.000.000 (8.750.000 р. дензн. 1922 г.) недостает следовательно для уплаты содержания 9.430.000.000. руб. (943.000 р. дензн. 1922 г.).

Сверх того, отпущенных Университету средств на ремонт зданий и оборудование, оказалось недостаточно, вследствие вздорожания рабочих рук и материалов, и на окончание их к началу занятий потребуется еще шесть миллиардов руб. (600.000 р. дензн. 1922 г.), а всего Университету нужно на жалование за август и окончание ремонта пятнадцать миллиардов четыреста миллионов рублей (1.543.000 руб. зн. 22 г.).

Правление Белорусского государственного университета ходатайствует перед ЦИК Бел. об отпуске недостающих Университету на содержание за август м-ц 9.430.000.000 руб. и на окончание ремонта 6.000.000.000 руб., и учитывая всегдашнюю готовность ЦИКа идти навстречу нуждам БГУ, надеется на удовлетворении настоящего ходатайства Университета.

НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 57. Л. 44.

Программа курса по генетической социологии, прочитанного профессором С. З. Каценбогеным на педагогическом факультете и факультете общественных наук в 1922/23 академическом году

г. Минск. 1923 г.

Генетическая социология – ее место в общей науке социологии.

Задачи социологии вообще и генетической в частности.

Определение понятия общество Аристотелем, Гоббсом, О. Контом, Г. Спенсером, Хвостовым, Гидденсом, Зиммелем, Штимлером, Шершеновичем, Тахтаревым, Бухариным.

Отношение социологии к другим социальным наукам – к истории, этнографии, праву, политической экономии, психологии, этике.

Методы общей и генетической социологии – дедуктивный, индуктивный, диалектический. Сравнительно-исторический и этнографический. Сопутствующий из мнений. Метод переживания.

Основной закон Марксовой социологии.

Деление социологии – Соц. статистика, динамика, генетика.

Генетическая социология, ее отношение к другим соц. наукам, ее методы и основные моменты ее исторического развития.

История социологической мысли

Социологическая мысль античного мира – Гераклит, Протогор, Критий, Платон, Аристотель. Его учение об обществе и государстве. Зародыши учения о классовой борьбе.

Т. Л. Кар и его суждение о генезисе общественных форм.

Социологическая мысль в средние века. Гнет теологии – Августин Блаженный и его учение о государстве. Фома Аквинский, Ибн-Халдун. Его воззрения на роль географических и экономических условий исторического развития.

Эпоха Возрождения. Возрождение интереса к изучению соц. явлений. Маккиавели.

Т. Гоббс. Его воззрения на генезис и сущность общества и государства. Локк. Сенсуализм. Особенности договорной теории Локка. Причины разногласий в воззрениях Гоббса и Локка.

Б. Спиноза. Материал, основы его социологических воззрений. Его борьба с теологическим мировоззрением. Детерминизм. Каузальность общ. явлений.

Эпоха Просвещения – Дж. Вико. Его учение о закономерности исторического процесса. Теологические и идеологические моменты в учении Вико. Зародыши Контова учения о 3 стадиях умственного развития человечества. Теория круговращений.

Особенности в историческом развитии Франции XVIII ст. обуслов. расцвет социологич. мысли.

Физиократы и их социол. воззрения.

Монтескье – Влияние географического фактора.

Руссо. Социол. воззрения. Договор. теория. Возражения против теории естествен. права. Взгляд на взаимоотношения биологии и науки об обществ. развитии.

Гердер. Воззрения на генезис общества и государства. Географич. фактор. Каузальность исторических явлений. Теологическая примесь в учении Гердера.

Предшественники О. Конта: Тюрго, Кондорсе, С. Симон. Общая объясняющая особенность их воззрений.

Тюрго. Роль просвещения. Своб. воля чел. Контуры закона 3-х стад.

Кондорсе. Закономерность общ. явлений. Роль открытий и изобретений. Идеалистич. объяснения истории и безвыходный круг противоречий. Учение о прогрессе. Ступени исторического развития человечества. Этапы умственного развития человечества. Классификация наук.

С. Симон. Роль экономических и психологических факторов в воззрениях С. Симона. Роль классовой борьбы в истории. Влияние С. Симона на О. Конта. Закон 3-х стадий. Классификация наук. Эпохи критические и органические.

Соц. экономические причины, обусловившие расцвет матер. философии XVIII ст.

Вольтер. Непослед. материалист. Влияние сенсуализма. Деизм и эклектизм в социолог. воззрениях Вольберга.

Де-Ля-Метри. Механич. материализм. Этические воззрения.

Дидро. Матер. воззрения. Цель организмов. Этические воззрения. Свобода воли.

Гольбах. Закономерность исторического процесса. Особенности и противоречия его материалистических воззрений. Этические воззрения. Природа человека. Воззрения на религию.

Гельвеций. Заблуждение метафизического материализма. Влияние различий в социально-экономической среде на поступки людей. Этические воззрения. Воображаемые интересы. Противоречия французского материализма и их причины.

Гегель. Диалектический метод и его значение для социологии. Гегель и теория взаимоотношений. Идеальный монизм Гегеля. Материализм в идеализме Гегеля. История как процесс борьбы противоречий. Скачкообразность исторического процесса. Закономерность, наблюдаемость исторического процесса. Гегель и Маркс.

Основания социологии как науки

О. Конт. Его влияние на различные направления в современной социологии. Особенности позитивной философии. Классификация наук. Закон 3-х стадий. Деление социологии. Противоречия между походным критерием социальной статики и динамики. Методология О. Конта. Идеалистиче-

ские основы Контовой социологии. Материализм в Контовом идеализме. Реакционность «позитивной политики» Конта. О. Конт как родоначальник биологического и органического направлений в социологии.

Г. Спенсер. Основатель эволюционной социологии. Спенсеров закон эволюции. Дуализм в мировоззрении Спенсера. Методология Г. Спенсера. Г. Спенсер и органическое в социологии. Аналогия общества с организмом. Сходства и различия. Буржуазный индивидуализм Г. Спенсера. Г. Спенсер в борьбе с социалистическим учением. Положительные и отрицательные особенности в Спенсеровой социологии.

Биологическое направление социологии. Аммон и Кидд – трубадуры реакционной буржуазии.

Органическое направление в социологии. Лилиенфельд, Шеффле, Вормс, Фулье.

Психологическое и материалистическое направления в социологии. Гидденс, Уорд, Зиммель, Тард, Хвостов, Сорокин, Маркс, Энгельс, Плеханов. Социология как наиболее совершенное завершение исторического развития социологической мысли.

Генетическая социология и ее значение для учения о закономерности общественного развития.

Основные вехи исторического развития генетической социологии. Значение археологии, палеонтологии и этнографии для генетической социологии. Место человека в животном мире. Роль труда в процессе образования человека. Возраст человечества. Геологические периоды. Эпохи исторического развития в зависимости от материала из коего изготавливали материал. орудия. Классификация каменного века. Бронзовый век. Железный век.

Генезис и эволюция основных элементов техники. Первобытное хозяйство. Огонь. Жилище. Одежда. Ступени хозяйственного развития человечества.

Гильдербант, К. Бюхер, Морган. Период собирания. Первобытнообщинная охота и ее особенности. Рыбная ловля. Генезис и эволюция земледелия и скотоводства. Первобытное общество. Разделение труда. Коммунальный характер труда и потребления. Первобытный коммунизм. Генезис и эволюция движимой и недвижимой собственности. Роль труда в процессе образования частной собственности.

Спор об эмбрионе общественного развития. Орда. Генезис эволюции и разложения родового быта. Тотемизм. Пережитки родового быта у германцев, греков, римлян, южнославянских народов, великороссов, малороссов и белорусов.

Генезис и эволюция брака и семьи

Основные направления по этому вопросу и современной этнографии и генетической социологии. Бахофен. Мак-Леннан. Л. Морган и Ф. Энгельс.

Теория Моргана. Энгельса.

Зависимость эволюции брака и семьи от развития производительных сил.

Первичные и вторичные чувства любви. Ревность. Стыдливость. Целомудрие. Чувство отцовства. Теория беспорядочных половых отношений и группового брака и ее противники.

Теория матриархата и ее противники. Г. Кунов. Его воззрения против Морганово-Энгельсовской теории. Г. Кунов и теория выраженных половых групп. Клерикальный подход против эволюционной этнографии и генетической социологии.

Идеология первобытного общества. Язык. Генезис религиозных верований. Магизм. Анимизм. Культ предков. Тотемизм. Эволюция религии.

Основные моменты в генезисе искусства. Танцы. Музыка. Живопись. Скульптура.

Необходимые пособия:

1. М. Ковалевский. Социология. Т. 1 и т. 2.
2. Хвостов. Социология (часть соответ. программе).
3. Энгельс. Происхождение семьи и частной собственности.
4. Г. Кунов. Очерки по истории первобытной культуры, под моей редакцией и моим предисловием и примеч. Ч. 1.
5. Мою классификацию каменного века (имеется в кабинете ФОНа).

НАРБ. Ф. 205. Оп. Л. 114–116.

Автобиография С. З. Каценбогена

г. Минск. 25 декабря 1923 г.

Родился 10 мая 1889 г. в г. Минске. Отец в течение 45 лет служил: то заведывал частной банкирской конторой, то бухгалтером. В течение революции отец служил по специальности в советских организациях, вместе с которыми эвакуировался и реэвакуировался с места на место. За нетрудоспособностью сейчас не служит, живет со мною. Отец некогда был близок к народовольческим кругам. В связи с этим лет 20 вынужден был бежать в Германию, где провел несколько лет. 9 лет я поступил в Седлецкую гимназию, где пробыл до 1903 г. В этом году за организацию привисленской забастовки учащихся и 1-ое свое участие в политич. демонстрации был уволен из гимназии с «волчьим билетом», по распоряжению попечителя Варшавского учебного округа – Шварца. В этом же году познакомился элементарно с основами социал-демократического учения и сблизился с «Бундом».

В 1904 г. я в Минске, где принимаю активное участие в проведении имевшей чрезвычайное значение забастовки приказчиков и вел, по заданиям «Бунда», членом коего состоял, политработу. Участвовал в демонстрациях, занимался агитработой. В конце 1904 г. я, вопреки желания родителей, покинул Минск и направился в Киев. Пробыл там почти до конца 1905 года. Принимал активное участие в агитационной работе на «Подоле», на бундовской «бирже». Был жестоко избит агентами сыска. Из гимназии Петра, где я учился и где организовал забастовку учащихся, был уволен. Из Киева был выслан административно. Пробыв около полугода в Минске, я направился в Одессу, где поступил в частную гимназию Иглицкого. Вел активную агитационно-пропагандистскую работу, преимущественно среди учащейся молодежи. По истечении года я снова был уволен и из одесской гимназии направился я в Гродно, где снова, путем новых вступительных экзаменов, поступил в гимназию, которую окончил в 1910 году. В Гродне я вел весьма разнообразную партработу. Был активнейшим организатором рабочих табачной фабрики Шерешевского. Вел среди рабочих агитац. и пропагандистскую работу. Читал среди рабочих, военных и учащихся доклады и рефераты на различные темы. Активно работал в «Бунде». Выделялся своими усиленными занятиями по истории и русской литературе.

С 1910 по 1914 г. пробыл в Киеве, где окончил с отличием экономическое отделение Киевского коммерч. института. Участвовал во всех студенч. организациях. Активно работал в «Бунде». Использовал легальные возможности работы, постоянно выступая в религиозно-философском обществе, Об-ве Баптистов, экспертной палате, в Институт. семинариях и т. д. Участвовал во всех политвыступлениях студентов. В 1911 г. поместил в киевском журнале «Огни», редактором которого была О. Просахско, статью «Маховое колесо истории», за которую журнал был прикрыт. В тоже время я помещал ряд статей на политич. темы в газете, издававшейся в Брест-Литовске; редактором ее был Липлевский, ныне Председатель малого Совнаркома РСФСР. Из-за одной моей статьи газета б. подвергнута репрессиям.

В минском журнале (названия не помню) поместил в это же время стихотворение в прозе «Лес», посвященное моему путешествию в Ясную Поляну. За это же время написал две одобренные институтом работы – «Крестьянская война в Германии в 1525 г.» и «Производственные силы Германии (К пересмотру русско-германского торгового договора)».

В начале 1915 г. я поступил на юридический факультет Петрогр. психо-неврологич. инст-та (на III-й курс), окончив его в 1917 г. Живя в Питере изредка, приезжая только для сдачи зачетов. Колесил по России около года, работав по статистике на бакинских нефтяных промыслах. Служил на кожев. заводе «Земсоюза». Все время усиленно изучал полит. экономию, историю первобытн. культуры и социологию.

При взрыве Февральской революции был одним из трех товарищей, организовавших первый Совет рабочих и солд. депутатов в г. Бобруйске, тов. Председателя Совдепа, гласным и секретарем гор. думы, Завед. отделом труда и биржей труда. Был членом, а в 1918 г. Председателем Бобруйского комитета «Бунда». Во время авантюры генерала Добвор-Мусницкого вместе с тов. Аголом, Н. Брольницким и другими организовал сопротивление ему на ст. Осиповичи. С момента Октябрьской революции работал сначала в Бобруйском Усобесе – членом Коллегии, потом Заведующим, затем был назначен членом Коллегии Наркомсобеса Литбел, позже Наркомом. Участвовал в 1920 г. во Всероссийском съезде собесов, где был Товарищем Председателя съезда и, оставаясь еще в рядах «Бунда», Председателем коммунистич. фракции съезда. Вследствие заболевания брюшным тифом участия в съезде до конца его не принимал. Перелом в моих политвоззрениях произвела Германская ноябрьская революция. С этой поры я активно работаю в соворганах, оставаясь, однако в «Бунде», вплоть до XIII-го его съезда, до вступления его в РКП, членом которой являюсь с 1920-го года. В промежутках эвакуации я был в Смоленске Заместит. Председателя Особой продов. комиссии Западного военного округа. Там в 1919–1920 гг. был Председателем смоленской организации «Бунда». Вел солидарную работу с РКП. Был Уполномоченным ЦК «Бунда» по сношениям с ЦК КП Литбел по вопросам подпольной политработы.

По предложению смоленского комитета РКП был избран членом смоленского Совета рабочих депутатов. Участвовал в ряде парт. конфер. «Бунда», в том числе в XI и XII-й. На последнем XIII-м съезде не был по болезни. По реэвакуации в Минск некоторое время был Наркомсобезом и около года Зам. Наркомпросом. Был делегат VIII Всерос. съезда Советов. Все время – член Минского Совдепа, членом Исполкома коего состоял одно время.

С 1921 г. по сие время работаю в Белгосуниверситете, состоя заместителем ректора и деканом ФОНа. ГУСом утвержден профессором по кафедре генетической социологии и истории первобытной культуры. Имею ряд печатных и рукописных работ по социологии, истории первобытной культуры, истории рев. движения. Читал ряд докладов в Научном об-ве при БГУ. Будучи в течение 20 лет партийным работником и в тоже время не переставая заниматься наукой, считаю своим подлинным призванием научную деятельность.

С. З. Каценбоген.

С подлинным верно:

Секретарь уч.-стат. п/отд. ЦБ.

РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 5000. Т. 3. Л. 7–7 об. Машинопись. Копия.

Приказ ректора БГУ В. И. Пичеты о назначении С. З. Каценбогена исполняющим обязанности ректора университета на время отсутствия по служебным делам В. И. Пичеты

г. Минск. 19 марта 1923 г.

На время моего отсутствия из г. Минска и впредь до моего возвращения в него назначаю своим заместителем по управлению Белгосуниверситетом Зам. ректора по административно-хозяйственной части проф. С. З. Каценбогина. В связи с этим возлагаю на него общее управление делами Белгосуниверситета, представительство вместо меня от имени Правления БГУ, председательствование в Правлении, распоряжение кредитами БГУ с подписыванием всех денежных документов, общее руководство и распоряжения по хозяйству БГУ и другие административно-хозяйственного характера функции деятельности Ректора.

НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. д. 45. Л. 17об.–18. Рукопись.

Извещение С. З. Каценбогена в Отдел пропаганды и агитации Центрального Бюро КП(б)Б об открытии музея атеизма и истории первобытной культуры при БГУ

г. Минск. 2 апреля 1924 г.

Настоящим Правление Белорусского государственного университета доводит до Вашего сведения об открытии при Университете музея по истории культуры и религии.

В настоящее время в музее представлены: Египет, Ассиро-Вавилония, первобытная культура (каменный и бронзовые века), а также буддизм и примитивные религиозные культы (колдовство, шаманизм и др.).

Для университетских экскурсий музей открыт в следующие дни: по воскресениям от 11-ти до 3-х час., вторникам от 12-ти до 4-х и пятницам от 6-ти до 10-ти час. вечера. Экскурсии проводятся по предварительной записи у хранителя музея в часы его открытия. Плата взимается в размере 5-ти коп. с каждого участника.

Музей помещается в здании ФОНа БГУ (Университетская, 27, 4-й этаж).

Принимая во внимание огромное культурное значение музея, вообще и в частности возможность его использовать в целях антирелигиозной пропаганды, Правление Белорусского государственного университета ставит Вас в известность в целях наибольшего использования его всеми подведомственными Вам учебными заведениями и культурно-просветительными организациями.

НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1168. Л. 17. Машинопись, автограф.

Удостоверение на имя С. З. Каценбогена о разрешении Правлением БГУ командировки в Германию

г. Минск. 14 июля 1925 г.

Настоящее удостоверение выдано заместителю ректора Белорусского государственного университета, профессору Каценбогену Соломону Захаровичу, в том, что ему Правлением Бел. гос. ун-та разрешена командировка за границу в Германию, с целью закупки всевозможных предметов оборудования по антропологии и археологии и для изучения музеев по истории первобытной культуры и этнографии.

Вышеизложенное подписями и приложением печати удостоверяется.

Действительно по 15-ое октября 1925 года.

Ректор, проф.

Управл. делами

Делопроизводитель.

НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 3615. Л. 13. Машинопись, копия.

Заявление С. З. Каценбогена на имя Ректора БГУ В. И. Пичеты с просьбой оставления за ним звания профессора БГУ в связи с увольнением

г. Минск. 20 ноября 1925 г.

Оставляя после давних лет работы Белгосуниверситет и уезжая в Москву, убедительно прошу сохранить за мною до окончания учебного года звание профессора Белгосуниверситета.

НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 3615. Л.18. Рукопись. Автограф.

Удостоверение на имя С. З. Каценбогена о времени работы в БГУ и занимаемых должностях в университете

г. Минск. 25 ноября 1925 г.

Настоящее удостоверение выдано профессору Соломону Захаровичу Каценбогену в том, что он с 9-го сентября 1921 г. состоял профессором Белорусского государственного университета по кафедре социологии и первобытной культуры, читая курсы по истории революционных движений, общей социологии, истории соц. мысли, генетической социологии и истории развития общественных форм, занимая с 1-го октября 1922 г. по 25-ое ноября 1925 г. должность заместителя ректора и с 1-го октября

1922 г. по 1-ое октября 1925 г. – декана факультета общественных наук, а также был Председателем предметной исторической комиссии педагогического факультета.

Вышеизложенное подписями и приложением печати удостоверяется.

Ректор БГУ, профессор В. Пичета.

Управл. делами Д. Серко.

Ст. делопроизводитель И. Урман.

НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 3615. Л. 19. Машинопись, копия.

Прощальный адрес от коллектива служащих библиотеки БГУ С. З. Каценбогену в связи с его уходом из БГУ и отъездом из Минска на новое место работы*

г. Минск. 26 ноября 1925 г.

Дорогой Соломон Захарович.

С чувством глубокого сожаления прощаемся мы сегодня с Вами. За 4 года работы в Белорусском государственном университете Вы сделались неотъемлимой его частью, и странно как-то представить себе Университет без Вас: так близки были Вы каждой из сторон нашей жизни, так входили во все частицы ее.

Вы уходите от нас не только как крупная научная сила, не только как хороший администратор, которому в значительной мере обязан своим ростом наш Университет. Вы уходите от нас как прекрасный товарищ, отзывчивый и чуткий ко всем решительно нашим работникам – от профессора до канцеляриста и работника физического труда. Эта Ваша черта дольше всех других запечатлится в памяти всех работников нашего коллектива.

Пожелаем же Вам, дорогой Соломон Захарович, такой же продуктивной и плодотворной работы на новом месте, такого же доверия и уважения, каковыми Вы, вполне заслуженно, пользовались в Белорусском государственном универсиетете.

Работники БГУ.

Музей истории БГУ. Машинопись, автограф.

*Документ был вложен в папку, на лицевой стороне которой в верхнем левом углу прикреплена металлическая пластина с выгравированным на ней текстом: «Тов. С. З. Каценбогену от работников Б.Г.У. Минск 26.XI.25». В мае 2017 г. документ и папка были переданы внуком С. З. Каценбогена Г. В. Вершкайном в музей истории БГУ.

Характеристика-отзыв в Народный комиссариат просвещения РСФСР С. З. Каценбогена инспекторской работы в Казанском государственном университете имени В. И. Ленина

г. Казань. 16 мая 1932 г.

Бюро партколлектива Каз. гос. университета сообщает, что член ГУС'а НКП РСФСР, Директор Саратовского гос. университета, профессор т. Каценбоген С. З., обследовавший наш университет по поручению Наркомпроса РСФСР тов. Каценбоген в период с 3 по 16 мая 1932 г., производил обследование – изучение работы, состояния и жизни Казанского государственного университета им. Ленина.

т. Каценбоген умело и правильно организовал обследование с вовлечением широкой массы студентов и научных работников. Он организовал ряд бригад, комиссий, совещаний и т. д. и несмотря на короткий срок обследования с его участием проведено: 1 совещание Директората университета, 1 совещание профессоров-педагогов и академ.-уполномоченных, 1 собрание аспирантуры, 1 собрание комсомола, 3 расширенных заседания Комитета коллектива вуза, ряд совещаний, бригад, комиссий, совещаний работников по отдельным специальностям, личный осмотр кабинетов, лабораторий и наконец были сделаны т. Каценбоген итоговые доклады в Бюро коллектива ВКП(б), Культпропа Обкома ВКП(б), Бюро Татобкома ВКП(б) и на общеуниверситетском объединенном партийно-комсомольском профессиональном собрании, на котором подведены итоги и задачи работ Университета.

Бюро коллектива ВКП(б), отмечая правильную организацию Каценбогеном С. З. обследования, считает что оно – обследование – является особо важным и полезным, глубоким, обхватывающим основные стороны жизни, деятельности научной работы университета и поставившим ряд сугубо важных, и проблем, и задач перед нашим Университетом, в тоже время и приковавшие внимание к университету местных руководящих и общественных организаций.

Выводы и предложения по обследованию КГУ т. Каценбогена С. З. Бюро партколлектива утверждены.

Ответ. секретарь коллектива ВКП(б)

Каз. гос. университета им. Ленина Кожевников.

Личный архив внука С. З. Каценбогена Г. Е. Вершкайна. Машинопись. Автограф.

Заявление С. З. Каценбогена на имя Секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина с просьбой рассмотреть вопрос о его незаконном исключении из рядов партии большевиков

г. Свердловск. 10 ноября 1939 г.

Товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу

Кандидата в члены ВКП(б),
Карточка № 1094018,
Каценбогена Соломона Захаровича,
г. Свердловск, ул. Малышева, д. 46, кв. 1.

Заявление

Обращаюсь к Вам, Учителю и Вождю партии, с большой просьбой – помогите мне найти, наконец, выход из того незаслуженно тяжелого морального состояния, в котором я очутился.

Существо моего дела в следующем:

1. В июне 1935 г. КПК при ЦК ВКП(б) объявила мне строгий выговор за то, что «не рассказал во время партчистки про свои колебания по оргвопросу в 1923 г.». Вина моя перед партией действительно велика: я допустил в 1923 г. непартийное выступление по вопросу внутрипартийной демократии троцкистского порядка, хотя никогда никакого отношения к оппозиции не имел и всегда голосовал за генеральную линию партии. Об этом своем выступлении я вскоре подал заявление в ЦК КПБ(б) с просьбой вызвать для объяснений, но мне ответили, что необходимости в этом нет.

В № 4 за 1935 г. журнала «Под знаменем марксизма» я поместил письмо, в котором указал на наложенное на меня взыскание и обещал отдать все свои силы, чтобы заслужить доверие партии и искупить свою вину.

2. Решением секретариата ЦК ВКП(б) я был 1-го октября 1935 г. направлен в Свердловск, в качестве директора педагогического института и завед. кафедрой диамата. Через 8 месяцев, при обмене партдокументов, я получил от парторганизации положительную партийную характеристику. И вот, неожиданно без всякой с моей стороны вины, меня начали периодически исключать и восстанавливать все по одному и тому же разобранному в июне 1935 г. КПК делу. За 2 года меня таким образом в Свердловске 4 раза исключали и восстанавливали, и вдобавок Свердловский горком ВКП(б) в 1937 г. объявил мне еще строгий выговор с предупреждением за «попытку умолить значение своих колебаний в 1923 г.», хотя это обвинение было сплошным вымыслом, так как я неоднократно сообщал парторганизации про существо своей вины перед партией и давал ей самую суровую оценку.

В дальнейшем оказалось, что так зло издевались над высоким званием члена партии враги народа.

Более того – каким-то образом мое дело в 1938 г. очутилось на руках у оказавшегося затем врага народа бывшего заведыв. агитпропом Свердл. горкома ВКП(б) Ансвесула, и для расправы со мной он пошел на такую гнусность, что вклеил в мое дело им самим состряпанную клеветническую бумагу, на основании чего (уже при Столяре) меня снова исключили из партии, все за ту же самую мою ошибку 1923 г.

3. На мою аппеляцию КПК при ЦК ВКП(б) в июле 1938 г. последовал запрос в парторганизацию Свердловского педагогического института, где я работаю, поддерживает ли она мое ходатайство о восстановлении в партии, на что парторганизация ответила положительно. Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) 9 августа 1938 г. в рядах партии меня восстановила (я состоял членом партии с апреля 1920 г.), но перевела в кандидаты сроком на один год. Мне было отчетливо заявлено, что через год, при условии представления положительных отзывов о своей работе от парторганизации я буду переведен в члены партии.

4. Прошло с тех пор 1 год и 3 месяца. За это время я выполнял следующую работу: заместителя директора Свердловского пединститута по учебно-научной части, профессора по кафедре основ марксизма-ленинизма, постоянного лектора по заданиям обкома ВКП(б), горкома ВКП(б), Ленинского райкома ВКП(б) и парткома института.

Месяцев 7-8 тому назад, при рассмотрении в Свердловском обкоме вопроса об утверждении меня преподавателем основ марксизма-ленинизма, все дело мое было затребовано из КПК, и на заседании бюро обкома ВКП(б), после выяснения ряда касающихся меня вопросов, я был утвержден преподавателем основ марксизма-ленинизма. За истекший год я прочел, по заданиям обкома, горкома, Ленинского райкома и праткома института, для партактива и интеллигенции города свыше 60 лекций на темы из истории партии и по IV-й главе «Краткого курса».

5. По истечении года пребывания в кандидатах парторганизация пединститута единогласно возбудила ходатайство о восстановлении меня членом партии, дав весьма положительную обо мне характеристику. Бюро Ленинского райкома ВКП(б) г. Свердловска затребовало дополнительных отзывов и конкретных данных об итогах учебного года для оценки моей работы, в качестве заместителя директора Свердл. пединститута по учебно-научной части. Парторганизация дала о моей служебной, преподавательской и пропагандистской работе самый положительный отзыв.

Бюро Ленинского райкома 10-го июля 1939 года возбудило перед КПК при ЦК ВКП(б) ходатайство о переводе меня из кандидатов в члены партии, за истечением определенного решением КПК годичного срока, с зачетным партстажем с 1920 г.

6. 16 июля 1939 г. я приехал в Москву, полагая, что заслужил своей работой восстановления в число членов партии. Партследователь тов. Заиков заявил мне, что напрасно ходатайство о моем переводе из кандидатов в члены партии направлено Ленинским райкомом в КПК, так как решения XVIII партсъезда дают райкомам право самостоятельно решать подобные вопросы.

7. По истечении почти трех месяцев дело мое снова было возвращено из КПК в Свердловский обком ВКП(б) на рассмотрение и решение вопроса о том, поддерживает ли обком ходатайство бюро Ленинского райкома о моем восстановлении.

8. 17-го октября 1939 г. бюро Свердловского обкома ВКП(б) решило оставить меня еще на один год кандидатом, мотивируя тем, что я не дал в печати критики моей книжки – «Что такое марксизм», изданной еще 1925 г. и написанной в 1924 г., и что я, мол на заседании бюро ограничился указанием на имеющиеся в ней «неточности».

Решение бюро Свердл. обкома ВКП(б) явно несправедливое по существу, ничем не мотивированное. Оценка этой давно устаревшей, написанной 15 лет тому назад, книжки была мною дана еще свыше года тому назад весьма пространно и находится в моем деле в КПК.

Все это, разумеется, учитывалось в КПК при решении обо мне в августе 1938 г., а также и самим бюро Свердловского обкома ВКП(б) при утверждении меня месяцев 8 тому назад преподавателем по истории партии, так как на руках было все мое дело, а также и названная книжка. 17-го августа 1939 г., при обсуждении вопроса обо мне в бюро обкома представитель орг.-инстр. отдела обкома заявил, что в этой моей книжке имеются отдельные ошибочные формулировки. К этой оценке я полностью присоединился. В то же время я просил учесть наличие у меня с тех пор десятков статей и работ, в которых я вел борьбу за генеральную линию партии. Считаю необходимым указать на то, что от имени орг.-инстр. отдела обкома было на бюро обкома внесено предложение – поддержать ходатайство Ленинского райкома ВКП(б) о восстановлении меня членом партии, с зачетом партстажа с 1920 г. Секретарь обкома ВКП(б) по агитации и пропаганде тов. Колышев настаивал на моем восстановлении. Тем не менее секретарь обкома ВКП(б) т. Андрианов, по непонятным мне мотивам, предложил оставить меня еще на один год кандидатом.

9. Несправедливость и необоснованность подобного обо мне решения бюро Свердл. обкома, думаю, очевидна:

1. КПК в августе 1938 г. перевела меня в кандидаты сроком на один только год, с переводом в члены партии при наличии последующих положительных отзывов о работе.

2. Парторганизация института и бюро Ленинского райкома г. Свердловска возбудили, по истечении годичного срока, ходатайство о восстановлении меня членом партии.

3. Парторганизация дала обо мне весьма положительные отзывы.

4. Бюро Свердловского обкома ВКП(б), после тщательного в течение трех месяцев изучения всего моего дела, затребованного от КПК, месяцев восемь тому назад утвердило меня преподавателем истории партии.

5. Обком ВКП(б), горком ВКП(б), райком ВКП(б) и партком института за истекший год давали мне десятки ответственных пропагандистских поручений, которые я выполнял, по их же оценке, добросовестно.

6. Секретарь обкома по агитации и пропаганде, наблюдающий мою работу, настаивал на самом заседании бюро обкома ВКП(б) на моем восстановлении. Такое же предложение было внесено и орг.-инстр. отделом обкома.

Совместимо ли решение бюро об оставлении меня еще на год кандидатом с вышеизложенным? Совместимо ли это с Вашими, товарищ Сталин, неоднократными указаниями о бережном и чутком отношении к члену партии?

Обеспечивает ли подобное, ничем необъяснимое, ко мне отношение возможность полноценной, бодрой, радостной работы на ответственейшем участке партийной работы – преподавании истории ВКП(б) и партийной пропаганды?

Не противоречит ли подобное решение, превращающее пребывание в кандидатах, в непрерывное наказание Уставу партии?

Я и сейчас продолжаю вести большую напряженную работу по преподаванию основ марксизма-ленинизма, по пропагандистской работе (по новым заданиям обкома, райкома, партбюро).

Только вместе с моей жизнью меня можно оторвать от партии.

Я только потому решил обратиться к Вам, дорогой Учитель и Вождь, что слишком, думаю, велика несправедливость по отношению ко мне.

Я прошу только об одном – дать мне возможность отдать целиком и полностью, бодро и радостно все мои силы, опыт и знания дорогой партии.

Я прошу удовлетворить ходатайство парторганизации Свердловского пединститута и бюро Ленинского райкома ВКП(б) о восстановлении меня

членом партии, за истечением определенного решением КПК от августа 1938 г. годичного пребывания кандидатом.

С. З. Каценбоген.

Приложение:

Характеристика партбюро Свердл. пединститута от 09.11.1939 г.

РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 5000. Т. 3. Л. 216–218. Рукопись. Автограф.

Справка из Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) на имя С. З. Каценбогена с рекомендацией восстановления его в рядах ВКП(б)

г. Москва. 1939 г.

Каценбоген Соломон Захарович, кандидат в члены ВКП(б) с 1938 года, кандидатская карточка № 1094018 (на руках). Ранее состоял членом ВКП(б) с 1920 по 1937 год с 1904 по 1920 в Бунде. Рождения 1889 года, служащий, образование высшее.

Во время привлечения к партийной ответственности заведующий кафедрой философии Свердловского Пединститута. В настоящее время зам. директора по учебно-научной части и профессор по кафедре основ марксизма-ленинизма Свердловского Пединститута.

23.III.1935 г. парторганизацией Ленинградского Пединститута исключался из партии за троцкистские взгляды в 1923 г., и защиту Троцкого и скрытие этих фактов на чистках в 1929 и 1933 году.

31.III.1935 г. Смольнинским РК ВКП(б) г. Ленинграда в партии восстановлен с объявлением строгого выговора с предупреждением за скрытие своего участия в защите Троцкого в 1923 году и отсутствие критики своих прошлых ошибок и карьеризм, с запрещением в течение 2-х лет занимать ответственные руководящие посты.

23.VI.1935 г. Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) во изменение решения Смольнинского РК ВКП(б) Каценбогену объявила строгий выговор, за сокрытие в партчистках о бывших своих колебаниях в 1923 году по организационному вопросу.

26.III.1936 г. Ленинским РК ВКП(б) г. Свердловска Каценбоген был исключен из членов ВКП(б), но 10.XI.1936 г. Свердловским ГК ВКП(б) восстановлен.

3.XI.1937 г. Свердловским ГК ВКП(б) снова исключается за двурушничество.

9.VI.1938 г. Партколлегия КПК по Свердловской области исключение Каценбогена из рядов ВКП(б) подтвердила, как не оправдывающего доверия партии.

3.VII.1938 г. Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) подтвердила решение об исключении Каценбогена из членов ВКП(б), считая возможным пересмотреть вопрос о партположении через год по отзыву парторганизации.

9.VIII.1938 г. Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) во изменение своего решения от 3.VII.1938 г. перевода Каценбогена кандидатом в члены ВКП(б) на один год.

10.VII.1939 г. Ленинский РК ВКП(б) г. Свердловска ходатайствует о восстановлении Каценбогена членом ВКП(б).

Апеллирует.

17 октября 1939 г. Свердловский обком ВКП(б) рассмотрев апелляцию Каценбогена С. З. решение Ленинского РК ВКП(б) от 10 июля 1939 г. о восстановлении Каценбогена членом ВКП(б) отменил. Ввиду того, что тов. Каценбоген не понял глубину своих ошибок, не выступил с критикой антисоветских установок в брошюре «Что такое марксизм» и не дал правильной оценки им на бюро обкома ВКП(б), объясняя их, как неточности, за что Каценбогену продлен кандидатский стаж сроком на один год.

Установлено: что Каценбоген в декабре 1923 г. во время дискуссии по вопросам «О задачах партии» на партийных собраниях Ляховской парторганизации г. Минска выступил в защиту контрреволюционного троцкизма. В дальнейшем Каценбоген скрыл это от партии, при чистках 1929 и 1933 годах, за что в 1935 году исключался из членов ВКП(б), но был восстановлен со строгим выговором.

В 1935 году выдал в числе других положительную характеристику Моносовой (позднее арестованной НКВД).

В своей брошюре «Что такое марксизм», выпущенной в 1925 году, Каценбоген учение о марксизме-ленинизме фальсифицировал и трактовал с правотроцкистских позиций. С критикой допущенных им ошибок и в печати не выступил. На бюро обкома ВКП(б) вместо признания грубейших политических ошибок и извращения и критики их, доказывал о наличии в брошюре лишь отдельных неточностей.

Предложение: ввиду того, что Каценбоген не выступил в печати с критикой антиленинских установок в брошюре, объясняя их как неточности, просьбу тов. Каценбогена о восстановлении в члены ВКП(б) отклонить. Рекомендовать ему вступить в ряды ВКП(б) на общих основаниях.

Пом. члена партколлегии КПК

при ЦК ВКП(Б) Комиссаров

РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 5000. Т. 2. Л. 225–228. Копия. Машинопись. Автограф.

Справка из Партийной коллегии Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Свердловской области на имя С. З. Каценбогена с рекомендацией восстановления его в рядах ВКП(б)

[*Свердловск*] *11 февраля 1940 г.*

Тов. Каценбоген в Ленинской парторганизации за период 1938, 1939 года провел большую агитационно-пропагандистскую работу. По поручению райкома тов. Каценбоген читал лекции по «Краткому курсу истории ВКП(б)» для партийного актива и интеллигенции.

Будучи Зав. учебной частью пединститута тов. Каценбоген добился в 1938–1939 учебном году решительных сдвигов, исходя из чего районный комитет партии в 1939 году поддержал ходатайство первичной п/организации на предмет восстановления в правах членов ВКП(б).

Ошибки, допущенные в прошлом тов. Каценбогеном, с нашей точки зрения не могут служить препятствием для восстановления в рядах ВКП(б). Поэтому считаю, что работа тов. Каценбоген последних двух лет дает основания надеяться, что он может принести пользу в рядах ВКП(б).

Долгинцев.

РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 5000. Т. 2. Л. 226. Копия. Машинопись. Автограф.

Вырезка из одной из газет Свердловска с письмом С. З. Каценбогена на имя Народного комиссара обороны СССР И. В. Сталина о пожертвовании личных средств на создание танковой коллоны.

***г. Свердловск.* [*1941 г.*]**

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Для ускорения разгрома лютых врагов науки, культуры и прогресса – немецко-фашистских бандитов – и очищения от них нашей родины вношу из своих личных сбережений 5 тысяч рублей на строительство танковой колонны «Советская наука», призываю научных сотрудников Свердловска и всего Советского Союза последовать моему примеру.

Да здравствует наш вождь и учитель великий Сталин!

Каценбоген. Профессор Свердловского пединститута.

Личный архив внука С. З. Каценбогена Г. Е. Вершкайна. Рукопись.

Заявление С. З. Каценбогена на имя начальника отдела кадров Всесоюзного комитета по делам высшей школы с просьбой перевода его в другой ВУЗ по состоянию здоровья

***г. Свердловск.* [*1945 г.*]**

В прошлом году, в августе 1944 г., я вел в ВКВШ настойчивые переговоры о моем отводе из Свердловска, где я нахожусь уже десять лет. Я получил тогда согласие зам. председателя ВКВШ тов. Синецкого. За истекший год состояние моего здоровья и здоровья жены, в условиях уральского климата, настолько ухудшилось, что требует безусловного нашего отсюда отъезда.

Во имя чуткого отношения к научному работнику, работающему 25 лет в вузах, настойчиво прошу вас удовлетворить, наконец, мою просьбу и дать мне возможность перейти на работу в один из южных университетов. Желательно Киев, Одесса, Днепропетровск, Черновцы или какой-либо другой южный город.

С местными руководящими организациями вопрос о переезде безусловно урегулирую.

Очень прошу ускорить свой ответ.

Личный архив внука С. З. Каценбогена Г. Е. Вершкайна. Рукопись.

Партийная характеристика профессора Уральского государственного университета С. З. Каценбогена

г. Свердловск. 26 августа 1946 г.

т. Каценбоген С. З. за время пребывания в партийной организации Уральского государственного университета проявил себя как дисциплинированный и выдержанный коммунист. т. Каценбоген принимал активное участие в работе партийной ораганизации Университета.

Под его руководством были проведены две теоретические конференции научных работников и студентов по вопросам марксистско-ленинской теории. т. Каценбоген неоднократно выступал с политическими докладами перед студентами и научными работниками. Только в последнее время им прочитаны по заданию партийного бюро теоретические лекции: «Марксистско-ленинское учение о морали», «Партия большевиков – организатор и вдохновитель всемирной исторической победы советского народа» и др.

По поручению партийной организации т. Каценбоген подготовил и прочел курс лекций по закону о четвертом пятилетнем плане. Все лекции и доклады были тщательно подготовлены и прочитаны ярко и на высоком идейно-теоретическом уровне.

т. Каценбоген принимал активное участие во всех массовых политических мероприятиях. Он проявил себя хорошим агитатором в дни подписания новогоднего письма уральцев тов. Сталину, во время подготовки выборов в Верховный Совет СССР, размещения займа. Систематически вел агитационную работу на третьем курсе факультета журналистики, к которому был прикреплен партийным бюро.

т. Каценбоген систематически читал политические лекции и доклады на предприятиях и учреждениях города как внештатный лектор ГК и Октябрьского РК ВКП(б), читал курс лекций по философии в вечернем Университете марксизма-ленинизма и в лектории работников искусств ГК ВКП(б).

т. Каценбоген пользуется авторитетом среди научных сотрудников и студентов Университета.

И. о. секретаря партийного бюро Университета Адамов.

Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 20–20 об. Машинопись. Автограф.

Избранные научные труды профессора С. З. Каценбогена

Каценбогин С. Пролетариат и крестьянство // Вперед. 1922. № 1. С. 23–40.

Каценбоген С. З. Спорные вопросы генеономии // Працы Беларускага дзяржаўнага універсытэту. 1923. № 4/5. С. 282–304.

Кацэнбоген С. З. Нарысы па гісторыі першабытнай культуры Беларусі // Полымя. 1924. № 1. С. 156–162.

Кацэнбоген С. З. Сялянскі рух на Захадзе (Да 400-годдзя сялянскага паўстаньня ў Нямеччыне – 1525–1925 г.) // Полымя. 1925. № 3. С. 85–97.

Каценбоген С. З. Правовое положение евреев в Белоруссии накануне революции 1917 г. // Працы Беларускага дзяржаўнага універсытэту. 1925. № 6/7. С. 189–200.

Каценбоген С. З. Диалектический материализм и механистическое мировоззрение // Працы Беларускага дзяржаўнага універсытэту. 1926. № 11. С. 1–17.

Каценбоген С. З. Да пытаньня аб заканамернасьці грамадзянскага жыцьця // Полымя. 1926. № 1. С. 87–96.

Каценбоген С. З. Марксизм и социология // Ученые записки Саратовского государственного университета. 1926. Т. V. Вып. 3. С. 181–232.

Каценбоген С. З. Л. Н. Толстой (социально-политические и философские воззвания) // Литературные беседы. Изд. общества литературоведения при Саратовском государственном университете. 1929. Вып. 1. С. 5–14.

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО

«У нас государство пролетарское, на пролетариат опирается, пролетариату дает все политические преимущества и через пролетариат привлекает к себе крестьянство с низов».
В. Ленин

Буржуазные историки, вероятно, с неприятным изумлением узнали от Маркса о том, что восстание – это не просто злая затея кучки заговорщиков, бланкистов, а что это наука. Всякая, даже самая возвышенная, высоко над землей парящая, наука всегда, в конечном итоге, служила самым земным утилитарным интересам. С тех пор, как человеческое общество вышло из стадии первобытного коммунизма, оно, построенное на антагонистических началах, периодически регулируется восстаниями. Суммарный опыт многочисленных восстаний дал в руки последнего класса современности – пролетариата могучее орудие. Изучая эти восстания, их среду, причины и ошибки, пролетариат отлично усвоил себе науку восстания.

Но восстание это только наиболее существенный начальный эпизод революции, но не самая революция.

Восстание оглушающим ударом опрокидывает противника навзничь, революция же его совершенно парализует. Она производит смелый и коренной переворот во всех социально-экономических, политических и идеологических отношениях общества. Пронесясь очистительным ураганом восстания над старым обществ[енным] строем, она на почве, удобренной навозом и пеплом его, упорно строит новую общественную формацию.

И если восстание это – наука, требующая усердного и добросовестного изучения, то тем большие права на ученую степень имеет революция.

Понять революцию можно, только изучив законы общественного развития. После долгих бесплодных блужданий по идеалистическим, метафизическим и скептическим путям, современная научная социология и история, выбросив из своего багажа весь старый хлам, усвоила себе основное положение марксизма о том, что в основе обществ[енно]-политической и умственной жизни каждой эпохи лежат экономич[еские] условия производства. Буржуазные ученые на этом «экономизме», однако, робко останавливаются

и никаких логических выводов до конца из него не делают. Между тем, «если анатомией человеческого об-ва является его экономика, то его физиологией является – классовая борьба». Она является основным законом развития антагонистических обществ, движущей их силой, рычагом истории. В классические моменты человеческой истории это усвоили себе еще до Маркса историки французской и английской революций – О. Тьерри, Гизо, Минье.

Скрытый процесс обществ[енной] динамики проявляется в повседневной классовой борьбе, для невооруженного глаза часто незаметной [15, *X*, *XI*]. И лишь тогда, когда диалектические противоречия общественного развития приводят к тому, что дальнейшее развитие производит[ельных] сил при данных общественных отношениях невозможно, классовая борьба из «латентной» превращается в открытую, наступает «точка кипения», старое общество «взрывается», «лопается» – рождается революция.

«Исследовать исторические условия и вместе с тем самую природу этого акта (пролетарской революции. – *С. К.*); *довести до сознания*, призванного к этому акту, угнетенного теперь класса, условия и природу его собственной деятельности есть *задача теоретического выражения пролетарского движения – научного социализма* [26, *252*].

Историческими условиями «освободительного акта» являются реальные соотношения классов, структура каждого из них, борьба между ними. Высшим проявлением этой классовой борьбы, ее апофеозом является пролет[арская] революция. Следовательно, теория научного социализма есть собственно теория классовой борьбы или же теория пролетарской революции.

Пролетарская революция, обнажая скрытый механизм буржуазного общества, противопоставляет ему единственный революционный класс современности – рабочий класс. Город, однако, далеко не во всех еще странах (за исключением, быть может, Англии), поглотил деревню. Мелкое земледельческое население – крестьянство представляет собой еще крупную хозяйственную силу. Пролетариату, делающему свою революцию, или изучающему революции других стран, в первую очередь, приходится на этой социальной группе остановить свое внимание, всесторонне изучить природу ее (крестьянства), ее место в системе классов современного общества, роль в прошлых революциях и взаимоотношения, которые должны быть с ней установлены, в интересах торжества пролетарской революции.

Вопрос о поведении крестьянства – этой огромной человеческой массы, держащей в своих руках источники сырья и продовольствия, был проклятым вопросом всех революций в истории. А вопрос о том, кто и как овладеет крестьянством, на чью чашу оно сядет, был всегда решающим вопросом победы или поражения данного класса.

Несмотря на это, крестьянство никогда в революциях не играло самостоятельной политической роли. Городу, как хозяйственному, административному и культурному центру страны всегда принадлежала руководящая,

направляющая роль. Город всегда был гегемоном над деревней. Сигнал к революции, ее программа, всегда исходили от города. А в городе руководящая роль принадлежит наиболее революционному классу. Таким наиболее революционным городским классом до XIX столетия (и то не всегда и не везде), движущей силой европейских революций была буржуазная демократия, третье сословие, в первую очередь, мелкая буржуазия. И лишь с XIX столетия (особенно со второй ее половины) гегемония в революции полностью переходит к пролетариату. Внимательное изучение истории показывает, однако, что и в революциях далекого прошлого, еще в эпоху торгового капитала, задолго до образования современного индустриального пролетариата, его прадед, Vorproletariat, ставил себе наиболее далеко идущие задачи и был наиболее последовательным и решительным в революции. И даже первые революционные битвы – пророческие увертюры буржуазных революций – крестьянские восстания в Германии, франц[узская] Жакерия и восстания У. Тайлора в Англии проходили под идейным руководством и при решительной поддержке города, а в нем в первую очередь ее плебейской части.

В этом смысле, вся история революций нов[ого] времени есть история созревания классовой мощи пролетариата. Капиталистический строй со дня своего рождения сопровождается своим могильщиком, и в лоне буржуазных революций постоянно, на протяжении веков, вызревает пролетарская революция.

В этом смысле, можно утверждать, что вся история буржуазного общества есть история пролетарской революции – есть перманентная рабочая революция (в смысле руководящего значения рабочего класса).

Процесс созревания рабочего класса, осознания им своей классовой сущности и своих самостоятельных классовых задач, процесс превращения его из класса «в себе» в «класс для себя» – путь долгий, полный ошибок, жертв, поражений и побед.

Не сразу потому пролетариат и его идейные руководители усвоили себе основную задачу современной революции – уметь овладеть крестьянством, использовать, как следует его черноземную силу или, по крайней мере, ее нейтрализовать. Утописты и мелкобуржуазные социалисты, строя свои планы идеального общественного строя, совершенно не принимали во внимание крестьянства, забывая о его громадном удельном весе. Они, как говорит И. Степанов, превращали социализм в рабочий вопрос, сводя его исключительно к преобразованию отношений в промышленности [20, *19*].

Только научный социализм Маркса и Энгельса в полной мере учел тесную зависимость интересов города и деревни и обратил свой пытливый аналитический взор на взаимоотношения пролетариата с крестьянством.

«Изо всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, писали Маркс и Энгельс в 1847 г., только пролетариат представляет собой революционный класс. Средние слои, мелкие купцы и промышленники, ремес-

ленники и *крестьяне* – все они борются против буржуазии, чтобы отстоять свое существование как средних слоев. Следовательно они консервативны. Еще более того, они реакционны» [14, *29*]. Как общее правило можно установить, что крестьянство всегда бывало революционным лишь тогда и лишь до тех пор, пока оно не получало от революции того, что единственно ей от нее требовалось – *землю*.

Удовлетворение этой основной потребности весьма часто означало для крестьянства завершение, конец революции. Оно, с таким трудом, вырвавшее землю у своих вековых угнетателей, дрожит над ней, как банкир над своими процентными бумагами, фабрикант над своими товарами. Крестьянство превращается тогда в опору «партии порядка», в защитницу «священных прав собственности» против всех ее нарушителей. В 1795 г. французская деревня, возмущенная «парижскими смутьянами» помогла Наполеону I убить революцию. В Наполеоновских войнах крестьянство усматривало защиту своих земель от эмигрировавших дворян.

Наполеон I считал одной из существенных причин своего падения восстановление налога на вино, легшего наибольшим бременем на крестьянство и обозлившего его.

Июньская бойня, устроенная в 1848 г. французской буржуазией парижскому пролетариату, давшая до 7000 жертв, была совершена с помощью не только буржуазной национальной гвардии, но, еще более, крестьян – солдат.

Парижская коммуна 1871 г. погибла главным образом из-за тупой ненависти к ней французского крестьянства, убоявшегося лишения своей «собственности».

«Парижскую коммуну, – писал М. Горький в 1918 г., – зарезали крестьяне – вот что нужно помнить рабочему» (Цит. по: [18, *92*]).

Крестьянство, в котором живут, борясь между собой, две души – собственника и пролетария, было в истории всех стран всегда элементом наиболее приниженным и угнетенным и потому часто бурным и грозным ферментом брожения и ненависти к существующему общественному строю. Самая мрачная реакция, нередко колеблясь, нерешительно останавливалась у берега гневного крестьянского бунтующего моря, идя на жертвы, дабы успокоить его и спасти себя.

И тем не менее, крестьянские восстания, не поддержанные влиятельными городскими классами, почти всегда обречены на неудачу. Несознательность, ограниченность, чрезмерный партикуляризм, узость кругозора и невежество крестьянина превращают его восстания почти всегда в свирепый и все испепеляющий бунт, не превращаясь в творческую и созидающую революцию. Природа крестьянской революционности определяется природой крестьянской экономики.

Оно, подобно всей мелкой буржуазии, «постоянно колеблется между надеждой вступить в ряды имущих классов и страхом быть сброшенным

в ряды пролетариата и даже пауперов; между надеждой способствовать своим интересам, завоеванием участия в направлении общественных дел и страхом своей неуместной оппозицией возбудить гнев правительства, от которого зависит его существование. Этот класс очень неустойчив в своих воззрениях» [25, *23*].

В конечном итоге, успешность крестьянского восстания находится в исключительной зависимости от умелого и сознательного руководства города.

«В то же время так же ясно и хорошо доказывается историей всех современных государств, что сельскохозяйственное население никогда не может предпринять успешное самостоятельное движение. Для этого оно слишком рассеяно на большом пространстве и трудно объединить значительную часть его для общих действий. Крестьянство нуждается в первоначальном толчке более сконцентрированного, сознательного и подвижного населения городов» [25, *25*]. Анализируя выдающуюся роль французского крестьянства в перевороте Луи-Бонапарта, К. Маркс не считает уже достаточным одного лишь толчка со стороны революционного городского населения для успешной защиты классовых интересов крестьянства.

Крестьянство не способно отстаивать свои классовые интересы от своего собственного имени. Оно должно «в чужом классе, на стороне» искать выразителей и защитников своих интересов. Этот «чужой класс» не может ограничиться только «толчком». Он должен быть подлинным руководителем, гегемоном крестьянства [13, *116*].

Так же оценивает особенности крестьянской революционности историк крестьянских движений на Западе А. К. Дживелегов: «Крестьянское движение, предоставленное самому себе, это – сотня сожженных усадеб и ничего больше. Крестьянское движение, как поддержка общего революц[ионного] движения, это торжество революции. Недаром сказано, что ни одна революция не может быть успешна до тех пор, пока в нее не вовлечены широкие крестьянские массы» [4, *147*].

В XIX веке товарно-капиталистические отношения врываются в экономическое развитие крестьянской собственности, тысячами нитей связывая ее с городской крупной промышленностью и ростовщиком.

Крестьянство нищает, деградирует, превращается, по выражению Маркса, в «пещерных людей». «Буржуазный строй, который с начала столетия приставил к новорожденной хуторской системе национального хозяйства “государство” в роли часового, и который удобрял хуторскую землю военными лаврами, превратился, наконец, в вампира, который высасывает у хуторянина его кровь сердца, его мозг костей и в заключение бросает его в алхимическую реторту капитала» [13, *120*]. Время, когда крестьянство в союзе с радикальной буржуазией штурмовало твердыни феодализма, миновало безвозвратно. Крестьянство в лице буржуазии не видит уже более союзника.

Оно видит в нем ростовщика, сборщика податей, скупщика, позолоченного феодала, оно видит в нем своего врага.

Это обострение классовых противоречий между крестьянством и буржуазией, которое сыграет решающую роль в судьбах пролетарских революций Запада, сказалось с особенной силой в результате империалистической войны, когда ни в одной из стран буржуазия не выполнила своих обещаний и не провела в жизнь земельной реформы.

На какой же класс, в таком случае, может в настоящее время опереться крестьянство? Какой класс может утолить вековечную земельную жажду крестьянина? Кто может освободить его от ростовщика, скупщика и милитаризма?

«Крестьяне, писал еще много десятков лет тому назад Маркс, могут теперь опереться, как на естественных союзников и вождей, лишь на городской пролетариат, задача которого тоже сводится к низвержению буржуазного строя» [13, *120*].

Пролетариату уже давно принадлежит руководящая роль в революциях XIX и XX столетий.

Как единственный, par excellence*, революционный класс современности, освобождение которого ведет к решительному уничтожению всякого гнета, пролетариат призван историей всегда стоять во главе революционных и освободительных движений широких народных масс.

«Для того, чтобы народная революция совпала с освобождением одного класса гражданского общества; для того, чтобы одно сословие было признано за все общество, необходимо... чтобы все недуги общества были сконцентрированы в одном классе» (Цит. по: [23, *152*]). Таким «универсально-положительным» классом в свое время была буржуазия. В настоящее время – пролетариат. Это и давало Марксу и Энгельсу полное право утверждать, что «все до сих пор возникавшие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Движение пролетариата есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства» [14, *30*].

Буржуазия уже давно сознает прогрессивную или определяющую роль пролетариата в современных освободительных движениях. Этим объясняется, что она в редкие мгновения либерально-демократического пароксизма, для того, чтобы успешнее добиться своих целей, ничего не имеет против того, чтобы нарядиться даже в розовые хитоны своеобразного социализма. Такое явление имело место в революции 1848 г. в Германии. Свидетелями подобных явлений мы были во время империалистической войны, являемся сейчас.

Ни один класс не может даже частично удовлетворить своих жгучих потребностей в рамках современного, хотя бы и архидемократического,

*преимущественно.

но буржуазного общества. И ни одна даже буржуазно-демократическая революция не может и бессильна осуществить возлагаемые на нее чаяния, без того, чтобы руководство ею не перешло в руки пролетариата.

В крайней революционности, экстремизме пролетариата в том, что он продвигает революцию дальше своей первоначальной цели, Ф. Энгельс усматривает закон развития буржуазного общества (Цит. по: [19, *176*, *177*]).

Из всех социалистических партий единственно марксисты правильно оценили огромный удельный вес крестьянства в предстоящих революционных боях. В программах с[оциал]-дем[ократических] партий аграрный вопрос всегда занимал центральное место. Но вместе с тем, в оценке взаимоотношений пролетариата с крестьянством, революционная с[оциал]-демократия никогда не сходила с последовательного, с чисто классового пути. Она никогда не переоценивала продолжительности, силы и глубины крестьянской революционности. Тем менее она возлагала надежд на «самобытные устои» крестьянской экономики, трезво оценивая социальную природу крестьянина. Народнические бредни о крестьянском «русском социализме», ложная идеализация крестьянина, столь сильно повредившая в свое время последовательности и ясности российского рабочего движения, были решительно отвергнуты российской с[оциал]-демократией. Эту детскую болезнь недоверия к силам российского рабочего класса пережили, в свое время, и будущие корифеи русского марксизма, также не возлагая особых надежд на пролетариат, не предоставляя ему никакой самостоятельной политической роли и ожидая избавления лишь от крестьянских бунтов. «Проникнутые народническими предрассудками, – писал Г. В. Плеханов, – все мы видели тогда в торжестве капитализма и в развитии пролетариата величайшее зло в России» [16, *17*].

Российской с[оциал]-д[емократии], заявившей о том, что рабочий класс должен быть и будет гегемоном в рабочем движении и предстоящей революции, приходилось, вплоть до Революции 1917 г. испытывать жестокие наскоки со стороны представителей «крестьянского социализма», со стороны с[оциалистов]-р[еволюционеров], рассматривавших крестьянство как часть рабочего класса.

Русскую с[оциал]-демократию упрекали в том, что она забывает про «распространение социалистического сознания среди крестьянских рабочих масс» [24, *32*]. Ее поучали в том, что чисто пролетарская стадия движения, которую марксистская ортодоксия хотела возвести в принцип, никогда не могла получить в России такого исключительного преобладания как в Западной Европе [24, *32*]. Опыт революции показал, что сохранение классовой однородности российского революционного движения придало ему выдающуюся стальную силу и последовательность, спасая его от опасного и скользкого пути лавирования между классами, превращая пролетариат в движущую силу революции. И тот же опыт доказал, о тех же с[оциалистах]-р[еволюционерах], что не всякий, кричащий «Господи! Господи!»

войдет во царствие небесное, и не всякий считающий себя защитником интересов трудового крестьянства, окажется таковым тогда, когда этого потребует революция. «Чисто-пролетарская стадия движения», под руководством партии последовательного марксизма, привела, без трескучих и лживых фраз, к решительному осуществлению заветных чаяний многомиллионного российского крестьянства. Общность интересов крестьянства и пролетариата никогда не мешала революционной с[оциал]-д[емократии] сознавать ограниченность и непостоянство этой общности и твердо помнить что «социал-демократия в основе своей будет оставаться пролетарской, городской партией, всегда будет партией экономического прогресса; у консервативного крестьянина, который не любит городской жизни и стоит на почве патриархальной семьи с полным подчинением его воле служанки и батрака, женщины и ребенка – у этого крестьянина ей придется бороться постоянно с глубоко укоренившимися предрассудками» [6, *138*, *139*].

Во время революции для руководящей партии самым основным вопросом является умение вовремя оценить силы и слабости своего противника, привлечь на свою сторону или, по крайней мере, нейтрализовать возможно более широкие промежуточные социальные группы, овладеть, руководить ими. Революция 1905 г. подтверждает это полностью.

Гегемония в революционном движении страны и тогда уже принадлежала городу, а в нем пролетариату.

Указания мудрецов на крестьянский характер страны, их отеческие поучения и предостережения не помешали октябрьской стачке, сковавшей жизнь огромной страны, доказать, что социальное, политическое и экономическое значение города и пролетариата не измеряется одними мертвыми статистико-арифметическими выкладками.

Некогда столь дальнозоркий К. Каутский рассматривал русскую революцию 1905 г. «как совершенно своеобразный процесс, который совершается на рубеже буржуазного и социалистического общества» [7, *32*], полагая, что «эпоха буржуазных революций, т. е. революций, двигателем которых явилась буржуазия, миновала даже и для России» [7, *29*].

Крестьянство, этот дремучий, темный неведомый бор, таящий в себе богатые потенциальные революционные возможности и бывший вместе с тем в истории столь часто роковой губительной силой для революционного пролетариата послужило и для революции 1905 г. основной причиной ее гибели.

Русская революция 1905 г. остановила свой стремительный бег и погибла не из-за тактических ошибок большевиков, а споткнувшись о штыки мужицкой армии.

Революция 1905 г. доказала, что вопрос о том, какой социально-политической силе удастся овладеть крестьянством, будет кардинальным в определении перспектив и судеб русской революции.

«Нигде, писал в 1906 г. К. Каутский, аграрный вопрос не имеет для социалиста такого значения, как в России с ее 100.000.000 крестьян, а в самой России он никогда не имел такого значения, как теперь, когда прежде всего от крестьян зависит, какой ход примет революция. Союз этих классов, таким образом, диктуется самым положением вещей и является самой прочной порукой несокрушимости революции» [5, *5*].

Уже в 1905 году выявившееся соотношение социальных сил страны дало возможность т. Троцкому блестяще формулировать очередные задачи пролетариата в «перманентной русской революции». «Пролетариат, – писал т. Троцкий, – выполняет свою миссию, опираясь, как в свое время буржуазия, на крестьянство и мещанство. Он руководит деревней, вовлекает ее в движение, заинтересовывает ее в успехе своих планов. Но вождем остается неизбежно он сам. Это не диктатура крестьянства и пролетариата, это диктатура пролетариата, опирающегося на крестьянство» [21, *281*]. Таким же образом оценивал в свое время «движущие силы и перспективы русской революции» и К. Каутский, который, в книжке того же наименования, писал, что «действительная общность интересов на все время революционной борьбы существует только между пролетариатом и крестьянством. Она должна лечь в основание всей революционной тактики социал-демократии России» [7, *31*]. Эти перспективы получили полное свое оправдание во всем дальнейшем ходе российской революции вплоть до Великой Октябрьской Революции 1917 года. Кадеты и медоточивые, так называемые «социалисты» всех мастей и темпераментов бессильны были разрешить «проклятый» вопрос русской революции – аграрный. Они еще более неспособны были решить второго основного вопроса русской революции – вопроса о войне, вопроса, в котором многомиллионное трудовое крестьянство было не менее заинтересовано, чем в отобрании земли у помещиков. Октябрьская революция потому и победила, а пролетариат потому и стал у руля власти, что он руководимый коммунистической партией, правильно разрешил основные вопросы русской революции – *дал крестьянам землю и ликвидировал войну*.

В стране с подавляющим крестьянским большинством, в атмосфере мелкобуржуазной стихии, надо было обладать четкостью, ясностью и железной логикой пролетарской мысли, для того, чтобы не выпускать вожжей из своих рук, не терять перспективы, оставаться гегемоном пролетарской революции.

Стремясь вырвать крестьянство из под влияния либеральных и псевдосоциалистических партий, идя решительно навстречу коренным его интересам, обретая в нем крепкого союзника, большевики, как единственно последовательные марксисты, никогда не забывали основного различия между крестьянством и пролетариатом, никогда не объединяя их в одно понятие «рабочих», всегда подчеркивая разнородный социальный состав крестьянства. Пролетариат и его партия должны остаться верховными

руководителями хозяйственной, государственной и политической жизни страны. Они не должны раствориться в безбрежном море крестьянской мелкобуржуазной стихии.

Еще до октябрьской революции, 10 апреля 1917 года, Ленин писал о совершенной необходимости учесть разнородный социальный состав крестьянства и соответственно этому провести среди него работу, памятуя, что зажиточное крестьянство представляет собой лишь одну из разновидностей *капиталистов* [9, *49*]. Тем более понятно, что позднейшие, в 1919 году, предложения меньшевиков о «разделе власти» с крестьянством были ничем иным, как попыткой сорвать ненавистную диктатуру пролетариата.

Между тем российская революция, для того чтобы оставаться революцией социалистической, должна была быть тем, чем она была – не диктатурой крестьянства и пролетариата, а диктатурой пролетариата, опирающегося на крестьянство. Крестьянство, никогда не игравшее самостоятельной политической роли, в общем предпочло гегемонию пролетариата гнету помещика. Отдельные кулацкие его элементы были использованы контрреволюцией для грабежей, погромов, бандитизма. Но процесс отрезвления крестьянства, по мере укрепления Советской власти, шел все быстрее и быстрее. Революция прошлась глубоким плугом по крестьянству, произвела дифференциацию разнородных его социальных элементов, ущемив кулака и открыв широкие возможности трудовому крестьянству. Процесс нивеллировки в деревенской среде, выявил новый тип «советского середняка», ставшего таковым лишь после октябрьской революции и лишь благодаря ей. Союз с ним, как с преобладающей частью крестьянства, союз военный, политический и экономический настойчиво выдвигался всем ходом революции.

Натиск капиталистов и помещиков в период 1917–1921 годов, при поддержке мировой буржуазии и активной или пассивной поддержке эсеров и меньшевиков, сцементировал и кровавыми узами крепко спаял военный и экономический союз пролетариата и крестьянства за рабоче-крестьянскую Советскую власть. В Красной армии, авангарде мировой революции, этот союз получил свое наиболее яркое и мощное выражение. Благодаря этому союзу Советская власть, хотя и голодная, и нищая, и обескровленная, отстояла рубежи России от оскалившей свою алчную пасть мировой буржуазии. Но одного преимущественно военного союза с крестьянством было бы недостаточно для того, чтобы, в мелкобуржуазной отсталой социальной среде России, в условиях капиталистического окружения, считать диктатуру пролетариата, прочной и незыблемой.

Необходимо было возможно скорее наметить пути хозяйственных взаимоотношений города и деревни, надо было промышленную экономику связать, координировать с крестьянской экономикой. Проложить мост между экономикой города и деревни, хозяйственно подчинить мелкобуржуазную

крестьянскую стихию контролю пролетарской власти, это стало основной задачей пролетариата на пути к коммунистическому строительству.

В 1918 г. тов. Ленин пишет: «у нас, *вместо* полнейшего преобладания рабочих, пролетариев в населении и высокой организованности их, фактором победы явилась поддержка пролетариев беднейшим и быстро разоренным крестьянством» [10, *23*]. Поддержка же эта объясняется той простой причиной, что из всех классов России крестьянство одно получило от революции неоспоримые, реально ощутимые материальные выгоды.

А материальные интересы очевидно остаются основными, определяющими симпатии и антипатии социальных групп и классов к революции и к ее носителю, к пролетариату.

Из взаимоотношений деревни с городом фактических материальных выгод гораздо больше пришлось на долю деревни, крестьянина, чем на долю рабочего.

Вся тяжесть переходного периода небывалого в истории социального катаклизма обрушилась на плечи рабочего.

Статистика утверждает, что из всех промышленных продуктов, отправляемых Компродом за период 1917–1920 г., на долю рабочего и городского населения ежегодно приходилось всего лишь одна треть и около двух третей на долю крестьян. В то время как крестьяне в среднем получали хлеба почти столько же, сколько и в мирное время, причем крестьяне «производящих губерний в 1918–1919 г.» даже больше на пуд на душу, горожане получали только 60 %, а часто и ниже, довоенного потребления [8, *20*, *24*, *25*]. Несмотря на это, крестьянин понятно, остро испытывал все тяжести и невзгоды гражданской войны, вынужденный весьма часто, в критические минуты переживаемые страной уделять ей более чем это допускала товарно-капиталистическая природа крестьянского хозяйства.

Переход к правильным хозяйственным взаимоотношениям между пролетариатом и крестьянством, как способу постепенного обобществления не только городской индустрии, но и сельского хозяйства, в обстановке «военного коммунизма» 1917–1921 гг. был невозможен. Продразверстка не могла быть стимулом к хозяйственной заинтересованности крестьянства. Она была, однако, неизбежной и разумной государственной мерой обороны страны против помещиков и буржуазии.

Она была вынужденной, в обстановке гражданской войны, мерой, и крестьянство, в подавляющей своей массе, это учло и с этой мерой примирилось.

Но зато, тем больнее оно почувствовало тяжесть продразверстки, и тем сильнее сказалась привычная тяга крестьянина к рынку тогда, когда нависшие над крестьянской землей грозовые военные тучи рассеялись, когда непосредственная угроза возвращения ненавистного помещика, прогнанного и разбитого рабоче-крестьянской Красной армией, исчезла.

Кроме того к началу 1921 года на крестьянском хозяйстве сказались, наконец, в полной мере результаты длительной разрушительной стихии

гражданской войны, усугубленные неурожаем и бескормицей 1920 года. Немедленная, рациональная и решительная помощь крестьянству стали Conditio sine qua non* подъема производительных сил страны и сохранения пролетарской диктатуры.

Промежуточная мелкособственническая натура крестьянина, получившего от революции максимум возможного и сейчас мечтающего лишь о приложении своих накопленных сил в сфере свободного товарообмена, также сказалась в полной мере.

Контрреволюционные группы, сразу учтя изменившуюся конъюнктуру, изо всех сил пытались овладеть этими «живыми силами страны».

Вновь воскресли разговоры о демократии, советах без коммунистов, вновь замелькали сообщения о взрывах мостов, фабрик, заводов, о заговорах и т. п.

Необходимость во чтобы то ни стало овладеть мелкобуржуазной стихией, подчинить ее своему разумному руководству, в ярком освещении Кронштатского мятежа, стала особенно понятной и настойчивой.

«Либо мы, – писал в 1918 г. со своей обычной резкой прямотой т. Ленин, – подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа, либо он скинет нашу рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие» [10, *17*].

Старая марксистская выучка, долгий опыт революции научили авангард пролетариата, его партию, умело лавировать в лабиринте многообразных, все более новых условий, быстро овладевать ими, подчинять их себе.

Отсюда непонятные евнухам марксизма повороты в тактике, стратегии РКП. Интересы революции властно требовали сохранить прочным и незыблемым свой фундамент – союз рабочих и крестьян. Овладеть же крестьянством рабочий класс может единственно мерами реальной помощи.

Отсюда – и продналог и так называемая «новая экономическая политика», основная сущность которой – заинтересовать крестьянина в поднятии производительных сил страны и тем самым связать его судьбу с судьбой рабоче-крестьянской советской власти.

Разрыв хозяйственных связей, неизбежный в условиях экономики переходного революционного периода, особенно резко сказался у нас в исключительной зависимости города от деревни, пролетариата от крестьянства.

Таким образом, судьба Красной армии, советской работы во всех отраслях, судьба промышленности, словом участь всей революции зависела и зависит от преуспеяния сельского хозяйства. Диспропорциональность в развитии индустрии и сельского хозяйства, создающая разрыв города от деревни, является серьезнейшей проблемой международной

*необходимое условие (то, без чего невозможно) (лат.).

и национальной экономики. Колоссальное значение России, как богатейшего источника сырья, как страны аграрной, скажется тогда, когда вспыхнет пролетарская революция в одном из крупно-индустриальных государств.

С другой стороны, техническая отсталость нашей промышленности, отсутствие в распоряжении пролетарского государства достаточного количества фабрикатов, нужных деревне, делает невозможным установление правильных товарообменных отношений меж государственным социалистическим производством и крестьянином.

Эта возможность находится, в значительной степени, в зависимости от установления тесных экономических взаимоотношений между Россией и индустриальными странами, от быстроты восстановления государственной промышленности. До тех же пор нам приходится, для восстановления сельского хозяйства и промышленности, допустить свободную торговлю, а с ней в известной мере, возрождение буржуазных, капиталистических отношений.

Тов. Варга, на опыте Венгерской Советской республики, подчеркивает чрезвычайную важность привлечения средних и низших слоев крестьянства на сторону пролетарской власти и ведения такой политики, которая «не только не создает тормоза для сельского хозяйства, но по возможности способствует его развитию, обеспечивает питание городского населения и дает пролетариату режим и опору в деревнях». «Ни одно правительство, утверждает он далее, не смогло бы долго устоять против единодушного сопротивления сельского населения» [3, *88*]. Тов. Ленин указывает на то, что пролетариату, как руководящему, как господствующему классу надо уметь направлять политику так, чтобы решить в первую голову самую неотложную, самую «большую задачу. «Неотложнее всего, пишет он, теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно. Только *через* это можно добиться и улучшения положения рабочих и укрепления союза рабочих с крестьянством, укрепления диктатуры пролетариата. Идти не через это значит: цеховые интересы рабочих поставить выше классовых интересов» [12, *13*]. Проблема правильных взаимоотношений пролетариата с крестьянством становится в настоящее время в России особенно важной и сложной. Новые капиталистические отношения уже ворвались бурно в деревню и в ней происходит сейчас сильнейшая социальная дифференциация. Продукт Октябрьской Революции, середняк, как равнодействующая крестьянства перестает быть доминирующим в деревне. Кулацкая стихия растет, крепнет она – жмет, давит и грабит бедняка, а кое-где и середняка.

Классовые противоречия несомненно усиливаются в деревне. Исчезнувший было сельскохозяйственный пролетариат, при новой экономической обстановке несомненно начнет быстро расти, пополняясь разоряющимися окончательно бедняками.

Город сможет поставить себя, хотя бы отчасти в равное с деревней положение, единственно при условии реальной, фактической помощи крестьянину. Нормальная связь города с деревней будет установлена лишь тогда, когда исчезнет диспропорциональность отдельных частей народного хозяйства. В противном случае у нас будет то, что было в свое время на Украине, когда крестьяне требовали настойчиво только одного, чтобы город их не трогал. Надо твердо помнить, что у нас нарастает тип крепкого мужика, с фанатической привязанностью к своей земле, своему хозяйству, с верою в частно-торговые отношения и со враждой и недоверием к городу. Надо, во что бы то ни стало, убить в крестьянине это недоверие к городу. Но крестьянина надо, как об этом нас поучал еще на 8-м Съезде Советов тов. Ленин, убеждать практически не путем агитационных листков, а тем, чтобы «дать крестьянину 100.000 тракторов». Из соревнования сил, простор которому открывает современная экономическая политика, победителем выйдет тот, кто сумеет лучше хозяйничать, кто окажет более быструю и решительную помощь крестьянину. Вырвать крестьянство из услужливых тисков нарождающегося русского спекулятивного капитализма, связать городскую пролетарскую экономику с экономикой сельской – вот основная задача, стоящая перед нами сегодня, выпукло подчеркнутая т. Лениным на XI-ом съезде РКП. Временное замедление темпа международной социалистической революции, конечное торжество которой неизбежно в обстановке безысходного мирового хозяйственного хаоса, еще более властно требует от рабочего класса России сохранить «всерьез и надолго» союзные отношения с крестьянством, выдвигая на ближайший период основной лозунг – смычку с крестьянством.

Она должна доказать крестьянину силу пролетарского государства, его желание и умение реально помочь ему.

Она должна обеспечить прочность и устойчивость крестьянского землепользования, путем признания его бессрочным, она должна мерами сельскохозяйственной кооперации и мерами агрокультурного характера содействовать развитию и улучшению сельского хозяйства.

Одновременно надо зорко следить за происходящей в деревне дифференциацией, всемерно поддерживая беднейшие элементы крестьянства, используя расслоение в целях организации и политического воспитания пролетаризирующихся крестьянских слоев.

Наши волостные советские органы должны быть усилены, ваша полит-просветительная работа в деревне сдвинута, наконец, с мертвой точки, наши газеты, особенно специально деревенские, должны каким-нибудь путем найти себе путь к читателю-крестьянину.

Перспектива нарастания сельскохозяйственного пролетариата, эксплуатация его кулачеством, настоятельно требуют от нас выдвинуть на первое место работу профсоюза с[ельско]-хоз[яйственных] рабочих.

Те же причины диктуют нам необходимость усиления и углубления нашей партийной работы в деревне.

Из внутренних сил, на которые российская контрреволюция до сих пор не оставляет надежд опереться, единственным остается крестьянство.

Наиболее умный представитель российской контрреволюции П. Н. Милюков, на эмигрантском досуге, изучая основательно и научно пути и методы свержения столь ненавистной ему рабоче-крестьянской Советской власти, прекрасно оценил огромный удельный вес российского крестьянства, на морганатическом союзе с ним лелея свои обновленные надежды.

Буржуазная контрреволюция всегда пытается опереться на капиталистические и колеблющиеся элементы города и деревни.

Советская власть из всех столкновений с контрреволюцией выходит победительницей потому, что она, руководимая РКП, прекрасно владеет наиболее совершенным научным методом марксизма, с помощью которого она своевременно и правильно оценивает реальное соотношение сил в стране и в международном масштабе, делая из сего анализа соответствующие практические выводы.

«Развитие революции и контрреволюции, – писал К. Радек, – ребром поставит вопрос *о стратегии социалистической революции*. Русская революция показывает в каком направлении разовьется этот вопрос» [17, 25].

Советская власть, владея, словно опытный хирург острым ланцетом, методом диалектического материализма, прекрасно разрешает важнейший вопрос, *о стратегии социалистической революции*. «Нигде, пишет далее К. Радек, крестьяне не станут сразу и без оговорок на сторону революции. В капиталистических странах еще менее, чем в России, где революция дала им и землю и волю».

До сих пор российский пролетариат успешно справляется с задачей привлечения крестьянства на сторону революции.

Перед ним стоит задача и в дальнейшем, в существенно-изменившейся и гораздо более сложной обстановке, сохранить прочным и нерушимым союз с крестьянством, применяя в зависимости от изменяющихся условий, разумные методы революционно-марксистской стратегии.

Присматриваясь к растущей экономической силе крестьянства, некоторые спешат из сего делать весьма рискованные выводы.

Они утверждают, что новая экономическая политика консолидирует все крестьянство как класс, что оно осознает себя таковым и вырастает в опасную силу, которая пролетарскому государству предъявит свои крестьянские политические требования.

В установлении механической зависимости «политики» от «экономики» без учета всех условий социальной среды, самая вредная особенность упрощенного и меньшевистствующего марксизма. Социально-политическая и хозяйственная роль рабочего класса не измеряется одними стати-

стико-арифметическими выкладками. А удельный вес рабочего класса, в руках которого политическая власть и крупная трестированная промышленность, еще более велик.

Кроме того в условиях международного рабочего движения и в эпоху мировой социалистической революции, сила класса измеряется не только его значением в данной стране, но той огромной идейной и фактической поддержкой, которой он пользуется от международного пролетариата. Не следует забывать и того, что экономическое преуспеяние крестьянина находится в исключительной зависимости от индустрии, от развития сельскохозяйственной техники, следовательно, у нас в России, от пролетариата. Пролетариат должен суметь, в интересах революции, использовать эту зависимость от себя крестьянства.

Но основная ошибка приведенных рассуждений коренится в рассматривании крестьянства как класса, способного играть самостоятельную политическую роль.

Маркс еще в «18 Брюмере» указывал на то, что «мелкие крестьяне не образуют класса, что тождественность их интересов не может привести к общности их интересов, что крестьянство самостоятельной политической роли играть не может». Крестьянство и в настоящее время нельзя ни в коем случае рассматривать как класс.

Туган-Барановский, подобно российским народникам с[оциалистам]-р[еволюционерам] и германским ревизионистам, отнеся пролетариат и крестьянство к одной категории «трудящихся классов», одновременно различает в крестьянстве разнородные социальные группы с совершенно противоположными интересами. «Мы говорим, пишет он, о *мелком* крестьянском хозяйстве, когда крестьянин не может обеспечить себе существования своими собственными силами и должен обращаться к наемному труду на стороне, о *среднем* крестьянском хозяйстве, когда крестьянин не работает по найму, но и не нанимает сам рабочих, и о *крупном* крестьянском хозяйстве, когда крестьянин, работая в своем хозяйстве, в тоже время пользуется и наемным трудом. Мелкий крестьянин – отчасти пролетарий, а крупный – капиталист» [22].

Современная экономическая политика еще более расслоет крестьянство, создавая в нем разнородность интересов и стимулируя процесс пролетаризации.

Тем менее оснований опасаться его самостоятельных политических классовых выступлений.

Условия для пролетарской диктатуры, в обстановке нарождающегося капитализма и мелкой буржуазии, несомненно сложнее и труднее. Но мы думаем, что в деревне условия для нее в настоящее время создаются более благоприятные, чем ранее. Отсутствие острых классовых противоречий, преобладание «середняка», сильное сокращение сельскохозяйственного

пролетариата, создавало большую общность, однородность интересов всего крестьянства и служило сильнейшим препятствием для советской и особенно коммунистической работы в деревне. Собственнические, опасные для пролетарской власти тенденции сейчас в крестьянстве, конечно, усилятся.

Задача партии в том, чтобы умело использовать происходящую в крестьянстве дифференциацию, всеми способами организовывая пролетарские и полупролетарские элементы в деревне, противопоставляя их кулакам.

На примере Венгерской революции тов. Варга подтверждает нашу мысль. «Чем большая доля, – пишет он, – земли приходится на крупное землевладение, чем больше абсолютно безземельных пролетариев в сельском хозяйстве, чем острее развито классовое противоречие между крупными землевладельцами и сельскохозяйственными рабочими, тем прочнее может утвердиться в деревне диктатура... Напротив, чем равномернее землевладение, чем меньше лишенных собственности настоящих пролетариев, чем слабее поэтому классовые противоречия, тем менее благоприятны условия для пролетарского господства» [3, *89*].

Растерянность и меланхолия, с которой некоторые наблюдают нашу крепнущую крестьянскую стихию, основана, отчасти, на неведении некоторых основных положений марксистской теории. Революционный марксизм никогда не рассчитывал на то, что «на другой день после социальной революции» сразу исчезнет вся масса мелких товаропроизводителей, исчезнут классы, вообще.

Свойства переходного периода от капитализма к коммунизму в том и заключаются, что политическая власть находится в руках пролетариата, тогда как исчезновение классов и «отмирание государства» есть процесс длительный и трудный.

Для того именно, чтобы этот процесс ускорить и всю мелкобуржуазную стихию себе и своему руководству, контролю подчинить, пролетариату и нужна «диктатура».

В бесклассовом государстве диктатура пролетариата существовать бы не могла, так как не было бы на лицо субъекта власти. Историческая миссия пролетариата в эпоху социальной революции в том и заключается, что он является ее гегемоном и на свою сторону все более привлекает не только пролетарские, но и мелкобуржуазные, мелкокрестьянские массы.

Задача чрезвычайно трудная, но неизбежная и необходимая.

«Победить крупную централизованную буржуазию, пишет т. Ленин, в тысячу раз легче, чем «победить» миллионы и миллионы мелких хозяйчиков, а они своей повседневной, будничной, невидной, неуловимой, разлагающей деятельностью осуществляют *те самые* результаты, которые нужны буржуазии, которые *реставрируют* буржуазию» [11, *33*].

Как же разрешить эту труднейшую проблему мирного сожительства социалистического пролетариата с мелкобуржуазным крестьянством? Тов. Ленин дает на этот вопрос ясный и исчерпывающий ответ.

«Уничтожить классы – значит не только прогнать помещиков и капиталистов – это мы сравнительно легко сделали, – это значит также *уничтожить мелких товаропроизводителей*, а их *нельзя прогнать*, их нельзя подавить, с ними *надо ужиться*, их можно (и должно) переделать, перевоспитать, только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой» [11, *32*].

Задача авангарда революции *не только в том*, чтобы руководить своей партией, но и широкими массами, постепенно и умело вовлекая их в строительство новой жизни.

Противоречия между интересами пролетариата и крестьянства неизбежны и коренятся в их социальной природе.

Пока мы можем только притупить эти противоречия. Совершенно же они смогут быть разрешены исключительно в масштабе международном, в обстановке мировой пролетарской революции. Вопрос о взаимоотношениях гегемона революции – пролетариата с крестьянством неизбежно приводит нас к не менее важному и сложному вопросу – о взаимоотношениях партии и класса, о социальном составе партии.

Не подлежит никакому сомнению, что перерождение социального состава партии у нас на лицо. После октября 1917 г. процент крестьян в РКП все растет, а процент рабочих становится меньше.

Уменьшение рабочего состава партии обусловливалось, главным образом, деклассированием пролетариата, его распылением, вызванным общей хозяйственной разрухой страны. С другой стороны через Красную армию крестьянство вливалось в ряды партии.

Преуменьшать опасности этого явления ни в коем случае нельзя.

Потому именно, что пролетариат является гегемоном революции, он должен обязательно оставаться таковым и в партии.

Наводнение партии чужеродными социальными элементами грозит ее классовой выдержанности, спайке и боевой мощи.

Взаимоотношениями пролетариата с крестьянством можно объяснить причины перерождения социального состава партии, но ими нельзя его оправдать и признать подобное явление нормальным.

Союз пролетариата с крестьянством еще не означает и означать не должен раздела власти с ним. Пролетариат только *опирается* на крестьянство, но не более. Он никогда не должен и не может забывать *конечной* разнородности своих с крестьянством интересов.

Диктатуры пролетариата и крестьянства у нас нет, а есть диктатура *лишь одного* пролетариата.

Нельзя, следовательно, из необходимости союзных отношений с крестьянством делать выводы о том, что двери пролетарской партии следует раскрыть настежь пред крестьянином.

В современных российских и международных условиях, главная задача рабочего класса – усилить свою партию, укрепить тесное единение в ее рядах.

А это возможно при условии большей однородности в рядах РКП, при преобладании в ней основы и conditio sine qua non социалистической революции – пролетариата.

Пополнение же рядов партии рабочими находится в исключительной зависимости от восстановления нашей промышленности, а последнее от сельского хозяйства.

Динамика класса есть всегда сложный процесс пополнения его рядов выходцами из чужих классов. Тем более это имеет место в России, где пролетариат до сих пор еще не порвал, в значительной своей части, связи с деревней.

Разнородность социального состава класса и выдвигает настоятельную необходимость организации его авангарда в партию.

«Партия – это не класс, а часть класса, иногда весьма небольшая, но партия – это *голова* класса. Вот почему до крайности *нелепо противопоставление* партии и класса» [2, *163*].

Также оценивал еще на II-м съезде РСДРП взаимоотношения партии и рабочего класса и т. Ленин. «Партия, говорил он, должна быть лишь передовым отрядом, руководителем громадной массы рабочего класса, который весь (или почти весь) работает «под контролем и руководством» партийных организаций, но который не входит весь и не должен входить весь в партию».

Но если партия может и должна объединять не весь рабочий класс, а только его лучшую часть, то тем более осторожной ей следует быть по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и крестьянству.

Тенденция строительства партии в общем всегда идет по линии соответствия классовым швам общества. Партия, однако, никогда не бывает по своему составу совершенно однородной. Но значительные группы разнородных социальных элементов в одной партии в течение долгого времени ужиться не могут и должны привести ее или к расколу или к засорению ее программы и тактики.

Эту тенденцию партии, в целях самосохранения, к сохранению преобладающей однородности своего состава отмечает философ Р. Паульсен.

«С шестидесятых годов социальные классы, – пишет он, – начинают организовываться как враждебные партии; отличительной чертою политической борьбы минувшего века является классовая борьба. Старые политические партии начинают переживать процесс внутреннего преобразования... Вследствие этого старые политические партии все более и более превращаются в союзы лиц с одинаковыми интересами» (Цит. по: [1, *65*]).

Американский буржуазный ученый Лоуэль пытается доказать чрезвычайную опасность горизонтального строения партии (соответственно определенной социальной группировке), усматривая в такой партии путь к «социальной анархии», к «диктатуре», что для него одно и то же.

Вот «вертикальные» партии, в которых мирно уживаются волк и ягненок, это – прямая дорога к демократии.

Неумолимые факты истории убеждают нас, однако, в том, что «вертикальные» партии гибельны для пролетариата. Реакционность германской социал-демократии, ее ревизионизм и социал-империализм следует объяснить, в значительнейшей степени, ее так называемым «вертикальным» строением, неоднородностью ее социального состава, засоренностью мелкобуржуазными элементами.

Она приводила к таким невероятным, казалось бы, фактам, какие имели место в Германии, когда один мелкий торговец социал-демократ обратился в социал-демократическую газету «Gamburger Echo» с требованием, чтобы рабочие отказались от кооперативного движения, так как в противном случае торговцы, состоящие ныне членами социал-демократической партии отпадут от нее [1, *108*].

В рядах германской соц[иал]-дем[ократии] уже давно ведется горячий спор по вопросу о социальном составе партии. Еще на эрфуртском партейтаге, так называемые «молодые» обвиняли соц[иал]-демокр[атов] в том, что она движется по наклонной плоскости буржуазности, требуя, в начале 90-х годов, противодействия привлечению в ряды партии мелкобуржуазных элементов и в частности крестьянства.

Бывший соц[иал]-демократ Ганс Мюллер в том же обвинял в 1892 г. немецкую соц[иал]-демократию.

«Она вместо того, писал он, чтобы прямым путем идти к своей цели, стала все более уклоняться в сторону и с некоторого времени все более стала превращаться из чисто пролетарски-революционного движения в мелкобуржуазную оппортунистическую партию, реформ» [27].

Ушедший позже к ревизионистам Рихард Кольвер также предостерегал немецкую соц[иал]-демократию, подчеркивая, что «пока эти мелкобуржуазные элементы не слишком многочисленны, их воззрения бесследно будут тонуть в широком море пролетарского социализма и не будут оказывать почти никакого влияния на социал-демократическое движение. Но если мелкобуржуазные элементы сильно возрастают, то партийные товарищи должны обратить на них бдительное внимание» (Цит. по: [1, *237*]).

Зато ревизионисты, увлеченные победами германской соц[иал]-демократии на парламентских выборах, выступили с требованием широко открыть двери партии для мелкой буржуазии, объединяя ее, пролетариат и крестьянство в один «трудящийся класс» и требуя превращения немецкой рабочей партии в «народную партию».

Вот против подобных ревизионистских попыток превращения партии пролетариата в «народную партию» РКП должна решительно бороться. Взаимоотношения пролетариата с крестьянством в стране определяются их общими союзными экономическими и политическими интересами. Надо только не забывать того, доказанного уроками истории, положения, что соц[иалистическая] революция может быть победоносной и не сойдет

с рельс лишь тогда, когда ее авангард – пролетариат сохранит всю полноту власти в своих руках, оставаясь гегемоном в стране.

А это будет достигнуто, единственно при том условии, если с одной стороны рабочий класс не будет на себя смотреть с узкопрофессиональной, цеховой точки зрения, с другой если голова рабочего класса – РКП останется единой, монолитной, стальной и станет социально более однородной.

Библиографические ссылки

1. *Берлин П. А.* Политические партии на Западе, их доктрины, организация и деятельность. СПб., 1907.

2. *Бухарин Н. И.* Теория исторического материализма: популярный учебник марксистской социологии. М., 1921.

3. *Варга Е. С.* Проблемы экономической политики при пролетарской диктатуре / пер. с нем. под ред. Г. И. Крумина. М., 1922.

4. *Дживелегов А. К.* Крестьянские движения на Западе: исторический очерк. Петроград ; М., 1920.

5. *Каутский К.* Аграрный вопрос в России. СПб., 1906.

6. *Каутский К.* Аграрный вопрос. («Аграрная программа»). СПб., 1905.

7. *Каутский К.* Движущие силы и перспективы русской революции. СПб., 1907.

8. *Ларин Ю., Крицман Л.* Очерк хозяйственной жизни и организация народного хозяйства Советской России 1 ноября 1917 – 1 июля 1920 г. М., 1920.

9. *Ленин В. И.* Собрание сочинений : в 105 т. М., 1920–1927. Т. 14 : Буржуазная революция 1917 г. Ч. 2. От июльских дней до Октябрьской революции. М., 1921.

10. *Ленин В. И.* Главная задача наших дней. М., 1918.

11. *Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме: [опыт популярной беседы о марксистской стратегии и тактике]. Петроград, 1920.

12. *Ленин В. И.* О продналоге : доклад на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП г. Москвы и Московской губ. Ростов н/Д, 1921.

13. *Маркс К.* 18-е Брюмера Луи Бонапарта : Материалы к изучению истории Франции. СПб., 1905.

14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Коммунистический манифест. М., 1917.

15. *Маркс К.* Критика некоторых положений политической экономии. М., 1896.

16. *Плеханов Г. В.* Русский рабочий в революционном движении: (По личным воспоминаниям). М., 1919.

17. *Радек К. Б.* На службе германской революции. М., 1921.

18. *Розенталь П. И.* Зенит и закат: Пути революции. Петроград ; М., 1919.

19. *Семковский С. Ю.* Исторический материализм: сборник статей Энгельса, Каутского, Лафарга [и др.]. М., 1919.

20. *Скворцов-Степанов И. И.* Парижская коммуна 1871 года и вопросы тактики и пролетарской революции. М., 1921.

21. *Троцкий Л.* 1905. М., 1922.

22. *Туган-Барановский М. И.* Основы политической экономии. 5-е изд. Петроград, 1918.

23. *Чернышев И. В.* Памятная книжка марксиста. 2-е изд. Петроград, 1917.

24. *Шишко Л. Э.* К вопросу об аграрной программе. М., 1906.
25. *Энгельс Ф.* Революция и контрреволюция в Германии / С предисл. К. Каутского. СПб., 1906.
26. *Энгельс Ф.* Философия. Политическая экономия. Социализм : (Анти-Дюринг). Петроград, 1918.
27. *Miller Hans*. Der Klassenkampf in der deutschen Sozialdemokratie. Zürich, 1892.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕНЕОНОМИИ*

Настоящее несет на себе бремя
прошлого и чревато будущим.
Лейбниц

Современная социология несомненно переживает тяжелый кризис. Несмотря на столетний период ее существования социологи до сих пор затрудняются точно определить содержание, задачи, методы и отношение к другим сопредельным дисциплинам своей науки. Множество борющихся внутри социологии направлений обрекают ее весьма часто на бесконечные и бесплодные метафизические рассуждения, ни на шаг не подвигая ее к осуществлению основной ее задачи, намеченной еще О. Контом – к установлению законов исторического процесса. Это и заставляет такого крупного ученого, как Ш. Летурно сокрушенно жаловаться на то, что «у нас есть название, но нет обозначаемого им предмета...». Те же мотивы лежат в основе скептического утверждения франко-русского социолога Е. де Роберти о том, что «социология не есть еще наука вполне установившаяся, наука, которая бы преследовала определенные цели определенными же средствами».

Между тем внутренним недугом, разъедающим современную социологию, является чрезвычайное ее пристрастие к отвлеченным дедукциям и метафизической схоластике.

В течение долгого времени господствовавшая психологическая школа, занимаясь социологическим вербализмом, не сумела создать для своей науки объективных научных методов исследования и вызвала заслуженные обвинения такого рода социологии в «болтологии». Характерной особенностью психологического направления является изучение им, в конечном итоге социальных феноменов с точки зрения законов индивидуальной психологии. Вместо изучения взаимоотношений и борьбы социальных групп, вместо изучения причин правильной повторяемости в истории народов определенных социальных явлений, вместо того, чтобы служить верным методом научного исследования для всех гуманитарных дисци-

*Актовая речь, произнесенная на торжественном собрании Белорусского государственного университета 30 октября 1923 г.

плин, психологическая школа, оседлав фактор «психического взаимодействия», беспомощно топчется, по меткому выражению ее же собственного приверженца П. Сорокина, «в передней социологии».

Неудивительно, что представители этого до недавнего времени господствовавшего направления, не находя лучшего объяснения причин сходства социальной эволюции народов, ссылаются на «неизменную духовную природу человека», на духовное generatio aequiwoca («самозарождение»). К кругу тех же идей принадлежит и теория крупнейшего этнолога Адольфа Бастиана об «элементарной общечеловеческой мысли», определяющей сходство в культурной эволюции народов и «народной мысли», обусловливающей специфические культурные особенности того или иного народа. Против бесплодной тенденции свести изучение жизни социальных групп к психологическим экспериментам решительно восстает Л. Леви-Брюль, автор интереснейшей и имеющей огромное значение для социологии работы «Das Denken der Naturvölker»*. Основным моментом, который по мнению Леви-Брюля, должна усвоить себе современная социология, является положение о том, что социальная жизнь подвержена своим собственным, sui generis**, законам. Они смогут быть открыты лишь путем изучения коллективов, но не индивидуумов. Представление о неизменном индивидуальном человеческом духе столь же химерично, как и мысль о дообщественном человеке [27, *10–11*]. И тем не менее в современной социологии, начинающей сознавать печальные последствия своего недуга, намечается кризис.

Вместо абстрактного изучения человека «вообще» наступила пора собирания фактического материала, всестороннего изучения каждой стороны общественной жизни, с целью установления законов, управляющих ею.

Индуктивный, сравнительно-исторический метод, сделавший блестящие достижения в изучении различных сторон социальной жизни, вытесняет априорные дедукции.

Несомненно исключительное значение в излечении современной социологии от ее недугов сыграет расцвет исторических, археологических и этнографических знаний.

То, чего не могут понять представители психологической школы, прекрасно понимает современный археолог, кладущий в основу изучения длиннейшего доисторического периода эволюцию орудий труда (Мортилье, проф. Городцов). Длинная плеяда современной эволюционной этнологии один за другим разрушает фетиши, воздвигнутые идеалистической мыслью, обнаруживая в жизни и эволюции общественных институтов отсталых народов, материальные корни.

Материалистический метод незримо проникает в многочисленные этнографические исследования, рассеивая идеалистический туман и приводя к блестящим результатам.

---

*«Мышление первобытных народов».

**своеобразным (лат.).

Судьба современной социологии совершенно ясна. Те из ее направлений, которые останутся в стороне от эмпирического изучения общественной жизни, неизбежно отомрут, очистив место для научной марксистской социологии.

Современная этнография, изучая быт отдельных народов или же отдельные стороны этого быта, не должна, однако, забывать того, что собираемый ею материал есть основа для социологических обобщений.

Всякая попытка ограничения этнографии простым описанием исследуемых ею явлений для социологии в значительной степени бесплодна. Изучение отдельных социальных институтов у разных народов, с помощью сравнительного метода, должно преследовать цель установления типичности, закономерности в эволюции этих институтов. Поэтому неосновательен скептицизм Ш. Летурно, утверждающего, что «теперь возможны лишь социологические наброски» и что «было бы разумно ограничить предмет их, посвящая каждый из них рассмотрению отдельной стороны общественной жизни». «Общественная наука, утверждает Ш. Летурно, еще в детстве: установить законы свыше ее сил».

В словах Ш. Летурно чувствуется влияние старой мысли о разделении наук на науки о природе и науки о духе («Naturwissenschaften»* и «Geisteswissenschaften»**), и сомнение в возможность построения последней своих собственных законов.

В общей социологии завоевывает себе все более солидное место генетическая социология, теснейшим образом связанная с достижениями истории, археологии и этнографии.

Генеономия – основной отдел генетической социологии, «есть совокупность всех социологических явлений, которые непосредственно или косвенно соприкасаются с производством людей» [14, *12*].

Генеономия – термин, впервые введенный Геккелем, но заслуга построения и обоснования этой науки всецело принадлежит оригинальному и талантливому германскому социологу, находящемуся под двойным влиянием позитивизма О. Конта и марксизма, – Ф. Мюллеру-Лиеру.

Главными проблемами генеономии являются те, кои связаны с вопросом о происхождении брака и семьи.

Современная социология, говорили мы, раздирается изнутри множеством борющихся в ней направлений. И в области генетической социологии по самым основным вопросам идет горячий спор и нет единого взгляда на вопросы о происхождении брака, семьи, собственности, религии, морали, искусства. Общие социологические воззрения, признание того или иного фактора определяющим исторический процесс, решительно влияют и на построение теорий о происхождении общественных институтов.

*«Естественные науки».

**«Гуманитарные науки».

Но и внутри определенных социологических направлений тем не менее также нельзя констатировать единодушия по вопросам социальной генетики.

Это обстоятельство, в значительной степени, объясняется самой природой изучаемых вопросов.

Генетическая социология пытается приподнять завесу над доисторическим прошлым человека, где находятся истоки общественной жизни.

К ее услугам – застывшие пласты геологических пород, немые орудия труда, ископаемые остатки первобытного человека и животных – мертвые, но драгоценные осколки доистории, любовно раскапываемые археологией.

К ее услугам – отсталые, полукультурные народы с их загадочной, таинственной, непонятной для нас жизнью, внимательно изучаемой эволюционной этнологией.

К ее услугам рассказы летописцев и историков о жизни древнейших народов, данные мифологии и сравнительного языковедения.

И, наконец, к ней на помощь приходит и зоосоциология, насчитывающая ряд капитальных исследований Ч. Дарвина, Брема, Эспинаса, Сутерланда и др., знакомящая нас с миром наиболее близких к человеку приматов.

И тем не менее генетической социологии чрезвычайно трудно делать точно проверенные обобщения и устанавливать законы.

Данные геологии, палеонтологии, антропологии, археологии знакомят нас лишь с материальным и физическим миром доисторического человека.

Но они бессильны вскрыть тайну социальной и духовной жизни доисторического человека.

Этнография же не ставит нас лицом к лицу ни с одним народом, который можно было бы назвать вполне первобытным.

История не оставила нам ни одного народа с палеолитической техникой, и даже такие отсталые народы, как австралийские негры, бушмены, ведды, южно-африканские пигмеи стоят на сравнительно высокой ступени культуры, на рубеже палео- и неолита.

Нужно, следовательно, умелое пользование сравнительным методом (ценные указания даны Коллером), правильное сопоставление археологических с этнографическими данными в умение, наконец, отрешиться от того, чтобы смотреть на первобытный мир сквозь культурные очки (Kulturbrille).

По мере накопления этнографического материала, охватывающего постепенно все уголки земного шара, кольцо неведения становится все меньше, делать обобщения становится легче, строить законы развития социальных институтов вполне возможно и необходимо.

За те несколько десятков лет, в течение которых развивалась эволюционная этнография, народилась колоссальная литература по генеономии. И, несмотря на то, что основные вопросы генеономии для многих социологов еще остаются спорными, тем не менее, несомненны значительные достижения в этой области.

Некоторые исследователи, или теряющиеся в хаосе огромного материала, или по ряду причин боящиеся намечения закономерностей, пытаются и в эволюции брака и семьи обнаружить идеографические особенности, не поддающиеся закономерному истолкованию.

Свойственный многим консерватизм особенно силен в изучении такой щепетильной и тесно связанной со всеми сторонами социальной жизни проблемы, какой является учение о происхождении брака и семьи.

Мысль о том, что основные институты современного социального уклада – брак, семья, религия, собственность, государство, мораль – не вечны, что это категории исторические, подверженные постоянной эволюции – эта мысль не может разделяться теми, кому дорого сохранение этих устоев.

Чрезвычайно характерно оживление в современной германской клерикальной этнографии, которая объявила решительный поход против эволюционной этнографии, усматривая в ней крушение теологического престижа, заветов Томы Аквинского, до сих пор еще составляющих символ веры католицизма.

Оспаривая эволюционную этнографию, идеологи клерикальной школы – патер В. Шмидт, редактор католико-этнологического журнала «Anthropos»* и В. Копперс, проф. Духовной Академии в Вене – выдвигают оригинальную и любопытную теорию вырождения (Ethnologische Degenerations-theorie). Теория эта считает современные наиболее отсталые народы выродившимися, а потому не могущими служить основанием для каких-либо обобщений. Эта удобная теория дает легкую возможность все те народы, у которых установлены институты, противоречащие средневековой церковной социологии, отнести к числу выродившихся.

Ввиду чересчур явной несостоятельности «дегенеративной» теории, клерикальная этнография выдвинула новую теорию, защищаемую руководителями этнографического музея в Кельне Dr. W. Foy и Dr. Fr. Gräbner и директором этнографического отдела Берлинского музея Dr. B. Ankermann – так называемую «теорию культурных кругов» или «типов» (Ethnologische Kulturkreislehre).

Эта теория отрицает закономерность исторического процесса, утверждая, что существуют самостоятельные независимые культурные типы с только им присущими формами семьи и других общественных институтов.

В этой теории видно с одной стороны влияние идеи о «народной мысли» А. Бастиана, с другой влияние воззрений Риккерта.

Теория эта оказала несомненные услуги клерикальной социологии. Институты, противоречащие воззрениям церкви, была объявлены исключением, культурными особенностями данного типа («Kulturkreisliche Eigenarten»), которые для общей эволюции значения не имеют.

*«Человек» (греч.).

Характерно, что клерикальная школа, популяризируя широко свои воззрения в католических ежемесячных и еженедельных изданиях, свой поход против эволюционной этнографии связывает с походом против социализма и марксизма.

Было бы неправильно поэтому недооценивать влияния клерикальной этнографии.

Значительная часть германской этнографической литературы находится под несомненным влиянием этого направления. H. Fehlinger в компилятивной книжке о половой жизни у диких народов безапелляционно утверждает, что положение о параллельной эволюции культур у равных народов совершенно несостоятельно, хотя психические особенности людей и одинаковы [25, *40*].

Тоже собственно утверждал и Э. Гроссе, говоря, что «человечество движется отнюдь не по одной лишь линии и в одном только направлении, но как разнообразны условия жизни народов, точно так же различны и их пути и их цели» [2, *6–7*]. Поэтому Э. Гроссе скромно заявляет, что не решается констатировать «новую историю развития семьи». Изучение доистории вообще, генезиса брака и семьи в особенности, требует прежде всего умения отрешиться от предвзятых точек зрения. Неумение объективно-научно изучать некультурные народности, ознакомление с ними сквозь «культурные очки», доставшись в наследство от миссионеров, первых исследователей неизвестного мира, вызывает справедливые нарекания лучших этнологов и социологов.

Эту своеобразную болезнь современного исследователя Ф. Мюллер-Лиер назвал «киноскопией». На эту особенность, как на значительнейшую из причин тех разноречий, которые царят по вопросу о первобытном обществе, указывает и Г. Кунов [22, *109*]. Л. Леви-Брюль предупреждает, что большинство сообщений путешественников имеют незначительную ценность. Он приводит слова майора Поуэлла о том, что «путешественники также мало могут нарисовать учреждения племен и групп, как не могли бы дать описания флоры какой-либо страны, фауны какой-либо области или геологической структуры какого-либо континента» [27, *17*].

Стремление доказать естественное, вечное право на существование частной собственности, религии, моногамного брака и т. п., с помощью метода «киноскопии», приводит многих исследователей к религиозному объяснению генезиса брака и семьи и к утверждению о том, что первичной формой брачных отношений была моногамия.

Собственно еще И. Я. Бахофен, автор известной книги «Das Mutterrecht» также Fustel de Coulanges, автор «Le citè antique» в основу изучения древней семьи положили определяемость ее религиозными идеями. По мнению Бахофена культ земли-матери был причиной господствующего положения женщин в семье, победа культа Аполлона – солнца привела к победе мужчин. Фюстель де Куланж особенности античной семьи объяснял культом

предков. В новейшее время религиозное объяснение происхождения брака и семьи дает Эрнст Кроули. Он утверждает, что «не только главный узел человеческой судьбы», но все явления для первобытного человека преисполнены религиозного содержания, что и «половые отношения и половые процессы, как все человеческие отношения и отправления, для первобытной души имеют религиозное значение» [7, *5*]. Э. Кроули относит религиозные переживания к числу «функциональных процессов, постоянных в человеческом организме». Он до того увлекся своей необоснованной теорией, что открыл не только в жизни первобытного человека, но и всех высших животных «потенциально религиозное содержание» [*7, 479*].

Эмиль Дюркгейм, подобно Кроули, пытается объяснить некоторые брачные явления, напр. экзогамию, исходя из основного института первобытной религии – табу.

Любопытно трогательное единение в этом вопросе с Бахофеном, Кроули и Дюркгеймом представителей клерикальной этнографии. Упомянутый уже нами В. Копперс пишет о том, что изучение религии доказало, что первобытные народы стоят на относительно высокой этической ступени, обладая развитым религиозным сознанием, из которого, словно из глубокого резервуара, постоянно вновь питаются семейные и иные общественные институты и их функции [26, *23*].

По мере того, как сбрасывалось таинственное покрывало с механизма товарных отношений, становилась все понятнее истинная причина живучести религиозного истолкования общественных процессов.

«Религиозное отражение действительного мира, говорил по этому поводу К. Маркс, может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения людей друг к другу и к природе в ежедневной, практической, будничной жизни, будут представляться людям в виде вполне ясных разумных отношений. С очертаний общественного жизненного процесса, т. е. с материального производственного процесса, будет сорвано покрывало таинственности, когда этот процесс будет плодом деятельности людей, свободно объединенных для этой цели, и когда процесс этот будет находиться под их сознательным, планомерным руководством. Но для этого требуется материальная основа общества или целый ряд материальных условий существования, которые в свою очередь являются естественным результатом долгого и мучительного процесса развития» [11, *46*].

Теми же корнями, которыми питалась теория религиозного происхождения брака и семьи, питалась и теория о моногамном браке, как первоначальной форме отношений между полами.

Теория эта, родоначальниками которой являются миссионеры, нашла приверженцев и в лице решительных противников известной теории «гетеризма» Бахофена–Вестермарка, Муке, Штарке и др.

В своей книге «Происхождение брака» Вестермарк путем чрезвычайно рискованных биологических аналогий пытается доказать, что моногамия

досталась человеку в наследство от его животных предков. В настоящее время можно считать несомненным, что биологические аналогии, начало которым положил Г. Спенсер и его последователи – органицисты, не могут объяснить природы социальных явлений, подверженных своим собственным, sui generis законам.

Понятно, однако, стремление отыскать корни основных институтов современного буржуазного общества в самой природе, доказать, что они не являются историческими социальными категориями а, как говорил Фома Аквинский, «ex ipsa natura rei sequitur»*.

Гораздо более наивна попытка Муке доказать изначальность моногамии экскурсиями в область первобытной психологии. Муке объясняет наличие моногамии в первобытном обществе тем, что тогда человек не способен еще был понять прелести разнообразия, был бесконечно наивен, а потому и добродетелен.

Наконец ряд исследователей доказывает наличие моногамии в первобытном обществе ссылками на большинство современных отсталых народов, которые будто бы, моногамны.

Совершенно не смущаясь данными этнографии, неопровержимо доказывающими отсутствие регламентации половых отношений у многочисленных полукультурных народностей, Х. Фехлингер решительно уверяет, что «подавляющее большинство первобытных народов моногамно». Чувствуя шаткость своей позиции, Фехлингер прибегает к испытанной, старой теории поисков корней моногамии в природе человека, унаследованной от его зоологических предков [25, *38*].

Мы полагаем, что полоса собирания огромного фактического материала, которая столь характерна для нового периода в истории социологии, обязывает к тому, чтобы отказаться от дедукций, навеянных чуждыми науке соображениями.

С не меньшими основаниями, чем утверждающие о природной врожденности моногамии, Ф. Мюллер-Лиер убеждает нас в противоположном, что по половому своему инстинкту человек полигамен и экзогамен, что он одержим «неофилией», т. е. любовью к новизне, «Wariationsinstinkt».

Новейшими данными этнографии доказана также несостоятельность попыток ограничения сферы распространения беспорядочных половых отношений исключительно негритянскими, туранскими, малайскими и американскими племенами, наряду с отрицанием подобных отношений у арийских племен – славян, кельтов и германцев [4]. Приверженцы моногамной теории любят ссылаться на авторитет Ч. Дарвина. Между тем Дарвин не располагал объективными научными данными в пользу моногамной теории, утверждая, что «обычай брака, в строгом смысле этого слова,

*Это вытекает из самой природы вещей (лат.).

вырабатывался лишь постепенно, и что некогда почти полное смешение было крайне распространено по всей земле» (Цит. по: [3, *17*]).

Одной из причин множества ошибочных теорий и гипотез в генеономии являлось, является еще и сейчас недостаточная точность терминологии, хотя заслуги Моргана, а в последнее время Ф. Мюллера-Лиера в этой области несомненны.

Приходится удивляться тому, что в числе приверженцев моногамной теории оказался и К. Каутский, утверждающий, что «первичной формой отношений между полами у человека была не общность жен, а моногамия» [3, *25*].

Несомненно, однако, что ошибка К. Каутского объясняется тем, что он не усвоил себе точной генеономической терминологии. Это явствует из того, что в другом месте К. Каутский говорит о «гетеризме» первобытного общества, о «более или менее непрочных, легкорасторжимых союзах», которые он по недоразумению именует «моногамными» [3, *29*]. Если и согласиться с наличием в первобытном обществе парного, «легкорасторжимого» брака, то таковой следует, со времен Моргана, именовать «Синдиасмией» или парным браком или же термином Г. Кунова «Sonderehe», но, конечно, нельзя ни в коем случае называть «моногамией».

Не бесполезно, наконец, отметить ту трогательную поддержку, которую германская клерикальная этнография оказывает моногамной теории. В цитированной уже работе В. Копперс рисует умилительную картину первобытной жизни: «Это была, говорит он, симпатичнейшая картина – полная свобода выбора супругов для обоих полов, почти исключительное господство строгой моногамии, чрезвычайно прочная брачная связь и полное, наконец, равноправие мужчины и женщины [26, *131*].

Эта трогательная библейская идиллия может возрадовать сердца всех отцов церкви, но вряд ли, хотя бы на йоту, имеет основания в данных науки. Генеономии предстояло изжить и другую, гораздо более серьезную гипотезу – о патриархальной семье, как эмбрионе общественного развития. Со времен Аристотеля гипотеза эта до последней четверти XIX столетия разделялась большинством исследователей. Характерно, что этой гипотезы в течение долгих лет придерживался и такой могучий и смелый ум, как К. Маркс. И лишь по ознакомлении с вышедшей в 1877 г. известной работой Л. Моргана «Первобытное общество» К. Маркс отказался от своей старой точки зрения [22, *86*]. Кунов сообщает о том, что в результате обширных замечаний, сделанных Марксом при чтении труда Моргана, им была приготовлена работа, которая не могла быть издана вследствие его болезни. По словам Г. Кунова работа эта была у дочери К. Маркса, Лауры Лафарг, а после смерти ее перешла к Н. Рязанову. Если утверждение Кунова основательно, было бы совершенно необходимо ненапечатанную до сих пор, могущую иметь большое значение работу К. Маркса издать немедленно.

В настоящее время можно считать уже совершенно установленным, что первичной общественной группой была не семья, а неорганизованное объединение людей – орда. Совершенно ошибочна старая, некогда разделявшаяся весьма многими, гипотеза Мэна, развитая им в «Древнем законе» о том, что «первичная группа есть семья, объединенная общим подчинением старшему своему члену мужского пола», что «объединение семей образует род или дом, объединение домов образует племя, а объединение племен образует государство».

Суровые условия жизни в первобытном обществе властно требовали от него напряженных усилий всего коллектива в борьбе с природой, не оставляя места для беспомощных, обреченных на верную гибель изолированных семей.

Теория первобытного коммунизма, столь пламенно оспариваемая клерикальной этнографией, находя оправдание в условиях жизни первобытного общества, постоянно подтверждаемая новыми данными о быте полукультурных народностей, является единственно правильной исходной точкой зрения, отправляясь от которой мы в состоянии наметить более или менее правильное решение сложных вопросов генеономии.

Чрезвычайно любопытно, что утверждения о существовании семьи и брака на заре доистории человека весьма часто, за отсутствием иных аргументов, сопровождаются доказательствами антиобщественности первобытного человека. Казалось, что со времен Аристотеля не понадобится больше доказательств общественной природы человека.

Между тем ошибочная и совершенно необоснованная теория К. Бюхера об индивидуальных поисках жизни в первобытном обществе («Epoche der indiwiduellen Nahrungsuche»*) послужила основанием для многих ложных заключений о характере первобытных брачно-семейных отношений.

Е. Вестермарк, автор известной «Истории брака», старается уверить, что «наши предки; люди или полулюди, питающиеся плодами, живущие той же самой пищей и требующие ее почти в таком же количестве, как и человекоподобные обезьяны, были не более общественны, как и эти последние. Вероятно также, полагает Вестермарк, что впоследствии, когда человек начал питаться мясом, он продолжал вообще эту изолированную жизнь, *и жизнь в обществе была для него непривычна*» [1, *82*].

Аналогии с животным миром, к которым столь охотно прибегает Е. Вестермарк для построения своих теорий, в применении к миру социальных отношений человека, редко могут служить основанием для каких-либо безусловных выводов.

Лучшим доказательством этого является то обстоятельство, что такие оригинальные исследователи, как Брэм, Эспинас, Сутерланд, больше, изучая жизнь животных, особенно антропоидов, приходят к диаметрально

*«Эпоха индивидуального поиска еды».

противоположным, чем Е. Вестермарк, выводам. Придавая исключительное значение общественности в жизни животных и людей, П. Кропоткин настойчиво защищает свою теорию взаимопомощи. Последняя положена им в основание его гипотезы о генезисе нравственности [5; 6].

Вопрос о происхождении и эволюции брака и семьи претерпел длительную историю, обнаружив в среде социологов, этнографов и историков первобытной культуры коренные разногласия по целому ряду кардинальных моментов.

Родоначальником генеономии можно считать *Бахофена*, автора вышедшего в 1861 г. знаменитого труда «Материнское право». Несмотря на то, что Бахофен придавал исключительное значение религиозному объяснению генезиса брака и семьи и положения свои строил, главным образом, на данных мифологии, тем не менее, он пришел к ряду оригинальных и смелых выводов, оставивших по сие время в социологии прочный след.

Решительно возражая против общепризнанной матриархальной теории, Бахофен открывает совершенно новую фазу в истории семьи – *матриархат*, разрушая в то же время легенду о моногамном браке, будто бы господствовавшем в первобытном обществе.

Следующим этапом в истории интересующего нас вопроса, явилась вышедшая в 1865 г. книга *Мак-Леннана* «Первобытный брак», обосновывающая теорию экзогамного брака. Несмотря на выдающееся значение работ Бахофена и Мак-Леннана им все же не удалось установить определенных фазисов, ступеней в истории брака и семьи.

Эта честь, как известно, выпала на долю американского этнолога *Льюиса Генри Моргана*. Живя в течение долгих лет среди индийского племени ирокезов и близко ознакомившись с их бытом, он приступил к широкому изучению брачно-семейных отношений и номенклатур родства у 139 полукультурных народностей.

Результатом его исследований были изданные им последовательно следующие работы:

В 1851 г. книга об индийских ирокезских племенах «League of the Ho-De-No-Sau-Nee of Iroquois» («союз ирокезов»);

В 1871 г. книга о кровнородственных системах – «Contributions of Consanguinity».

Наконец, в 1877 г. вышла его известная работа «Ancient Society» («Первобытное общество»), произведшая решительный переворот в господствовавших до того взглядах на генезис брака и семьи. Моргану удалось приподнять завесу над отдаленнейшим периодом в истории человечества. Ему удалось доказать глубокую социальную природу институтов брака и семьи, их постоянную изменяемость.

В причудливом хаосе многоразличных форм брака и семьи он подметил строгую причинную обусловленность, закономерность.

С помощью кропотливого анализа номенклатур родства он восстановил все звенья в длинной исторической цепи брачно-семейных отношений.

В свете новейших достижений этнографии и социологии многие из положений Моргана, казавшихся некогда безусловными, утратили свою доказательность и значение. Но все же основные проблемы генеономии, намеченные Морганом, до сих пор остаются центральными, вокруг них не перестает кипеть напряженная и страстная научная борьба.

Известно то впечатление, которое произвела последняя работа Моргана на К. Маркса и Ф. Энгельса. В его труде они неожиданно открыли самостоятельное применение материалистического метода.

В настоящее время можно положительно утверждать, что Л. Морган не был последовательным материалистом, кладя в основу своего социологического анализа попеременно то один, то другой фактор, определяющий исторический процесс.

Но все же несомненным шагом вперед, давшим блестящие результаты, было установленное Морганом соответствие между различными формами брака и семьи и различными определяющими исторический процесс способами производства. Настойчивое желание проф. Масарика доказать, что «у Моргана не имеется никакого исторического материализма», основано исключительно на желании подорвать значение Моргановских открытий для марксизма [13, *306*].

Морган столь определенно подчеркивает решающее значение в истории человечества «способов производства и средств пропитания», что надо обладать чрезмерной близорукостью для того, чтобы отрицать всякое влияние материалистической мысли на социологические воззрения Л. Моргана. Значение, придаваемое Л. Морганом материальному фактору явствует из следующих его слов («Первобытное общество» рус. пер. стр. 20). «Важный факт, что человечество начало свое поприще на самых низких ступенях развития и поднималось по ним постепенно, убедительным образом обнаруживается в последовательных способах производства средств пропитания. От искусства в этом производстве всецело зависел вопрос господства человека на земле, человек единственное существо, о котором можно сказать, что оно достигло абсолютного господства над производством пищевых веществ, в чем вначале оно совсем не имело преимущества перед другими животными. Без расширения источников своего пропитания человечество но могло бы распространиться по областям, не доставлявшим того же самого рода пищи, которую человек находил в первоначальных местах своего жительства, а в конце концов не мог бы распространиться по всей поверхности земного шара. Наконец, без абсолютного господства над производством пищи, как в отношении ее разнообразия, так и количества, человечество не могло бы размножиться в многолюдные нации. Поэтому в высокой степени вероятно, что великие эпохи человеческого прогресса более или менее прямо совпадают с расширением источников пропитания».

Не останавливаясь подробно на теории Л. Моргана, вспомним лишь основные ее моменты, поскольку это необходимо для намечения спорных проблем генеономии.

У ирокезов и гавайцев Морган установил особую номенклатуру родства, которую он в отличие от нашей «описательной» назвал «классификационной».

Последняя система, обнаруженная им у туранцев, американских индейцев и малайцев, характеризуется тем, что родственные наименования в ней не определяют *отношений, направленных от одного определенного лица на другое, а означают коллективные, групповые обозначения*. Руководящей нитью, с помощью которой Морган восстановил историю семьи и брака послужило замеченное им у ирокезов и гавайцев решительное несоответствие между действующими формами семьи и терминологией родства. Так у ирокезов, у которых Морган установил легко расторжимый парный брак, названный им «Синдиасмией», действует система родства, по которой отец называет детьми не только своих собственных детей, но и детей всех своих братьев. Все же дети последних также называют его отцом. Мать же называет детьми не только своих детей, но и детей своих сестер, называющих ее в свою очередь матерью. Эта номенклатура родства соответствует форме семьи, установленной на Гавайских островах. Но терминология родства, принятая у гавайцев, по которой все дети братьев и сестер считаются родными братьями и сестрами не соответствует их форме семьи.

По мнению Моргана, последняя система родства соответствует древнейшей ныне уже не существующей форме семьи.

На основании этой классификационной системы родства Морган и установил пять основных фазисов в истории семьи: 1) кровнородственную, ныне не существующую; 2) пуналуа, принятую у гавайцев; 3) синдиасмию или парную – у ирокезов; 4) патриархальную – у древних римлян; и наконец, 5) моногамную семью.

Однако, не сразу первобытный человек перешел к кровнородственной семье, в которой исключалась связь между родителями и детьми. В течение весьма продолжительного времени господствовали неупорядоченные половые отношения. И лишь постепенно все более суживался круг брачующихся лиц.

Кровнородственные, как и пуналуальные семьи характеризуются наличием групповых брачных отношений.

При пуналуальной семье браки внутри орды запрещаются, возникает «Экзогамия».

Таким образом коллективная, групповая номенклатура родства послужила основанием для утверждения, что ей соответствует коллективный, *групповой брак*.

Теория Моргана вызвала страстные споры за и против нее, которые и до сих пор еще сохранили всю свою остроту и актуальность.

Упомянутый уже нами проф. Масарик неосновательно утверждает, что «только один Колер согласен с Энгельсом и Морганом». Основные положения Моргана разделялись Леббоком, Бастианом, Липпертом, Колером, Постом, Вилькеном, Жиро-Телоном, Файзоном, Фрезером, Б. Спенсером, Хауитом, Гилленом, М. Ковалевским и др.

Основными спорными вопросами генеономии, вокруг которых до сих пор еще вращается вся соответствующая этнографическая и социологическая литература, вопросами тесно связанными с именами Бахофена, Мак-Леннана и Моргана *являются следующие*:

1) *Гипотеза беспорядочных половых отношений*.
2) *Гипотеза группового брака*.
3) *Экзогамия*.
4) *Матриархат*.
5) *Возрастно-половые классы или группы*.
6) *Тотемизм*.

Все остальные вопросы о различных промежуточных формах брака и т. п. так или иначе связаны с одной из перечисленных основных спорных гипотез. Мы не рассчитываем дать в настоящей статье исчерпывающего и тем более критического анализа намеченных нами вопросов.

Мы ограничиваем себя более скромной задачей выявления тех проблем, которые остаются спорными в генеономии и относительно которых до сих пор высказываются лишь более или менее вероятные гипотезы.

Значительная часть современных работ по вопросам генеономии остается бесплодной по своим результатам лишь по одному тому, что методологический подход к изучению таких важных социальных институтов, как брак и семья, неправилен.

Большинство исследователей усматривает в браке и семье лишь категории биопсихического характера, совершенно забывая об их социальной природе.

Подобного рода воззрения, носящие на себе печать биологического и психологического направлений в современной социологии, остаются столь же бесплодными, как и породившие их направления.

Так Уорд, создавая оригинальную «философию полового инстинкта», объясняет явления беспорядочных половых отношений активным и наступательным характером мужчины в противовес «естественной» скромности и беспомощности женщины. Гетеризм, носящий спорадический, а отнюдь не постоянный характер, Уорд объясняет «инстинктивным влечением к игрищам» [8, *38–40*].

Е. Вестермарк, решительный противник теории беспорядочных половых отношений, вынужден однако признать, что она «принята теперь большинством писателей, как доказанная истина» [1, *99*].

Против этой теории Вестермарк, между прочим, выдвигает оригинальную, но явно нелепую гипотезу, подтверждающую всю рискованность не-

осторожных биологических аналогий. Он полагает, что свобода половых отношений некогда имела место, но только в конце весны или вначале лета, являясь «остатком древнего сезона парования, стоящего в зависимости от того же закона, который управляет и остальным царством» [1, *61*].

Доводы, высказываемые в пользу гипотезы беспорядочных половых отношений в общем сводятся: *1*) *К рассказам древних писателей*; *2*) *К данным этнографии о быте диких народов и 3*) *К явлениям религиозного гетеризма*.

Из показаний древних писателей о неупорядоченных половых отношениях обычно приводятся сообщения Геродота об агафирсах, которые «со своими женами все живут сообща, и потому все они братья и, как кровные родственники, они не питают друг к другу ни зависти, ни вражды», о массагетах, у которых женщины «общее достояние» и т. д. Такого ж характера сведения сообщает Николай Дамасский о либурнах и галактофагах, Мела об аугилах, Диодор о жителях Балеарских островов, Теопомп о тирренцах, Клеарк об афинянах и т. д.

В отношении арийских племен в течение долгого времени господствовала точка зрения Макса Мюллера, полагавшего, что арийцы никогда не знали иной формы общественных отношений, кроме малой семьи. Что касается индусов, то несостоятельность теории Макса Мюллера была доказана Всеволодом Миллером, на основании древнейших памятников индусской старины – Ригведы и Атхарваведы.

Сведения же о существовании неупорядоченных половых отношений у кельтов оставил Юлий Цезарь: «uxores habent deni duodenique inter se communes et maxime fratres cum fratribus, parentesque cum liberis»*.

О древних чехах сообщает Козьма Пражский: «народ этот не знает постоянства брачных уз: подобно скотам вступают они в связь каждую ночь с новой женщиной и с наступлением зари разрывают железные оковы любви».

О существовании аналогичных отношений у восточных славян свидетельствует Нестор в Лаврентьевской летописи: «Радимичи, Вятичи и Север один обычай имяху... брацы же не бываху в них, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища и ту умыкаху жены себе, с нею же кто совещащеся; имеху же по две и по три жены» [4].

Вторым аргументом в пользу гипотезы о неупорядоченных половых отношениях является быт современных полукультурных народов и многочисленные «переживания», рудименты, сохранившиеся в отсталых слоях культурных народов. Этих сведений такое множество, что мы не станем их приводить. Отметим лишь удивительную наивность тех писателей, которые, как это делает Х. Фехлингер, считают возможным утверждать, что подавляющее большинство, так называемых «Naturvölker»** знает исклю-

*каждые десять или двенадцать [человек] имеют общих жен и особенно братьев с братьями, родители с детьми.

**коренные народы.

чительно моногамный брак, представляющий «основной элемент человеческой культуры» [25, *38*, *40*].

Особенностями в быте современных отсталых народов, подтверждающими интересующую нас гипотезу, являются широко распространенная добрачная общность женщин, обычаи угощения женой, jus primae noctis*, предоставляемое в отношении невесты друзьям и родственникам жениха, чрезвычайно легко расторжимая брачная связь и полное отсутствие каких бы то ни было брачных церемоний, исключительная половая разнузданность, царящая на периодических празднествах и, наконец, обычаи так называемого религиозного гетеризма.

Надо сознаться, что решительный поход, объявленный многочисленными духовными и светскими учеными против приведенной гипотезы, имел некоторые, хотя и весьма незначительные основания.

Ложное представление создавала уже одна терминология, установившаяся со времен Бахофена и Леббока. Понятие «гетеризма», введенное первым, и еще более «коммунального брака», введенное вторым, приводило к совершенно неверным выводам о какой-то ничем необузданной половой вакханалии, будто бы, царящей в первобытном обществе.

Между тем этого, конечно, не было, и быть не могло. Самая уже незначительность людских объединений, насчитывавших часто не более 20 лиц, исключала возможность постоянного и ничем неограниченного гетеризма.

Вполне допустимо предположение о существовании легко расторжимых парных соединений в этот период наряду с неупорядоченными половыми отношениями. Освобожденная от необоснованных преувеличений занимающая нас гипотеза оказывается гораздо более убедительной. С помощью этой гипотезы мы убеждаемся в том, что брак, как определенная урегулированная правовыми нормами, форма сожительства полов, есть отнюдь не только биологическая, но и социальная категория, появляющаяся лишь на определенной ступени развития производительных сил и вместе с последними подверженная постоянным изменениям. Неупорядоченные половые отношения, отсутствие брака как регламентированного института коренится в самых условиях жизни первобытного общества.

Коллективный характер труда и потребления, кооперация сил, как единственный метод борьбы с суровыми силами природы, общность воспитания детей, неясные представления о действительной причине рождения, все это исключало всякую мысль о прочных парных соединениях, как и об изолированной малой семье. Тем более все это решительно опровергает всякое предположение о возможности какой бы то ни было с чьей бы то ни было стороны регламентации отношений между полами на этой самой первобытной ступени человеческой общественности.

*Право первой ночи (лат.).

Борьба Е. Вестермарка с гипотезой неупорядоченных половых отношений, хотя и признается некоторыми победоносной, но совершенно неосновательно. Помимо уже знакомых нам биологических аналогий, Е. Вестермарк приводит массу курьезных доводов, бессильных, однако, убедить в его правоте. Признавая наличие «распутства» у диких народов, Е. Вестермарк приписывает его «главным образом, влиянию цивилизации», полагая, что одно лишь «соприкосновение с высшей культурой, гибельно отражается на народах, живущих в состоянии более или менее примитивном», или же он утешает себя мыслью о том, что «на Мадагаскаре можно найти большую пропорцию целомудренных женщин, чем в Англии».

Не говоря о самом термине «распутство», доказывающем, что Е. Вестермарк одержим чрезвычайной близорукостью, заставляющей его смотреть на первобытные отношения сквозь ненадежные «культурные очки», достойно удивления уже одно то, что Вестермарк, давая беспощадную характеристику нравов нашей европейской «цивилизации» вместе с тем изо всех сил силится доказать наличие у отсталых диких народов «возвышенного нравственного идеала» [1].

С вопросом беспорядочных половых отношений тесно связана *гипотеза группового брака* (Gruppenehe). Нами уже был указано, что основанием для построения Морганом теории группового брака, нашедшего свое выражение в кровнородственной и пуналуа семье, послужил групповой характер изученных им номенклатур родства. Л. Файзон и Хауит, а позже Б. Спенсер и Гиллен в результате тщательного анализа брачно-семейных отношений гавайских племен Камилароев и Курнаев и австралийских – Диери и Урабунна пришли к тем же выводам, что и Морган. Так, племя Куранан делится на две фратрии, Кумитов и Кроки в свою очередь делящихся на тотемные группы. Брак в пределах фратрии запрещен. Все мужчины фратрии Кумитов считаются мужьями женщин фратрии Кроки и наоборот.

Классическим образцом группового брака являются описанные Б. Спенсером, Хауитом и Гилленом племена Диери и Урабунна. В этих племенах каждый мужчина из числа его возможных жен – *Поа* или *Пира* имеет одну или две специально с ним связанных жены. Но кроме них он имеет еще ряд дополнительных жен pirrauru или pirranguaru. Таким образом, определенная группа мужчин находится в связи с определенной группой женщин. Хауит решительно утверждает, что «отношения pirrauru ясно представляют групповой брак, посредством которого мужчина имеет привилегию получить сообща с другими мужчинами своей группы несколько жен из числа своих Поа, тогда как желания женщины могут быть осуществлены лишь с согласия ее мужа tippa malku. С другой стороны, она, однако, не может отказаться принять мужа – pirrauru, который приписан ей». Групповым браком можно считать и институт «переменного брака» у чукоч, описанный В. Богоразом, у которых двое или более мужчин, вступающих в союз, дают друг другу взаимное право на своих жен. Иннокентий Вениаминов со-

общает про Алеутов, что у них «женщине дозволялось иметь двух мужей, из коих один был главным, а другой его помощником, или, как называют Русские, половинщиком». Аналогичные отношения меж полами наблюдаются у эскимосов гиляков, народностей Индии наиров, тода, тотияров и т. д.

Новейший исследователь Риверс приходит к заключению, что распространенная по всей земле классификационная система родства была некогда универсальной стадией общественного развития. Она может быть объяснена лишь признанием такой формы брака, при которой определенные группы мужчин являются мужьями определенной группы женщин.

После вышеизложенного становится ясным, насколько шатко утверждение Х. Фелингера, что у большинства народов мы не находим никакого следа («Keine Spur») группового брака.

Гипотеза группового брака вызвала многочисленные возражения, которые в конечном итоге сводятся к одному из четырех основных положений: 1) Гипотеза группового брака, тесно связанная с теорией беспорядочных половых отношений, несостоятельна по тем же доводам, что и последняя теория; 2) Гипотеза эта покоится на ложных основаниях, неправильно толкуя классификационную номенклатуру родства; 3) Многочисленные примеры, приводимые в пользу гипотезы группового брака, доказывают наличие индивидуальных, хотя и полигамных, но не групповых отношений меж полами; 4) Наконец, если и можно констатировать у некоторых народов групповой брак, из этого еще нельзя делать выводов о нем, как о всеобщей стадии в истории брака.

Из приведенных возражений заслуживает безусловного внимания лишь то, которое доказывает неправильность толкования Морганом классификационной номенклатуры родства. *С первыми возражениями выступил Мак-Леннан*, доказывавший, что если еще допустимо коллективное наименование ребенком целой группы мужчин «отцом», потому что при групповом браке не был известен настоящий отец, то того же нельзя утверждать о матери, которая не могла быть неизвестна. Мак-Леннан совершенно опустил при этом из виду указания самого Моргана на то, что ребенок называет матерью ее сестер не потому, что он не знает, кто его родил, а потому, что все эти женщины, будучи женами его отца, занимают в его представлении совершенно одинаковое положение и потому одинаково и именуются. Столь же слабо аргументировал Мак-Леннан другое свое положение, рассматривающее терминологию родства исключительно, как собрание титулов, с которыми дикари обращались друг к другу.

Гораздо более серьезные возражения выдвинул *в 1882 г. К. Каутский*. Он указал на то, что родственные отношения, вопросы происхождения не играли никакого значения на той ступени культурного развития, когда возникла классификаторская система. В жизни первобытного общества отношения людей складывались, главным образом, на основе их принадлежности к тому или иному полу и возрасту. На этой ступени человек не знает еще отношений родства, не выделяет еще отдельных личностей из обще-

го коллектива. Вся социальная структура общества определяется делением его на возрастно-половые группы.

Следовательно, заключает К. Каутский, «наименования родства обозначают здесь не степени происхождения, а поколения».

Так по-гавайски сын называется Kei–Kane, маленький мужчина; дочь Kaika–Mahine, маленькая девушка.

Вопрос о групповом браке вступил в совершенно новую фазу с выходом ряда работ *Г. Кунова*, посвященных генезису брака и семьи вообще и брачно-семейным отношениям у австралийцев в особенности. Из них особенного внимания заслуживают вышедшая в 1894 г. книга «Die Verwandtschaftsorganisationen der Australneger» и в 1912 г. «Zur Urgeschichte der Ehe und Familie» (Главные работы Г. Кунова по вопросу о генезисе брака, до сих пор еще не переведенные на русский язык, печатаются «Белтрестпечатью» и в виде отдельного сборника, под нашей редакцией, выйдут в ближайшее время). Г. Кунов усматривает главную ошибку Моргана в том, что он подошел к анализу первобытных номенклатур родства с точки зрения воззрений культурного человека на родственные обозначения. Исходя из того содержания, которое культурный человек вкладывает в понятия «отец», «мать», «сын», Морган решил, что и дикари, называя определенные группы лиц этими же терминами разумеют под ними действительно существующие родственные отношения, вызванные групповым браком.

Г. Кунов решительно возражает против подобного толкования первобытных терминологий родства.

Он утверждает, что в течение весьма продолжительного времени первобытное общество не знает никаких родственных отношений и соответствующей им терминологии.

На примере изученных им австралийских племен Г. Кунов объясняет сложную и запутанную классификационную номенклатуру родства тем, что она *отражает исключительно возрастно-половое строение первобытного общества*.

Таким образом, гипотеза группового брака связывается с новой, выдвинутой г. Куновым, *гипотезой возрастно-половых групп или классов* (Alters oder Generationsschichtung). Теорию возрастно-половых групп разделяет и Г. Шурц в своем труде «Altersklassen und Männerbünde».

Первобытная орда, подобно современной австралийской, *делится на три возрастных группы*:

1) Группу подростков, пребывание в которой для мужского пола обычно продолжается до появления бороды, у девушек до одного или двух лет после первого наступления менструации.

2) Группу взрослых, пребывание в которой для мужчин, как и женщин длится до тех пор, пока их собственные дети сами не становятся взрослыми или же устанавливаются определенные признаки старости.

3) Группу стариков, т. е. тех, которые преступили вышеназванный возраст. Переход из одной группы в другую сопровождается определенны-

ми испытаниями и церемониями, великолепно описанными Б. Спенсером, Гилленом и Хауитом.

Такое возрастное расслоение Г. Кунов находит не только у австралийцев, но и у полинезийцев, меланезийцев и микронезийцев.

Таким образом первобытная орда делится, соответственно трем поколениям, на старейших или дедов, взрослых или родителей и младших или детей. Следовательно, заключает Г. Кунов, выражения «дед», «отец», «сын», обозначают не родственные отношения в нашем смысле, но возрастные отношения, в которых находятся говорящие между собою лица [22, *115*; 23, *25*]. А это означает, что классификационная номенклатура родства не дает никаких оснований для заключений о всеобщей распространенности некогда группового брака.

Внося ряд поправок в теорию Моргана, Г. Кунов следующим образом рисует основные этапы в истории брака и семьи:

На самой ранней ступени культурного развития существуют свободные отношения между полами. Незначительные размеры группы неизбежно ограничивают, однако, пределы неупорядоченных половых отношений, допуская наряду с последними наличие и парного, легко расторжимого брака (Sonderehe) между лицами одного поколения. Следующим шагом по пути ограничения половых отношений является запрещение брака внутри орды между различными возрастными группами. Дальнейшей ступенью в истории брака является запрещение сношений между кровными родственниками в пределах одной и той же возрастной группы данной орды. Эта фаза приводит к экзогамии, образованию тотемного общества, появлению матриархата и фратрий.

Характерным институтом, отражающим возрастно-половое строение первобытной орды, являются *брачные классы*. Каждое австралийское племя делится на две фратрии, а последние в свою очередь на 2, 4 или 8 брачных классов. Фратрии, как и брачные классы строго экзогамны. Вступать между собой в брак могут только лица, принадлежащие к разным фратриям и к одному и тому же поколению. Для примера допустим, что речь идет о племени Warrai, живущем у Порта Дарвина. Племя это делится на две фратрии, каждая из которых в свою очередь делится на четыре брачных класса, из коих два мужских и два женских. Отметив женский брачный класс знаком +, изобразим структуру племени Warrai следующим образом:

ФРАТРИЯ I	ФРАТРИЯ II
I класс = Adschumbitsch	Apungerti
II класс = + Aldschumbitch	+ Alpungerti
III класс = Apularan	Animitsch
IV класс = + Alpularan	+ Alnimitsch

Мужчина каждого брачного класса определенной фратрии может вступать в брак исключительно с женщиной противоположной фратрии и определенного соответствующего ему класса.

Так мужчина Adschumbitsch из Фратрии I может вступить в брак исключительно с женщиной Alpungerti из Фратрии II, мужчина Animitsch с женщиной Alpularan и т. д.

Эта сложная запретительная, экзогамная система брачных классов объяснялась Морганом, как результат некогда установленных правил регулирования отношений меж полами, во избежание кровосмешения.

Неудовлетворенный подобным объяснением, *Г. Кунов считает классовое деление лишь дальнейшим расширением возрастного деления*. Фратрии, полагает Г. Кунов, являются расширенными брачными объединениями, между которыми разрешается брак лицам лишь одной и той же возрастной группы, поколения. Допустим, что во фратрии I племени Warrai поколение старейших именуется Adschumbitsch, а среднее поколение называется Apularan и что эта фратрия I заключает браки с фратрией II, в которой соответственные поколения именуются Apungarti и Animitsch.

Тогда мы получим действующие в племени Warria брачные правила, о которых мы говорили выше.

Класс старейших Фратрии I Adschumbitsch сможет вступать в брак исключительно с соответствующим ему классом старейших же Фратрии II Apularan (женским классом «Apularan») и т. д.

Возрастно-половое строение первобытной орды объясняет и сложную классификационную номенклатуру родства и институт брачных классов. Мюллер-Лиер, соглашаясь с доказательствами Г. Кунова о том, что «классифицирующие системы родства не являются еще доказательством того, что у народов, применявших эти системы, должны были существовать групповые браки» вместе с тем безусловно признает действительное их наличие у австралийцев, дравидов и т. д. [14, *130*; 15, *35*; 24, *152–173*]. Да и сам Г. Кунов, в сущности, возражает лишь против возможности заключения о существовании группового брака из классификационной номенклатуры родства. Существования же подобной формы брака он не отрицает, сомневаясь только в его всеобщей распространенности.

Любопытно, что большинство возражений против исследуемой нами гипотезы бьет мимо цели. Возражения обычно начинаются против толкования Морганом терминологий родства, но проходят мимо или затрагивают весьма слабо институт группового брака. Некоторые исследователи, напр. А. Н. Максимов, полагают, что приводимые в пользу группового брака примеры, скорее говорят о полигамии, так как скорее на лицо индивидуальные соглашения, чем групповые связи. И тем не менее, А. Н. Максимов об отношениях меж полами у австралийцев также, как и о брачных учреждениях наиров, живущих на Малабарском берегу, считает возможным говорить,

что «эту своеобразную организацию можно, пожалуй назвать групповым браком, но только в том смысле, что у каждой женщины было одновременно несколько мужей, а у каждого мужчины – несколько жен» [9, *43*; 10].

Аналогичного характера ограничительное толкование дает групповому браку автор новейшей, чрезвычайно интересной монографии об общественном устройстве племени Banaro в Новой Гвинее *Р. Турнвальд*. Он полагает, что групповой брак весьма близок к полигамии, но отличается от последней лишь тем, что в полигамии происходит *действительное* сожительство нескольких мужчин с несколькими женщинами, групповой же брак лишь *допускает* неограниченные половые отношения, при отсутствии длительных связей. Не отрицая таким образом группового брака, Р. Турнвальд полагает, что он существует наряду с парным браком [28, *227*].

Соображения, выдвинутые Г. Куновым, являются несомненным и значительным шагом вперед в трудной, запутанной и чрезвычайно сложной области социологии – генеономии.

Морган действительно придал чрезмерное значение фактору кровного родства в первобытном обществе, объясняя им генезис и эволюцию таких ярко выраженных социальных институтов, как брак и семья.

Этнографические исследования подтвердили соображения Г. Кунова о той значительной роли, которую в первобытном обществе играют возрастно-половые деления. Они коренятся в элементарном, примитивном, но имеющем могущественное значение разделении труда и вытекающем отсюда различном положении в обществе разных возрастных групп.

Однако и *Г. Кунов, увлекшись своей гипотезой, придал чрезмерное значение биологическому фактору возрастно-полового деления*, исключительно им объясняя институты брака и семьи, чем, собственно, впал в ту же погрешность, что и Морган.

Неудивительно поэтому, что на ряд генеономических вопросов Г. Кунов ответа дать не может. Те же причины приводят и Мюллера-Лиера к печальной необходимости сознаться, что «нам неизвестно ничего определенного относительно социологической роли группового брака и полиандрии». А ведь для социологии самое важное не столько констатирование того или иного общественного явления, сколько социологическое его обоснование.

На основной вопрос о причинах запрета брака между различными возрастными группами мы ответа у Г. Кунова не находим.

«Как возникло запрещение вступления в брак с лицами иной возрастной группы, было ли это в результате наблюдения, что половые связи между лицами весьма различного возраста большею частью бездетны или же из-за привычки молодых мужчин брать жену из своей возрастной группы, как более подходящих или же из других оснований, решить невозможно говорит Г. Кунов, так как с точностью мотивы этого запрета не могут быть сейчас установлены» [22, *115*].

Несомненно, однако, что Г. Кунов, не давая прямого ответа на причины запрета экзогамии, склоняется к мысли о том, что здесь решающую роль играло стремление избежать вредные последствия кровосмешения. Это явствует особенно из того объяснения, которое дает Г. Кунов тотемизму.

Таким образом, гипотеза беспорядочных половых отношений привела нас к гипотезе группового брака, тесно связанной с вопросом о возрастно-половых классах. Последняя же гипотеза привела нас к двум другим чрезвычайно важным и спорным вопросам генеономии – *к вопросу об экзогамии и тотемизме*.

Несомненно исключительного внимания заслуживает последняя оригинальная и смелая попытка решения сложных и запутанных генеономических вопросов, предпринятая Генрихом Эйльдерманом в его книге «Первобытный Коммунизм и Первобытная религия» [21].

Г. Эйльдерман рассматривает брак и семью, как социальные институты, генезис и эволюция которых определяется исключительно экономическими мотивами. Он находит, что факт кровного родства никогда не мог стать основой социального развития.

Ибо и «организации родства первоначально суть не что иное, как организации производственных и потребительских групп членов общества» [21, *8*].

Г. Кунов сделал несомненный шаг вперед по сравнению с Морганом, обнаружив за мнимо родственными отношениями, скрывающимися в номенклатурах родства, важнейшую особенность первобытного общества – его возрастно-половое деление. Но этому биологическому фактору Кунов придал исключительное значение, не вскрыв экономических условий его развития. Поэтому, думает Эйльдерман, Кунов не в силах дать ответа на ряд основных вопросов, связанных с историей брака и семьи.

Кунов не мог объяснить главного – причины всевозможных запретов, обусловивших образование брачных классов и фратрий и экзогамии. Эйльдерман пытается найти основную причину, породившую сложную запретительную систему и таким путем дать ответ на все спорные вопросы генеономии.

Этим основным фактором, призванным все объяснить, сделать понятным и ясным – была роль старейшин в первобытном обществе. По мнению Эйльдермана вся история первобытного общества есть ни что иное, как история все возрастающего могущества старейшин. Деление на возрастные группы находит свое социальное обоснование в той хозяйственной роли, которая выпадает на долю отдельных поколений. Старейшие сосредотачивают в себе важнейшие организаторские функции. Благодаря своему большому жизненному опыту, они являются незаменимыми советчиками во время охотничьих и военных предприятий и в случае заболеваний. Они же вместе с женщинами являются воспитателями подрастающего поколения. Они сосредотачивают, наконец, в своих руках важнейшую социальную функцию – распределение продуктов. *Старейшины, организованные в одну солидарную группу, сознающую общность своих интересов, и установили выгодные*

для них брачные запреты, в целях получения более разнообразной пищи. Какой смысл был бы отцу выбирать для своей дочери мужа из той же возрастной группы, к которой принадлежит он сам? Никакой новой пищи от старика-зятя он в таком случае не получит. Гораздо целесообразнее поэтому выдать дочь свою замуж за ее сверстника, члена одной с ней возрастной группы, который будет содержать старого тестя. Вот почему запрещены браки между различными возрастными классами, вот где источник группового брака, экзогамии и тотемизма. Ключ к проклятым вопросам генеономии, над которыми в течение долгих десятилетий бессильно бьется социология и этнография в руках у Г. Эйльдермана. Все объясняется чрезвычайно просто (может быть чересчур уж просто!) – старейшины желают избежать «однообразного питания одним и тем же мясом».

Старейшие, по существу, Думает Г. Эйльдерман, заинтересованы в одиночном браке. Зачем им, в самом деле, отдавать несколько дочерей одному зятю, когда гораздо выгоднее приобрести побольше зятей – тогда и меню будет разнообразнее? Но тем не менее факта группового брака Эйльдерман не отрицает, так как, по его же словам «и у более развитых австралийских племен групповой брак еще сохранил свою полную жизненность». Чем же это объяснить?

Эйльдерман находит три причины, порождающие групповой брак.

Во-первых, каждый мужчина считает себя гораздо более обеспеченным, если может рассчитывать на получение растительной пищи не от одной, а от многих жен, как и последние, во время охотничьих кочевок мужей, находят защиту в лице своих дополнительных мужей – пирауру.

Во-вторых, во время тех же кочевок и отсутствия зятя – Поа, тесть снабжается пирауру.

Но основную причину, «зародыш» группового брака Эйльдерман ищет в многобрачии физически сильнейших».

Мы полагаем, что последним утверждением Г. Эйльдерман попал в ту же ловушку, в которой он, по его словам, нашел Энгельса и Кунова.

И в самом деле: с одной стороны, как будто Эйльдерман действительно нащупал подлинную пружину генезиса и эволюции брачно-семейных отношений. Она коренится в условиях производства первобытного общества. Почему же одна и та же причина в одно и тоже время должна породить одиночный брак, а порождает групповой? Почему, наконец, Эйльдерман, упрекающий Энгельса и Кунова в том, что они придали решающее значение биологическому фактору кровного родства и возраста, сам ищет объяснения в не менее биологическом факте – «многобрачии физически сильнейших»?

Метод, избранный Эйльдерманом в его поисках социологического объяснения сложнейших социальных институтов – брака и семьи, несомненно правильный. Ответ на все проклятые вопросы генеономии будет дан, конечно, не теми, кто довольствуется бесплодными биологическими аналогиями и психологическими экспериментами над первобытным человеком. Явления

социального порядка коренятся прежде всего в основной ткани человеческого общества – в его материальной среде, в условиях развития производительных сил. Но из этого нисколько не следует, что все остальные факторы исторического процесса должны просто игнорироваться. Этот способ, несомненно, самый легкий и простой. И с помощью его любой исторический период легче понять, «чем решать самое простое уравнение первой степени», как великолепно говорил некогда Ф. Энгельс. Великий мастер диалектического метода не напрасно был недоволен теми «молодыми», которые «иногда придавали больше значения экономической стороне, чем это следует».

Мы полагаем, что Г. Эйльдерман впадает в несомненное упрощение материалистического метода. Ведь вся его, казалось, стройная концепция покоится всего лишь на одном только факте, сведения о котором позаимствованы им у этнографов. Ведь все эти данные этнографии в конце-то концов касаются народностей, стоящих на неизмеримо более высокой ступени, чем человек археопалеолита. Увлекшись этнографией, Эйльдерман совершенно забыл про археологию. Построение социологических выводов на одних лишь данных этнографии будет несомненно односторонним.

Г. Эйльдерман свою «теорию старейшин» позаимствовал у Б. Спенсера, который, не находя объяснения экзогамии, утверждает, что она является делом рук могущественных мужей, регулирующих все изменения в системах брака.

Г. Эйльдерман несомненно заблуждается, рисуя первобытное общество, по примеру современных, хотя бы отсталых народов, находя у него сложную социально-политическую систему, руководимую мудрыми законодателями, старейшинами. Делая последовательные выводы из своей основной ошибочной посылки, Эйльдерман еще более упрощает материалистический метод, утверждая, что «мы, таким образом, снова пришли к движущему началу всякого исторического прогресса, к признанной за таковое Карлом Марксом классовой борьбе». Хотя Эйльдерман и вносит оговорку о том, что «слоение поколений в первобытном обществе не является классовым слоением в современном смысле слова», тем не менее все его изложение создает совершенно определенное представление о классовом характере тех социальных противоречий, которые раздирают это общество [12, 275]. Ф. Энгельс в письме к Конраду Шмидту от 5 августа 1890 г. писал: «Фразеология исторического материализма (а все можно сделать фразой) служит многим немцам из молодого поколения только для того, чтобы возможно поскорее систематически сконструировать свои собственные относительно весьма небольшие, исторические знания (экономическая история ведь еще в пеленках) и далее храбро двигаться вперед».

Обвиняя Г. Кунова в том, что тот о «первобытном коммунизме, по-видимому, ничего и не слыхивал», Эйльдерман сам впадает в безвыходное противоречие. С одной стороны – первобытный коммунизм с общностью труда, производства и потребления, с полным отсутствием экономических

предпосылок для выделения организаторского труда, с другой – сложная система власти старейшин, близкая к кастовому строю.

Стремясь во что бы то ни стало лишить биологический фактор какого бы то не было значения Эйльдерман просто отделывается от него, замалчивая тот несомненный, неотрицаемый факт, что ведь в конце-то концов разделение труда в первобытном обществе покоится на физиологических основаниях, а не на каких-либо иных. Мы полагаем, что невозможно лишить биологический фактор того значения, который он несомненно играл на заре человеческой общественности. Возрастно-половое строение первобытного общества покоится на очевидном биологическом факторе. Но с момента возникновения этого строения, дальнейшее развитие брачно-семейных отношений совершается уже по своим собственным внутренним законам, определяемым, в первую очередь, развитием производительных сил. В дальнейшем биологический фактор, подобно географической среде, действует уже на человеческое общество не непосредственно, а через соответствующую социальную среду.

Основоположники марксизма считали классовую борьбу основным законом человеческой истории, но не доистории. Многочисленные противники марксизма открыли против Ф. Энгельса яростную атаку за то, что он считал основным моментом истории (надо полагать, включая доисторию) не только производство продуктов, но и «воспроизводство потомков».

Кареев, Михаловский, Вейзегрюн, Масарик и даже бывший марксист К. М. Тахтарев в словах Ф. Энгельса усмотрели чуть ли не капитулящию марксизма. К. Тахтарев называет признание Энгельсом «генетического фактора» «изменой монизму» одним лишь шагом по пути признания и психического фактора [18, *335*]. Г. В. Плеханов в «Монистическом взгляде» блестяще парировал нелепые обвинения марксизма в плюрализме, отметив, что слова о «воспроизводстве потомков», как факторе, определяющем общественную жизнь, относятся к тому ее доисторическому периоду, когда биологический фактор, как и географическая среда, создавали необходимые предпосылки исторического развития [16, *114–115*].

Можно допустить, что Ф. Энгельс не вполне удачно формулировал свою мысль о роли биологического фактора в первобытном обществе. Это и подало повод к ложному истолкованию слов Ф. Энгельса, чему поддался, отчасти, и Эйльдерман. Тем не менее, не мешает вспомнить еще одну весьма знаменательную в устах Ф. Энгельса фразу: «И все же, хотя экономическая потребность была главной пружиной двигающегося вперед познания природы, и с течением времени все более становилась такой пружиной, *все же было бы педантством искать для всех этих первобытных глупостей экономических причин*» [12, *285*]. Г. Эйльдерман, руководимый достойным всяческого поощрения побуждением применить материалистический метод к генезису брака и семьи, несомненно, пошел по стопам материалистов XVIII века, которые, желая «гильотинировать бога», объявили его просто изобретением жрецов.

Г. Кунов основную причину экзогамии усматривает в недостатке женщин и похищении их. Эйльдерман находится, несомненно, на более верном пути к истине, считая причиной экзогамии экономическую заинтересованность в ней охотничьих дружин, кланов, тотемных объединений, вступающих таким путем в более тесные хозяйственные взаимоотношения с другими охотничьими объединениями. Но и здесь Эйльдерман не забывает отметить, что «решение этого вопроса (об экзогамном браке) зависит от усмотрения старейшин» [21, *51*].

По вопросу *об экзогамии существует ряд теорий*, теперь уже совершенно утративших свое значение. К их числу относится старая *теория М. Леннана* об убийстве девочек и похищении, как источнике экзогамии, *Моргана* о запрещении кровосмешения, *Дюркгейма* о связи экзогамии с табуизмом и тотемизмом, в силу которых запрещалась связь с женщиной своего рода, кровь которой олицетворяла собой кровь предка – тотема и была потому табуирована.

С вопросом об экзогамии тесно связан не менее спорный вопрос *о тотемизме*. Мы не станем его обсуждать с точки зрения религиозного его значения, так как это чрезвычайно отвлекло бы нас от темы. Коснемся его лишь постольку, поскольку он связан с вопросами генеономии.

Ряд исследователей, часто весьма крупных, и в этом вопросе, благодаря идеалистическому складу своей мысли, совершенно теряются, не находя ответа и без конца громоздя одну теорию на другую. Так *Г. Спенсер и Леббок* источник зоолатрии находят в обычае давать отдельным лицам имена животных. *Вилькен* ищет объяснения в вере в переселение душ. *Вундт* полагает, что тотемизм возник из представления о животных, как обитателях душ предков. Лучшим знатоком тотемизма считается *Фрезер*, предложивший для его объяснения одну за другой три теории: согласно первой вера в тотем определяется верованием в поселение в нем той или иной души; вторая примыкает к Б. Спенсеру и Гиллену, приписывавшим жрецам источник тотемизма; и третья считает причиной тотемизма незнание дикарем причин зачатия и рождения и приписывание их определенному животному, которому он поклоняется, как тотему.

Совершенно новою является *попытка Леви-Брюля* объяснить тотемизм на основе установленного им действующего в первобытном обществе «*закона сопричастия*». К сожалению Леви-Брюль неосторожно характеризовал психический мир первобытного человека, как полный мистицизма. Это дало повод К. Тиандеру законом сопричастности объяснить «мистическую связь человека с тотемом» [19, *425*]. Между тем закон сопричастности дает возможность объяснить тотемизм, совершенно не сводя его к мистицизму. Первобытный человек устанавливает связь между явлениями и предметами не на основе логического закона причинности, а на основе их сопричастия, на основе механической зависимости, заключая о тождестве этих явлений или предметов. Тесная связь, которая существовала между пред-

ками и определенными, имеющими особенное значение для их жизни, животными, заставляет верить первобытного человека в их зависимость, а затем и тождество – отсюда, вероятно, и возникает тотемизм.

Приходится удивляться тому, что *Г. Кунов, весьма часто умело владеющий материалистическим методом, в объяснении тотемизма совершенно забыл о нем*. В тотемизме, занимающем чрезвычайно большое место в жизни первобытного общества, Г. Кунов видит исключительно мероприятие для устранения кровосмешения. Женщина, часто переходящая из орды в орду, во избежание кровосмесительного с ней брака, должна была, по мнению Кунова, получить тотемное имя, указывающее ее происхождение. Сама собой напрашивается мысль, что ведь для этого достаточно было сохранение женщиной *ее* территориального имени. Как бы то ни было, совершенно ясны экономические корни тотемизма, тесно связанного с заботой об уходе и размножении полезных животных и растений и не менее ясно, что связь тотемизма с брачно-семейными отношениями, как и с явлениями религии, относится к позднейшему времени.

Наконец, последним спорным вопросом является вопрос о *матриархате*. Со времен Бахофена господствующей считалась точка зрения, по которой матриархат является первичной формою семьи, основывающейся на незнании отца при беспорядочных половых отношениях.

Теория Бахофена, поддержанная затем Морганом и длинной плеядой исследователей, с одной стороны встретила абсолютное отрицание самого института матриархата, с другой в нее был внесен ряд поправок. Решительным *противником матриархата является К. Н. Старке*, который считает, что «ставить матриархат в ряд первичных явлений в развитии всех обществ значит строить совершенно произвольное измышление» [17, *159*].

Фриц Гебнер, исходя из преобладания отцовской линии на западе, а материнской – на востоке Австралии, считает оба типа первоначальными.

Г. Кунов и Мюллер-Лиер, пытаясь дать экономическое обоснование матриархату, утверждают, что власть мужчины, вытекающая из его физического превосходства, предшествовала женской линии в охотничий период. Она уступила место матриархату в эпоху низшего земледелия, которой соответствует «высоко-родовая» фаза Мюллера-Лиера. В «эпоху высшего земледелия», скотоводства и обмена, материнская линия снова уступает место отцовской. *Н. Харузин* справедливо отмечает, что если бы и было доказано, что и другие народы, кроме австралийцев, развивались указанным Г. Куновым путем, то «господствующая теория получила бы иное освещение, но осталась бы непоколебленной в основном своем положении, что счет родства по женской линии предшествует счету родства по мужской, так как предшествующая матриархату стадия развития, которую осветил для австралийцев Г. Кунов, – оказывается периодом отсутствия родственных понятий и непонимания значения кровных уз» [20, *113*]. *Г. Эйльдерман* объясняет переход к материнской линии, исходя из своей общей точки зре-

ния, тем, что класс старейших получил, благодаря введению нового порядка, полный простор для регулирования производства по своему усмотрению и более неограниченную власть в распределении прироста населения по различным родам [21, *108*].

В заключение отметим, что мы в настоящей статье не рассчитывали дать ответа на все спорные вопросы генеономии. Мы ограничили себя задачей выявления наиболее существенных гипотез, подвергнув их некоторому анализу. Вопросы генеономии занимают все более солидное место в современной социологической литературе. Становится уже не под силу отдельному исследователю объять всю огромную литературу на всех языках, вышедшую по этому вопросу. «Уже скопилось, говорит Г. Кунов, такое количество всевозможных теорий, утверждений, превратных толкований, что ближайшему поколению, лишь с большим трудом удастся расчистить свободную дорогу для точного, индуктивного исследования» [23, *69*].

И все же успехи генеономии велики. Она вступила на тот единственно верный путь, на который должна вступить и вся современная социология. Все более и более исследователи убеждаются в современной бесплодности абстрактных социологических суждений. *Все ярче обнаруживается бессилие идеалистического направления внести хотя бы каплю света в таинственный лабиринт истории*. Накопляющийся огромный исторический, этнографический и археологический материал, питающий современную социологию, убеждает в том, что она строится на прочном и солидном научном фундаменте, что ей принадлежит будущее. Мы приблизимся к решению сложнейших вопросов генеономии, имеющих не только теоретическое, но и большое практическое общественное значение лишь в том случае, если при анализе социальных явлений перестанем прислушиваться к тому таинственному голосу, который по словам наших мистиков, начиная от глубокой древности человечества и до наших дней нашептывает нам, будто бы, сказки о чудесном. Таинственное покрывало, окутывающее до сих пор еще сложнейшие социальные феномены, должно быть сорвано.

Успехи материалистической мысли говорят за то, что мы к этому все более приближаемся.

Библиографические ссылки

1. *Вестермарк Э. А.* История брака. М., 1896.
2. *Гроссе Э.* Формы семьи и формы хозяйства. М., 1898.
3. *Каутский К.* Возникновение брака и семьи. 3-е изд. СПб, 1906.
4. *Ковалевский М.* Первобытное право : в 2 вып. М., 1886. Вып. 2.
5. *Кропоткин П. А.* Взаимная помощь, как фактор эволюции. М., 1918.
6. *Кропоткин П. А.* Этика. Петроград ; М., 1922. Т. 1.
7. *Кроули Э.* Мистическая Роза / пер. с англ. СПб, 1905.
8. *Кухаржевский И.* Общий очерк развития семейных отношений вообще и брачных в особенности // Варшавские университетские известия. 1901. Т. 1, 2, 3.

9. *Максимов А. Н.* Групповой брак. М. 1908.
10. *Максимов А. Н.* Системы родства австралийцев. М., 1912.
11. *Маркс К.* Капитал: Критика политической экономии / пер. с нем. СПб., 1907. Т. 1.
12. *Маркс К.* Письма: Теория и политика в переписке Маркса и Энгельса. М., 1923.
13. *Масарик Т.* Философские и социологические основания марксизма: Этюды по социальному вопросу / пер. с нем. М., 1900.
14. *Мюллер-Лиэр Ф. К.* Фазы любви / пер. с нем. В. Базарова. М., 1913.
15. *Мюллер-Лиэр Ф.* Формы брака, семьи и родства. М., 1913.
16. *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М., 1919.
17. *Старке К. Н.* Первобытная семья, ее возникновение и развитие. СПб., 1901.
18. *Тахтарев К. М.* Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности: Опыт изучения общественной жизни и построения социологии. Петроград, 1919.
19. *Тиандер К. Ф.* О началах мистического мировоззрения // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1914. Т. 5.
20. *Харузин Н.* Новые материалы, для изучения истории развития семьи (По Heinrich'y Cunow'y) // Этнографическое Обозрение. 1895. № 3. С. 105–113.
21. *Эйльдерман Г.* Первобытный коммунизм и первобытная религия (в историко-материалистическом освещении). М., 1923.
22. *Cunow H.* Die Marxshe Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie: Grundzüge der Marxschen Soziologie. Berlin, 1921.
23. *Cunow H.* Zur Urgeschichte der Ehe und Familie. Stuttgart, 1912.
24. *Eisler R.* F Müller-Lyer, als Soziolog und Kultur Philosoph. München, 1923.
25. *Fehlinger H.* Das Geschlechtsleben der Naturvölker. Leipzig, 1921.
26. *Koppers W.* Die Anfange des menschlichen Gemeinschaftsleben im Spiegel der neueren Völkerkunde. M. Gladbach, 1921.
27. *Lewy-Brühl L.* Das Denken der Naturvölker. Wien, Leipzig, 1921.
28. *Thurnwald R.* Die Gemeinde der Banaro: Ehe, Verwandtschaft und Gesellschaftsbau eines Stammes im Innern von Neu-Guinea. Aus den Ergebnissen einer Forschungsreise 1913-1915. Stuttgart, 1921.

НАРЫСЫ ПА ГІСТОРЫІ ПЕРШАБЫТНАЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСІ

I.

Уступ

Значэнне, задачы і метад вывучэння гісторыі першабытнай культуры.

«Што належыць да Беларусі дык мы, здаецца, недалёка адышлі ад тых часоў, калі грэкі, гэтыя насіцелі цывілізацыі, былі ўпэўнены, што кожны беларус абавязкова павінен адзін раз на гаду прабегаць пэўны час па лесе ў выглядзе воўка» – (Янчук).

Вывучэнне дагісторыі чалавецтва альбо першабытнай культуры застаўляе нас звярнуць свой погляд далёка назад, у цёмную глыбіню тысячагоддзяў. У шмат якіх чытачоў, само сабой, можа вынікнуць пытанне: ці варта займацца пытаннямі гэтак далёкімі ад нашай захопліваючай, бурнай і рэволюцыйнай сучаснасці? Ці ў час гэта?

Мы дазволім сабе выказаць глыбокую ўпэўненасць у тым, што вывучэнне нашай далёкай сівой мінуўшчыны прыймае асаблівую цікавасць якраз у нашы вялікія часы, калі на вачах нашых робяцца гістарычныя зрушэнні сусветнага значэння.

Ніколі яшчэ ня было гэтулькі важным як цяпер, вытварэнне агульнага светапагляду ў стройную матэрыялістычную сістэму, абхопліваючую ўвесь космос у яго шматлікім адзінстве.

Умацаванне матэрыялістычнай філасофіі крок за крокам прыводзіць да адваявання ўсё новых пазіцыяў у тых навуках, якія да нядаўняй прошласці здаваліся няпрыступнай цытадэллю ідэалістычнай думкі. Магутны росквіт біялагічных навук, перамога ў іх эвалюцыйнага вучэння стварылі для гэтага неабходныя перадпасылкі.

Крушэнне ўва ўсім свеце старога сацыяльнага ўкладу прыводзіць паступова да пераацэнкі ўсіх старых ідэалагічных каштоўнасцяў, к вышукванню новых шляхоў.

Матэрыялістычная думка пранікае ўва ўсе закуткі не толькі гуманітарных, але і прыродазнаўчых навук. Глыбокая каранная сувязь паміж дарвінізмам і марксізмам устаноўлена даўно.

Ідэалізм – законнае дзіця рэлігіі. Не дзіўна, што французскія матэрыялісты XVIII веку лічылі першым сваім доўгам «гільятынаваць бога», зруйнаваць да асновы падставы тэалагічнага мышлення. Аднак можна сказаць, што толькі XIX век (асабліва яго другая палова) зрабіў руйнуючы ўдар па рэлігіі.

Яшчэ ў пачатку XIX веку многа людзей схілялася да біблейскай легенды аб стварэнні свету і чалавека. Уся гісторыя чалавецтва ўмяшчалася ў канечныя фазы – ад Адама да Страшнага Суда. Лічылася пануючай у пытанні аб пахаджэнні зямлі «тэорыя катастрофаў вялікага палеантолага Кюўе». Ён адмаўляў існаванне выкапня чалавека і жывёлаў, пацверджваў, што ўсе жывёльныя віды загіблі ў часе сусветнага патопу і што толькі ў пору сучаснай геалагічнай эпохі з'явіліся новыя віды і чалавек. Такім чынам Кюўе сваім навуковым аўтарытэтам умацоўваў біблейскую легенду і яе храналогію зямлі і чалавека. Эволюцыйная геалогія, вінаватая сваім атрыманнем верху, галоўным чынам ангельскаму вучонаму Ляйелю, зруйнавала дашчэнту біблейскую геалогію і вучэнне Кюўе. Замест шасці тысяч гадоў, гісторыя зямлі, па данных навукі, налічвае сотні мільёнаў гадоў. Жыццё на зямлі развілося шляхам паступовых эволюцыйных звенняў, пачынаючыся з эазойскай эры «зараджэння жыцця» і канчаючы «кайназойскай» (кайнос – новы) эрай, абдымаючай трацічны і чацвярцічны перыяд. У трацічны пэрыяд, адлеглы ад

нас, па крайняй меры на трыццаць мільёнаў гадоў, зямная паверхня зрабілася блізкай да сучаснай, клімат стаў больш мерным, сярод жывёлаў з'явіліся кроўныя радзькі чалавека – *прыматы* (маўпы й паўмаўпы). Каля мільёну гадоў таму назад настаў чацвярцічны альбо ледавіковы пэрыяд (плейстацэн). Ён настае дзякуючы сільнаму зніжэнню тэмпературы і павялічэнню лічбы атмасферных ападкаў. З верхавінаў Альп, Пірэнеяў, Скандынавіі і Фінляндыі спаўзаюць вялічэзныя крыгі, укрываючы сабою большую частку Сярэдняй і Паўночнай Еўропы і блізка дзве трэці Еўрапейскай Расіі. Маўчлівымі сведкамі гэтага далёкага ледзянога часу дагэтуль з'яўляюцца шматлічныя сляды глетчараў – марэны (каменныя грады), шрамы, так званыя барановыя лбы (авальныя выступы каменных глыбаў).

Эволюцыйная геалогія радыкальным спосабам змяніла, дзякуючы рэлігіі і такім яе аўтарытэтам, як Тамаш Аквінскі, ранейшыя погляды на гісторыю зямлі, флоры і фауны. Але ўсё яшчэ заставаўся пануючым стары антрапацэнтрычны пункт погляду, па якому ў цэнтры зямлі стаіць чалавек, а паміж ім і ўсім іншым жывёльным мірам – ззяючая прорва. Але і сюды пранік яскравы свет навукі і вучэнне Дарвіна, абурыўшы штучныя межы, утвораныя паміж чалавекам і жывёльным мірам. Рэлігія, аднак, не здавала сваіх позіцыяў, палонячы мазгі мільёнаў людзей да тых часоў, пакуль на сцэну не з'явілася дагістарычная археалогія і палеанталогія (навука аб выкапаных астатках чалавека і жывёлаў). Пачынаючы з находак каменных прыладаў разам з астаткамі выкапаемых жывёлаў, зробленых у 1838 г. французскім вучоным Бушэ-дэ-Пэртам, у чацвярцічных пячорных адлажэннях, каля Аббевілля, у даліне ракі Соммы, пытанне аб узросце чалавека ўваходзіць у зусім новую фазу. Ужо ніхто не сумняваецца ў хлусні біблейскай храналогіі чалавека.

Спорка ідзе ўжо у іншым напрамку. Некаторыя даследчыкі (Буржуа, Рыбэпро, Руто) адносяць з'яўленне чалавека на шмат мільёнаў гадоў назад да так званай эалітычнай эпохі («дзянніцы» каменнага веку). Пытанне аб эалітах надзвычайна цікавае і важнае, якому мы, аднак, ня маем магчымасці выдзяліць тут месца. Калі яшчэ і вынікае спорка аб тым, ці варта рэтуш (рысы) па эалітах прыпісаць прычынам натуральным ці мастацтву чалавека, дык не падляжыць сумненню, што вырашэнне пытання аб існаванні чалавека ў траційную эпоху (да яе адносяцца эаліты) немагчыма да таго часу, пакуль ня будзе зроблена находак астаткаў чалавека, якія-б адносіліся да гэтай эпохі.

Затое зусім даказана існаванне чалавека ў чацвярцічную ледавіковую эпоху.

Галоўнымі выкапаемымі астаткамі, расказваючымі нам пра глыбокую старажытнасць чалавека, з'яўляюцца ніжэйшыя:

1) Pithecantropus Erectus (простастаячая чалавекамалпа). Яе чэрапную крышку, 2 зубы і бядро знайшоў Дзюбуа ў 1896 г. на Яве, каля сяла

Перыніл. Змест чэрапа Pithecantropus'а каля 900 куб. см., іначай кажучы значна большы, чым у антрапоідаў (у гарылаў 600 куб. см.) і чалавека 1400 куб. см., Pithecantropus з'яўляецца такім чынам памежным звяном паміж прыматам і чалавекам.

2) У 1907 г., у каменаломні Маўэр, каля Гейдэльбургу знойдзена была ніжняя сківіца без падбародка (неабходная ўмова членападзельнай гаворкі), аднак з сапраўдна чалавечымі зубамі. Гэта – так званы Homo Heidelbergensis (Гейдэльберскі чалавек).

3) У 1856 г. каля Дзюсельдорфу, у Неандэртальскай даліне, быў знойдзены ў чацвярцічных адлажэннях (4-га абледзянення) чалавечы чэрап з малпінымі рысамі твару, з нізкім лобам, добра значнымі надброўнымі дугамі значнай вялічыні, але з ледзве заўважным падбародным бугром (пачатак гаворкі). Гэта так званы Neanderthalensis (Неандэртальскі чалавек).

4) У канец, зусім нядаўна ў 1921 г. у паўдзённай Афрыцы ў ангельскай краіне Радэзіі былі знойдзены астаткі шкілета поруч з крамянёвымі прыладамі і мамантавай фаўнай. Гэты чалавек з'яўляецца ўжо памежным тыпам між Homo Neanderthalensis і Homo Sapiens (Разумным чалавекам). У працягу ўсяго ледавіковага часу жыў продак сучаснага чалавека – Homo Primigenius (нізшы від чалавека Гейдэльбэрскі і Неандэртальскі). Пачынаючы з пасляледа віковага пэрыяду з'яўляецца сучасны чалавек, гэтак званы Homo recens.

Гэтак прыведзенае намі далека не ўсе, а галоўныя толькі астаткі чалавека ледавіковай эпохі гавораць аб надзвычайна стэрэатыпным узросце чалавека. Навука не можа назваць сціслa ўзросту чалавека. Погляды вучоных у гэтым пытанні значна разыходзяцца. Ува ўсякім разе ўзрост чалавека дастатна салідны і яму ніяк не менш 240 тысяч гадоў. Гэтая лічба радыкальна зменьвае нашы ўяўленні аб чалавечай гісторыі. Пісаная гісторыя аказваецца толькі адным мігам у агромністым патоку часу, маленькім адрэзкам гіганцкага сапраўднага шляху, пройдзенага чалавекам. Перад навукай паўстае вялізная задача – пашырыць свае выследжванні далека за традыцыйныя вузкія межы. Перад вачыма нашымі адчыняюцца безбярэжныя далі, поўныя таемнага, глыбокага хараства. Над гісторыяй чалавецтва паднята цяжкая занавеса. Гісторыю першабытнай культуры пазвана аджывіць далёкія цені чалавека, сумна паглядаючыя на нас з-за гэтага занавесу, адзець іх у цела і кроў, заставіць іх заварушыцца, загаварыць.

Гэтак вывучэнне гісторыі першабытнай культуры з'яўляецца добраю радаю для перамогі над рэлігійным мышленнем, пашырэння нашага кругагляду, умацавання матэрыялістычнага пагляду.

Вывучэнне нашай навукі прадстаўляе не меншае значэнне для сучаснай сацыялогіі.

Задача апошняй заключаецца ва ўстанаўленні тых законаў, па якіх развіваецца гістарычны працэс. Між тым усе перадпасылкі гістарычнага

грамадзянскага працэсу, сапраўдныя карані яго тоящца ў глыбіні дагістарычнага чалавецтва. Няма лепшай магчымасці ўсебакова вывучыць той ці іншы грамадзянскі інстытут, як выследзіць яго паходжанне. Вывучаючы гісторыю першабытнай культуры, мы агольваем пакрывалы сацыяльных інстытутаў, выяўляем іх сапраўдныя карані, пазнаём іх паступовую эвалюцыю і заканамернасць. Сучасная сацыялогія ўжо не можа абмежавацца адлеглымі суджэннямі аб «сутнасці» шлюбу, сям'і, уласнасці, гаспадарства, рэлігіі, маралі, мастацтва і г. д.

Пранікнутая дыялектычным метадам, марксісцкая сацыялогія вывучае не «*старажытнасць*» (саіснаванне, сучаснае становішча), але *дынаміку* (цячэнне) грамадзянскага, гістарычнага процэсу ў яго бегу, зменах, супярэчнасцях.

Вось зачым вывучэнне гісторыі першабытнай культуры прыймае гэтак вялізнае значэнне для нашага часу, калі па ўсім свеце бярэ адолю тэорыя і практыка марксізму.

За мяжою дзесяці тысячагоддзяў хаваецца сапраўдны таемны ключ гісторыі. Там на дне яго мы знойдзем эмбрыёны ўсіх сучасных грамадзянскіх інстытуцыяў, вывучым паходжанне шлюбу, сям'і, уласнасці, гаспадарства, рэлігіі, маралі, мастацтва.

Якая-ж мэтадалогія гісторыі першабытнай культуры, якія захады яна ўжывае для таго, каб дабіцца тых грандыёзных мэтаў аб якіх мы вышэй гаварылі. У нас не было ніякіх пісаных дакументаў аб нашай дагістарычнай прошласці. Маўчаць тысячагоддзі.

Цяжка вырваць у іх захаваную тайну.

Сучасная дагісторыя дасягае сваіх мэтаў толькі дзякуючы дапамозе дзвюх навук – *археалогіі і этнаграфіі*.

У другім месцы мы па гэтаму поваду пісалі, што вывучэнне гістарычнага працэсу і асабліва таго (прадмету) перыяду, ад якога ніякіх слядоў пісьменнасці не засталося, без прыцягнення археалогіі, раўнамоцна спробе ўзнесці грандыёзны будынак на пяску. Сучасная навуковая сацыялогія, якая імкнецца ў складным і прычудным малюнку шматвяковых гістарычных здарэнняў вызначыць законамерны працэс, непрыменна вымагае вывучэння ў першую чаргу матэрыяльнага фундаменту сацыяльных адносінаў.

Вось зачым пры вывучэнні дагістарычнага пэрыяду чалавецтва, якое заходзіць у туманную глыб вякоў, археалогія гэтак незаменна. І толькі там, дзе ў траційных і чацвярційных адлажэннях глебы і пільнае ўглядзанне археолага не ў сілах выкрыць тыя ці іншыя моманты, якія неабходны для аднаўлення агульнай культуры дагістарычнага жыцця чалавека, прыходзіць на дапамогу *этнаграфія*. Яна прыходзіць яшчэ затым, што знойдзеныя пры раскопках прылады, чалавечыя косці, косці звяроў, астаткі жылля і г. д. – нямыя.

Этнаграфія, шляхам прыглядання да жывых асколкаў першабытных часоў, сучаснымі адсталымі народамі і шляхам метаду перажыванняў, дапаўняючы археалогію, застаўляе нямую дагісторыю жыць, прыняць больш выразныя і ясныя контуры, загаварыць.

Бацькам дагістарычнай археалогіі з'яўляецца французскі вучоны Бушэ-дэ-Пэрт, першы выступіўшы супраць Кюўе з доказамі на аснове раскопак у каменаломнях Мулен-Кіцона, каля Аббевілля, існавання дылювіальнага чалавека. Археалогія становіцца сапраўднай навукай толькі з XIX стагоддзя.

У сучасную пару ў Расіі тэарэтычнай распрацоўкай усіх пытанняў, якія адносяцца да вобласці археалогіі, гісторыі, мастацтва і этналогіі, загадвае ўтвораная дыкрэтам ад Байрэля 1919 г. «Расійская акадэмія гісторыі матэрыяльнай культуры». Другая асноўная дапаможная да дагісторыі навуковая дысцыпліна – этнаграфія, збіраючы свой матэрыял яшчэ ад часоў «бацькі гісторыі і этнаграфіі» – Геродота і эры вялікіх выкрыццяў і вандровак, становіцца на ногі і знаходзіць агульнае прызнанне, як і археалогія, толькі ў XIX стагоддзі.

З чыста апісальнай навукі, збіраючай сыры матэрыял, этнаграфія абарочваецца ў эвалюцыйную дысцыпліну, якая аперуе добра распрацаванымі метадамі выследвання.

Асноўным яе метадам, дапамагаючым устанаўленню заканамернасці гістарычнага працэсу, з'яўляецца метад *параўнальны*. Яго дапаўняе метад, першы раз ужыты Э. Тэтлёрам – *метад перажыванняў*, уваскрошваючы мінулае народаў, на аснове перажыткаў, у іх сучаснае. Буйнае грамадзянскае значэнне этнаграфіі і дагісторыі становіцца асабліва відавочным пры азнаямленні з ажыўленнем у гэтых навуках у Нямеччыне.

Клерыкальныя кругі справядліва ўбачылі ў гэтых навуках значную пагрозу рэлігійным догмам. Яны абвясцілі жорсткі паход супраць эвалюцыйнай этнаграфіі, з навуковым выглядам даказваючы існаванне ў першабытнага чалавека і ў сучасных народаў манагамнага шлюбу, прыватнай уласнасці і монатэізму. Характэрна, што барацьба супраць гэтых «апасных» для рэлігіі навук вядзецца пад сцягам рэлігійнай барацьбы з марксізмам. Гісторыя першабытнай культуры, як мы ўжо паказалі, вытворвае перад намі жыццё чалавека ў чацвярцічную і паслячацвярцічную эпохі з дапамогаю дзвух асноўных навук – археалогіі і этнаграфіі.

Паказанне матэрыяльнай культуры першабытнага чалавека не раўнуючы лягчэй чым паказанне сацыяльнай структуры і ідэалогіі гэтага далёка так адлеглага ад нас часу.

Першабытная гісторыя не выяўляе адзінага сацыяльнага комплексу, у якім на ўсім працягу 200 тысячагоддзяў пануе адзін і той-жа спосаб вырабу, адна і тая-ж тэхніка, адны і тыя-ж грамадзянскія адносіны.

Задача гісторыка першабытнай культуры заключаецца ў тым, каб у межах гэтага вялічэзнага дагістарычнага перыяду ўстанавіць больш-менш праўдзіва абмаляваныя тыпы існаваўшых структураў.

Для гэтага перш-на-перш належыць адзначыць адразняючыя асаблівасці ў тэхніцы і спосабе вырабу ў розныя перыяды гісторыі першабытнага грамадзянства. Асновай для гэтага з'яўляецца класіфікацыя дагістарычнага часу ў залежнасці ад матэрыялу, з якога робяцца прылады: на каменны, бронзавы і жалезны вякі, устаноўленая ў 1836 г. дырэктарам Капенгагенскага музею этнаграфіі і археалогіі Томсэнам.

Класіфікацыя гэтая вельмі выгадная для вывучэння вялічэзнага і (вельмі) надзвычайна рознастайнага матэрыялу, патрабуе, аднак, далейшай дэталізацыі затым, што ўстаноўленыя ёю дзяленні надзвычайна шырокія. Падаўляючая частка дагістарычнага часу прыходзіцца на каменны век. Яго пачатак адносіцца да часу адлегламу ад нас на 200 тысяч гадоў. Сляды-ж ужывання бронзы не ўсходзяць раней 5000–4000 гадоў, а жалеза – 1000 гадоў да новай эры.

Дзякуючы гэтаму асаблівае значэнне мае класіфікацыя каменнага веку. Асноўным з'яўляецца *падзел* каменнага веку на *палеаліт* (старажытны) і *неаліт* (новы).

Палеаліт і неаліт выяўляюць зусім розныя гаспадарчыя і сацыяльныя комплексы. Іх адрозніваюць перш за ўсё кліматычныя ўмовы. Большая частка палеаліту адносіцца да жорсткага ледавіковага перыяду. Неаліт поўнасцю адносіцца да нашай геалагічнай эпохі. Іх адрозніваецца і тэхніка прыгатавання прыладаў. Палеаліт, у адзначэнне яго ад нэаліту, не ведае палітуравання, шліфаваных і прасвердленых прыладаў. Іх адзначваюць і асаблівасці ў вырабчасці, у гаспадарцы. Палеаліт, у адзнаку ад неаліту, не ведае ні земляробства, ні ганчарнага мастацтва.

Розніца ў тэхніцы, спосабе вырабу і гаспадарцы натуральна народжваюць глыбокія асаблівасці ў сацыяльнай структуры і ідэалогіі палеалітычнага і неалітычнага перыядаў.

Але і палеаліт тоіць у сабе значныя адзнакі паміж сваім старажытным і новым перыядамі. Неапалеаліт адносіцца да пасля-ледавіковага перыяду. Нізшы від чалавека Homo Primigenius адступае месца сучаснаму віду – Homo recens. «Збіранне» (Sämmlerei), як характэрная асаблівасць гаспадаркі археапалеаліта і прымітыўныя спосабы вядзення палявання ўступаюць месца належна арганізаванаму калектыўнаму паляванню і рыбным ловам.

Уменне здабываць агонь уносіць рашучы пераварот ува ўсё жыццё першабытнага чалавека. Шыла, зброя, мастацтва значна адрозніваюць неапалеаліт ад археапалеаліта. Гэтыя два перыяды палеалетычнага веку, адзначваючыся ў тэхніцы вырабу і гаспадарцы, выяўляюць і самастойныя тыпы сацыяльных структур.

Прабелы, якіх нельга ухіліцца ў нашым прадстаўленні аб гэтым перыядзе і якія археалогія бяссільна запоўніць, пазвана дадаць этнаграфія.

Гэткае выразнае, дэтальнае выяўленне ў гісторыі першабытнага грамадзянства пэўных сацыяльных структур на жаль не заўсёды дасягаема. Асабліва гэта адносіцца да Расіі, дзе абпорныя навукі гісторыі першабытнай культуры археалогія і этнаграфія яшчэ надзвычайна слабы, дзе вялічэзныя краіны стараны яшчэ зусім ня выследжаны і дзе вельмі часта зробленая ўжо работа праводзіцца вельмі кустарна, без ужывання ўстаноўленых навукай метадаў.

Да гэтага часу ў Расіі не рабілася нават спробаў уваскрашэння выразнай і ўсебакова асвечанай карціны дагістарычнага жыцця нашых продкаў.

Праўда, сабрана вялізарная лічба матэрыялу, археалагічнага і этнаграфічнага, аднак ён не сцэментаваны, распылены. І няма, здаецца, да гэтага часу ў Расіі ніводнай спробы выкарыстаць данныя абедзвюх навук – археалогіі і этнаграфіі – для таго, каб стварыць гэткім шляхам карціну першабытнага грамадзянства. Вялізная працяжнасць стараны, яе стракаты нацыянальны склад, асаблівасці ў гістарычнай долі асобных краін Расіі застаўляюць звярнуць перш-на-перш увагу на вывучэнне апошніх.

Толькі ў выніку гэткай папярэдняй работы можа быць дадзена ў будучыне карціна дагістарычнага жыцця неабдымнай Расіі. Вывучэнне першабытнай культуры Беларусі выяўляе сабою вельмі вялькую цікавасць.

Гэта, літаральна, непачатая краіна, дзе не ступала яшчэ нага ніводнага выследчыка, які на аснове ўважлівай распрацоўкі археалагічнага і этнаграфічнага матарыялу ўтварыў бы карціну дагістарычнай Беларусі. Археалагічнае выследжванне гэтага краю, з кожнага кутка якога на вас глядзіць сівая старажытнасць, рабіліся выпадкова, хаатычна, без усякага плану і затым не маглі даць значных рэзультатаў.

Шмат багацей этнаграфія Беларусі, але і яна ў большай сваёй частцы, прадстаўляе сыры матэрыял, вымагаючы стараннай распрацоўкі, на аснове ўстаноўленых навукай метадаў.

Апроч таго, значная частка работ, датычных Беларусі, носіць выключна тэндэнцыйны характар, знаходзячыся пад уплывам альбо польскага, альбо вялікарасійскага шавінізму.

Толькі ў цяперашні час з'явіліся неабходныя ўмовы для строга навуковага і ўсеабхопліваючага вывучэння Беларусі.

Тайна першабытнай Беларусі, якая ўтаілася ў драмучых лясах, азёрах і балотах, рассыпаўшая свае асколкі ў прыбярэжных дзюнах, палях, пахавальных ўрнах, каменных бабах, павінна быць адгадана.

Яна да гэтага часу яшчэ глядзіць на нас у вясёльных і рэлігійных звычаях, шэпча ў казцы, легендзе, пагаворцы, звініць загадачна ў народнай песні.

Наша задача заключаецца ў тым, каб на аснове ўсяго маючагася матэрыялу заглянуць у сівую мінуўшчыну першабытнай Беларусі і заставіць цені, якія там прытаіліся, аджыць, заварушыцца, загаварыць.

СЯЛЯНСКІ РУХ НА ЗАХАДЗЕ (Да 400-годдзя сялянскага паўстання ў Нямеччыне – 1525–1925 гг.)

Шматвяковая і доўгая эпоха гандлёвага капіталу з'яўляецца, з аднаго боку, эпохай назапашвання буйных капіталаў, з другога – перыядам стварэння ўсіх неабходных умоў для утварэння ў горадзе і вёсцы Vorproletariat'у (прадпралетарыяту). Гісторыя працы і капіталу – крывавая эпапея, поўная глыбокага трагізму, чалавечых ахвяр, надужыццяў і крыві. На шляхах міжнароднай мены і эксплуатацыі калоній, гандлёвы капітал карыстаўся метадамі грабежніцтва, марскога разбою. У «Капітале» Маркс даў нам яскравую характарыстыку эпохі першапачатковага назапашвання капіталу. Вялізарнае і хуткае збагачэнне піянераў капіталу – канкістадораў – таварышыла са знішчэннем і выміраннем цэлых плямен-народаў Амерыкі (Банда, Ямайка і інш.) і Афрыкі. Еўрапейскія культуртрэгеры, увозячы ў калоніі непатрэбныя тубыльцам брындзюлькі, разам з золатам і дыямэнтамі адбіралі ад іх жыццё. Назапашванне капіталу пайшло натужным, хуткім тэмпам у другі перыяд эпохі гандлёвага капіталу, у эпоху вялікіх адкрыццяў акіянскіх шляхоў у Індыю і Амерыку і масавага адтоку адтуль золата ў Еўропу. Працэс назапашвання капіталаў, натужнае выцягванне дадатковай вартасці адбывалася, аднак, не толькі шляхам міжнароднай мены. Гандлёвы капітал паходжаннем сваім абавязаны феадальным спосабам вытворчасці; будучы, асабліва ў першы перыяд, непасрэдна звязаны з метадамі феадальнага прысваення дадатковай вартасці, ён вядзе да надзвычайнага ўзмацнення феадальнай эксплуатацыі, да замены феадальных адносін прыгоннымі. Гандлёвы капітал у патрыархальныя адносіны феадальнага ладу ў вёсцы і ў рамесніцка-цэхавым ладзе ў горадзе прабіў шчыліну, выявіўшы і ўзмацніўшы да вастрыні наспеўшыя класавыя супярэчнасці. Перыяд гандлёвага капіталу характарызуецца ўзростам сацыяльных антаганізмаў у горадзе і вёсцы.

Селянін у азначаны перыяд – узросту ўплыву грашовай гаспадаркі (у Францыі да XIV ст., у Англіі да XIV ст., у Нямеччыне да XVI ст.) – нясе на карысць сеньёра павіннасць больш-менш вызначаную звычаем – падатак, паншчыну, дзесяціну. Ламанне асабістай натуральнай гаспадаркі, міжкраёвая і міжнародная мена, стычнасць з багатымі краінамі Усходу, паўстанне рынку, як месца продажы і куплі – павялічвае да апошняга запатрабаванне сеньёра. Патрэба ў грошах вызначае сабою змену ў вёсцы сацыяльных адносін. Памешчык перакладае амаль што ўсе павіннасці селяніна на грошы, павялічваючы размер падатку і паншчыны. Неабходнасць вынаходзіць грошы для пана і для зборшчыка падаткаў робіць селяніна залежным ад ліхвяра скупшчыка, у асобе таго ж сеньёра або духавенства,

або ад гандляра, які дыферэнцыраваўся ад феадала. Гандлёвы капітал, асабліва ў першы перыяд, не стварае новых спосабаў вытворчасці і пры назапашванні капіталаў не базуецца на вытворчасці адносна дадатковай вартасці, а вышуквае спосабы ўзмацнёнай вытворчасці абсалютнай дадатковай вартасці. Прыгнечанне, якое зносіць селянін, становіцца ўсё больш і больш не пад сілу, родзіць глухую злосць супраць памешчыкаў, духавенства, князёў, гандляроў, яно прарываецца то тут, то там у форме крывавых паўстанняў, бунтаў. Спецыфічныя асаблівасці сярэднявечча ствараюць яшчэ больш цяжкае становішча ніжэйшых мас сельскага і гарадскога жыхарства. Экстэнсіўны, драпежніцкі спосаб землекарыстання, партыкулярызм, згушчанасць жыхарства прыводзяць да хранічных, амаль што не безупынных на працягу ўсяго сярэднявечча жудасных галадовак. Побач з голадам, неспадзявана паявілася ўва ўсёй Еўропе прынесеная з берагоў Чорнага мора, чума (чорная смерць), якая ў 1348 г. з нябачанай сілай спусташала жыхарства шмат мясцовасцяў да 1/10 (у некаторых месцах засталося ня больш 8 прац. насельніцтва); гэта прычынілася да яшчэ большага ўзросту цэн і ўзмацніла недахоп рабочых рук. Патрабаванні аб змене аплаты працы збоку працоўных спаткалі яшчэ больш злосную эксплуатацыю збоку памешчыка ў вёсцы і майстра ў горадзе. Урады, што стаялі на варце інтарэсаў памешчыка і гандляра, трымаліся асаблівай этыкі і гандлярскага капіталу, уводзілі «справядлівыя цэны» на тавары, разам з тым фіксавалі старыя нізкія стаўкі і нормы аплаты працы ў горадзе і вёсцы.

«Рэвалюцыя цэн», выкліканая з аднаго боку наплывам каштоўных металаў у Еўропу і яшчэ большым змяншэннем кошту іх здабывання, зменьшыўшы пакупную сілу грошай, выклікала нячуваную дарагоўлю, зваліўшыся ўсім цяжарам зноў-такі на таго-ж селяніна і беднага жыхара гораду.

А неабходнасць павялічэння дадатковай вартасці, у звязку з рэвалюцыяй цэн, узмацніла яшчэ больш эксплуатацыю ў горадзе і вёсцы.

Грашовая гаспадарка, шырокі менавы рынак абярнулі і зямлю ў тавар, выклікаўшы ў памешчыка моцнае імкненне да яе, імкненне, якое дасягнула свайго апагею ў XIV–XV стст. у Англіі пры так званым «абгароджванні». Але гэты працэс секулярызацыі, грабежніцтва сялянскіх зямель – працяжны і балючы – вынікае і ў Францыі, і ў Нямеччыне, і інш. краінах. Legenprocess, які прымушае сялян марнець, выкіданне іх з зямлі прыслугоўвае нарастанню Vorproletariat'у ў горадзе і вёсцы. Аднак жа, інтарэсы збыту продуктаў сельскай гаспадаркі на рынак прыводзіць вельмі часта да іншых характэрных вынікаў.

Недастача працоўных рук прыводзіла к тэндэнцыі замяняць аброк, ужо скасаваны, прыгонам, узмацніўшы яго шырокай эксплуатацыяй.

Гандлёвы капітал паступова разбурвае краёвы партыкулярызм, феадальна-рамесніцкую абмежаванасць, дэцэнтралізацыю, усё больш высоўва-

ючы на месца чужаеднага, троеснага свае грамадска-карысныя функцыі феадала, пачаткі дзяржаўнай цэнтралізацыі, эканамічнага і палітычнага адзінства, прыводзіць да ўсё большага і большага росту наёмных войск і бюракратыі, а значыць, і да ўзмацнёнай падатковай палітыкі, да ўзмацнёнай эксплуатацыі таго ж селяніна і беднага жыхара вёскі.

Калі сферай непасрэднай эксплуатацыі гандлёвага капіталу былі, галоўным чынам, горад і калоніі, і толькі, як бы шляхам збоку, гандлёвы капітал уплываў на феадала для ўзмацнення эксплуатацыі селяніна, то аж да рэфармацыі, а у Францыі і да Рэвалюцыі 1789 г., духовенства ўвасабляла сабою яскравы, каларытны сінтэз *памешчыка і ліхвяра*, уладаючага нязлічонымі зямельнымі і грашовымі багаццямі. Гэтыя абставіны і з'яўляюцца лепшым сацыялагічным, а не схаластычна-багаслоўскім абгрунтаваннем рэфармацыі, тлумачы вузел скрыжаваных і супярэчных сацыяльных інтарэсаў і прэтэнзій, якія знайшлі ў ім свой выраз. Духавенства, у асобе папы – ідэалагічны выраз феадалізму, фокус яго, – якое становіцца падобна феадалам, усё больш і больш эксплуататарам і якое вядзе багатае і беспрацоўнае жыццё ў сваіх манастырах – выклікае і канцэнтруе на сабе злосць розных класаў, нават чужых паміж сабою.

Князі і гарады, нападаючы на «усю шайку рымскага Содому» мелі навідоку вялізарныя землі духавенства. Да таго ж імкнуліся і збяднеўшыя, даўно перастаўшыя несці дзяржаўную службу рыцары. Але найбольш напружанымі, поўнымі злосці, нездавалення і чакання, былі адносіны да духавенства збоку сялянства. Гандлёвы капітал, выявіўшы завостраныя сацыяльныя супярэчнасці ў горадзе і вёсцы, прывёў да рэакцыі ў Францыі і да паўстання Яна Тэйлара ў Англіі. Аналіз гэтых паўстанняў будзе дан намі крыху ніжэй. Позні перыяд гандлёвага капіталу характарызуецца, з аднаго боку, узмацнёным награмаджэннем капіталаў у калоніях і награмаджэннем працоўнай сілы – Vorproletariat'у шляхам «абгараджвання» зямель, з другога боку – прасякненнем гандлёвага капіталу ў сферу вытворчасці. Гэты перыяд мае адносіны да пачатку XVI ст. Вось дзеля чаго да гэтага часу сацыяльныя супярэчнасці становяцца найбольш выпуклымі, значнымі, яскравымі. Вось дзеля чаго да гэтага часу сутычкі класаў набываюць асабліва ўпарты, напружаны характар, распаўсюджваючы пры гэтым сферу свайго ўплыву не толькі на тую ці іншую абмежаваную мясцовасць, але захопліваюць вялізарныя раёны, адбываючыся часамі ў нацыянальных рамках. Да гэтага часу гандлёвы капітал пранік у горную, суконна-ткацкаю і хлебную справу (паўднёвая і сярэдняя Нямеччына), завастрыў там да немагчымасці сацыяльныя супярэчнасці, якія давялі, з аднаго боку, да выбуху буржуазна-дэмократычных рэволюцый, да нямецкай рэфармацыі, з другога боку – да сялянскага паўстання 1525 г. і да праройкай уверцюры сучасных рэвалюцый.

Прысутнасць пралетарыяту, выхаванага ў атмасферы масавай працы, дысцыпліны, таварыства – афарбавала сялянскія паўстанні Нямеччыны

ў асаблівы камуністычны каларыт. Несвядомасць выявіла існаванне. Ні Ян Жыжка або Пракоп Вялікі стварылі ў 1432 г. табар – камуністычную грамаду з бедных сялян, рамеснікаў і рабочых, а узмацнёная з XIV ст. распрацоўка срэбных капалень у Чэхіі стварыла неабходныя для гэтага абставіны. І не Т. Мюнцэр у Мюльгаўзене і І. Лейдэнскі ў Мюнцэстэры стварылі камуністычныя тэорыі, выходзячы выключна з сваіх добрых жаданняў, – іх радзілі Горная Саксонія і Цвікаў і Мансфельдзкія капальні.

Вялізарная грамадзянская роля духавенства і царквы ў жыцці сярэднявечча прывялі да таго, што рэлігійныя думкі ў працягу шмат стагоддзяў трымалі ў сваім палоне розум людзей. Рэволюцыя і гуманізм пахіснулі і звялі на нішто рэлігійна-аўтарытэтнае мысленне, даўшы месца ўсемагутнаму розуму; «гэта быў час, – кажа Каўцкі, – калі вялікія супярэчнасці дзяржавы і грамадства выступалі пад рэлігійнай абалонкай».

Натуральна, дзеля гэтага тагачасныя камуністычныя тэорыі апраналіся ў рэлігійныя формы, бо жадаючыя вызвалення ад прыгнечання памешчыкаў, духавенства, князёў і гандляроў звярталі свае погляды да рэспубліканска-дэмакратычнага старога завету; шукалі ў сапраўдным разуменні евангелля і васкрашэнні ідэалаў першапачатковага хрысціянства ключ да разумення і развязання цяжкіх сацыяльных праблем. Рэфармацыя – рэлігійны бунт супраць папы і духавенства – была, у асобе нарастаючай буржуазіі, прыладдзем буржуазнай рэволюцыі ў барацьбе гандлёвага капіталу з феадальным магнацтвам; яна была прыладдзем сацыяльнага абурэння для бяздольных, прыгнечаных сялянскіх і гарадскіх мас. Вынікам рэфармацыі было тое, што буржуазія перастала лічыцца з рэлігійным і дзяржаўным сацыяльна-палітычным аўтарытэтам феадальнага духавенства.

Калі сялянства і пралетарыят перасталі лічыцца з буржуазнай лютэраўскай рэфармацыяй, гэта прывяло да ерытычнага камунізму Мюнцэра і І. Лейдэнскага.

Тое адмоўе адмоўя, дыалектычныя супярэчнасці паўстаючай буржуазнай рэфармацыі прывялі да адмоўя апошняй, да барацьбы з ёю – да сялянскіх паўстанняў пад штандарам адмоўя духоўных і свецкіх князёў царквы.

Грамадзянскія войны эпохі гандлёвага капіталу, выліўшыяся пераважна ў формы сялянскіх паўстанняў, караняцца, галоўным чынам, у ўмовах аджываючага феадалізму, які не хацеў без бою ўступаць свае пазіцыі, пазіцыі ўзмацняючайся буржуазіі, жорстка павялічваючай эксплуатацыю сялянства.

Вось дзеля чаго галоўным лозунгам сялянскіх паўстанняў з'яўляецца зямля і воля – адбранне зямель у памешчыкаў і духавенства, вызваленне ад цяжкіх падаткаў, прыгону і шматлікіх іншых павіннасцяў, вызваленне ад прыгону.

Удзел гарадскіх паўпралетарскіх і пралетарскіх элементаў у гэтых паўстаннях не зацямняе галоўнага зместу, мэт гэтых паўстанняў. Гарады

ў асобе паўпралетарскіх і пралетарскіх элементаў з'яўляюцца часта толькі ідэявымі выканаўцамі жаданняў сялянства; яны твораць праграмы, адозвы да паўстаўшых сялян, сатыры на князёў, рыцараў і духавенства, ілюстраваныя мастакамі ліскі і г. д. Так, адзін малюнак выяўляе нарыс свету наадварот: ратай стаіць каля аўтара, як бы нагароджаны гэтым за сваю цяжкую працу, а поп, не прызвычаены да працы, пляцецца за плугам.

Камуністычныя ідэі сярэднявечча, якія прыдавалі асаблівую форму сялянскаму руху, не зволеныя яшчэ ад рэлігійных уплываў. Гэтыя камуністычныя ідэі, не маючыя дакладнага і яснага разумення аб будаўніцтве будучага грамадства, царства божыя на зямлі, якія не апіраліся на масавы рух пралетарыяту буйных гарадоў, не маглі па істоце сваёй разлічваць на сур'ёзны і працяжны практычны поспех. «Ні адна грамадская формацыя, – кажа К. Маркс («Да крытыкі палітычнай эканоміі»), – не згіне раней, чым разаўюцца ўсе вытворчыя сілы, для якіх яна дасць досыць прасторы, і новыя вышэйшыя вытворчыя адносіны; яна ніколі не з'яўляецца на свет раней, чым даспеюць матэрыяльныя умовы іх існавання на ўлонні старога грамадства».

Буржуазная капіталістычная форма грамадства толькі нараджаецца, яна балюча, але настойліва разбівала скаваўшы яе феадальны абруч, яе вытворчыя сілы шукалі больш шырокай сферы дзейнасці. Буржуазія смела і адкрыта глядзела ў будучыню. Былі ўсе падставы для яе росквіту і не было яшчэ ніякіх падстаў для яе гібелі. Не караніўшыся ў эканамічных тэндэнцыях часу ерытычны камунізм эпохі гандлёвага капіталу, адбіваючы натуральна-спажывецкі характар феадальнага грамадства і пазавытворчую сутнасць гандлёвага капіталу, быў камунізмам невытворчага, а спажывецкага характару. Не грамадзянскія сродкі вытворчасці былі яго ідэалам, а агульнасць і зраўнанае карыстанне маёмасцю.

Комуністычныя ідэі, у форме рэлігійнай ерасі, вельмі часта дапамагаўшыя сялянскім паўстанням, складаюць доўгі ланцуг на працягу стагоддзяў, звенні якога, у залежнасці ад часу і месца, носяць розны характар.

У першай палове XII ст. з Усходу з далёкай Арменіі пранікае ў Еўропу ерась катараў, распаўсюджваючыся па Паўночнай Італіі і Паўднёвай Францыі. Для перамогі над чортам, катары прапануюць евангельскі ідэал беднасці і агульнасць маёмасці.

У канцы XII ст. з'яўляецца ў Італіі казанне калабрыйскага абата Іахіма з Фьёрэ, які ў сваім казанні прапануе роўнасць апостальскага жыцця, даводзячы, што цяперашні феадальны лад павінен згінуць і замяніцца братэрскім дэмакратычным панаваннем духа святога.

Ідэі Іахіма імкнуўся практычна здзейсніць у пачатку XIII ст. (у Рыме), шляхам масавага руху Арнольд Брэтанскі, стварыўшы ерась арнальдыстых, але быў пераможны аружнай сілай.

У XIII ст. у Паўночнай Італіі пусціла глыбокія карэнні секта апостальскіх братоў, закладчыкам якой быў Джэрард Сагарэлі, які меў многа паслядоўнікаў, жыўшых на пачатках братэрства і агульнай маёмасці. У 1303 г. у Ламбардыі здарыўся буйны сялянскі рух, на чале якога стаў знаходзіўшыся пад нясумненным уплывам апостальскіх братоў манах Фра Дальчыно, які надаў руху яскравы, баявы характар. Ён заклікаў да знішчэння манастыроў, да замены ладу першых апостальскіх грамадстваў з іх роўнасцю ў сусветную ўстанову. Згуртаваўшыся з 5–6 тысячамі чалавек у Пьемонцкіх гарах, ён доўга адбіваў феадальнае апалчэнне. Памешчыкі, пайшоўшы на некаторыя ўступкі, якія вымагала сялянства, адцягнулі іх ад Дальчыно. Дальчыно быў у 1307 г. узяты ў палон; з яго злупілі скуру, крышылі цела на часткі, калолі пікамі, рвалі цела шчыпцамі, а потым спалілі. Паўстанне, якім кіраваў Дальчыно, насіла мясцовы характар і не магло мець поспеху ў умовах развіваючайся гандлёвай Італіі, зніштожыўшай у сябе ўжо да XIV ст., прыгонныя адносіны. У XIV жа ст. (у 1324 г.) вынікла паўстанне сялян Фландрыі, у цэнтры суконнай прамысловасці. Спробы баронаў павялічыць падаткі выклікалі паўстанне сялян, да якіх далучыліся і бедныя гарадскія жыхары. Толькі праз 4 гады, у 1328 г., графу Фландарскаму ўдалося ў крыві загасіць паўстанне.

Грашовая гаспадарка, якая вяла да узмацнення эксплуатацыі сялян ва ўсіх краінах, падтрыманая ўсімі жорсткімі вынікамі чорнай смерці, давяла да паўстання і французскае сялянства. У XIV ст. у Францыі, пад уплывам ужо вядомых нам эканамічных умоў, вынікае працэс прымусовага вызвалення сялян без зямлі, якое кідае іх на галодную смерць. У 1315 г. Людовік X, у імкненні за грашыма, выдае ордананс, вызваляючы за выкуп сваіх сялян. У 1385 г. вынікла ў Францыі вядомая рэакцыя, аб жорсткасці якой буржуазныя гісторыкі напісалі шмат тамоў. Францыя, жадаючы заняць месца Англіі на сусветным рынку, уцягнулася ў Стогадовую вайну, якая усім цяжарам навалілася на сялян і бедных гарадскіх насельнікаў.

Сялянства прымусова ўцягвалася у армію, абкладалася цяжкімі павіннасцямі, падлягала надужыццям і грабежніцтву рыцараў. У пагоні за сродкамі на вайну, бароны вынішчалі да апошняга сялянскую гаспадарку, разбурваючы яе дашчэнту. Грубыя і жорсткія адносіны да сялян знайшлі сабе адбіццё ў прыказках таго часу: «У Жака-Прастака спіна добрая, усё вытрымае» або «прылашчыце селяніна – ён вас ударыць, пабіце яго – ён будзе да вас лашчыцца». Паўстанне атрымала назву Жакерыя, па прозвішчы, даным у той час сялянам, – Жак-Bonhomme (Жак-Прастак). Момант для паўстання быў выбраны удала. Супраць каралеўскай улады паўстала гандлёвая буржуазія Парыжу, пад кіраўніцтам Эцьена Марсэля. Сялянскае паўстанне пачалося ў акрузе Бовэ. Налічваючы некалькі тысяч чалавек пад кіраўніцтвам практычнага ў вайсковай справе Вілляна Гільёма Каля, яно хутка распаўсюдзілася па Пікардзіі, Шампані і прыбліжалася да Парыжу.

Ужо ў гэтым паўстанні прымаюць удзел і гарадскія нізы. Але пікардыйскія памешчыкі, мабілізаваўшы ўсе сілы, з дапамогаю кароля Наварскага Карла Злога, задушылі паўстанне. Каль быў замучаны. На галаву яго быў адзеты разгартаваны трыножнік «карона», затым яму адсеклі галаву. Задушыўшы Жакерыю, французская шляхта, забіўшы і павесіўшы некалькі тысяч сялян, яшчэ больш узмацніла эксплуатацыю, пакідаючы сялянства на паўгалоднае існаванне.

У XIII і XIV вяках гандлёвы капітал у Англіі пашырае свой уплыў ужо знаёмымі нам шляхамі, узмацняе прыгнечанне і патрэбу сялян і рамеснікаў, родзіць незадавальненне, злосць і паўстанні.

Узрост цэн на шэрсць, выклікаўшы развіццё шарсцянай ангельскай прамысловасці, прывёў да таго, што Англія стала класічнай краінай першапачатковага награмаджэння рабочай сілы, згону сялян з зямлі, у якіх таксама адбіраліся і абшчынныя землі – «абгараджванне». Разам з гэтым, вялікае значэнне набываюць беззямельныя сяляне, капцеры, бо ў гэты час рабочыя рукі патрэбны памешчыку, які абярнуў нівы ў выганы і звязаў сябе з шырокім рынкам. Недахоп рабочых рук, узмацнёны чорнай смерцю, рэвалюцыя цэн, метады скарыстання дадатковай вартасці, прысвоеныя сабе гандлёвым капіталам, прымусілі ўрад на барацьбу з імкненнямі гарадскіх і сельскагаспадарчых рабочых да павышэння заработнай платы. Праца ўраду прывяла толькі да стварэння моцных саюзаў сельскагаспадарчых рабочых, якія потым вельмі дапамаглі паўстаўшым сялянам. У час паўстання Уота Тэйлара і захаплення ў 1381 г. Лондану, гарадскія пралетарскія элементы адыгралі значную ролю. Сярод іх асабліва прышчапіліся ідэі лоллардызму, паслядоўцаў Вікліфа, патрабаваўшага адабрання ў царквы маемасці і раздачы яе бяднейшаму жыхарству. Гнеў сялян і рабочых праследваў больш усяго дармаедаў-манахаў, верных паслугачоў памешчыкаў, і гандляроў-суддзяў, юрыстаў, зборшчыкаў падаткаў, банкіраў і фламандскіх майстраў, якія займаліся вырабам тканін.

І так, незадаваленне сярод сельскага і гарадскога жыхарства было досыць. Пастанова парламанту аб спагнанні падушнага падатку з жыхарства паслужыла сігналам, прычынаю да паўстання. Пачаўшыся ў Эсэксе, а затым у Кенце, яно з гэтых абодвух пунктаў накіравалася на Лондан. У Мэдстане на чале паўстаўшых быў Уот Тэйлар. Гнеў паўстаўшых абрушыўся на памешчыкаў, манастыры, чыноўнікаў. Характэрным момантам, уласцівым усім сялянскім паўстанням, з'яўляецца бязміласэрнае знішчэнне ўсіх арэндных умоў, даўгавых абавязкаў і іншых юрыдычных актаў. Далучыўшыся да паўстаўшых, «свяшчэннік з Кенту» Джон Боль паўставаў супраць *сацыяльнай няроўнасці*, пытаючыся: «Калі Адам працаваў на раллі, а Ева прала, хто быў джэнтэльменам (панам)?» «Калі вялікія гэтага свету будуць знішчаны, – гаворыць ён, – усе людзі будуць карыстацца адзінакавай свабодай, адзінакавай вяльможнасцю, выгодай і ўладай».

Не спаткаўшы з боку ангельскага караля Рычарда асаблівага супраціўлення, сяляне, з дапамогаю гараджан, занялі Лондан. У перагаворах з каралём Уот Тэйлар патрабаваў – знішчэння не феадальных абавязкаў, знішчэння абмежавання свабоды куплі і продажы; запатрабаваў канфіскацыі царкоўных зямель і поўнага зруйнавання ўсіх станаў. У часе перамоў з каралём, здрадніцкім ударам прыдворнага Тэйлар быў забіты, а сяляне, падманутыя абяцаннем караля здаволіць усе іх запатрабаванні, рассыпаліся. Потым быў выданы ўказ аб тым, што ўсе каралеўскія абяцанкі, не падмацаваныя парламентам, ня маюць моцы. Парламент жа, сабраўшыся ў 1381 г., не зацвердзіў абяцанак караля, і прыгон застаўся ў поўнай моцы. Прыгон жа, зламаны паўстаннем сялян, прапаў толькі пад уплывам патрэб і інтарэсаў узрастаючага гандлёвага капіталу.

Патрэба ў грошах прыводзіць феадала да роспуску дружын, павялічваючы гэтым шэрагі «Vorproletariat'у». Прасякненне грашовай гаспадаркі ў вёску прыводзіць да пераварочвання зямлі ў тавар, падбівае памешчыкаў да павялічэння і акруглення сваіх уладанняў. Legen-prozess (прыгон сялян) прымае ў XVI ст. у Нямеччыне масавыя размеры. Асаблівую дапамогу ў запрыгоньванні сялян зрабілі памешчыкам юрысты, суддзі, якіх так зненавідзелі паўстаўшыя сяляне. «Juristen sind böse Christen»* гаворыць прыслоўе таго часу. Адносіны паміж памешчыкамі і сялянамі яскрава адбіваюцца ў прыслоўях: «Сяляне найлепшыя тады, калі яны плачуць, кепскія тады, калі яны радуюцца» («Rustica gens optima fleus, pessima gaudens»). «Селянін – той жа бык, але толькі ў яго няма рог» («Nur dass er keine Hörner hat, der Bauer ist ein oshsenstat»).

Сялянскае паўстанне 1525 г. у Нямеччыне папяраджвала цэлы шэраг дробных паўстанняў, якія адбываліся на працягу амаль што стагоддзя.

Рэфармацыя, падняўшы адразу цэлыя масы народу і аб'яднаўшы іх у нацыянальным імпэце, стварыла ўмовы для паўстання, якія прынялі характар не мясцовы, а ахапілі ўсю краіну. Ужо ў 1476 г. камуністычныя вучэнні з Багеміі пранікаюць у Франконію і ў уладанні Вюрцбургскага біскупства з'яўляецца Ганс з Нікласгаўзена («Ганс Дудар»), вакол якога ў святочныя дні збіраюцца тлумы слухачоў – да 40.000 чалавек. Ён заклікае заснаваць новую дзяржаву, царства божае, дзе «кожны няхай будзе братам другога, здабывае свой хлеб працай уласных рук сваіх, і няхай ніхто не мае больш другога». Ад казанняў ён пераходзіць да падрыхтоўкі ўзброеннага паўстання, але быў схоплены біскупам і спалены. Чарговым было Кепцкае паўстанне, накіраванае супраць абата, але і яно было задушана швабскім саюзам гарадоў і пануючымі князямі. У 1493 г. у Эльзасе згуртаваўся патаемны саюз сялян і незадаволеных гараджан. Іх патрабаваннем было знішчэнне мыта (пошлін), увядзенне юбілейнага году, калі ўсе даўгі і інш. дараваліся,

*Адвокаты злых христиан (нем.).

знішчэння імперскага і духоўнага суду і г. д. Штандарам іх быў «чаравік». Змова была задушана з страшэннай жорсткасцю. У Вюртэнберге «чаравік» паўстаў пад іменем «Бедны Конрад», але і гэта паўстанне скончылася няўдачай. Потым з страшнай сілай усхапілася паўстанне ў Венгрыі, якім кіраваў Рыгор Дожэм, пад штандарам якога сабралася да 60.000 чалавек. Але і яно было задушана, а Дожэм, узяты ў палон, быў пасаджаны на разгартаваны жалезны пасад, на яго была адзета жалезная разгартаваная карона і сунуты ў рукі разгартаваны жалезны скіпетр. Так і ён загінуў...

«Вялікая барацьба еўрапейскай буржуазіі супраць феадалізму, – гаворыць Ф. Энгельс («Гістарычны матэрыялізм»), – дасягнула свайго кульмінацыйнага пункту ў трох рашучых бітвах. Першая – гэта тое, што мы ў Нямеччыне называем рэфармацыяй... Лютэранская рэфармацыя абярнулася, зразумела, у новую рэфармацыю і якраз у рэлігію, карысную для абсалютнай манархіі». У першыя часы буржуазія і яе ідэйны правадыр Лютэр выступаюць надзвычайна рашуча і рэвалюцыйна. Толькі тады, калі выяўляецца ўся глыбіня сацыяльных супярэчнасцяй, якая пагражае не толькі духавенству і феадалам, але і буржуазіі, рэфармацыя, часамі, ахвяруе некаторымі сваімі палітычнымі прывілеямі на карысць дваранства, уваходзіць у суполку з ім і творыць «рэакцыйную массу» супраць паўстаўшых сялян і рабочых. М. Лютэр выступіў у 1521 г. супраць галоўнага кіраўніка гандлю індульгенцыямі ў Нямеччыне – архібіскупа Майнцскага; пасля Вормскага рэйхстагу гэта яго выступленне прымусіла караля Карла V выдаць Вормскі эдыкт, які накладаў на Лютэра няласку; у сваёй адозве Лютэр заклікае ўсіх «кінуцца са зброяй на распуснікаў-кардыналаў і пап, на ўсю шайку рымскага Садому і ўмыць рукі ў іх крыві». Лютэр нападае на царкву, манахаў, гаворыць аб неабходнасці «прыціснуць купцоў» і абараніць інтарэсы селяніна. Але наспяваючыя паўстанні і камуністычныя ідэі Мюнцэра выклікаюць перамену ў Лютэра, прадстаўніку буржуазіі, і ён з запалам і гневам накідваецца на паўстаўшых сялян, «якіх трэба душыць і забіваць патаемна і відавочна, бо паўстанне горш, чым простае забойства…». «Асла трэба біць, галотаю, трэба кіраваць пры дапамозе надужыццяў». «Калі, бі, душы хто можа». «Асыпайце іх градам куль...». «Сапраўды, хто бачыў Мюнцэра, той бачыў д'ябла ў час яго найвялікшай злосці».

Мы знаёмы ўжо з працэсам уплыву гандлёвага капіталу на вёску і горад, мы ўбачылі, як узрост сацыяльных антаганізмаў, награмаджаючы незадаволенне ў прыгнечаных класаў з няўхільнасцю прыводзіць іх да паўстання. Той жа працэс, папярэдні сялянскаму паўстанню 1525 г., мы наглядаем у Нямеччыне. Руйнаванне сялян да гэтага часу становіцца нявытрыманым. Выцісканне падаткаў, рэвалюцыя цэн, павіннасці – цяжарам душаць сялян. Згубіўшы да XV ст. сваю самастойнасць, гарады, у асобе пануючых класаў, таксама шукаюць спосабаў эксплуатацыі селяніна раней. Гарады, у якіх можна было раней жыць і сялянам, зачыняюцца для іх. Ра-

месніцкія цэхі ўсімі спосабамі перашкаджаюць прасякненню ў горад новых работнікаў. Тым мацней становіцца прыгнечанне з боку памешчыка.

На сялянскія паўстанні ў Нямеччыне і ў значнай ступені на ідэйнага правадыра паўстання Т. Мюнцэра зрабілі ўплыў камуністычныя ідэі табарытаў. У Чэхіі рэфармацыя, рэлігійным лозунгам якой было прычышчэнне пад абодвума відамі, з'яднала ўсе класы насельніцтва ў іх нянавісці да духавенства, валодаўшага амаль што 1/4 усяе тэрыторыі каралеўства. Пасля доўгай барацьбы, натугамі ўсіх класаў зямля духавенства была секулярызавана, але дасталася памешчыкам, а не чакаўшаму яе сялянству. Пачаўшыся ўжо ў Чэхіі, працэс адбірання зямлі ад сялянства яшчэ больш узмацніўся. Павялічаная ж распрацоўка срэбных капалень у Чэхіі ў XIV ст. паслужыла моцным матывам да ўзвышэння цэн, росту дарагоўлі, эксплуатацыі. Імкненні майстраў капалень перашкодзіць павышэнню заработнай платы і натуга памешчыкаў павысіць падатак выклікалі злосць і незадавальненне сярод сялян і бедных гарадскіх жыхароў. Тут у прамысловай Чэхіі бедным сялянам, дробным рамеснікам і рабочым удалося залажыць камуністычную грамаду, якая замацавала г. Табор. Ідэалам табарыстаў была грамада «без бедных і багатых, дзе ніхто не валодае уласнасцю, дзе не будзе ні падаткаў, ні памешчыкаў». Правадыру таборыстаў – Яну Жыжку пашанцавала арганізаваць лепшае ў Еўропе войска з сялян, бедных рамеснікаў і рабочых. Табор пратрымаўся 20 год і быў зломлены толькі ў 1452 г.

Мы паказвалі ўжо на тое, што рэфармацыя ў Нямеччыне, з аднаго боку, азначала сабою барацьбу за знішчэнне класавых прывілеяў, адчыняла эру росту ўплыву буржуазіі, з другога боку – яна прыслугоўвала першапачатковым пунктам сялянскага руху ў Нямеччыне. Нямеччына ў XV і XVI ст., ущягнутая ў сферу найвялікшага ўплыву грашовай гаспадаркі, балюча адчувала адліў каштоўнасцяў у Рым, да папы. Гандаль індульгенцыямі (адпушчэнне грахоў) абярнуўся для папы ў невычэрпную крыніцу здабытку; гандаль гэты мінаў нямецкіх князёў і гандляроў і гэтым выклікаў незадаваленне апошніх. Вялізарныя ўладанні царквы цягнулі да сябе ўсе класы Нямеччыны, яднаючы іх у агульнай нянавісці да «апранутай у пурпур малпы».

Сялянскае паўстанне ў Нямеччыне падняло на ногі не толькі сялянства, але і гарадскую беднату, і выбухла яно з найбольшай сілай у Саксоніі, дзе была да таго часу моцна развітая горная, суконна-ткацкая і збожжавая прамысловасць, аб'ядноўваўшая шмат рабочых. Асяродкам суконна-ткацкага і збожжавага гандлю зрабіўся Цвікаў, ляжаўшы на дарозе з раўніннай Саксоніі ў горную. Тут былі асабліва высокія цэны на зямлю, а таксама – імкненне памешчыкаў уладаць ёю. Тут асабліва вызначаліся моцныя супярэчнасці паміж класавымі інтарэсамі ў вёсцы. У гарадах жа ўзрост цэн прыводзіў да заўзятай барацьбы за заработную плату.

Дзеля гэтага асаблівае значэнне набывае камуністычны рух у Цвікаў, пачатак якога адносіцца да 1520 г. На чале яго стаў ткач Мікалай Штарх.

Значэнне Цвікаў узмацнілася суседствам капалень Гінесбурга. Цвікаўскія камуністыя, ткачы і гарнякі, стварылі арганізаваную грамаду, кіраўнікі якой зваліся апосталамі. Па іх думцы, тысячалетняе царства павінна было прыйсці шляхам гвалтоўнай рэвалюцыі. Выдатным кіраўніком цвікаўскіх камуністых быў Томас Мюнцэр – правадыр, ідэолаг і натхняльнік сялянскага паўстання. Мюнцэр сваю дзейнасць пачаў у Цвікаў, дзе быў казальнікам у царкве Катарыны, у якой збіраліся падмайстры суконшчыкаў. Выгнаны адсюль, ён ідзе спачатку ў Прагу – краіну таборыстаў, а потым зноў вяртаецца ў Саксонію – Альштэт, які знаходзіўся блізка вялікіх мансфэльдскіх медных, срэбных і залатых капалень. Мюнцэр кліча князёў стаць на чале паўстання, бо іначай «меч будзе адабраны ад іх». «Нашыя багатыры, грахоўным чынам – піша ён, – зрабілі так, што бога лічаць за маленькага чалавечка, намаляванага на дошцы». «Князі – гэта бізун, якім бог у сваім гневе карае свет. Дзеля таго яны проста жывадзёры і каты, і ў гэтым складаецца іх усё рамяство». «Так, – гаворыць ён, – гэта высокая вера, і яна яшчэ прынясе з сабою шмат дабра. Яна створыць дзіўны народ, аб якім марыў філосаф Платон». Мюнцэр гаварыў казанні аб поўным раўнапраўі, знішчэнні прыватнай уласнасці і аб агульным уладанні маёмасцю. Адпаведна паказаным намі асаблівасцям таго часу, Мюнцэр свае ідэі ўкладаў у містычна-рэвалюцыйную форму. І ў той жа час Т. Мюнцэр, як кажа Энгельс, хутчэй ідэолаг рабочага класу, чым сялянства.

З Альштэта Мюнцэр накіроўваецца ў Мюнгаўзен, места, дзе было да 6.000 жыхароў, дзе цвіла ткацкая і суконная прадукцыя. Развіццё суконна-ткацкай прадукцыі было найбольш спрыяючым грунтам для камуністычных ідэй. У горадзе ішла барацьба з гарадской арыстакратычнай радай. Правадыром барацьбы быў Гэнрых Тэрэйфер. Выгнаны адсюль, ён накіроўваецца праз Нюрнберг у Паўднёвую Нямеччыну. У Нюрэнбэрзе ён выпускае сваю найбольш рэвалюцыйную «абаронную прамову». «Глядзі – кажа ён, – паскробкі ліхвярства, грабежніцтва і разбою – вось вашыя цары і князі, яны робяць сваёю ўласнасцю ўсё створанае богам».

Да пачатку паўстання Мюнцэр зноў у Цюрынгене – у Мюнгаўзене. 12 сакавіка, дзякуючы ўдаламу паўстанню, ён і яго таварышы авалодалі горадам (у той жа дзень, калі ў 1848 г. берлінскі ў 1871 г, парыжскі народ пачаў паўстанне). У Мюнгаўзене – на падвор'і іанатаў – Мюнцэр залажыў камуністычную грамаду. Панаванне камуны Мюнгаўзена цягнулася не больш 2-х месяцаў (як і Парыжская камуна). Для Мюнцэра Мюнгаўзенская перамога была не канцом, а толькі пачаткам барацьбы за бязумоўнае знішчэнне тыраніі і эксплуатацыі, а не чыста мясцовым здарэннем. Цэнтрам цюрынгенскага паўстання стаў багаты па здабычы солі Франкенгаўзен, у якім было вельмі многа рабочых. Не спаткаўшы падтрымання ні з боку мюнгаўзцаў, ні з боку эрфуртцаў, Франкенгаўзен хутка быў узяты

Піліпам Гесенскім. Потым з страшэнай жорсткасцю быў задушаны і Мюнгаузен. Цюрынгскае паўстанне, затопленае ў крыві, было задушана.

Прычынай няўдачы паўстання з'яўляецца надзвычайны партыкулярызм сялян і дробных гарадоў, навісаўшая над розумамі феадальная абмежаванасць прыводзіла да агранічэння вынікаў паўстання данай мясцовасці, не выклікала падтрымання з боку іншых мясцовасцяў. Апрача таго, сяляне вельмі часта паддаваліся хібным абяцанкам князёў і пападаліся ў пастку. Галоўнай жа прычынай перамогі князёў была прафесійная, добра ўзброеная армія – дзіця нарадзіўшайся буржуазіі.

Сялянскае паўстанне завяршылася толькі праз 10 год арганізацыяй камуністычнай грамады ў Вестфаліі ў Мюнстэры, на чале якой стаяў кравец Ян Бэкельзон Лейдэнскі і пекар Ян Лютс (анабаптысты).

У Мюнстэры, гаворыць Кауцкі, камунізм у першы раз на працягу ўсёй гісторыі выступае як самастойная, пануючая рэвалюцыйная сіла. Буржуазныя гісторыкі, каб ахаіць ідэю камунізму, робяць паклёп на парадкі, якія былі ў новым Ерусаліме – у Мюнстэры.

Мюнстэр, які знаходзіўся ўвесь час абложаны, не мог не ўжываць сродкаў, якія ўжываюцца пры аблозе. Гэта было для яго пытаннем самазахавання, самаабароны. «На жаль – піша Кауцкі, – камунізм не мог і да гэтага часу адкрыць цудоўны элексір, які б мог знішчыць вынікі аблогі».

Сялянскае паўстанне, хрышчанае ідэяй камунізму, было задушана па ўсёй Нямеччыне. Раз'юшаныя князі, памешчыкі і буржуазія вынішчылі да 10.000 чалавек.

Робячы падрахунак і даючы агульную ацэнку сялянскім паўстанням, як грамадзянскім войнам эпохі гандлёвага капіталу, мы перш за ўсё павінны падкрэсліць асаблівасці гэтых войнаў, адрозніваючы іх ад рэвалюцый. Рэвалюцыі часцей усяго таварышылі з грамадзянскімі войнамі. Але не ўсякая грамадзянская вайна ёсць рэвалюцыя. Спроба ўсякае аружнае паўстанне тых ці іншых сацыяльных групаванняў падвесці пад разуменне рэвалюцыі вельмі прастацкае паняцце аб ёй. Мы падкрэсліваем, што галоўнай асаблівасцю рэвалюцыі з'яўляецца не элемент надужыцця, а глыбіня і шырокасць змен, зробленых ёю ў грамадскім арганізме. Толькі тыя грамадзянскія войны, якія рухам сваім абхопліваюць усё прыгнечанае да гэтага часу грамадства прыводзяць яго да захопу палітычнай улады, якая робіцца з мэтай радыкальнай змены вытворчых адносін, галоўным чынам, адносін да ўласнасці, толькі такія войны могуць называцца рэвалюцыяй. Спроба праф. Віпера, Джывілегава і інш. назваць сялянскае паўстанне рэвалюцыяй, таксама, як і названне рэвалюцыяй эпохі «Смутного Времени» у Расіі праф. Тэафілам Гоц'е – не мае ніякіх лагічных падстаў.

Грамадзянскія войны старажытных часоў і сярэднявечча, шляхам захаплення палітычнай улады прыгнечанага да гэтага часу класа, па рэчаістасці сваёй не маглі прыводзіць да радыкальнай змены вытворчых адносін.

Партыкулярызм, мясцовая абмяжаванасць, дэцэнтралізацыя прыводзілі да таго, што паўстанні заўсёды насілі характар мясцовы, які ніколі не даваў вынікаў, радыкальна мяняючых сацыяльную структуру ўсяго грамадства.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ В БЕЛОРУССИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

«Еврейский вопрос получает разумную постановку, смотря по стране, в которой евреи живут».

К. Маркс

Правовое положение евреев в Белоруссии к периоду февральской революции 1917 г. определялось бесчисленным множеством ограничительных законов, железным обручем сковывавших всю жизнь еврейского населения.

Граф Пален, председатель комиссии по «Еврейскому вопросу», еще в 80-х годах насчитывал 650 ограничительных норм касательно евреев. С тех пор их сделалось еще больше.

Правовое положение евреев определялось, однако, отнюдь не одним только действующим законодательством.

В гораздо большей мере судьба еврейского населения зависела от степени «административного восторга», по меткому слову Щедрина, местных представителей центральной императорской власти.

Стремясь угодить высшему начальству, местные власти проявляли изумительную инициативу и изобретательность в деле измышления самых разнообразных мер притеснения еврейского населения и издевательства над ним.

В отношении к евреям русские цари были связаны «славными» традициями веков. Еще в 1563 году Иоанн Грозный при занятии Полоцка приказал тех евреев, кои не пожелают креститься, «в воду речную вметати».

Не менее остроумен был ответ Елизаветы Сенату, доказывавшему в 1743 году, что запрещение доступа евреев на ярмарки Малороссии и в Ригу принесет убытки казне и разорит купечество.

«От врагов христовых не желаю интересной прибыли» – последовал ответ Елизаветы.

Ограничительное законодательство о евреях начинается, однако, лишь с момента присоединения к Российской империи Белоруссии, после первого раздела Польши в 1772 году.

Екатерина II, «просвещенная» ученица Вольтера, Дидро, в манифесте о присоединении Белоруссии заявляла, что «всяк по званию и состоянию

своему долженствует пользоваться выгодами и правами без различия закона и народа».

Однако российское купечество пожелало оградить себя от опасных конкурентов и стало жаловаться, что евреи занимаются запрещенной в то время разносной торговлей по домам и, назначая дешевые цены, наносят вред местной торговле.

Идя навстречу желаниям купечества, Екатерина II-я издала 23-го декабря 1791 г. закон, прикреплявший евреев к Белоруссии, Екатеринославскому наместничеству и Таврической губ[ернии].

Так коронованная ученица великих энциклопедистов, подчиняясь воле русского купечества, *положила начало черте оседлости*, – центральному пункту всего ограничительного законодательства о евреях.

В эпоху «Великих реформ», при Александре II-м, кольцо черты несколько разомкнулось: право жительства вне черты оседлости приобрели купцы 1-й гильдии, лица с высшим образованием, ремесленники, акушерки, зубные врачи.

Так создана была, исходя из материальных интересов казны, привилегированная группа еврейского населения.

Пресловутая черта замыкала многомиллионное население в тесные и узкие границы 15 губерний, обрекая его на нищету, голод, вырождение.

Несомненно, что в своем законодательном творчестве о евреях царское деспотическое правительство вдохновлялось не одним только зоологическим антисемитизмом. Крепкие позолоченные нити были протянуты между престолом «первого российского помещика», столбовым дворянством и именитым купечеством.

Их интересы были взаимны.

Русский торговец, пожелав быть монополистом на внутреннем рынке, диктует потребителю неимоверно высокие цены.

Царское правительство поспешило упрятать подальше конкурентов – еврейских купцов, довольствовавшихся иногда меньшими процентами, но зато при гораздо более быстром обороте капиталов.

Историк Ю. Гессен совершенно правильно объясняет подлинные экономические корни ограничительного законодательства.

«Ограничительное законодательство, – пишет он, – явилось результатом сложных взаимоотношений между различными общественными группами с одной стороны и между их совокупностью и правительством с другой. В среде многообразных общественных групп происходила то явная, то скрытая борьба, за сохранение или ограничение прав евреев; боролись, конечно, не во имя принципа справедливости или естественных прав евреев; различие интересов превращало одних в защитников евреев, других в противников последних». Императорское правительство социально было связано с наиболее отсталыми феодально-кулацкими элементами страны.

Деспотическое правительство, как и само ограничительное законодательство о евреях, было противно интересам крепнущего капиталистического хозяйства. Неудивительно поэтому, что передовые представители крупной индустрии и банкового мира часто выступали против ограничительного о евреях законодательства.

Российская буржуазия, благодаря особым историческим условиям ее развития, отличалась всегда исключительной дряблостью и трусостью. Таким же худосочным был и наш отечественный либерализм. Царизм имел все основания не считаться с его невинным брюзжанием.

«Вахмистры по воспитанию и погромщики по убеждению» меньше всего считались с интересами промышленности страны.

Политика правительства по отношению к евреям привела в 1881 году к знаменитым погромам на юге и юго-западе. Министр внутренних дел Игнатьев, озабоченный выработкой мер к «успокоению населения и к предотвращению противоеврейских беспорядков», издал 3 мая 1882 г. высочайше утвержденные временные правила, запрещавшие евреям жить вне городов и местечек, а также покупать или арендовать там землю, управлять ею и даже жить на даче.

При обсуждении в III Государственной Думе сметы мин[истерства] внутр[енних] дел депутат от еврейской буржуазии Н. М. Фридман вскрыл некоторые преинтересные детали, сопровождавшие издание временных правил.

Он сообщил о том, что тогдашний министр внутренних дел гр[аф] Игнатьев, накануне издания правил, предусмотрительно совершил у одного из Киевских нотариусов арендные договоры на имя евреев, которым он сдал свои имения в долгосрочную аренду. «Всем запретил, а сам воспользовался заблаговременно; не хороший ли закон?» – наивно спрашивал у третьеиюньской Думы Фридман. Ст. 779 т. IX Свода Законов: «Евреи в черте общей их оседлости, равно как и везде, где дозволено им постоянное пребывание, могут переселяться с одного места на другое на общих правилах». Примечание 1: «Высочайшее повеление: в виде временной меры и до общего пересмотра в установленном порядке законов о евреях, воспретить евреям в губерниях постоянной их оседлости впредь вновь селиться вне городов и местечек, с допущением в сем исключения только относительно существовавших до 1832 года еврейских колоний, занимающихся земледелием».

Ст. 780. Примечание I. «В девяти западных губерниях воспрещается, всем без исключения евреям, приобретать земли от помещиков и крестьян».

Примечание II: «В губерниях постоянной оседлости евреев, временно приостановить совершение на имя евреев купли крепостей и закладных на недвижимые имущества, находящиеся вне черты городов и местечек».

Примечание III. «В губерниях, не входящих в черту еврейской оседлости, воспрещается совершение от имени или в пользу евреев всякого рода крепостных актов».

«Временные» Игнатьевские правила просуществовали 35 лет, вплоть до революции 1917 года.

Эти правила привели к разорению тысячи семей, к еще большей скученности еврейского населения в городах и местечках, к отчаянному его обнищанию. Страдало от этих правил и нееврейское население, и даже казна, налоги поступали неисправно, имущества, лишившиеся арендаторов стали бездоходными и т. п.

Зато открылся широчайший простор для административного произвола, для вымогательства и взяточничества.

Особенное, исключительное усердие проявлял Минский губернатор Гирс.

Журналы того времени пестреют указаниями на то, что особенной интенсивности достигло выселение и конфискация имуществ в 1913–1914 гг.

Выселяли тысячами, особенно в Волынской, Минской, Херсонской и Екатеринославской губерниях.

«Распространительное» толкование Игнатьевских правил доходило до того, что даже законопослушный и отнюдь не юдофильский Сенат вынужден был в 1913 г. отменить постановление Витебского губернского Правления об отказе еврею Альтерману в разрешении переселиться из деревни Ювголово в деревню Селеники, Режицкого уезда. Черта оседлости, как и запрещение евреям селиться в деревнях, всей тяжестью обрушилась прежде всего, конечно, на беднейшее трудовое население.

Еврейские купцы, банкиры, фабриканты всегда умели найти доступ через черное крылечко к полицейским чинам и устраивались превосходно при всех обстоятельствах. Если иногда и страдало национальное самолюбие, то оно быстро испарялось при первом столкновении с еврейскими пролетариями и уступало место классовой ненависти.

Один известный в свое время еврейский проповедник в Германии, любивший для успеха своих речей щегольнуть «демократизмом», говорил о том, что богачи, «надменные, как павлины», застрахованы от антисемитизма, ибо «об их золотой панцирь притупляются и от него отскакивают все ядовитые стрелы». Нужда, говорил он, не выходит на парадную улицу, самая малая лачуга – приют наибольшей нищеты, великое горе убегает от глаз людских и прячется в затаенном углу, в то время как самодовольное богатство с шумом катит пестрое колесо роскоши по мостовым».

Черта оседлости создала для трудового еврейского населения душную атмосферу средневековья. Она держала его вдали от крупных промышленных центров, она преграждала ему доступ к земледельческому труду, она обрекала его на кустарный ремесленный, грошовый труд. Она создала в среде еврейской мелкой буржуазии особый тип, измученного и жалкого человека, основная профессия которого заключается в том, что у него нет никакой профессии.

Но больше всего черта оседлости способствовала развращению агентов правительства.

Кажется, – пишет граф И. И. Толстой, – один из позволявших себе либеральничать русских министров, «нельзя было бы изобрести, даже усердно постаравшись, лучшей школы взяточничества и административного произвола, чем ту, которую создало наше законодательство, установив черту оседлости прежде всего, а затем и другие ограничительные правила, направленные против этого племени» [14, *32*].

Вокруг «черты» сплелось много изумительных жанровых картин. К их числу относятся знаменитые «облавы» в Киеве с обязательством оплаты евреями содержания полиции «на предмет надзора за проживающими в Киеве евреями» из сумм взимавшегося с убоя скота коробочного сбора, ложившегося тяжелым бременем на беднейшее население и предназначенного по закону на благотворительность и школьное дело.

Немало трагедий перенесло и еврейское юношество, мечтавшее о поступлении в высшее учебное заведение.

Еврейские газеты передавали о следующей любопытной истории.

В Харьков приехало для экзаменов около ста еврейских девушек, окончивших зубоврачебную школу в Минске. Они заранее запаслись необходимыми документами на право жительства. Тем не менее вице-губернатор Кошура-Масальский запретил им временно проживать в Харькове. В результате их долгих ходатайств им вручили документы уже по окончании экзаменов, и они вынуждены были уехать из Харькова ни с чем [9, *33*].

Не менее характерен «Суд над еврейками-бестужевками» затеянный в 1902 году по случайному поводу, Плеве. Вопреки точному и ясному смыслу закона Плеве, а за ним Столыпин и Щегловитов принимали все меры к тому, чтобы лишить евреек, окончивших бестужевские курсы, права на жительство вне черты.

Для этого был один только путь – доказать, что бестужевские курсы не являются высшим учебным заведением. Дело о курсах неоднократно рассматривалось в Сенате и было разрешено в пользу курсов лишь 8 л[ет] спустя по особому постановлению государствен[ного] совета [3]. Смешно, конечно, говорить о какой бы то ни было правовой основе Российской самодержавной власти. Она, конечно, весьма далека была от каких бы то ни было правовых гарантий.

Реальная, подлинная суть российской самодержавной власти заключалась в ее совершенном беззаконии и в том, что все многомиллионное население огромной страны было предоставлено произволу местных сатрапов.

На фоне общего всероссийского бесправия особенно зловещим пятном выделялось бесправие евреев, как в малой капле вод, отражавшее всю гниль и тупость императорского правительства.

По словам И. Г. Оршанского «евреи составляют в России какое-то особенное сословие полуграждан или, лучше сказать, граждан известной части государства – явление феноменальное и, можно сказать беспримерное».

И. Г. Оршанский, однако, великолепно сознает, что «евреи представляют собой не единственный класс лиц, относительно, которого существуют изъятия и ограничения общих законов».

Он прекрасно знает, что «ни в одном европейском законодательстве принцип единства и равенства не применяется так слабо, как в России».

«Однако, особенность и исключительность правового положения евреев заключается в том, что так как они не пользуются правом повсеместного жительства в России, то считать их русскими гражданами в юридическом смысле слова невозможно» [4, *3*, *6*].

Ограничения свободы передвижения и жительства занимают центральное место в ограничительном законодательстве о евреях. Законодатель не оставил, однако, без своего усердного внимания и других сторон еврейской жизни.

Исключительное место в законодательстве о евреях занимают законы об образовании. Согласно ст. 787 IX т. Свода Законов дети евреев могут быть принимаемы и обучаемы без всякого различия от других детей в общих казенных учебных заведениях и частных училищах и пансионах тех мест, в каких жительство отцам их дозволено. Однако высочайше утвержденным положением комитета министров от 5 декабря 1886 года министру народного просвещения предоставлено было право принимать по ближайшему его усмотрению частные меры к ограничению приема евреев в подведомственные Мин[истерству] нар[одного] прос[вещения] средние и высшие учебные заведения. В июле в 1887 году властью министра народного просвещения гр[афа] Делянова в видах более «нормального» отношения числа учеников евреев к количеству учеников христиан, была введена процентная норма для детей евреев, желающих поступить в среднее учебное заведение. Право поступления евреев в среднее учебное заведение в черте оседлости было ограничено 10 проц., в местностях вне этой черты 5 проц., и в столицах – 3 проц. общего числа учеников, подлежащих приему в начале каждого учебного года.

Это процентное ограничение евреев в составе учащегося юношества было распространено вскоре и на высшие учебные заведения [10, *363*].

Если министерство Делянова ознаменовалось новыми законодательными ограничениями прав евреев, то преемник его Боголепов, московский профессор, превратившийся в жандарма просвещения, не знал никакой жалости. Боголепов мстил еврейской молодежи за разыгравшиеся в 90-х годах студенческие волнения. Вскоре в 1901 г. Боголепов пал от руки студента Карповича.

Не довольствуясь одной процентной нормой, министр народного просвещения циркуляром от 10 июля 1910 года установил, что на будущее время учащимся в специально еврейских учебных заведениях могут быть присвоены права учащихся в правительственных учебных заведениях.

Это распоряжение особенно больно ударило по «черте», где находилось большинство частных еврейских учебных заведений.

Кроме распоряжений центрального правительства, ограничивающих права евреев на образование, местные власти в порядке вдохновенной инициативы самостоятельно закрывали евреям доступ в некоторые средние учебные заведения.

Не менее ревниво правительство следило за тем, чтобы препятствовать низшему, хотя бы и ремесленному образованию евреев. Так, в Минске в 1913 году по распоряжению попечителя Виленского учебного округа была закрыта еврейская одноклассная школа еврейского общества для учеников ремесленных мастерских, существовавшая 8 лет. Там же были закрыты курсы английского языка для эмигрантов евреев [9, *36*].

В довершение ко всему своему правотворчеству об образовании евреев, министерство народного просвещения лишило еврейские учебные заведения педагогов, запретив евреям преподавать русский язык, географию и историю.

Заключительным аккордом явилась знаменитая «жеребьевка» Министра просвещения Кассо для евреев, поступающих в учебные заведения. Царское правительство неусыпно наблюдало за состоянием и развитием еврейского просвещения, безжалостно и свирепо подавляя самые чахлые его ростки.

То в Ковне и других городах запрещается постановка еврейского спектакля, то отказывают в регистрации невинного еврейского литературно-музыкального общества, то запрещается продажа еврейских газет – без предварительного «компетентного» просмотра приставом и т. д. и т. п.

Не лишнее будет напомнить и ст. 773 Т. IX Свода законов, согласно которой евреи во всех публичных актах и во всех бумагах, подаваемых, или присылаемых ими местам и лицам правительственным, судебным и полицейским должны употреблять язык русский или тот, на котором в месте их пребывания дела производятся, но отнюдь не еврейский. Это правило относится и к ведению установленных законом торговых книг.

Ограничительное законодательство опутывало еврейское население со всех сторон. Оно зорко следило за каждым движением и мыслью еврея, замыкая его в средневековые тиски, обрекая его на тяжелый изнурительный ремесленный труд и жалкое торгашество, отстраняя его от полей и степей и тем, обрекая его на физическое вырождение. Российское законодательство, чрезвычайно озабоченное стремлением придать евреям в XX веке европейскую внешность, сохранило позорнейшую 775 ст. IX т. Свода Законов, гласившую: «Употребление особой одежды евреям воспрещается повсеместно, женщинам еврейкам запрещается брить головы».

Над ограничительным законодательством Российской империи незримо парит дух инквизиции.

Всемерно препятствуя еврейской молодежи получить элементарное, среднее и высшее, образование, российское правительство вместе с тем приняло ряд «остроумнейших» мер для того, чтобы лишить возможности чем-нибудь заняться тех «счастливцев», коим удалось сквозь игольное ушко ограничительных законов проникнуть в учебное заведение и его окончить.

На основании закона 1899 г. окончившие юридический факультет евреи не допускались в сословие присяжных поверенных. За 10 лет министр юстиции допустил в сословие присяжных поверенных лишь одного еврея, прослужившего при том 25 лет в должности члена суда, как «пережиток» односекундного либерального дуновения ветерка в эпоху Александра 2-го [2, *13*].

Евреи врачи были лишены права занимать академическую, государственную или общественную должности.

По стопам самодержавного правительства шли и «автономные» земства. Так, в Минске, губернская земская управа, чувствуя сильный недостаток во врачах для борьбы с эпидемией тифа, отказывалась брать на службу евреев-врачей. В Минской губернии были и такие больницы, где отказывали категорически в приеме не только евреям-врачам, но и евреям-пациентам. В г. Борисове было занято под земскую больницу здание еврейской больницы, а евреи-больные туда не принимались [7, *34*].

Несмотря на то, что еврейское население несло такие же, а часто и большие налоги, подати и повинности, как и все прочее население, тем не менее ему было запрещено принимать участие в земских избирательных собраниях и съездах, а равно и в городском самоуправлении [11, *14*, *15*] (ст. 16 Положения о губернских уездных земских учреждениях, изданное в 1892 г. и ст. 24 Городового положения, изданного в 1892 году).

Особо жестоким скорпионом для беднейшего еврейского населения была ст. 395 т. IV Свода законов (Устава о воинской повинности), согласно которой «Семейство еврея, уклонившегося от исполнения воинской повинности, подвергается денежному взысканию в размере трехсот руб.». Тысячи беднейших семей вынуждены были подчас продавать свой последний скарб для того, чтобы вносить штрафы часто за мертвые души или же за весьма далеких родственников, давным давно выбывших за пределы России.

Нам остается упомянуть еще об одном старейшем законе о евреях, изданном еще в 1845 году.

Это 1171 ст. Уложения о наказаниях, согласно которой «евреи за производство вне черты, назначенной для постоянного их жительства, какой-либо торговли, кроме той, которая в определенных именно законом случаях им дозволена, подвергаются: конфискации товаров их и немедленной высылке из тех мест».

Статья эта открыла широчайшие возможности для издевательства и взяточничества местной администрации и привела к совершенному разорению многих тысяч еврейских мелких торговцев. Конфискация у них их часто ничтожного скарба приводила их к полнейшей нищете. Как много говорит следующая коротенькая заметка в «Рассвете» 1910 г., № 1, стр. 36: «В Минске в окружном суде возбуждено свыше ста дел по обвинению евреев, живущих в селах по 471 ст. Уложения о наказаниях за незаконную торговлю вне черты оседлости».

Основные моменты ограничительного законодательства о евреях, действовавшего и в Белоруссии, нами очерчены.

Совершенно понятно, что законодательство это исключительно больно коснулось трудового беднейшего населения. Железный обруч «черты» заставлял стонать от боли еврейского рабочего, ремесленника, кустаря. Богатый купец, банкир и фабрикант знали магические формулы, при помощи которых порочный, мертвый круг почтительно размыкался. В законодательстве об образовании были созданы для еврейской буржуазии специальные щели.

Барьер, поставленный для евреев, перед учебными заведениями, легко и бесшумно перескакивали еврейские тузы.

Средние учебные заведения, вообще весьма малодоступные для беднейшего населения, в результате всевозможных рогаток, оказались для еврейской бедноты вовсе недосягаемыми.

Еврейское трудовое население было обречено на то, чтобы коснеть в невежестве или же обучаться ненужному, давно истлевшему хламу в хедерах или же, в лучшем случае, мучительно искать особых путей самообразования.

Кроме того, еврейская буржуазия, когда чрезмерно и не в меру усердствовавшие громилы императорского правосудия чересчур больно наступали на ее карман, умела всегда найти горячих и влиятельных защитников в крупнейшем именитом российском купечестве.

Это уже был не новорожденный купец Екатерининского времени, нуждавшийся в пеленании и не рахитический мелкий торговец.

Оранжерейный протекционизм российских правительственных попечителей промышленности и торговли только стеснял развивающийся капитализм.

Ложе российского самодержавия оказывалось часто Прокрустовым ложем даже и для наших отечественных купцов и промышленников.

Общие интересы всей буржуазной России без различия национальностей сказались особенно ярко тогда, когда правительством были изданы правила об ограничении прав евреев в акционерных компаниях.

Интересы отечественной торговли и промышленности, которым эти правила грозили нанести жесточайший удар, заставили встрепенуться весь влиятельный биржевой, банковый, торговый и промышленный мир, обычно реакционный и антисемитский. Биржевые комитеты, купеческие банки, граф А. Бобринский, товарищ председателя Государственной Думы А. И. Коновалов и ряд других влиятельнейших лиц, заявили решительно о том, что «отношение к изданным ограничительным постановлениям может быть только самое отрицательное, а результаты такой политики самые пагубные» [6, *19*]. «Рассвет» № 16, стр. 35: «Как передают газеты, управляющий Государственным банком Коншин на вопрос интервьюера, обсуждало ли совещание под его председательством вопрос о национализации кредита и об ограничениях евреев в акционерных обществах, ответил: «Смешно было бы деловым людям в деловых беседах заниматься такими несерьезными несбыточными проектами». Там же приведено постановление общего собрания Екатеринославской биржи с ходатайством об отмене правил регистрации евреев, выезжающих за черту оседлости и майских правил 1882 года. Оба правила, по мнению биржи, создали невыносимые условия экономического развития России.

В № 17 «Рассвета», стр. 36. приведено заявление Екатеринославской биржи о том, что от ограничительной политики о евреях «страдают», главным образом, купцы и потребители внутренних губерний. При таких условиях ограничения евреев превращаются в бич экономической жизни страны».

Не приходится поэтому удивляться, что правительство, несмотря на свой неисправимый furor judophobicus, вынуждено было отменить ограничительные правила о правах евреев в акционерных компаниях.

Время от времени правительство, не довольствуясь ограничительным законодательством о евреях, вносит в их правовое положение соответствующие коррективы.

Этими коррективами являлись погромы и ритуальные наветы.

Уже Александр III ознаменовал свое царствование 150 еврейскими погромами, несомненно искусственно вызванными и организованными до мельчайших деталей, как доказывала поданная правительству докладная записка.

Погромы 80-ых годов, однако, бледнеют перед погромами, организованными правительством Николая II.

Кишиневский, Гомельский, Одесский, Белостокский, Седлецкий погромы и множество других были направлены в первую очередь против еврейской бедноты и рабочих. За спиной громил виднелся указующий, направляющий и благословляющий перст министра внутренних дел фон Плеве.

По меткому выражению историка Дубнова, евреи после революции 1905 года получили «хартию конституции, завернутую в погром».

В течение одной лишь недели с 18-го по 25 октября в 1905 году произошло 624 погрома.

Столь же организованными и инспирированными правительством оказались и ритуальные процессы, среди которых особенно выделялась руководимая министром юстиции Щегловитым бейлисиада.

Если исходные мотивы ограничительного законодательства определялись, главным образом, желанием освободить русских купцов от конкурентов, то погромы и ритуальные процессы преследовали иную цель.

Самодержавие направляло рукой убийцы недовольство огромной бедствующей и невежественной массы городской и сельской черни по линии наименьшего сопротивления.

В море еврейской крови правительство надеялось потушить вспыхнувший огонь революции.

Разжигая зоологический антисемитизм, царизм пытался разбить классовую солидарность российского пролетариата.

В среде революционных русских рабочих погромы вызвали бурю негодования, и они вместе с еврейскими рабочими вступали в специальные боевые отряды самообороны для борьбы с погромщиками.

Расчеты самодержавия не оправдались и несомненно, что погромная и ритуальная политика лишь ускорила его падение.

Правовое положение евреев самым решительным образом повлияло на судьбы так называемой еврейской экономики.

Оно, как мы уже выше указывали, искусственно собрало многомиллионную массу еврейского населения в городах, побуждая ее сплошь и рядом заниматься грошовой торговлей или же самыми невыгодными, отсталыми отраслями ремесленного труда.

Тем не менее, роль евреев в экономической жизни Западного края была весьма значительна. На Западе, где жило 95,9 % всех евреев в России, они составляли 11,6 % всего населения. В городах евреи составляли 37,6 %, в местечках и посадах – 39,8 % всего населения.

В Белоруссии процентный состав еврейского населения значительно повышался, достигая в городах 52,6 %, а в отдельных губерниях – и того выше – в Гродненской – 58,7 %, в Минской – 59,4 %.

Гораздо существеннее доля участия евреев в промышленном труде.

В черте оседлости почти треть (31,4 %) промышленного труда выполнялась евреями.

Некоторые же отрасли ремесленного труда находились почти исключительно в руках евреев.

Так 51,4 % лиц, изготовлявших одежду, падал на евреев. Табачное производство черты на 73,5 % обслуживалось евреями.

В типографском и переплетном труде евреи участвовали в количестве 62,9 %.

Понятно поэтому, что судьбы всего населения Западного края были теснейшим образом переплетены с судьбами еврейского населения.

Правовые ограничения евреев содействовали не одной только их нищете, но и несомненно влияли на подрыв хозяйственных сил всего края, а вместе с тем на благосостояние всего его населения [1, *41*, *42*, *43*; 5].

Ограничительное законодательство достигло несомненных результатов в деле совершенного обнищания беднейшего еврейского населения Западного края. Это удостоверяют показания весьма компетентных источников.

Еще царский сановник граф Пален в докладе о положении евреев писал: «Чуть ли не 9/10 всего еврейского населения составляют ничем необеспеченную массу, живущую изо дня в день в нищете, при самых тяжелых, гигиенических и бытовых условиях. Это самый настоящий, отчаянный пролетариат, которого нет нигде в других частях России. Все слои России, все классы находятся в лучшем состоянии, чем евреи, у них одних встречаются пролетарии, жизнь которых не обеспечена ничем».

Искусственная концентрация евреев в городах и местечках и ограниченный круг занятий сильнейшим образом влияли на понижение заработной платы еврейских рабочих и на общие условия их труда.

Не менее тяжелы были и условия работы большинства ремесленников.

Один из контролеров, обходивший жилища ремесленников, так описывает быт еврейских швеек. «Это обитательницы темных и сырых кварталов с иглой в руках и с воспаленными глазами, наклонившиеся над своей мелкой работой… Швейные машины здесь исключение. Сырость, невозможная атмосфера, скудное питание и недостаток света быстро стирают румянец с лица и медленно, но неуклонно губят молодую жизнь… Те гроши, которые вырабатываются на этой работе, недостаточны и для полуголодной жизни» [5, *31*].

Приведем еще несколько цифр, ярко говорящих про экономическое положение еврейской бедноты в черте вообще и Белоруссии в частности. В Волынской губ[ернии] средний годовой заработок еврея-портного в 35 пунктах из 69 равнялся 100–120 рублям в год. Заработок сапожников в большинстве мест не превышал 100–150 руб. в год. Заработок белошвейки в год колебался между 25 и 100 рублями [12, *334*, *335*, *336*].

Жалкая, чахлая благотворительность еврейской буржуазии, творимая ею, якобы во имя «национального единства», бессильна была поспеть за гигантским ростом нищеты. По некоторым данным в Одессе в свое время обращалась часто за помощью почти вся половина еврейского населения, в Вильне 1/3, в Ковне и Минске по 1.200 семейств и т. д.

Отчаянная скученность еврейской бедноты содействует росту эпидемических заболеваний и детской смертности [13].

Немногими, но достаточно яркими словами характеризует материальное положение черты уже упомянутый нами царский министр гр[аф]

И. И. Толстой. «Типичная еврейская семья черты оседлости», пишет он, «живет в невозможных лачугах, одевается в лохмотья, питается, да и то не каждый день, самою дешевою дрянною селедкою, картофелем и хлебом, и все это в самом мизерном количестве, еле-еле достаточном для того, чтобы не умереть с голоду; таких еврейских семей не тысячи, а сотни тысяч» [14, *65*]. По словам Н. С. Лескова («Евреи в России». Госиздат, 1920 г. стр. 55): «Евреи, сидящие на носах друг у друга в Гомеле, Шклове, Бердичеве и Белой Церкви зарабатывают средним числом около 7 к[опеек] в день на взрослого человека и питаются сухим хлебом, потертым зубцом чеснока».

Правовое положение евреев сделалось совершенно невыносимым во время мировой войны.

Бездарное самодержавное правительство Распутина и Штюрмера, проигрывая на внешних фронтах, старалось наверстать свои потери на внутреннем фронте и, прежде всего, конечно, на евреях.

Еврейский депутат-кадет Н. М. Фридман с «высоты» думской трибуны спешил «от имени еврейского народа» заявить: «В настоящий час испытания, следуя раздавшемуся с высоты престола призыву, мы, русские евреи, как один человек, станем под русскими знаменами и положим все свои силы на отражение врага. Еврейский народ исполнит свой долг до конца».

Этой высокопатриотической лакейской речи демонстративно аплодировали даже погромщики на правых думских скамьях.

Под впечатлением всемирного забвения социал-демократией заветов Интернационала Д. Пасманик делал глубокомысленные выводы о том, что «настоящая война вскрыла пустоту космополитизма и жизненность национального принципа».

Она доказала, утверждал Пасманик, что перед интересами народности стушевываются всякие классовые противоречия.

А меч царского правосудия, под патриотический гимн Фридманов, кадетов и думских хулиганов, творил свое дело.

В районе Западного фронта начались военные погромы в Тарнополе, Калуще и других городах.

Мясоедовы и Сухомлиновы, предававшие армию, обвиняли евреев в шпионаже.

Правительство, после очередного поражения на фронте, разослало по всей России телеграмму о том, что в Кужах евреи скрыли немецких солдат в подвалах, благодаря чему они затем нанесли неожиданный удар русской армии. Все это по проверке оказалось, конечно, чистейшим вымыслом. Столь же нагло лживым и гнусным было знаменитое дело Гершановича – «дело о Мариампольской измене».

Обвинявший старика Гершановича в шпионаже мусульманский имам Байрашевский сам оказался немецким шпионом. А старика Гершановича до суда все же продержали в тюрьме два года.

В то же время по распоряжению главнокомандующего армией на Западном фронте около двухсот тысяч евреев с женами и детьми было изгнано из Литвы, Лифляндии и Курляндии в восточные губернии России и было обречено на нищету, болезни и голодную смерть.

Особенным усердием в деле издевательства над евреями отличился вице-директор департамента полиции *К. Д. Кафафов*.

9 января 1916 г. он разослал по всем губернским органам управления и охраны секретный циркуляр, в котором указывалось, что «евреи посредством многочисленных подпольных организаций усиленно заняты революционной пропагандой, при чем с целью возбуждения общего недовольства в России, они помимо преступной агитации в войсках и крупных промышленных и заводских центрах, а равно подстрекательства к забастовкам, избрали еще два важных фактора – искусственное вздорожание предметов первой необходимости и исчезновение из обращения звонкой монеты».

Кафафов имел, конечно, все основания обвинять еврейских рабочих в «усиленном занятии революционной пропагандой». Дьявольский замысел его циркуляра заключался, однако, не в этом, а в том, чтобы, распространяя о евреях заведомо ложные слухи, создавать благоприятную почву для организации погромов.

Кафафовский запрос в Государственной Думе доказал всю глубину лицемерия, трусости и предательства кадетов и шедшей у них на поводу еврейской буржуазии.

Кадеты во время запроса вовсе отсутствовали.

А прогрессивный блок удовлетворился объяснениями погромщика Кафафова.

В контрреволюционную историю кадетской партии достойно будет занесен и тот факт, что кадеты отказались подписать законопроект о национальном равноправии, составленный социалистами.

В одной из своих думских речей Пуришкевич привел арабскую поговорку:

«Женщину можно испытать золотом, мужчину – женщиной, а русское правительство, – добавил от себя Пуришкевич, – можно испытать предвыборной кампанией и хорошими еврейскими законами».

Пуришкевич был прав.

Российское самодержавное правительство выдержало испытание на «хорошие еврейские законы».

Во славу божию и православной церкви, ad majorem Dei et Ecclesiae gloriam*, во имя торжества распутинских идеалов, оно творило свою погромную политику и создало целый свод ограничительных законов о евреях.

В вихре Великой Российской революции было сметено царское правительство.

*к вящей славе Бога и Церкви (божьей церкви).

Вместе с атрибутами его в музее древностей будет находиться и свод ограничительных законов о евреях.

Великая Октябрьская революция создала, наконец, все необходимые условия для окончательного решения «еврейского вопроса».

Она открыла широкие возможности для всестороннего приложения труда еврейских рабочих.

Советская власть в Белоруссии и в других центрах Союза наметила широкие мероприятия в области привлечения еврейских трудовых масс к здоровому земледельческому труду.

Советский Союз разрешил, как нельзя лучше, трудный и важный национальный вопрос.

Библиографические ссылки

1. *Бикерман И. М.* Черта еврейской оседлости. СПб., 1911.
2. *Дубнов С. М.* Евреи в царствование Николая II (1894–1914). Петербург, 1922.
3. Еврейская летопись / редкол.: Л. М. Айзенберг, Л. М. Клячко, С. Г. Лозинский. Петроград ; М., 1923.
4. *Оршанский И. Г.* Русское законодательство о евреях. СПб., 1877.
5. Очерки по вопросам экономической деятельности евреев в России. СПб., 1913. Вып. 1.
6. Рассвет. 1909. № 19.
7. Рассвет. 1910. № 6.
8. Рассвет. 1912. № 5.
9. Рассвет. 1912. № 6.
10. Руководство к русским законам о евреях / сост. М. И. Мышь. СПб., 1892.
11. Сборник действующих законов о евреях / сост. под рук. Г. Б. Слиозберга. СПб., 1909.
12. Сборник материалов об экономическом положении евреев в России. СПб., 1904. Т. 1.
13. *Субботин А. П.* Настоящее положение еврейского вопроса. М., 1909.
14. *Толстой И. И.* Антисемитизм в России и другие статьи по еврейскому вопросу / предисл. К. К. Арсеньева. Петроград, 1917.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И МЕХАНИСТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ*

I

Маркс, Энгельс, Плеханов и Ленин относились всегда с исключительным вниманием к достижениям естествознания. Маркс оставил ряд ненапечатанных математических работ, Энгельс – «Диалектику природы».

*Доклад, сделанный 26 ноября 1925 г. в Научном обществе при БГУ.

Плеханов, хотя и не занимался специально естествознанием, проявлял, однако, большое внимание к его успехам.

Ленин в своей книге «Мат[ериализм] и эмпир[иокритицизм]» посвятил новейшей революции в естествознании целую главу.

Это, конечно, совсем не случайно.

Маркс и Энгельс – творцы диалектически-материалистического миросозерцания. В своем учении они исходят, прежде всего, из следующих основных предпосылок:

1. Мир есть не что иное, как единство многообразных форм движущейся материи.

2. Эта материя (или природа) существует объективно, независимо от нашего сознания.

3. Различные формы движущейся материи находят свое отражение в мышлении. Следовательно, бытие определяет сознание. Nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu*. Следовательно, содержание сознания черпается из мира материи.

4. Формы мышления отражают формы движущейся материи.

5. Диалектика есть наука об общих законах движения материи в природе, истории и мышлении.

6. Основными законами диалектики являются следующие:

а) переход количества в качество и обратно (принцип качеств[енно]-колич[ественного] единства);

б) взаимное проникновение противоречий (или закон поляризации);

в) закон отрицания отрицаний.

Итак, основной исходной посылкой философского учения Маркса и Энгельса является учение о материи как объективной реальности, различные формы движения которой развиваются согласно законам диалектики. Причем эта диалектика, в отличие от Гегелевской, не навязана природе и истории, а является реальным законом их бытия и только потому является основным законом научного познания.

Все элементы марксизма – его философия, социология и экономическое учение – тесно связаны друг с другом в единую логическую систему. Но философское учение Маркса – материализм и диалектика – определяет собой все элементы Марксова учения; пренебрежительное отношение к философии марксизма означает поэтому подрыв фундамента учения Маркса и Энгельса.

Понятен поэтому и исключительный интерес основоположников диалектического материализма к естествознанию. «Природа, – говорит Энгельс (в «Анти-Дюринге»), – служит пробным камнем для диалектики, и мы должны быть благодарны естествознанию за то, что оно доставляет для ее испы-

*Мудрость разума не заключает в себе ничего, что не было бы уже заключено прежде в мудрости чувства (лат.).

тания с каждым днем все возрастающий материал и тем самым доказывает, что в природе, в конечном счете, все совершается диалектически, а не метафизически».

Могут ли успехи естествознания – различные новейшие теории строения материи: энергетическая, электрическая – заставить нас поставить пред собой вопрос о праве материализма, как философского учения, на существование? – Ни в коем случае.

Естествознание, на всех этапах своего развития, имеет дело с природой или материей как объективной реальностью, и каждое новое открытие в области естествознания лишь расширяет границы познания материи. Вопрос же о *свойствах* материи нисколько не отражается на судьбе основной исходной посылки материализма – самого существования материи, принципа объективной реальности физического мира.

Ленин был поэтому, конечно, прав, когда убеждал в необходимости строго отличать философское понятие материи от эмпирического и не связывать судьбы гносеологии материализма с новейшими открытиями в области строения материи. Нуждается ли естествознание в успехах философии? Не есть ли естествознание само себе философия? На этот вопрос дает исчерпывающий ответ ныне открытая новая работа Ф. Энгельса «*Диалектика природы*». Эта работа носит фрагментарный характер. Возможно, что в свете современных достижений физико-химических наук она во многом устарела. Энгельс, постоянно призывая всех смотреть на историю науки, как на диалектический процесс, в котором беспрерывно происходит процесс обновления, не мог не предвидеть, что многие из его фактических положений из области физико-химических наук устареют. Он откровенно сам об этом писал: «Может, впрочем, случиться, что процесс теоретического естествознания сделает большую часть моей работы или всю ее совершенно излишней. Ибо революция, к которой теоретическое естествознание вынуждается простой необходимостью систематизировать массу накопляющихся чисто эмпирических открытий, заставит даже самого упрямого эмпирика признать диалектический характер явлений природы».

Но если, быть может, фактически материал новой работы и устарел во многом, то тем не менее вся книга в целом имеет исключительное значение и для диалектического материализма, и для естествознания. Эта книга доказывает, что диалектический материализм есть грандиозное и сложное философское мировоззрение, пытающееся в многообразии вселенной найти единый, все синтезирующий принцип. Стремление к обобщению, гармоническому синтезу всех наших знаний о внешнем мире, равно как и стремление во всех причудливых многообразных проявлениях природы найти единое всеохватывающее начало, было известно еще и выдающимся мыслителям древности и великим механицистам XVII ст.: Декарту, Гоббсу, Спинозе – и французским материалистам XVIII ст.: Ля-Метри, Гольбаху, Гельвецию, Дидро.

Однако препятствием для построения строго научного материалистического мировоззрения являлось слабое развитие естествознания, из отдельных отраслей которых были в то время особенно развиты лишь механика, математика и астрономия. Математическое и механистическое мышление наложило свою печать на все философские учения XVII и XVIII ст. Отсюда и столь сильное развитие так называемого социального натурализма, или социальной физики. Отсюда и увлечение во всех науках методом «more geometrorum», господство математического способа изложения и настойчивое стремление все явления общественной жизни объяснить с точки зрения законов механики.

Естествознание и философия XVII и XVIII ст. были насквозь метафизичны. «За природой, – говорит Энгельс, – отрицали всякое изменение, всякое развитие». Мысль об абсолютной неизменности природы являлась препятствием для построения правильного научного мировоззрения. «Наука все еще глубоко сидела в теологии».

Философ Кант своей «Всеобщей естественной историей и теорией неба», своим, по словам Энгельса, гениальным открытием пробил брешь в этом «окаменелом мировоззрении».

Развитие физики и химии, геологии, палеонтологии и особенно эволюционное учение Дарвина проложили мост к созданию научного современного естествознания.

Современное естествознание пронизано бессознательным, «стихийным» материализмом.

Для того, чтобы огромный накопленный современным естествознанием эмпирический материал мог лечь в основу правильного научного понимания природы, он нуждается в сознательном руководстве со стороны диалектического метода.

Один лишь эмпиризм, без теоретического методологического руководства, обречен на жалкое описание – элементарную, первичную ступень научной работы.

«Одно эмпирическое наблюдение, – пишет Энгельс, – никогда не может доказать достаточным образом необходимости. Post hoc*, но не propter hoc**».

Так называемый «ползучий эмпиризм» приводил крупнейших ученых к самым неожиданным результатам. Доверившись грубому эмпиризму, Уоллес и Крукс попали в сети самого обскурантского спиритизма, о чем Энгельс обстоятельно сообщает в статье «Естествознание в мире духов».

Основное положение о неразрушимости движения заимствовано им у философии (у Декарта).

*после этого (лат.).
**для этого (лат.).

Современная научная теория происхождения солнечной системы была предвосхищена учением Гегеля о диалектической связи процессов притягивания и отталкивания.

Естествознание вынуждено пользоваться услугами философии. Не лучше ли ему, однако, спрашивает Энгельс, вместо того, чтобы пользоваться услугами скверной метафизической и идеалистической философии, которая приводит его то к спиритизму, то к витализму, вооружиться философией диалектического материализма, которая дает в его руки могучий метод познания реальных, объективно действующих в природе процессов и их законов.

Между современным научным естествознанием, стихийно влекомым к материализму, и современным научным диалектико-материалистическим методом должна установиться тесная взаимная связь.

Некогда Вирхов говорил о том, что каждый естествоиспытатель, вне своей, собственной специальности, является тоже только полузнайкой, профаном.

Если, справедливо добавляет к этому Энгельс, теоретики являются полузнайками в области естествознания, то такими же полузнайками являются современные естествоиспытатели в области теории, в области того, что называлось до сих пор философией...

«И именно диалектика является для современного естествознания самой правильной формой мышления, ибо она одна представляет аналог, и значит метод объяснения, происходящих в природе процессов развития, всеобщих связей природы, переходов от одной области исследования к другой».

Стихийный материализм современного естествознания недостаточен. «Возврат естествознания к материализму, – говорит Ф. Энгельс, – может *прорваться стихийно*, благодаря просто силе самих естественнонаучных открытий...» «Он может быть значительно сокращен, если теоретизирующие естествоиспытатели захотят познакомиться основательнее с диалектической философией в ее исторически данных формах».

Некогда, в период несовершенного развития естественных и социальных наук, философия объявлена была наукой наук, царицей наук, наукой об итогах наук, стоящей над другими науками. Ныне, когда онтологическая и гносеологическая проблемы философии могут считаться окончательно разрешенными Марксом и Энгельсом, философия материализма превращается в науку о законах мышления и диалектике.

Так именно смотрели основатели диалектического материализма на задачи современной философии.

В своей работе «Диалектика природы» Энгельс, следовательно, прежде всего непоколебимо устанавливает, что современное естествознание, как впрочем, и социальные науки, не может плодотворно развиваться без сознательного, а не стихийного усвоения диалектически-материали-

стического метода. Этим дан ответ и всем современным упразднителям философии, которые утверждают, что «наука сама себе философия».

Диалектический материализм, будучи научной философией марксизма, является вместе с тем незаменимым научным методом для всех наук.

II

Сила диалектически-материалистического метода коренится в том, что он формулирует общие законы, действующие в природе, истории и мышлении.

Исключительное значение новой работы Энгельса и заключается в том, что она учит нас умело пользоваться этим тончайшим орудием научного мышления – диалектикой. Энгельс на ряде многих примеров из области естествознания обнаруживает диалектические законы природы.

Основная, центральная идея работы заключается в установлении *единства* всех форм мирового процесса, выражающегося в *общеобязательных законах движения материи*.

В этом отношении исключительное значение играет закон сохранения и превращения энергии и материи, устанавливающий несоздаваемость материи и энергии, их неуничтожаемость, единство природы, отсутствие резких, непреходимых, метафизических граней в ней.

Диалектика обнаруживает «всеобщие связи» природы, переход от понимания единичного к пониманию целого, к проникновению во всеобщую связь явлений.

Основным свойством материи является движение. Познание различных форм движения материи: превращения механического движения в теплоту, электричество, свет и т. д. и обратно – и есть познание самой материи.

Движение материи устанавливает универсальную связь явлений, диалектическое единство многоразличий в природе и цепь незаметных переходов. Метафизика находила резкие, непреходимые грани между отдельными формами материи. Диалектика эти непреходимые, вечные грани уничтожает в единстве всех процессов, обнаруживая различия и в этих различиях устанавливая единство. Идея развития, движения – центральный нерв диалектики.

Движение материи, развиваясь путем превращения одной ее формы в другую, цепью незаметных переходов, узловых пунктов, скачков связывает все звенья единой цепи мировой материи. Канто-Лапласовская теория происхождения солнечной системы нанесла сокрушительный удар теологически-метафизическому взгляду на мир и землю, как нечто раз навсегда созданное, застывшее, неразвивающееся. Спектральный анализ установил химическое тожество мировой материи. Научная геология установила ряд этапов в истории земли. Теория механического эквивалента теплоты доказала превращение механической силы в теплоту и обратно.

Грове доказал переход всех так называемых физических сил – механической теплоты, света, электричества, магнетизма и химической друг в друга (подтвердив тем самым теорию философа Декарта о том, что количество имеющегося в мире движения неизменно). С момента искусственного изготовления в химической лаборатории органических соединений заполнилась, казалось, непроходимая брешь между неорганической и органической материей. Данные сравнительной анатомии, физиологии, эмбриологии и палеонтологии уничтожили представление о неизменной органической природе. Исчезли границы между отдельными видами растений и животных.

«И вот, – говорит Энгельс, – мы снова вернулись к концепциям великих основателей греческой философии о том, что вся природа, начиная от мельчайших частиц ее до величайших тел, начиная от песчинки и кончая солнцем, начиная от протиста и кончая человеком, находится в вечном возникновении и уничтожении, в непрерывном течении, в неустанном движении и изменении».

Диалектический закон перехода количества в качество и развития путем противоречий подтверждается Энгельсом многочисленными примерами из физики, химии, математики, биологии и истории. С точки зрения диалектики абсолютных различий нет. Казалось бы, говорит Энгельс, резкая, непреодолимая граница отделяет *свет от тьмы*. Однако и это ошибочно. Так, существуют темные световые лучи. Глубокая темнота и яркий свет одинаково ослепляют. «В зависимости от длины колебаний солнечные лучи оказывают различные действия. Лучи с наибольшей длиною волны переносят теплоту, со средней – свет, с наименьшей – химическое действие».

Движение материи путем противоречий – закон, обязательный для электричества, магнетизма и т. д.

Весь мир, все формы материи находятся в постоянном взаимодействии, исходя из которого «мы приходим к реальному каузальному отношению».

С точки зрения современного естествознания, нет принципиальных, непреходимых границ внутри и всего животного мира, включая человека. Живая материя есть лишь особая историческая ступень в развитии мертвой материи, порождающей на определенной ступени, путем перехода количества в качество, первичную клеточку. И мышление есть, конечно, также не что иное, как свойство особым образом организованной материи.

Столь же тонка граница, отделяющая человека от антропоморфных. И здесь принципиальных отличий почти нет. Основной элемент психики – рефлекс – имеет место и у животных, и у человека; элементы языка имеются у муравьев («язык усиков»), ревунов, попугаев; общение, стадность – особенно у антропоморфных. Граница здесь условна. Она и есть, и нет ее.

Основной вопрос здесь, как и во многих иных случаях, в господствующем значении определенных признаков, в их преобладающей роли в жизни определенных животных. У животных, даже пользующихся орудиями,

на 99 ¾ проц. условия борьбы за существование определяются естественными органами. Поэтому и Pithecanthropus Erectus* и даже Homo Heidelbergensis** еще не могут быть названы людьми. Антропоморфные наши предки лишь в той мере становятся людьми, поскольку все более пользуются изготовляемыми орудиями, влияющими и на их физическое перерождение.

И здесь также, следовательно, долгий путь медленных, многовековых количественных накоплений порождает качественно новый животный вид – Homo Sapiens***.

И будучи противоположен по ряду признаков другим животным видам, человек генетически един с ними.

И здесь, следовательно, действует положение диалектики о единстве противоположностей.

Итак, основным свойством материи является движение, и цепь многоразличных форм ее дает нам картину мира.

Основной формой движения является механическое движение.

Могут ли, однако, все прочие формы движения материи, изучаемые в физике, химии, биологии и тем более социологии, быть просто сведены к механике?

Достаточно ли наличия одних лишь механических законов для объяснения всей совокупности сложных форм движущейся материи?

Как мы уже выше отметили, естествознание и «социальная физика» XVII и XVIII столетия давали на этот вопрос утвердительный ответ.

Единственными развитыми науками, на коих покоилось естествознание, были математика и механика. Математически-механическое миросозерцание нашло своих первых и выдающихся выразителей в Декарте, Гоббсе, Спинозе и французских материалистах XVIII столетия.

Н. Н. Алексеев («Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов» – «Очерки по истории и методологии общественных наук», ч. I, стр. 5) в общем верно уловил основную сущность этого механицизма, который выражается в том, что здесь «научное объяснение имеет дело не просто с причинами, но с причинами *измеримыми*, выражаемыми в количественных формулах».

Декарт во всех явлениях материи видел одну только категорию количества. Поэтому он считал, что универсальный математический метод требует отвлечения от всякой особой материи.

На точке зрения чисто количественного анализа явлений природы стояли и французские материалисты XVIII столетия.

Значение Гегеля, вся сущность его диалектического метода заключается главным образом в том, что он не считал возможным ограничиться

*обезьяночеловек прямоходящий (лат.).

**Гейдельбергский человек (лат.).

***человек разумный (лат.).

одним лишь количественным изучением явлений. В своей «Науке логике» Гегель решительно настаивает на важности конкретно-качественного изучения действительности. Основное положение Гегелевской диалектики о том, что истина всегда должна быть конкретна, заставляет в мире единой материи (единого количества) находить и изучать ее качественные своеобразия.

Совершенно определенно отмечал недостаточность механической точки зрения Л. Фейербах.

В своей «Истории новой философии» он писал: «Это без сомнения возвышенная и справедливая мысль, что движение есть принцип природы»; но ошибка Гоббса и Декарта заключалась в том, что «они возвышали на степень всеобщего начала только частный случай движения, именно движение механическое, определенное в математических признаках…» «…Качество, которое именно одушевляет природу и составляет ее истинную физическую сторону, сводится у них к математической концепции, к чему-то превзойденному, идеальному, является простой акциденцией, чем-то нереальным».

Фридрих Энгельс также решительно возражает против узкого механицизма.

Совершенным упростительством и вульгаризацией материализма было бы изучать мир только со стороны его механических процессов – процессов пространственного перемещения. Диалектический материализм трактует о единстве противоположностей, но не о единстве тожественности. Количественный анализ явлений сам по себе, без учета качественно-конкретного многообразия явлений материи, упрощает реальную действительность.

Представители механизма само движение понимают чрезвычайно, упрощенно, исключительно как механическое движение – перемещение. Между тем, «движение в применении к материи» – это изменение вообще. Энгельс отмечает, что яростное стремление свести все к механическому движению смазывает специфический характер прочих форм движения. Высшие формы движения, хотя всегда и связаны с механическим движением, но оно «не исчерпывает существа главной формы в каждом случае». Химическое действие невозможно без изменения температуры и электричества, органическая жизнь невозможна без механических, молекулярных, химических и проч. изменений, но от этого их *специфическая природа не уничтожается*. «Мы, – говорит Энгельс, – несомненно "сведем" когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу, но исчерпывается ли этим сущность мышления?»

Следовательно, основной вопрос, требующий решения, – это «сводимы ли физика, химия, биология, психология, а тем более социология к простым законам механики?»

Вопрос этот не следует отнюдь понимать в том смысле, действуют ли законы механики в указанных областях?

Против того, что физико-химические законы сохраняют все свое значение в мире неорганическом, органическом и психическом, возражений ни с чьей стороны в лагере материалистов нет.

Попытки сведений явлений физики и химии к каким-то непостижимым мистическим силам, равно как желание некоторых реакционно мыслящих биологов воскресить жизненную силу столь несерьезны, что о них говорить не приходится. Вопрос сводится, следовательно, к иному: достаточно ли одних законов механики для объяснения, для закономерного истолкования явлений физико-химических, психических и социальных?

Мы утверждаем, что стремление все сферы жизни объяснить исключительно законами механики ничего в этой жизни не объясняет, ибо один лишь факт движения ничего не говорит нам о содержании или специфическом характере этого движения. Представители механицизма, подобно Лапласу, ищут ту магическую математическую формулу, в прокрустово ложе которой можно было бы уложить все качественное многообразие вселенной.

Неомеханицисты – тов. Степанов и другие – со всей категоричностью заявляют, что механистическое естествознание это и есть диалектический материализм.

Подобные воззрения ни в коем случае состоятельными признать нельзя. Во-первых – потому, что диалектический материализм не есть «последние выводы естествознания»; он не является магической кастрюлей, в которой механически собрана вся выжимка из современного естествознания. Во-вторых – потому, что диалектический материализм, как гносеология и метод, нисколько *не зависит* от тех или иных течений в вопросе о строении материи и т. п. В-третьих – потому, что современное естествознание, даже стихийно материалистическое, нуждается в сознательном руководстве со стороны диалектически-материалистического метода. В противном случае оно неизбежно будет, подобно Уоллесу и Круксу, оставаться в плоскости метафизического ползучего эмпиризма. В-четвертых – потому, что механистическое естествознание суживает задачи, стоящие перед различными сферами естествознания. В-пятых, наконец, потому, что *механистическое миросозерцание есть нечто совсем иное, нежели диалектический материализм*.

III

Диалектический материализм признает универсальную, непрерывную связь всех явлений мира и действительность для природы, истории и мышления одних и тех же законов диалектики.

Но означает ли *единство* мира тожество всех развивающихся в нем процессов?

Неомеханицисты, как и их предшественники, все явления мира сводят исключительно к механическому движению тожественных мельчайших

частиц – положительных ядер и отрицательных электронов, сводя тем самым качественное многообразие материи исключительно к количеству.

Есть ли, однако, движение материи исключительно односторонний количественный процесс?

Мы утверждаем противное: диалектический материализм не игнорирует узловых моментов в развитии материи, находя прерывистость в непрерывном движении. Нет абстрактных количеств, равно как и качеств. Существуют вещи, представляющие собой количественно-качественное единство. Таким образом, в каждом количестве уже неизбежно имеется и некое качество, равно как и наоборот – в любом качестве имеется некое его количество. Нельзя, следовательно, сводить качество исключительно к количеству. В движении материи мы наблюдаем сложный, многосторонний процесс обратимости, и игнорирование качественного многообразия материи убивает основной жизненный нерв диалектического материализма – изучение конкретной действительности.

Очень многие буржуазные философы и социологи, обрушиваясь на механическое истолкование исторического процесса, имеют в виду лишь одно – детерминизм и закономерность. По словам, например, L Stein'a, в природе царит безусловная механическая закономерность. В общественной же жизни – имманентная телеология. Поэтому в природе мы наблюдаем вечные и безусловные законы, в общественной же жизни – одни лишь «ритмы...» Для нас подобные опровержения «механицизма», конечно, неприемлемы. Каузальность механическая имеет место не только в неорганическом и органическом мире, но и в социальном.

Природа, характер этой каузальности, равно как и законов, действующих во всех гранях универсума, одна. И тут, и там лишь при наличии определенных условий мы наблюдаем определенные следствия.

Следует ли, однако, из этого, что *содержание* законов, действующих в мире неорганическом, органическом, психическом и социальном, тожественно? Следует ли из этого, что в каждой из этих форм материального мира нет своих особых, специфических законов?

Может ли диалектический материализм ограничиться одним лишь перенесением физико-химических законов или же законов термодинамики на области органической, психической и социальной жизни?

Не превратятся ли тогда все существующие науки в отделы универсальной механики?

Не уничтожаются ли этим специфические объекты наук или даже специфические методы рассмотрения единого объекта, или же – что то же самое – не упраздняются ли механическим (или механистическим) миросозерцанием все науки?

Неомеханицисты, возглавляемые тов. Степановым, в защиту своих намерений заменить диалектический материализм механистическим пытались

сослаться на авторитет Энгельса. Последняя работа Энгельса заставила их, однако, усомниться в авторитетности самого Энгельса. Тов. Степанов ныне пытается доказать, что, если бы Энгельс был современником современного естествознания, то он безусловно не нападал бы на механическое миропонимание. Это, однако, гадание на кофейной гуще. Не лучше ли обратиться к самому первоисточнику – к самому Энгельсу и у него самого, отнюдь не прибегая к спиритизму, спросить: каково же отношение основоположника диалектического материализма к механистическому миропониманию?

В «Людвиге Фейербахе» Энгельс, критикуя французский механический материализм, писал: «Исключительное применение мерила, заимствованного из механики, к химическим и органическим явлениям, т. е. к таким явлениям, в области которых механические законы, хотя и продолжают, конечно, действовать, но отступают на задний план перед другими, высшими законами, – составляет первую специфическую, неизбежную тогда черту ограниченности классического французского материализма». Метафизичность французских материалистов заключалась, следовательно, прежде всего, в отсутствии у них исторического взгляда на природу и общество, в игнорировании конкретного качественного своеобразия явлений природы и общества.

Мы уже выше отмечали, что и в новой работе «Диалектика природы» Энгельс также нападает на «яростное стремление свести все к механическому движению», что «смазывает специфический характер прочих форм движения». Приведем из этой работы еще ряд выдержек. Все они полностью доказывают, что Ф. Энгельс видел чрезвычайную ограниченность, узость и упрощение многообразия явлений природы в механизме: «Количественное превращение отдельных форм движения друг в друга еще ничего не говорят о качественной природе этих отдельных форм движения: если мы знаем, в какое количество механического движения превращается определенная масса теплового движения, то мы еще ничего не знаем о природе теплоты, как бы ни необходимо было изучение этих превращений для исследования этой природы теплоты» <...> «Естествознание, в последнее время доказало в подробностях тот факт, что истинное конкретное тождество содержит в себе различие, перемену. Как и все метафизические категории, абстрактное тожество годится лишь для домашнего употребления, где рассматриваются незначительные отношения или короткие промежутки времени. Но для синтетического естествознания абстрактное тожество совершенно недостаточно» <...> «Механизм в применении к жизни – беспомощная категория; мы можем, в лучшем случае, говорить о химизме, если же желаем расстаться окончательно со смыслом слов» <...>

О механическом естествознании Ф. Энгельс говорит: «Механика, как наука о массах, является основой химии (как науки об атоме) и физики (как

науки о молекулах)». Однако, «безусловное сведение даже химических процессов к чисто механическим сужает неподобающим образом поле химии».

Эта тенденция стала столь модной, что Геккель просто отождествляет слова: «механический» и «монистический», утверждая, что современная физиология дает в своей области место только механическим силам. «Называя физику механикой молекул, химию – физикой атомов, далее, биологию – химией белков, я желаю этим выразить переход одной из этих наук в другую и, значит, связь, непрерывность, а также различение, разрыв между обоими областями. Идти же дальше этого – называть химию своего рода механикой, по-моему, нерационально. Механика в более широком или узком смысле слова знает только количества, она оперирует скоростями и массами и, в лучшем случае, объемами. Там, где на пути у нее стоит качество, как, например, в гидростатике и аэростатике, она не может придти к удовлетворительным результатам»... «Но в физике, а еще более в химии, не только происходит постоянное качественное изменение в результате количественного изменения, не только наблюдается переход количества в качество, но приходится также рассматривать множество изменений качества, относительно которых совершенно не доказано, что они вызваны количественными изменениями». Количественным анализом нельзя исчерпать физику и химию. «Механическое движение вовсе не исчерпывает движения вообще. Движение вовсе не есть простое перемещение, простое изменение места, – в над механических областях оно является также и изменением качества. Мышление есть тоже движение». В том, что теплота представляет собой молекулярное движение, еще нет анализа теплоты. Механическая концепция сводится именно к этому; она объясняет всякие изменения из изменений места, все качественные различия из количественных и не замечает, что отношение между качеством и количеством взаимно, что качество также переходит в количество, как количество в качество, что здесь имеется взаимодействие. Если мы должны сводить все различия и изменения качества к количественным различиям и изменениям, к механическим перемещениям, то мы с необходимостью приходим к тому положению, что вся материя состоит из *тожественных* мельчайших частиц и что все качественные различия химических элементов материи вызываются количественными различиями в числе и пространственной группировке мельчайших частиц при их объединении в атомы. Но до этого нам еще далеко». По словам Энгельса, только незнакомство современного естествознания с иной философией, кроме «ординарнейшей вульгарной философии», процветающей в немецких университетах, позволяет им оперировать выражением «механический», совершенно не давая себе в нем отчета. Энгельс резко нападает на идею «качественной тожественности материи».

Гегель хотел унизить материализм, отожествив его с «механическим», но «французский материализм XVIII столетия был действительно механи-

ческим», ибо физика, химия и биология были тогда еще в совершенно зачаточном состоянии.

«Материя, как таковая, это – чистое создание мысли и абстракция». Поэтому материя, как таковая, в отличие от определенных существующих материй, не является чем-то существующим. Нападая на механическое, исключительно количественное толкование материи, Энгельс пишет о том, что стремление естествознания отыскать материю, как таковую, сводя все качественные различия исключительно к количественным различиям состава тожественных мельчайших частиц аналогично поискам вместо груш, яблок, вишен – плода как такового.

Как доказал уже Гегель, это воззрение, эта «односторонняя математическая точка зрения», согласно которой материя определима только количественным образом, а качественно исконно одинакова, является «именно точкой зрения» французского материализма XVIII столетия. Она является даже возвратом к Пифагору, который уже рассматривал число, количественную определенность, как сущность вещей.

Итак, после приведенных выдержек точку зрения Ф. Энгельса можно считать достаточно выясненной: Ф. Энгельс *механическое миропонимание отвергал*; механическое миропонимание (или правильнее: неомеханическое) есть возврат назад, понятное движение в истории материалистической мысли – возрождение ионической, примитивно-материалистической натурфилософии. К непосредственным предшественникам современных неомеханицистов Фогту, Бюхеру, Молешотту – Маркс, Энгельс, Ленин и Плеханов относились самым отрицательным образом.

IV

Наши неомеханицисты, однако, не ограничивают себя сферой одного лишь естествознания. Нет! Тов. Степанов в законе сохранения энергии и превращения ее форм из одних в другие находит универсальный ключ, отмыкающий двери всех наук. Он утверждает, что и психическая, и социальная жизнь «без остатка» объясняется сим универсальным законом.

Таким образом, и психология, и социология также объявляются не чем иным, как отделами термодинамики.

Увы! «В новизне твоей
Старина слышится!»
И при том древняя и давно изжитая старина!

Многое в словах современных неомеханицистов заставляет вспомнить и энергетическую натурфилософию Оствальда, и эмпириомонизм Богданова, реакционность которого столь решительно вскрыл В. И. Ленин.

Мы убедимся вскоре, какую бесплодную смоковницу родила так называемая механическая социология.

Механическая социология родилась в XVII и XVIII столетии. Еще Галилей рекомендовал Гоббсу построить этику математическим методом и политику more physico et geometrico*. О стремлении Декарта изобразить человека как машину и свести всю его жизнь к математически-механистическим законам мы уже говорили. Еще более решителен был Гоббс. Он призывал «изучить основания человеческих действий с той же точностью, с которой познаются основания величины в фигурах».

Органически-договорная теория общества и государства Гоббса есть также не что иное, как их механистическое понимание. По мысли Гоббса, основная задача философии свести все явления к основным и универсальным законам движения. Но движение это Гоббс понимает чисто механистически. Подобно тому, как механистическое естествознание, разлагая весь мир на простейшие элементы, ничего кроме их не видит, так и механистическое воззрение на общество (Гоббс и др.) разлагает и социальный мир на личности – атомы. Поэтому Гоббс и не знает исторического взгляда на общество. Новгородцев («Кризис современного правосознания», стр. 261), конечно, прав, когда говорит, что для Гоббса общество есть «сочетание однородных атомов, находящих в своем единении только то, что присуще каждому из них в отдельности, и что в общественной среде повторяется не качественно-повышенным, но количественно-умноженным». Общество таким путем представляется как механическая, количественная сумма элементов. «Социальный натурализм» – механизм Гоббса – был совершенно беспомощен в анализе социальных явлений. Социальные явления суть явления sui generis**. Их изучить и понять можно не путем пустых и бессодержательных аналогий с механизмом и организмом, но лишь путем изучения тех специфических особенностей, которые выделяют определенный круг явлений в явления социальные.

Comparaison n'est pas raison!..*** В истории социологической мысли мы знаем много бесплодных попыток обосновать социологию путем аналогий. Органическое направление Шефле, Лилиенфельда, Вормса и др. привело только к причудливым сравнениям человеческих нервов с железнодорожными путями, сердца с механизмом часов и т. п.

Спенсер и Конт пошли далее: путем аналогии различных классов общества с различными слоями кожи – экзодермой, эндодермой и мезодермой – они пытались обосновать незыблемость классового строения современного общества.

Столь же сильно было желание механистически приложить к анализу общественных явлений дарвинов закон борьбы за существование.

---

*больше физики и геометрии (лат.).

**своеобразный.

***Сравнение неверно (фр.).

Исходя из этого закона, Спенсер и его последователи доказывали вред всяких попыток пойти на помощь угнетенным, слабым, подавленным классам общества.

Такие же бесплодные попытки объяснения общественных явлений с помощью естественного отбора делал и Богданов.

Заодно приведем справку о том, как смотрел на попытки объяснения общественной жизни дарвиновым законом Ф. Энгельс.

Фридрих Энгельс отмечает, что нынешние приверженцы дарвинова закона борьбы за существование некогда отстаивали идею «гармонического сотрудничества в органической природе». Однако, исключительное положение о борьбе, как и о сотрудничестве, односторонне. «Но совершенное ребячество подводит все многообразие исторического развития и усложнения жизни под одностороннюю и тощую формулу «борьбы за существование»: это значит ничего не сказать или и того меньше». Учение Дарвина – отражение Гоббсова учения и буржуазного экономического учения о конкуренции; оно не может быть «вечным законом общественной жизни». Разница вот в чем: «животное в лучшем случае доходит до собирания средств существования, человек же производит их; он добывает такие средства существования (в широчайшем смысле слова), которых природа без него не произвела бы. Это делает сразу недопустимым всякое перенесение без соответственных оговорок законов жизни животных обществ на человеческое общество. «Здесь – при общественном производстве средств существования – совершенно неприменимы уже категории из животного царства. Уже понимание истории как ряда классовых битв гораздо содержательнее и глубже, чем простое сведение ее к слабо отличающимся друг от друга фазам борьбы за существование».

Мы знаем в современной социологии целую механистическую школу, которая исходит в большинстве случаев из закона сохранения энергии, приходя к совершенно нелепым, бесплодным и часто весьма реакционным выводам.

Эволюционная теория Спенсера покоится на обобщении и применении физических принципов сохранения материи и энергии, ритмов движения или равновесия, интеграции материи и дифференциации формы. Гиддингс справедливо называет философию Спенсера *физической социальной философией*.

Неорганическое развитие переходит в органическое, а последнее в надорганическое. Фактором социальных явлений надо считать внутренние и внешние обстоятельства. Внешние заключаются в климате, почве, флоре и фауне, внутренние – в физических особенностях, чувствах и интеллекте. Общества делятся Спенсером на простые, сложные и вдвойне сложные. Всеобщие физические законы сохраняют свою силу в биологии, равно как и в социологии. Поэтому социологические феномены должны быть сведе-

ны к биологическим, а последние растворены в чисто физических законах. Поэтому дарвинов закон борьбы за существование Спенсер приветствовал, не будучи им полностью удовлетворенным, ибо в 1859 г. он еще не мог найти моста от биологии Дарвина к физике своего эволюционного учения. Но в 1864 г. Спенсер нашел мост между биологией и физикой – в *законе параллелограмма сил*, – в учении Клаузиуса, по которому энтропия, или рассеяние мировой энергии, стремится к максимуму, – что должно, очевидно, наступить тогда, когда установится повсеместно равномерная температура.

Так создалось Спенсерово универсальное *учение о равновесии*. Все изменения в природе, учит Спенсер, стремятся к равновесию. По пути к абсолютному равновесию, т. е. к покою, происходит во многих случаях процесс относительного или лабильного равновесия. Каждый организм представляет собой пример подобного относительного равновесия, прекращение коего означает смерть. Каждое поколение знает индивидов с меньшими колебаниями равновесия, и они поэтому сохраняются дольше, нежели другие. Подобные индивиды и являются лучшими, переживающими других индивидов, с менее благоприятно функционирующей системой равновесия. Они, выражаясь языком Дарвина, и являются наиболее приспособленными.

Таким образом, переживание и воспроизведение наиболее приспособленных есть не что иное, как чисто *физический процесс*, – непосредственный результат всеобщего рассеяния материи и движения.

Так Спенсер социологические феномены подчиняет общим биологическим, а последние – законам физики.

Исходя из своей механической концепции, Спенсер приходит:

1. К монистическому агностицизму и примирению науки с религией.

2. К утверждению, что теория естественного отбора, отражая общемировой, универсальный закон стремления к равновесию, требует безразличного отношения к угнетенным, социально слабым и т. д.

3. К утверждению, что классовая борьба – необходимое средство для установления в обществе той социальной гармонии (или упрочения социально более мощных классов), которая есть не что иное, как частный случай общемирового закона равновесия.

Так классовая борьба получает благословление от самих вечных законов космоса.

4. Отсюда совершенно понятна и вражда Спенсера к социалистическому учению, которое вдребезги разбивает его учение о социальной, а следовательно и всемирной гармонии.

Английский ученый *Фиске* также развивает учение о применении эволюционных мировых законов к социальным явлениям.

Мисмер (французский ученый) ищет основ социологии в естественных законах. Социальное явление он основывает на общем *законе тяготения*.

Отсюда возникают социальные законы: 1) закон солидарности, 2) прогресса, усовершенствования.

Первый закон есть не что иное, как проявление закона притяжения молекул. Вместе с тем из закона тяготения и солидарности он выводит необходимость и незыблемость классов и аристократии.

Бельгийский ученый *Ваксвейлер* утверждает, что социальная жизнь есть результат постоянных взаимоотношений между индивидом и окружающим миром. Социология есть физиология процессов реакций на внешний мир.

Английский ученый *Карей* утверждает, что законы социальной жизни покоятся па формуле: *Человек – молекулярная единица общества и, как таковой, представляет собой объект социальных наук*. Необходимое условие существования человека – *закон молекулярного тяготения*. Человечество образует общий организм; физиологические законы действительны и для общества. Так, физиологическое разделение функций людей на органы циркулирующие и регулирующие применимо и к обществу: правительство – это социальный ум, орудия дыхания – рабочие; координированная нервная система – власть обуздывания.

Французский ученый *Винярский* сделал попытку дать систему социальной механики. Он рассматривает всякий агрегат, как систему находящихся в постоянном движении частей, притягивающихся и отталкивающихся.

Энергетика должна лечь в основу всех наук. Основа новой философии – *закон сохранения материи и энергии*: биологические явления сводятся к механическим. Все интеллектуальные, хозяйственные, политические, гражданские, моральные, религиозные и друг. явления покоятся на физиологической основе жизни (голоде и любви) и являются только борьбой наших организмов против других. Механическая энергия превращается в биологическую и социальную. Социальная энергия подчинена космическим законам, т. е. термодинамической энергии. Социальная масса энергии без приобретения и потери массы превращается в психическую. Так как все формы космической энергии покоятся на тепле, то и все формы биосоциальной энергии покоятся на законах экономии энергии. Но так как в термодинамике при равномерном распределении температуры невозможна никакая плодотворная работа, то и в обществе полное равенство классов означает гибель труда. Средством для изучения действия социальной энергии является статистика; единицей изучения социальной энергии, их эквивалентом являются деньги. Биологическая энергия – центральный мотор социальных явлений, обусловливающий политические, юридические, моральные процессы, и кончается она в экономической энергии, измеряемой деньгами. Социальное развитие есть частное проявление стремления материи к равновесию.

Маринис, разделяя механическую точку зрения на социальные явления и рассматривая их как результат единого закона, управляющего движением

материи, устанавливает, что проблема социологии не может быть отделена от механики. Единство социального мира отражает единство космоса; причинная необходимость в социальном мире – механической природы и поэтому свободна от всякого произвола. Механические законы поэтому являются и законами социальными. Вследствие единства природы между различными науками отсутствует принципиальное различие, и так как механика основана на всеобщей действительности, то она и является универсальной наукой. Единственным и первым принципом механики является движение материи. Различные колебания в сочетаниях материи образуют многообразие мира – экономические, физиологические, химические, физические, биологические, психические и социальные процессы. Общество развивается соответственно законам мировой энергии, но отсутствуют точные математические методы для установления сего. Вследствие фундаментального тожества природы и науки не может быть абсолютной разницы, но лишь специфическая, между биологическими и социологическими феноменами. Так как мир социальный связан с биологией, то и общества животных не могут быть устранены из сферы социологии. Классификация обществ: 1) основанные на питании и 2) на воспроизводстве. Социальный мир – последняя часть космического целого; социальные феномены это только взаимодействия психических структур индивидов. – И у нас в России в 1889 г. появился свой родной механицист в политической экономии – *Н. Батюшков*, который в книжке «Связь экономических явлений с законом энергии», исходя из принципов механики, опровергает экономическое учение Карла Маркса, глубокомысленно доказывая, что надо «смотреть на работу человека с точки зрения механики, а на работу человечества с точки зрения притока энергии лучей солнца».

Итак мы видим, к каким бесплодным и часто весьма реакционым выводам приводит механицизм в социологии.

V

Подводя итоги, *отметим следующее*.

Тов. *Степанов* в своей «Электрификации РСФСР» пытался дать энергетическое объяснение техническим процессам, считая, что тем самым он дал и обоснование всей общественной жизни. Закон сохранения энергии не может нам нисколько помочь уразуметь законы общественной жизни. Вряд ли можно хотя бы закон классовой борьбы объяснить исходя из пресловутого универсального закона тов. Степанова. Закон сохранения энергии объясняет нам только процессы, имеющие место в технике, но отнюдь не в хозяйстве. Также не уничтожается и психика в ее индивидуальном своеобразии простым сведением ее к физико-химическим процессам Единство всех форм мирового процесса выражается лишь только в одном – в общеобязательных законах движения материи, или в общеобязательных законах диалек-

тики. Но содержание этих законов будет иное в различных сферах материального мира – неорганической, органической, психической и социальной.

Общий процесс движения материи вовсе не стирает, не уничтожает качественных границ между различными формами движения материи.

Механическое миропонимание упрощает материалистическое миропонимание, из конкретного делая его математически-абстрактным. В мире абстрактного, метафизического, пифагорийского числа нет места закону противоречий, нет места диалектике.

Не могут, тем более, законы механики поглотить психологию и социологию. Машина с механической точки зрения есть нечто иное, как система мертвых движущихся рычагов. Машина, как экономическая категория, есть элемент производительных сил.

Рабочий, как организм, – объект биологии. Рабочий, как элемент производительных сил, – категория социальная, и никакие физико-химические законы не могут объяснить нам общественной жизни.

Э. Резерфорд в своей замечательной статье об «Электрической природе материи» говорит о том, что наша эпоха есть эпоха «ренессанса в физике». Атом является наиболее основной для нас системой. Его свойства, вообще говоря, должны объяснять свойства всех более сложных систем.

Электричество имеет атомное строение.

И атом – электрическое строение.

Резерфорд приходит в общем к вполне материалистическим выводам: «Согласные результаты, полученные с помощью чрезвычайно разнородных физических методов, дали большую уверенность в правильности *атомистического представления* о материи. Метод, оказавшийся наиболее точным, основывается на окончательном доказательстве атомистической природы электричества и на точном определении основной единицы заряда».

Таким образом, знаменитый физик, очевидно, в новейших теориях электричества видит лишь подтверждение учения о материи. Несомненно, этот вывод заслуживает большего внимания, нежели утверждение итальянского физика Августа Риги о том, что «новая система просто ставит электричество на место материи».

Естествознание в своем развитии лишь подтверждает гносеологию материализма – основной принцип объективной реальности «физического мира». В этом отношении исключительный интерес имеют слова В. И. Ленина:

«Материализм и идеализм различаются тем или иным решением вопроса об источнике нашего познания, об отношении познания и “психического” вообще к физическому миру, а вопрос о строении материи, об атомах и электронах есть вопрос, касающийся только этого “физического мира”. Когда физики говорят: “Материя исчезает”, они хотят этим сказать, что до сих пор естествознание приводило все свои исследования физического мира к трем последним понятиям – материя, электричество, эфир; теперь

же остаются только два последние, ибо материю удается свести к электричеству, атом удается объяснить как подобие бесконечно малой, солнечной системы, внутри которой вокруг положительного электрона двигаются с определенной (и необъятно громадной, как мы видели) быстротой отрицательные электроны. Вместо десятков элементов удается, следовательно, свести физический мир к двум или трем (поскольку положительный и отрицательный электроны составляют "две материи существенно различные", как говорит физик Пелла). Естествознание ведет, следовательно, к "*единству материи*" – вот действительное содержание той фразы об исчезновении материи, о замене материи электричеством и т. д., которая сбивает с толку столь многих. "Материя исчезает" – это значит: исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, – наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. Ибо *единственное* "свойство" материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания».

Поэтому Энгельс приводил свой пример с открытием ализарина в каменноугольном дегте и критиковал *механический* материализм. Чтобы поставить вопрос о единственно правильной, т. е. диалектически-материалистической точки зрения, надо спросить: существуют ли электроны, эфир и так далее вне человеческого сознания, как объективная реальность или нет?

Итак, наш общий вывод:

Механическое миропонимание – вульгаризация диалектического материализма. Диалектический материализм изучает материальный мир как сложное количественно-качественное единство, но не тожество.

ДА ПЫТАННЯ АБ ЗАКАНАМЕРНАСЦІ ГРАМАДЗЯНСКАГА ЖЫЦЦЯ

Канчатковая мэта ўсякай навукі мысліцца ў тым, каб сістэматызаваць азначаную частку чалавечай практыкі. Калі б навука абмяжоўвалася звычайным пералічэннем вывучаемых з'явішчаў, дык мы замест складнай сістэмы практыкі атрымалі б награмаджэнне фактаў бязладдзя і не мелі б ніякіх кіраўнічых асноў да неабходнай практычнай дзейнасці.

Такім парадкам, мэта ўсякай навукі з'яўляецца ў устанаўленні агульных разуменняў і на гэтую мэту паказваюць усе прадстаўнікі розных дысцыплін.

Трэба адмовіцца ад другараднага, ад мнагастайных канкрэтных формаў і спыніцца на галоўным. Гэта падкрэсліў яшчэ К. Маркс, калі казаў

аб выключнай важнасці абстрактнага метаду. Значыцца, галоўная задача навукі аб грамадзянстве – сацыялогіі, як і ўсякай навукі – заключаецца ва ўстанаўленні агульных разуменняў, тыповасці з'явішчаў, іх заканамернасці. Асноўнай уласцівасцю навуковых ведаў з'яўляецца вывучэнне з'явішчаў з мэтаю ўстанаўлення законаў, якія кіруюць жыццём і эвалюцыяй гэтых з'явішчаў. Вынікае, аднак, пытанне: ці патрэбна ўстаноўленыя навукай законы лічыць толькі ўласцівасцю нашых ведаў, ці, наадварот, навука толькі фармулюе тыя законы, якія ўласцівы самой прыродзе, г. зн. носяць гэтыя законы суб'ектыўны ці аб'ектыўны характар?

Філосаф Кант на гэтае пытанне адказвае: «Заканамернасць ёсць нішто іншае, як уласцівасць нашых ведаў, устаноўленых апрыорна».

Не аб'ектыўна існуючы знадворны свет развіваецца на грунце ўласцівых яму заканамернасцяў, але розум наш нараджае законы, укладаючы ў іх схемы сусвету. Зразумела пасля гэтага, чаму Кант лічыць час і прастору – асноўныя катэгорыі прыроды – таксама нічым іншым, як уласцівасцю нашага розуму.

Далейшае лагічнае развіццё гэтай тэорыі няўхільна прыводзіць да суб'ектыўнага ідэалізму. Развіццё ж суб'ектыўнага ідэалізму прыводзіць да бэркліянства, да соліпсызму (ад лацінскага слова solus – адзін і ipse – сам). Паводле думкі прадстаўнікоў гэтай тэорыі існуе толькі «я» з яго адчуваннямі, успрыйманнямі і інш.

Уявім на адзін міг, што сапраўды ў прыродзе ніякае заканамернасці няма, г. зн., няма патрэбнай сувязі паміж з'явамі, тады лёгка давесці, што наша элементарная штодзённая дзейнасць стане зусім немагчымай, бо мы можам арыентавацца ў акружаючай рэчаіснасці толькі затым, што ў ёй ёсць пэўная сувязь з'яў. Заканамернасць гэта ёсць нішто іншае, як канечна патрэбная і пэўная сувязь паміж з'явамі. З гэтай прычыны няма ніякага дзіва, што і першабытны чалавек імкнуўся пазнаць акружаючы яго свет, разабрацца ў бязладдзі, якое яму здавалася, каб магчы зрабіць свой уплыў на яго. Але першабытны чалавек загэтым і быў нявольнікам, што не знаў законаў прыроды, не ўладаў над імі, а падпарадкаваўся ім, не гледзячы на тое, што іх не бачыў, што не мог пасягнуць іх суровасць. Але да гэтых ведаў ён ужо тады імкнуўся.

На прадвесні культуры чалавек стварыў і пранавуку – *магізм*. Гэта і ёсць першая спроба ўстанавіць сувязь паміж з'явамі. Але магізм не ўстанаўляе сапраўдную прычынную сувязь у прыродзе. Ён спадзяецца падпарадкаваць сабе прыроду магічнымі дзеяннямі і заклінаннямі. Другою спробаю ўстанавіць сувязь з'яў трэба лічыць *анімістычны светапогляд*. У аснову гэтага погляду кладзецца вера ва ўсеагульную ажыўлёнасць прыроды. Праўду кажучы, ідэалістычная філасофія з'яўляецца заслужанай спадчынай анімізму.

Эвалюцыя анімізму, адбіваючы эвалюцыю сацыяльных адносін, натуральна давяла спачатку да *політэізму*, а потым і *монатэізму*. Монатэізм,

зводзячы тлумачэнне ўсіх з'яў да адной прычыны, быў без сумнення крокам наперад. Але адно – гэта доўгае ўпартае імкненне пазнаць прычыны з'яў прыроды, другое – устанавіць сапраўдныя законы развіцця з'яў прыроды.

Самае разуменне закону было запазычана ў права. Але закон права, бязумоўна, зусім не тое самае, што закон прыроды. Закон права ўстанаўляецца, па-першае, з вонкавага боку (формула *Ульпіяна* «што спадабалася монарху, тое мае сілу закону»), а па-другое, не гледзячы на прымусовы характар, можа быць і не выкананы. Закон жа прыроды, безумоўна, не можа быць не выкананы.

Слова «закон» можна вытлумачыць дваяка: з юрыдычнага і натуральна-гістарычнага пунктаў погляду. У першым выпадку закон з'яўляецца сінонімам парадку, загаду і правіла. У другім выпадку закон паказвае на заўсёдную сувязь паміж з'явамі, тую сувязь, якая ўстаноўлена на аснове назіранняў. Фізычны закон – гэта нязменнае аднаўленне вядомае з'явы кожны раз, як толькі сустракаюцца ўмовы, якія выклікалі яго раней. Такія законы: кіпення, паравання, распаўсюджання гуку, хімічных злучэнняў і г. д. («Рэнэ Вормс – індукцыйны метад у сацыялогіі»).

Да якіх жа часоў адносіцца ўстанаўленне разумення аб законе прыроды? Ці ўстанавілі яго вучоныя антычнага свету, напрыклад, Платон і Арыстоцель, ці не? Трэба сказаць, што яны, як і сярэднявечныя схаластыкі, абмяжоўваліся разважаннем аб прычынах з'яў і, гаворачы аб законах, мелі на ўвазе толькі нарматыўныя законы, г. зн. правілы абыходжання ў галіне рэлігіі, маралі і права.

Першым чалавекам, які імкнуўся ўстанавіць законы прыроды, быў Дэкарт. Ён назваў гэтыя законы правіламі, над якімі пануе адзіны магутны закон – гэта ўплыў божы.

Першае навуковае агульнапрыемлемае формуляванне закону даў Мантэск'ё ў сваёй кнізе «Дух законаў», а іменна: «*законы ёсць неабходныя адносіны, якія вынікаюць з прыроды рэчаў*».

Гэтае азначэнне, не гледзячы на няяснасць выразу «прыроды рэчаў», можа быць прыемлемым і для нас, бо яно дае асноўную прымету закону. Законы прыроды існуюць, гэта прызнаецца і зараз амаль што ўсімі, але адносна законаў гісторыі існуюць вялікія разнагалоссі.

Шмат хто кажа, што гісторыя не ведае законаў. Але калісьці Локк лічыў, што і навукі аб целах не могуць існаваць і скэптычна казаў: «Навуковая філасофія фізічных сіл заўсёды будзе за межамі нашых ведаў». Міль лічыў, што метэаралогія настолькі ж маладая навука, як і сацыялогія, што яна не можа ўстанавіць заканамернасці ў з'явах прыроды. Але вось у 1856 годзе раданачальнік новага напрамку ў гэтай навуцы, амерыканскі вучоны Уільям Фэррыль, ужо ўстанавіў асноўныя законы яе. Калі ж шмат чаго яна яшчэ не можа ўстанавіць ці прадказаць, дык гэта выцякае з недасканаласці метадаў яе, з прычыны яе маладосці.

Тое самае трэба аднесці і да сацыялогіі, яе недасканаласць – гэта ёсць асаблівасці, заўсёды уласцівыя моладосці. Затое маладосці належыць будучыня. Спробы надаць сэнсу акружаючай сацыяльнай рэчаіснасці, г. зн. устанавіць законы грамадзянскага жыцця, рабіліся ўжо даўно. Але не заўсёды гэтыя спробы мелі пад сабою грунт. Шмат якія вучоныя ўстанаўлялі свае законы скараспела, шмат хто з іх асноўваўся на аналогіі то з біялагічнымі, то касмічнымі ці з механічнымі з'явамі і інш., але не заўважвалі асноўнага, а дзеля гэтага да такога роду законаў натуральна адносіліся з недавер'ем.

Адной з ранейшых удалых спроб устанавіць законы грамадзянскага жыцця з'яўляецца спроба італьянскага вучонага Віко, які жыў у эпоху адраджэння: «Усе народы, – казаў ён, – незалежна ад сваіх расавых асаблівасцей і ад геаграфічнага асяродзішча, праходзяць праз адны і тыя самыя этапы развіцця». Гэты закон сцвярджаецца даннымі этнографіі. Поруч з гэтым, Віко ўстанавіў яшчэ адзін закон, г. зн. лёс народаў развіваецца спіральна, падыходзячы да азначанага кульмінацыйнага пункту, ён зварачаецца назад да свае першапачатковае крыніцы. Гэтае палажэнне, бязумоўна, не з'яўляецца законам, а хутчэй дасціпнай здагадкай, абагульненнем некаторых эпізодаў у гістарычным развіцці народаў.

Другая істотная спроба ўстанаўлення закону грамадзянскага жыцця была зроблена Сэн-Сімонам. Яго закон, у пэўнай меры, знайшоў свой выраз у марксавай тэорыі. Ён кажа, што ў працягу вызначанага перыяду народы развіваюцца нармальна, гэта так званы арганічны перыяд, але вынікае награмаджэнне супярэчнасцей, у выніку якіх выбухае гэтак званы крытычны перыяд (рэвалюцыі).

Закон заснавальніка буржуазнай сацыялогіі Конта аб «трох стадыях» развіцця таксама не можа быць названы законам у поўным сэнсе гэтага слова. Паводле думкі О. Конта, разумовае развіццё народу праходзіць праз тры стадыі: ад тэалагічнай праз метафізічную да пазітыўнай. Гэтым стадыям быццам бы адпавядае азначаны сацыяльна-палітычны лад грамадзянства. Гэты закон не адпавядае фактычнаму ходу гісторыі і заслугоўвае некаторай увагі толью як эмпірычнае абагульненне.

З пункту погляду сучаснай навуковай сацыялогіі, «законы» французскага сацыёлага Тарда таксама не могуць быць названы законамі, бо, у лепшым выпадку, яны датычаць толькі адной сацыяльнай сферы – калектыўнай псіхалогіі. Тард трактуе аб законах пераймання, супярэчнасці і прыстасавання, да якіх зводзяцца ўсе працэсы псіхічнай і сацыяльнай эвалюцыі. Апрыорныя канструкцыі Тарда з поўным правам маглі б быць распаўсюджаны і на несацыяльны свет.

Сацыёлаг Паландт з скарбніцы сваёй фантазіі здабыў цэлую кучу «законаў» грамадзянскага жыцця, напрыклад, «закон сацыяльнай згоднасці», закон «стаднага існавання, сацыяльнага адзінства і бязупыннасці», «жыццёвай прыстасаванасці», «сацыяльнай дыфэрэнцыяцыі», «сацыяль-

най нярухомасці і сацыяльнай разнастайнасці», «сацыяльнага дагматызму і аптымізму», «сацыяльнага фармалізму», «захавання грамад», «сацыяльнай няшчырасці» і г. д., і г. д. Зразумела, што падобныя «законы» можна пячы так лёгка, як бліны, але што яны, нарэшце, могуць даць сацыялогіі?

Бельгійскі сацыёлаг Дэ-Грэф таксама ўстанавіў досыць дужую лічбу законаў, якія ніякага значэння не мелі для вывучэння сацыяльнага жыцця: закон злучнасці, супрацоўніцтва, суадносін, бязупыннасці, сумеснасці і ажыццяўленнасці, усеагульнай аднастайнасці, падпарадкаванасці, раўнавагі і напластавання.

Пад непасрэдным уплывам Г. Спэнсэра, следуючы бліскучай плеядзе мэханіцыстых – Місмору, Вакевэйлеру, Карэю, Вінярскаму, акадэмік В. В. Бехцераў напісаў сваю «калектыўную рэфлексалогію». Паводле яго ж думкі, ён стварыў «новую сацыялогію», якая, галоўным чынам, «павінна апірацца на дзве навукі – біялогію і рэфлексалогію». Увы, – гара радзіла мыш... Таленавіты рэфлексолаг, апынуўшыся ў палоне свае ўласнае фантазіі, з'явіўся зусім бясплодным сацыёлагам, злажыўшы цэлых 23 законы: 1) захавання энергіі; 2) прапарцыянальных суадносін шпаркасці руху з рухомаю сілай; 3) цягацення; 4) адпіхання; 5) процідзеяння раўнадзеянню; 6) падабенства; 7) перыядычнасці ці рытму; 8) інэрцыі; 9) бяспрыпыннага руху зменнасці; 10) рассеяння энергіі; 11) адноснасці; 12) эвалюцыі; 13) дыферэнцыявання; 14) аднаўлення; 15) выбарчых зносін; 16) гістарычнай паступовасці; 17) эканоміі, 18) прыстасавання, 19) адбору; 20) узаемадзеяння; 21) кампенсацыі ці змяшчэння; 22) залежных адносін і 23) закон індывідуальнасці.

Усе гэтыя «законы», запазычаныя напракат у фізікі і біялогіі, падобны да сухое хвігі, бо зусім бясплодны.

Ужо ў XVIII стагоддзі матэрыяліст Гольбах адзначыў, што гістарычнае жыццё падпарадкавана тым самым законам, што і прырода. Ён кажа, што мы сумняваемся ў тым, ці існуе заканамернасць да тых часоў, пакуль мы не разабраліся ва ўсім бязладдзі жыцця. Сапраўды ж у прыродзе існуе строгая заканамернасць і яна дапамагае нам арыентавацца ў барацьбе з прыродаю. У грамадзянскім жыцці, паводле думкі Гольбаха, пануюць тыя самыя законы.

Пасля магутнага росквіту прыродазнаўчых навук няма патрэбы даводзіць, што прырода сапраўды падпарадкавана жалезным і «вечным», кажучы словамі Гётэ, законам. Затое ў адносінах пытання аб законах грамадзянскага жыцця, як было ўжо сказана, існуюць глыбокія разнагалоссі.

Шмат якія буржуазныя вучоныя, паслядоўнікі Рыккерта і Віндэльбанда і нашы расійскія суб'ектыўныя сацыёлагі ўстанаўляюць карэнную прынцыповую адзнаку навук аб прыродзе ад навук аб духу. Паводле іх думкі, навукі аб прыродзе ёсць навукі аб сляпой навальнай заканамернасці. Навукі ж аб духу трактуюць аб свеце мэтаў, дзе пануе разумная свабодная воля чалавека.

Няма сумнення, што гэты пункт погляду не вытрымлівае крытыкі. Свет «духу» – той самы свет прыроды, але толькі той, які вывучаецца з асобнага пункту погляду. Апрача гэтага, навукі аб духу не супадаюць з навукай аб грамадзянстве, апошняя шырэй іх, яна ўключае іх у сябе, яны ёй падпарадкаваны. *Рыккерт*, *Віндэльбанд*, *Мэйер*, *Зімель і інш*. *сцвярджаюць*, *што не можа быць гістарычных законаў*.

Некаторыя вучоныя лічаць, што законы соцыялогіі можна ўстанавіць, але адмоўна адносяцца да магчымасці ўстанаўлення законаў гісторыі. Да гэтага погляду далучаецца і Рыккерт. Гэтакае адлучэнне грамадзянскага жыцця ад гісторыі – няправільнае, бо грамадзянскае жыццё не можа разглядацца статычна, а гістарычны працэс – гэта ёсць той самы сацыяльны працэс.

Якія ж довады пярэчнікаў заканамернасці гістарычнага процэсу? Яны кажуць, што трэба адрозніваць навукі номатэтычныя, г. зн. навукі абагульняючага характару, якія ўстанаўляюць законы, ад ідэаграфічных, г. зн., якія трактуюць аб адзіночным. Першыя навукі – аб прыродзе; у прыродзе ўсе з'явы паўтараюцца, а з гэтай прычыны і тут можна выявіць пэўную заканамернасць. У гісторыі ж мы не назіраем паўторных з'яў – усе яны аднаразныя, ніколькі не падобныя на папярэднія. Напрыклад, Вялікая Французская рэвалюцыя 1789 году зусім непадобна на ангельскую 1649 году, значыцца, нельга ўстанавіць у гісторыі рэволюцыі ніякіх заканамернасцяў.

Нямецкі сацыёлаг Зімель пераконвае нас у тым, што гісторык павінен быць мастаком, інтуіцыйна пранікаючы пры дапамозе інтраспекцыйнага метаду, метаду саманазірання ў «духоўныя» асаблівасці данае эпохі і яе геніальных выявіцеляў. Мастацкая фантазія карысна не для гісторыка, і яна бязумоўна не можа служыць метадам навуковага даследавання.

Ці адпавядае праўдзівасці тое, што гісторыя ў адзнаку ад другіх навук не ведае з'яў і працэсаў, якія паўтараюцца. Бязумоўна, не. Мы на кожным кроку назіраем паўтарэнне з'яў. Прывесці прыкладаў у падмацаванне гатага можна было б шмат, напрыклад, аналагічнае развіццё ў розных народаў інстытуту шлюбу, сям'і, рэлігіі, прыватнай уласнасці, мастацтва і інш. Ва ўсіх народаў развіццё гэтых інстытутаў праходзіць праз адны і тыя самыя стадыі. Аднак, праўда і тое, што сённяшняе здарэнне непадобна на ўчарашняе і заўтрашняе. Але гэта яшчэ нічога не значыць. Той ці іншы сацыяльны інстытут у розных народаў мае сваё індывідуальнае аблічча, але за ім захоўваецца зусім той-жа самы касцяк. Вялікая Французская рэвалюцыя сапраўды непадобна на ангельскую, але ў аснове як першай, гэтак і другой ляжыць адзін і той самы фактар – барацьба наваз'явіўшагася класа буржуазіі з феадальным ладам. Абедзве рэвалюцыі – зусім тыповыя буржуазныя рэвалюцыі.

Ці можам мы, аднак, сцвярджаць, што ў прыродзе, у вадзнаку ад грамады, усе з'явы абсалютна паўтараюцца, так што яны падобны на копіі з аднаго арыгіналу? Напэўна не. Возьмем, напрыклад, з'явы навальніцы ці маланкі;

маланка можа быць больш моцнай ці больш слабай, але гэта не змяняе яе асноўнага тыповага характару – раздражэння электрычнай энергіі.

Такім парадкам, мы бачым, што ў прыродзе ўсе з'явы маюць сваё індывідуальнае аблічча і ўсё гэта не перашкаджае ўстанаўленню законаў прыроды, а калі гэтак, дык гэтая акалічнасць не можа перашкаджаць устанаўленню законаў грамадзянскага жыцця.

Другі довад тых, якія адмаўляюць заканамернасць грамадзянскага жыцця – гэта складанасць яго. Гэта акалічнасць асабліва падкрэсліваецца Зімелем. Ён кажа, што для таго, каб устанавіць сувязь з'яў, трэба адшукаць асноўныя элементы іх, але грамадзянскае жыццё настолькі складанае, што мы тут не можам адшукаць асноўных элементаў, г. зн. таго, што з'яўляецца яго грунтам.

Праўдзівая думка аб тым, што грамадзянскае жыццё складанае прыводзіць да непраўдзівага вываду, а іменна, што няма заканамернасцяў у грамадзянстве. У канцы сваёй кнігі сам Зімель адхіляецца ад сваіх поглядаў: ён кажа, што для метадалагічных мэт фармуляванне законаў грамадзянскага жыцця вельмі карысна. Мы бяз іх не маглі б зразумець гісторыі народаў, немажлівай задачай было б вылучыць шмат фактаў гісторыі народаў. Па яго думцы, трэба адкінуць пры вывучэнні грамадзянскіх з'яў усе драбніцы і толькі класіфікаваць розныя асаблівасці, г. зн. устанаўляць тыповасць з'яў. Зімель сцвярджае, што ўстаноўленыя законы карысны, хаця і не адбіваюць рэчаіснасць, бо яны толькі – метад ведаў.

Значна большую пазіцыю няўзгоджанасці ўзяў вядомы гісторык антычнага свету Э. Мэмэр. Ён дае праціўніку, якога не бачыць, пытанне, ці з'яўляецца гісторыя навукай? Выдатны гісторык стараецца давесці, што ўсё, чым ён займаўся дзесяткі гадоў, гэта не навука, а так сабе, дзеля гэтага гісторыя не вывучае тыповых з'яў, а толькі індывідуальныя і непаўторныя і, значыцца, ніякіх законаў гісторыі ўстанавіць нельга.

Ёсць яшчэ і другія пярэчанні супраць заканамернасці грамадзянскага жыцця. Кажуць, што ў прыродзе ёсць бязумоўна сталая сувязь з'яў, у грамадзянскім жа жыцці пануе выпадак, які перарывае гістарычную сувязь здарэнняў.

Але тэорыя праўдападобнасці, якая грунтоўна вылучыла прыроду выпадкаў, устанавіла, што ніякіх выпадковасцяў наогул няма. Усе з'явы, якія здаюцца выпадковымі ў масавым струмені жыцця, нівелююцца, а дзеля гэтага і пануе ўсеагульная заканамернасць. Значыцца, і выпадак не перашкаджае ўстанаўленню заканамернасці. Мы ведаем, што і ў прыродзе ёсць з'явы, якія здаюцца выпадковымі, аднак, яны не выключаюць заканамернасці ў прыродзе. Выпадкам з'яўляецца толькі тое, прычын чаго мы яшчэ не ведаем.

Трэцяе пярэчанне буржуазных вучоных супраць існавання заканамернасці ў грамадзянскім жыцці, самае сур'ёзнае, на якім настойваюць асабліва ўпарта, гэта тая акалічнасць, што ў грамадзянстве ўсюды дзей-

нічае свабодная воля чалавека і ёю вызначаецца гістарычны працэс. Гэтае пярэчанне, паводле праўдзівага сцвярджэння Рэнэ Вормса, не мае ніякага значэння для тых, хто не прызнае свабоды волі, а дапускае прынцып філасоўскага дэтэрмінізму.

Але і для тых, хто верыць у свабоду, пярэчанне гэтае не ў выстарчаючай меры можа быць перакананнем. Калі чалавек вольны, дык гэта ніколькі не шкодзіць яму быць талковым. У сваіх учынках ён заўсёды будзе кіравацца тымі ці іншымі меркаваннямі. Дзеля гэтага можна сказаць, што калі ізноў вынікнуць умовы, ужо раз прымусіўшыя яго прыняць пэўнае вырашэнне, дык яны прывядуць яго да таго самага выніку.

Значыцца, трыманне яго ў большасці выпадкаў можна прадбачыць. Можна сказаць і больш гэтага, калі рашэнне змяняецца, дык гэта робіцца пад уплывам якое-небудзь прычыны. Нарэшце, нават пры свабоднай волі людзі дзейнічалі б па вызначаных матывах і сацыяльныя навукі маглі б устанавіць законы, якія б кіравалі чалавечымі ўчынкамі (Рэнэ Вормс).

Зразумела, што ўсякі чалавек ставіць сабе зусім вызначаныя мэты. Але чаму чалавек ставіць гэтыя мэты, а не іншыя? Яны вызначаюцца тым сацыяльным асяродзішчам, у якім чалавек жыве: воля чалавека дэтэрмінавана. Чалавек з'яўляецца адным са складнікаў грамадзянскага працэсу.

Грамадзянскае развіццё ёсць роўнадзейная ці так званая рэзультанта асобных воль, гэта на філасоўскай мове называецца гетэрагеніяй мэт. Сумарны вынік дзейнасці людзей зусім не супадае з мэтамі і жаданнямі асобных асоб. Гістарычны працэс падпадае не тэлеалагічнаму (мэтаваму) пачатку, а строгай каўзальнасці (прычыннасці). Гэты довад буржуазнай школы пакоіцца на рацыяналістычным светапоглядзе XVII і XVIII стагоддзяў, што розум можа ўсё стварыць. На такой самай аснове пакоіцца і дагаварная тэорыя, аб якой ужо гаварылася.

Шмат вучоных сцвярджаюць, што ў грамадзянскім жыцці не можа быць, па крайняй меры, настолькі бязумоўных законаў, як у прыродзе. Яны запэўніваюць, што паміж прычынай і вынікам укліньваецца свабодная воля чалавека і лепіць гісторыю, усё роўна, як гліну. Але і ў прыродзе законы дзейнічаюць толькі пры пэўна вызначаных умовах. Сцвярджэнне аб бязумоўнай заканамернасці наогул няправільнае. Калі ўспомнім законы хіміі, фізікі і інш., дык убачым, што яны «бязумоўны» толькі пры ідэальных дапушчальных умовах. Напрыклад, славуты закон Бойля – Марыотта, які кажа, што пры нязменнай тэмпературы здабытак («произведение») аб'ёму газу на яго даўленне ёсць велічыня сталая. Тут мы бачым – сапраўды гіпатэтычныя, ідэальныя умовы – сталая тэмпература газу, але такой бяззменнай тэмпературы зусім не існуе. Гэта толькі адцягненне ад канкрэтных умоў для фармавання вызначанага закону. Характар законаў грамадзянскага жыцця і прыроды адзін і той самы. Пры вызначаных умовах мы назіраем і вызначаныя вынікі.

Мы чуем голас з боку суб'ектыўнай школы Карэева і інш., што ў гісторыі дзейнічае вольны чалавек, які дае пры вывучэнні грамадзянскіх з'яў сваю суб'ектыўную ацэнку, уносіць у сацыяльную навуку ацэначна-этычны элемент. Гэта і ёсць славутая тэорыя этычнага ідэалізму. Але, як правільна ўжо адзначыў – зусім не марксыст – Мілюкоў, суб'ектыўны метад не мае нічога агульнага з навуковым аб'ектыўным метадам. Сацыялогія, паводле Карэева, павінна тварыць законы, але вынікае пытанне – якія? Тэлеалагічныя, а не каўзальныя. Ён кажа, што гісторыя ёсць здзяйсненне нашых мэт. Мы ўжо раней казалі аб гетэрагеніі волі. Сапраўды ж самая воля «свабоднага» чалавека ёсць функцыя грамадзянскіх адносін.

Усякая навука, у тым ліку і сацыялогія, знае і так званыя эмпірычныя законы.

Эмпірычнымі законамі з'яўляюцца такія законы, якія, фармулюючы вядомую правільную паўторнасць з'яў, ня могуць яшчэ ўстанавіць прычын гэтай паўторнасці. Да ліку эмпірычных законаў адносяцца шмат якія статыстычныя заканамернасці. Напрыклад, штодзённая паўторнасць ліку адасланых па пошце безадрасных лістоў ці вялікая смяротнасць халасцякоў у параўнанні з сямейнымі.

Прынцыпова паміж эмпірычным і агульным законам няма розніцы; эмпірычны закон з'яўляецца толькі першым крокам да агульнага. Нямецкі сацыёлаг Людвіг Штэйн у сваёй кнізе «Уступ у сацыялогію» імкнецца давесці, што заканамернасці, падобнай да законаў прыроды, у грамадзянскім жыцці няма, а назіраецца толькі рытм, які ўстанаўляе толькі сувязь грамадзянскіх з'яў, але сувязь не абавязковую, не бязумоўную. Сацыяльныя законы гэта толькі практычныя абагульненні, вартасць якіх выключна эўрыстычная, метадалагічная. У прыродзе ж існуе бязумоўная заканамернасць. Але, як мы ўжо бачылі вышэй, бязумоўнасці ў прыродзе зусім няма. Усё цячэ, усё змяняецца, усё падпадае бязупынным дыялектычным зменам.

Асноўная памылка, дзякуючы якой шмат хто з мысліцеляў адмаўляюць заканамернасць сацыяльнага працэсу, вынікае з іх няправільнага разумення самога паняцця – заканамернасці. Яны выходзяць з таго, што законы прыроды ўстанаўляюць залежнасць бязумоўную, калі ёсць А, дык пры ўсіх умовах будзе і Б.

У грамадзскім жыцці кажуць яны, дзейнічае шмат прычын і задаюць яны пытанне – ці заўсёды тут А нараджае Б. У грамадзскім свеце, пераконвалі праціўнікі заканамернасці гістарычнага працэсу няма таго, што ёсць у прыродзе. У грамадзе вызначаючым пачаткам з'яўляецца асоба, якая актыўна дзейнічае, з гэтае прычыны тут не можа быць ніякае заканамернасці.

Навейшыя доследы ўстанавілі важную асаблівасць усякай заканамернасці – залежнасць паміж з'явамі прыроды ёсць толькі пры сталых умовах.

Напрыклад, закон радыяцыйнага распаду матэрыі, здавалася б, дзейнічае незалежна ад тых умоў, пры якіх ён утвараецца. Але ў данным выпадку, відавочна, бязумоўнасць выключаецца; па думцы Эйнштэйна, поле цяжэння ў сусветных абставінах павінна мець уплыў на скорасць радыяцыйнага распаду.

Ці можам мы быць упэўнены ў тым, што законы захавання матэрыі захоўваюць сваё значэнне і ў сусветных умовах прыроды? Ці можам мы прыстасоўваць нашы ўраўненні да сонечных святіл, дзе электрамагнітныя з'явы і злучэнні распадаючых атамаў ствараюць зусім іншыя абставіны жыцця элементаў (акадэмік А. Е. Ферсман)?

Ці можам мы сцвярджаць, што законы хімічных рэакцый дзейнічаюць пры ўсякіх абставінах, незалежна ад тэмпературных умоў?

Ці будуць мець месца гэтыя рэакцыі пры тэмпературы у 200° ніжэй нуля? Ці маем мы грунт сцвярджаць, што гелій і вадарод утвараюць ваду на Венеры?

Выходзячы з вышэйазначанага, можна сказаць, што асноўныя пасылкі мысліцеляў, якія адмаўляюць заканамернасць гістарычнага працэсу, – няправільны. Законы прыроды і сацыяльнага свету маюць абавязковую сілу толькі пры прысутнасці адпаведных умоў.

Карані сцвярджэнняў аб адсутнасці законаў грамадзянскага жыцця захоўваюцца глыбока ў сацыяльнай падглебе.

Далёка не апошнім штурхаючым матывам буржуазных адмоўнікаў заканамернасці грамадзянскага жыцця з'яўляецца іх імкненне давесці, што не існуе натуральна-неабходных законаў, якія цягнуць капіталізм да згінення.

Такім чынам, не падлягае ніякаму сумненню, што і ў прыродзе, і ў сацыяльным свеце аднолькава пануюць законы і прырода гэтых законаў тая самая.

З гэтага, аднак, зусім не значыць, што можна дапусціць простае механічнае перанясенне законаў прыроды на грамадзянскае жыццё. О. Конт калісьці пробаваў, але зусім без поспеху, давесці ўсеагульнасць закону цяжэння, распаўсюджанне яго і на сацыяльны свет. Аналагічныя спробы зрабіў і Г. Спэнсар і іншыя механістыя. Настолькі ж бясплодны і спробы механічнага перанясення ў грамадзянскае жыццё і біялагічных законаў (Дарвінава тэорыя закону барацьбы за існаванне і інш.).

Сацыяльныя з'явы – з'явы асаблівага парадку і ім уласцівы свае ўласныя, асобныя законы.

Цяжэйшая канчатковая задача сацыялогіі заключаецца ў тым, каб устанавіць гэтыя асобныя законы гістарычнага працэсу, памятаючы, што ведаць гэтыя законы патрэбна для таго, каб прадбачыць, а прадбачыць для таго, каб уплываць.

МАРКСИЗМ И СОЦИОЛОГИЯ*

Введение

Нам надлежит в настоящей работе выяснить вопрос о месте, которое занимает в марксизме наука о законах общественного развития. Находится ли она в какой-либо логической связи с философией марксизма или же совершенно от нее независима? Каков объект, методы и задачи этой науки?

История философской и социологической мысли с древних времен и по наши дни характеризуется в основном борьбою двух течений – материалистического и идеалистического.

Материалистическая философия в античный период была представлена создателями научной атомистики – Демокритом, Эпикуром и поэтом – Титом Лукрецием Каром.

В Средние века в борьбу с религиозным обскурантизмом реалистов вступили номиналисты.

Эпоха развития торгового капитализма в Англии выдвинула родоначальников материалистической психологии, творцов теории сенсуализма, Локка и Гоббса.

Дальнейшими вехами в истории материализма являются имена Бэкона, Спинозы, Гассенди, Дидро, Ля-Метри, Гольбаха, Гельвеция, Фейербаха и, наконец, Маркса и Энгельса.

Эти различные течения материалистической мысли признают лишь одну, независимую от нашего сознания, объективную реальность – материю. Источником же нашего познания материалисты считают опыт, ощущения, чувственные восприятия, подлежащие дальнейшей рациональной, методологической обработке.

Основным дефектом материалистической мысли, до Фейербаха включительно, был присущий ей метафизический взгляд на природу и общество. Вследствие этого явления мира не рассматривались в их единстве, всеобщей обусловленности и непрерывном движении, а разрозненно в застывшем, статическом состоянии.

Поэтому мы и наблюдаем у французских материалистов и даже у Фейербаха глубокое противоречие в объяснении явлений природы и общества. Большей частью при объяснении социальных явлений они оставались идеалистами.

Другим полярным крылом в истории философии и социологии является – идеализм. Это мировоззрение имело также в различные эпохи своих блестящих представителей.

*Основное содержание настоящей работы было доложено автором во вступительной лекции к курсу «Диалектического материализма» на открытом заседании Совета факультета права и хозяйства Саратовского университета 21 декабря 1925 г.

Античный период выдвинул родоначальников абсолютного идеализма и формальной логики – Сократа, Платона и Аристотеля.

В средние века церковь нашла могучее идеологическое выражение своих интересов в реалистической схоластике.

Свое законченное выражение идеалистическая философия нашла в системах Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и Беркли.

Различные идеалистические течения объединяет признание единственной реальностью – идеи, духа, разума. Материальный же мир или объявляется миражем, иллюзией, «инобытием» духа или же считается непознаваемым. Онтология идеализма естественно определяет его гносеологию. Источником и условием познания считаются не опыт и чувственные восприятия, а «самосознание» мысли и априорные категории. В конце концов, идеалистическое мировоззрение глубоко антропоморфично. В своей элементарной, примитивной форме – анимизма, и кончая величественной системой абсолютного духа Гегеля, идеализм персонифицирует наше мышление, гипостазирует его, вынося его путем хитроумной логической абстракции из нашей черепной коробки и объявляя его демиургом вселенной.

Что последовательный идеализм неизбежно приводит к солипсизму, доказывает и новейшая «модная» философия Эдмунда Гюссерля, о которой Артур Древс говорит, что она пользуется исключительным влиянием на современных философов («Einen Einfluss auf das heutige philosophische Geistesleben ausgeübt, wie kaum ein anderer seiner philosophierenden Zeitgenossen»*).

Гюссерль в своих «Logischen Untersuchungen», «Philosophie als strenge Wissen schaft», «Ideen zu einer reinen Phänomenologie» и др. ставит своей целью создать новую философию, на основе новой теории познания, столь же достоверную, как и математика. В своей «Феноменологии» Гюссерль доказывает важность не эмпирического апостериорного, а априорного познания, открывающего нам подлинную сущность явлений («Die Essenz der Gegenstände»). Истины ее, в противоположность опытным наукам, необходимые (verites de raison**), а не фактические (verites de fait). Вещи никогда не познаются нами, как таковые, а лишь как мнимые единства, а потому и существование их не необходимо [3, *14–17*; 30, *76–83*].

Идеалистическое и материалистическое мировоззрения – порождение антагонистической, классовой культуры. В нашу эпоху борьба между этими двумя направлениями мысли достигла исключительного обострения. Ожесточенность этой борьбы отражает непримиримую глубину социальных противоречий.

*Оказал влияние на современную философскую интеллектуальную жизнь, как никто другой из его философских современников.

**истины разума.

Современная философия и социология, оперирующие метафизическим методом, бессильны помочь опытным наукам в их законном стремлении к теоретическому синтезу богато накопленных фактических данных.

В области научной мы переживаем сейчас интересный период, который можно назвать периодом стремления к «восходящему синтезу». Чрезвычайная специализация в области развития отдельных научных дисциплин, вызванная необходимостью многообразного разделения научного труда, имела, конечно, свое выдающееся положительное значение. Она обогатила физико-химические и социальные науки рядом блестящих достижений. Но эта специализация научных знаний была вместе с тем связана с упрочением чрезвычайно ограниченного, узкого кругозора, того «ползучего эмпиризма», не освещенного светом теории, который столь ядовито бичевал Ф. Энгельс в «Диалектике природы». Вскоре, однако, обнаружилась совершенная неудовлетворительность исключительно аналитического метода изучения вселенной. Жажда научного синтеза, обобщения разрозненных научных знаний в гармоническую картину вселенной обнаружилась за последнее время с исключительной силой. Родоначальник эмпирической философии и научной методологии Фр. Бэкон триста лет тому назад поставил перед собой огромную задачу – «великое возрождение наук» – «Instauratio magna». Эта задача сохраняет все свое значение и в наши дни.

Бэкон говорил о том, что современная ему наука представляет не более, как кучу материалов, плохо выбранных и не приведенных в порядок, и походит на сооружение пышное и великолепное, но не имеющее фундамента. Этим фундаментом Бэкон считал научный метод, которым он намерен был осветить «дорогу сквозь лес опытов и отдельных фактов», «проникнуть в природу вещей».

Философия Бэкона ничего общего не имеет с тем наивным эмпиризмом, который ограничивает познание поверхностной сферой фактов и чувственных восприятий. Задача науки, по мнению Бэкона, гораздо значительнее. С помощью научного метода «мы подвергаем различного рода исследованию данные самих органов чувств; ибо не подлежит сомнению, что эти органы могут заблуждаться».

Современным представителям опытных наук, робко сторонящимся диалектического метода и часто попадающим поэтому в объятия самой реакционной философии, полезно ознакомиться с оценкой, данной некогда Фр. Бэконом «грубым эмпирикам». Она удивительно совпадает с характеристикой «ползучего эмпиризма», данной Ф. Энгельсом в «Диалектике природы».

«Все мы, – пишет Бэкон, – согласны, что было бы в высшей степени рискованным делом поручить заботу о своем теле и о своем здоровье тем врачам-эмпирикам, постоянно восхваляющим несколько лекарств, представляющих по их мнению, универсальные средства, в которые они верят до того, что не остановились бы ни перед чем, хотя им и неизвестны ни причины болезней, ни темперамент больного, ни опасности, предвещаемые

припадками, ни настоящий способ пользования. В ту же ошибку впадают, как мы видим, люди, которые, при защите своих дел и при ведении процессов, опираются на юристов, более знакомых с практикой, чем с теорией права и которых легко ставит в тупик первое встречающееся затруднение, выходящее из проторенной дорожки, проложенной их практикой».

Значение Бэкона, по определению Маркса, заключается прежде всего «в применении рационального метода к данным, доставляемым внешними чувствами» [2].

Современное естествознание стремится единый мир опыта, искусственно рассеченный специальными науками на отдельные секторы, снова синтетически связать и объяснить. Зло осмеянный Ф. Энгельсом «ползучий эмпиризм» все более уступает место стремлению к построению универсального мировоззрения, к синтезу разобщенных достижений отдельных научных дисциплин.

Этим, думается, следует объяснить и некоторое оживление в области философской и социологической мысли Запада.

Конечно, этим отнюдь не сказано, что это оживление идет в ногу с самой жизнью и наукою. Напротив. Ничего оригинального, вносящего новую, свежую струю в философскую и социологическую мысль, западная, весьма обильная, литература до сих пор не обнаружила. Более того. Старые, казалось, давно изжившие себя идеалистические и теологические системы воскрешаются, одеваются в новые мундиры, подрумяниваются.

История философии не есть абстрактная филиация идей. В конечном итоге философия, как и всякая идеология – рефлекс определенных социально-экономических условий.

Разложение основных устоев современного мирового капиталистического уклада, разрыв хозяйственных связей между отдельными странами, находит свое необходимое отражение и в философской, и в социологической мысли господствующих классов.

Этот закон, не раз уже подтвержденный фактами истории, находит сейчас новое и безусловное подтверждение.

Мятущаяся, полная скептицизма, мысль ищет опоры в субъективном идеализме, мистицизме, спиритизме, витализме, «сверхмеханической причинности», фидеизме.

Теория «двойственной истины», имевшая свое историческое оправдание в период нарождения буржуазии, превращается сейчас в опаснейшее препятствие для развития науки (T. K. Oesterreich «Die philosophischen Strömungen der Gegenwart». S. 350–396).

Излюбленным лозунгом становится призыв к «попятному движению».

Не желая идти нога в ногу с жизнью «вперед», современная буржуазная философия и социология неутомимо влекут научную мысль «назад».

Причем призывы «назад к Канту», «назад к Гегелю» не сопровождаются объективным и добросовестным анализом этих учений, а их совершен-

ным искажением, затушевыванием материалистических и диалектических тенденций в учениях великих Германских идеалистов и их искусным превращением в глашатаев мистики, религии и реакции. Вот почему жажда синтеза, создания гармонического универсального мировоззрения не находит осуществления.

Буржуазная философия и социология изжили себя. Только их окончательное и полное преодоление и усвоение материалистической теории познания и диалектического метода могут содействовать дальнейшему росту научной мысли.

Анархия современного капиталистического производства находит свое отражение в анархии, хаосе, разброде идеалистической и метафизической буржуазной философии и социологии.

Стремление к синтезу научных знаний, охватившее широкие круги ученых, свидетельствует о глубоком кризисе в современном капиталистическом обществе и о новых тенденциях, идущих ему на смену.

Универсальная картина вселенной, строго научное монистическое мировоззрение может быть построено лишь с помощью диалектического метода, «снимающего» в высшем синтезе многообразные противоречия природы и общества и устанавливающего единую их закономерность.

Носителем же этого метода, волею истории, призван быть тот класс, который на место анархии производства поставит плановое руководство, на место «царства необходимости» – «царство свободы».

Марксизм и социология

Марксизм представляет собою такое мировоззрение, которое, на основе диалектического метода, устанавливает единую всеобщую закономерность в природе и обществе.

Элементами марксизма являются:

1. Философия – диалектический материализм, который устанавливает общие законы движения материи в природе, истории и мышлении.

2. Социология – с основным методом исторического материализма, вскрывает общие законы общественного развития в целом и отдельных социальных институтов.

3. Экономическое учение – является применением абстрактного социологического закона и метода исторического материализма к изучению законов происхождения, развития и гибели социально-экономической формации – капиталистического общества.

4. Научный коммунизм, или ленинизм – научная теория социально-экономического и политического революционного преобразования современного капиталистического общества, на основе тенденций и закономерностей, вскрытых экономическим учением.

Таким образом, указанные нами элементы марксизма не представляют собою совершенно независимых, самостоятельных частей, а теснейшим образом друг с другом связаны.

Какое же место в системе марксистского диалектико-материалистического мировоззрения занимает социология?

Энгельс некогда писал о том, что «мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но и от Канта, Фихте и Гегеля».

Идеалистические системы Канта, Фихте и Гегеля содержат в себе различные весьма противоречивые тенденции. Материалистическая тенденция в учении Канта выразилась в признании единственным источником познания чувственных восприятий, опыта и реальности внешнего мира. Несомненны и значительны также элементы диалектического метода в учении Канта, Фихте, Шеллинга.

В то же время Кант, хотя и обрушился на идеалистическое учение, сохранил, однако, интеллигибельный мир ноуменов – непостижимых «вещей в себе», открыв тем самым прямую дорогу для более последовательного субъективного идеализма Фихте и Шеллинга.

Задача Маркса и Энгельса заключалась в том, чтобы «вскрыть за мистической оболочкой рациональное зерно», чтобы, овладев материалистической философией французских материалистов и Фейербаха, поставить диалектический метод Канта, Фихте, Шеллинга и самого Гегеля «с головы на ноги».

Синтез материалистической гносеологии и диалектического метода создал материалистически-диалектическое учение Маркса и Энгельса. Философия диалектического материализма стала основной исходной посылкой всего учения Маркса. Подобно тому, как критика Гегелевской диалектики положила начало материалистической диалектике, так критика Гегелевской теории права послужила Марксу основанием для материалистического объяснения исторического процесса. Марксова социология находит свое полное обоснование в философии диалектического материализма.

Всякие попытки доказать независимость экономического или социологического учения Маркса и Энгельса от их философии неизбежно приводят к коренной «ревизии» марксизма, как это доказали Макс Адлер, Богданов, неокантианцы и эмпириокритики разных мастей.

Макс Адлер доходит даже до утверждения, что «марксизм можно совершенно свободно связывать с любым философским миросозерцанием, с материализмом или спиритуализмом и точно также с системой пантеизма или атеизма».

Совершенно иного мнения держались на сей счет Маркс, Энгельс, Плеханов и Ленин. Философия диалектического материализма означала для них могучее орудие революционной борьбы со всем мертвым, косным, претендующим на «вечность».

Диалектические законы бытия и истории определяют диалектику мышления и борьбы.

«Подобно тому, – пишет Маркс в "Немецко-Французском Еженедельнике", – как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие».

Выдающееся значение философии для дела революционного преобразования современного общества Маркс устанавливает и в «Критике Гегелевской теории права»: «Философия не может осуществиться, не подняв пролетариата. Пролетариат не может подняться (Sich aufheben), не осуществив философии» (Karl Marx «Wie die Philosophie im Proletariat ihre materiellen, so findet das Proletariat in der Philosophie seine geistigen Waffen»).

Критическое, недоверчивое отношение некоторых марксистов к философии основано на совершенно неверной интерпретации известных слов Энгельса в «Анти-Дюринге» о том, «что от всей прежней философии остается тогда лишь учение о мышлении и его законах, формальная логика и диалектика».

Энгельс имел ввиду «философию в старом смысле», которая мнила себя царицей наук и пыталась установить априорные вымышленные между ними отношения.

Означает ли, однако, преодоление старой философии совершенный отказ от проблем онтологии и гносеологии? Мы этого не думаем. Диалектический материализм в снятом виде содержит в себе единственно правильное решение этих проблем. Методологически вполне допустимо, разумеется, говорить о том, что от старой философии сохраняется лишь формальная логика и диалектика. Гносеология Фейербаха, давая материалистический ответ на вопрос о взаимоотношении субъекта и объекта, тем самым решает и задачу онтологии. Материалистическая диалектика, устраняя метафизический характер гносеологии Фейербаха, дает окончательное разрешение и теоретико-познавательных проблем.

Познание общественной жизни для Маркса и Энгельса есть лишь часть общей теории материалистического познания.

Общество не представляет собой принципиально отличного от всей природы объекта познания. Основные диалектические законы природы и общества тождественны. А так как диалектические законы мышления суть лишь «инобытие» диалектических законов природы, то следовательно – диалектико-материалистическая теория познания природы и общества едина.

Это положение совершенно соответствует монистическому характеру Марксовой теории. Вот почему Энгельс отчетливо установил необходимость «согласовать науку об обществе, т. е. совокупность так называемых исторических и философских наук с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию».

Историческая теория Маркса и Энгельса теснейшими узами связана с философией диалектического материализма и критика первой, как справедливо указывал Г. В. Плеханов, естественно предполагает критику последней. Также смотрел на этот вопрос и В. И. Ленин, который отмечал, что «углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание человеческого общества. Величайшим завоеванием научной мысли явился исторический материализм Маркса».

Очень верно отмечал некогда К. Каутский единый диалектический характер природной и социальной закономерности в своей книге «Карл Маркс и его историческое значение»: «Как бы своеобразно ни казалось общество в сравнении с остальной природой, мы находим все-таки, как в обществе, так и в природе, один и тот же тип движения и развития путем борьбы противоречий, все снова возникающих из самого процесса развития, диалектического развития. Таким образом, общественное развитие было вдвинуто в рамки естественного развития, человеческий дух в наиболее сложных и высоких проявлениях, в социальных, был представлен, как часть природы, была доказана естественная закономерность его деятельности во всех областях. Философский дуализм был изгнан из их последнего убежища».

Основные контуры материалистического объяснения исторического материализма были разработаны Марксом и Энгельсом еще в 1844 г. и в 1845 г. в «Немецко-Французском Ежегоднике», «Святом семействе» и «Немецкой идеологии». Основания же Марксистской социологии в сжатой и блестящей формулировке изложены Марксом в предисловии к «Критике политической экономии».

Маркс впервые дал классическую формулировку исторического материализма, установив в одно и тоже время абстрактный закон общественного развития и метод исторического познания.

Буржуазные критики упрекают Маркса в том, что он не оставил ни одной крупной работы с применением своего социологического метода. Это, конечно, совершенно нелепое обвинение.

«Капитал» Маркса является гениальным применением основного абстрактного закона Марксовой социологии к анализу конкретной социально-экономической формации.

В. И. Ленин совершенно правильно отмечает, что до Маркса социологи не в состоянии были найти общие принципы, единый критерий, закономерные связи в сложной сети общественных явлений. Повторяемость, правильность общественных явлений могла быть установлена лишь путем анализа производственных отношений. Метод исторического материализма, по словам В. И. Ленина, «впервые возвел социологию на степень науки» [14].

Предисловие «К критике политической экономии», по словам Г. В. Плеханова, заключает в себе все то, что можно бы было назвать пролегоменами ко всякой будущей социологии, которая могла бы выступить как наука.

Из этого следует, что Г. В. Плеханов формулированный Марксом исторический материализм не отождествлял с социологией, а считал лишь предпосылкой («пролегоменами») к созданию в будущем подлинно научной Марксовой социологии. И действительно – Марксова социология – по своим задачам шире исторического материализма.

Теория исторического материализма является чрезвычайно важным основным законом и методом Марксовой социологии, но не может ее собой заменить.

Тенденция замены социологической науки методом чрезвычайно суживает задачи марксистской теории. Теория исторического материализма служит исходной посылкой при изучении законов общественной жизни. Однако, изготовление самых совершенных орудий труда не является еще конечной целью производства. Цель производства лежит вне орудий производства, в результатах их приложения – в продуктах производства. Тоже относится и к изучению общественной жизни.

Диалектически-материалистический метод познания в приложении к познанию общества порождает теорию исторического материализма.

Эта теория, являясь наиболее совершенным орудием общественного познания, не может, однако, заменить самого общественного познания – обнаружения законов общественной жизни. Марксистская социология не может и не должна ограничиться одним лишь обоснованием метода исторического материализма. При помощи этого метода марксистская социология должна установить законы соотношений между различными элементами социальной жизни, законы их статики и динамики. Марксистская социология, исходя из своего основного абстрактного закона – о зависимости смены общественных форм от развития производительных сил, должна также содействовать установлению особых частных законов развития определенных общественно-экономических формаций, законов генезиса, эволюции и исчезновения социальных институтов. Всякое стремление упразднить социологию, включив ее задачи в отдельные социальные науки, должно быть решительно отвергнуто, как несостоятельное.

Тенденция объявить, что социальные науки «сами себе социология» представляет такой же «ползучий эмпиризм» в обществознании, как и аналогичное стремление отгородиться от философии в среде естественников. Гегель справедливо говорит, что многих от изучения философии удерживает робость. «Робкие умы не решаются заняться философскими изысканиями; они охотно готовы послушать и логику, но с тем, чтобы она оставила их, как они есть. Они полагают, что мышление, как только оно выходит за обычный круг представлений, не ведет к добру; что, доверяясь ему, они доверяют себя морю, где волны мысли будут носить их без цели и, наконец, снова выбросят на мель действительности, которую оставили совершенно напрасно. К чему приводит такое воззрение, не трудно убедиться на самом деле. С ним можно приобресть некоторые практические и тео-

ретические сведения, сделаться рутинным чиновником и вообще развить себя для своих частных целей. Но совсем другое дело – развить себя для более высоких целей и служить им» [4, *27–28*].

Объектом социальных наук являются отдельные секторы общественной жизни. Только метафизик может не заметить, что все они неразрывно связаны друг с другом в единый социальный комплекс, с единой закономерностью. В отличие от социальных наук, социология изучает не отдельные грани общественной жизни, а общество в целом, во взаимозависимости, в consensus социальных элементов. Само собою разумеется, что социология в своих обобщениях пользуется богато накопленным конкретным материалом специальных социальных наук.

При помощи абстрактно-аналитического изучения огромного экономического и исторического материала Маркс и установил основной закон социологии.

Лишь на основе этого основного формального закона специальные социальные науки устанавливают частные закономерности, управляющие развитием изучаемых ими отдельных сторон общественной жизни.

В то же время исторический материализм, устанавливая логический prius социального познания, является для специальных социальных наук необходимым методом научного исследования.

Подобные же отношения имеют место между философией и опытными науками. Философия обязана в значительной степени эмпирическим наукам своим развитием. Но в тоже время философия дает этим наукам метод исследования, на основе коего они «возвышаются ко всеобщим определениям, к родам и законам» [4, *17*].

Итак, социальные науки – изучают отдельные грани общественной жизни в их специфическом своеобразии и закономерности, в отличие от социологии, как науки об общественной жизни в целом.

Законы, устанавливаемые марксистской социологией, служат для специальных социальных наук исходным критерием исследования.

Марксистская социология, являясь по отношению к обществу в целом абстрактной наукой о законах его развития, вместе с тем является методом по отношению к отдельным социальным наукам.

Специальные социальные науки в то же время являются резервуаром, из коего марксистская социология черпает эмпирический материал для своих обобщений и закономерностей.

Марксистская социология, давая универсальную научную картину законов общественного развития, предохраняет специальные социальные науки от узкой, метафизической ограниченности, вскрывая в многообразии социальных явлений их диалектическое единство, строя цельное материалистическое социовоззрение.

Мы считаем необходимым отметить, что в среде марксистов нет, к сожалению, единого взгляда на важность методологического обоснования Марксовой социологии. Некоторые марксисты, законно раздосадованные совершенной бесплодностью буржуазной социологии, считают совершенно ненужным и даже вредным самое существование этой науки. В этом отношении они имеют длинный ряд единомышленников в лагере буржуазной науки, предпочитающей оставаться в границах чистого описания явлений (См. подробно о «врагах» социологии, как науки, в моей кн. «Что такое марксизм (Философские и социологические основания)», 1925 г.).

Чаще всего в таких случаях выдвигается мотив о том, что социология, в отличие от марксизма, стремится установить вечные априорные законы общественного развития для всех народов и времен.

Нечего греха таить.

Буржуазная социология действительно весьма безуспешно занимается совершенно бесплодной затеей «измышления» законов, начиная с О. Конта и кончая представителями механицистов, так называемых социальных дарвинистов, антропогеографической школы, психологистов и др.

Это не дает, однако, основания оспаривать право существования социологии, как науки. Исходя из тех же мотивов, легко доказать (и доказывают!) ненужность и марксовой философии.

В письме от 1877 г. в редакцию «Отечественных записок» К. Маркс решительно протестовал против попыток превращения его «очерка генезиса капитализма в историко-философскую теорию общего хода экономического развития», справедливо указывая на недопустимость пускать «в ход повсюду и всегда одну и ту же отмычку (passe-partout) какой-либо историко-философской теории, самое высшее достоинство которой заключается в ее надисторичности (consiste a etre supra-historique*)».

Маркс имел этими словами ввиду подчеркнуть всю важность изучения специфических закономерностей конкретных социально-экономических формаций. Устанавливая единую природу социальной закономерности, диалектический метод обязывает к конкретному изучению исторического процесса. Но самое изучение частных законов развития определенных социально-экономических формаций возможно лишь после и на основе установления основного формального закона Марксовой социологии, – о зависимости смены и развития общественных форм от развития производительных сил.

В. И. Ленин определенно отмечает, что только после установления этого основного абстрактного закона была «впервые создана возможность научной социологии, что только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественноисторическим процессом».

*должен быть сверхисторическим.

Марксистская социология создает, таким образом, формальные методологические исходные пункты для изучения законов развития конкретных социально-экономических образований.

Абстрактно-аналитический метод Марксовой социологии не имеет ничего общего с «надисторическим» историко-философским творчеством буржуазной социологии.

Чрезвычайно характерны мотивы, какие приводит Бенедетто Кроче в «защиту» марксизма от критики Р. Штаммлера. Штаммлер выдвигает против марксизма доводы, давно уже опровергнутые. Его «глубокое» понимание марксизма явствует, хотя бы из утверждения, что социалист-марксист отвергает, якобы, мысль о том, что «современный общественный строй может быть уничтожен путем насильственного переворота».

По словам Штаммлера, «марксист стремится революционизировать умы, а его революционные стремления «нужно понимать лишь в переносном смысле» [21, *54*].

Нельзя, однако, не согласиться со Штаммлером, когда он доказывает, что будущему исследователю конца XIX и начала XX столетия придется признать, что именно материалистическое понимание истории являлось тогда общепризнанной историко-философской концепцией, что задача ее – создать принципиальный метод для закономерного познания социальной жизни на основе основной формальной закономерности развития производительных сил [21, *68*, *71*].

Штаммлер находит, что исторический материализм дал сильнейший импульс к созданию науки об обществе, но теории общественного развития он все же не создал.

Б. Кроче доказывает, что упрекать марксизм в этом нельзя потому, что это не было вовсе его целью. В своей «интуиции», касательно сущности марксизма, Кроче исходит из убеждения, что общественные поступки не могут быть предметом независимой абстрактной науки [10, *201*].

Он представляет себе, что общество возможно изучать лишь «с известной точки зрения» – юридической, экономической и т. д. Он даже согласен со Штаммлером, что «необходимо создать или перестроить, при помощи нового материала, доктрину социального телеологизма». Но он решительно отвергает всякую связь исторического материализма (который он охотнее назвал бы «реалистическим пониманием истории»!) с «метафизическим» (разумеется, философским).

Тем более он (исторический материализм) не имеет «ничего общего, кроме имени… со старой гегельяновской диалектикой» [10, *139*].

Так, марксизм не создал и не может создать науки об обществе. Он будто бы, преследует чисто практические, эмпирические задачи. Исторический материализм, думает Кроче, есть только «сумма новых данных, новых наблюдений», входящих в познание историка [10, *25*]. Маркс и Энгельс высказались «лишь в общих афоризмах и частных приложениях» [10, *53*].

Исторический материализм, находит «защитник» марксизма Б. Кроче, не может даже быть новым методом исторического мышления, а просто руководством к истолкованию истории.

Отрицая возможность существования абстрактной науки о человеческом обществе, Б. Кроче неизбежно приходит к выводу, к которому приходят весьма часто непримиримые враги революционного марксизма (Э. Зелигман и др.), доказывая, что социализм не может основываться на материалистическом понимании истории. По его словам «на этой философии основываются, наоборот, лишь иллюзии и фантастические выкладки некоторых социалистов» [10, *191*].

Отрицание возможности существования социологии, как абстрактной науки о человеческом обществе, неизбежно приводит, таким образом, к грубому эмпиризму и фальсификации марксизма.

Генезис социологии

Чрезвычайно важно установить основные исторические предпосылки образования социологии вообще и марксистской в частности. Вопрос о генезисе марксисткой социологии представляет чрезвычайный интерес. Надо, однако, сказать, что в этом отношении пока сделано еще чрезвычайно мало.

Густав Мейер, указывая на повышенный интерес цеховой науки к материалистической философии истории, отмечает, что «Маркс и Энгельс сами никогда не дали настоящего систематического изложения своего учения», что особенно обязывает заняться генезисом марксистской социологии. (Введение Г. Мейера к «Лейпцигскому собору» К. Маркса и Ф. Энгельса).

Большое значение имеют исследования Д. Рязанова, упорно стремящегося «проследить с точностью возникновение и развитие этого миросозерцания» (К. Маркса и Ф. Энгельса). (См. его «Очерки по истории марксизма», «Маркс и Энгельс», примечания к «Коммунистическому манифесту», материалы, опубликованные в «Архиве» и «Летописях» Института К. Маркса и Ф. Энгельса).

Само собою разумеется, что исключительное значение для изучения генезиса марксистской социологии имеет издаваемое Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса под редакцией Д. Рязанова, полное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Нельзя, разумеется, обойтись без изучения их богатой переписки. Сохраняют все свое значение работы Меринга и Г. Мейера.

Довольно связное систематическое изложение генезиса материалистического понимания истории (к сожалению, весьма часто в искажающей неокантианской интерпретации) дает Альфред Брауналь «Karl Marx als Geschichtsphilosophie».

Подобно тому, как философия диалектического материализма, являясь отрицанием предшествовавших ей философских систем, в «снятом виде» содержит в себе многие их элементы, так и марксистская социология, ко-

нечно, также имеет своих предшественников, оставивших в ней свой след. Этому обстоятельству как нельзя более соответствуют следующие слова Гегеля: «Последняя по времени философия есть результат всех предшествовавших философий, и, следовательно, должна содержать принципы всех. Она необходимо есть самая развитая, самая богатая и самая полная» [4, *18*].

Основные направления в истории социологической мысли, в общем, развиваются параллельно основным направлениям философской мысли. Причем можно с известной несомненностью установить, что там, где наблюдается определенное соответствие в теоретико-познавательных и социологических воззрениях определенного мыслителя, там на лицо строго выдержанная научная система – мировоззрение. Там же, где этой связи не наблюдается, там мы имеем на лицо систему, полную логических противоречий.

Так, гносеология основателей абсолютного идеализма Платона и Аристотеля полностью определила и их социологические воззрения.

Безусловную реальность Платон признавал исключительно за царством идей, понятий, бледной копией с которых являются вещи. Миру призрачных явлений – «феноменов» противопоставлен мир чистого познания, мир истинного бытия идей или «ноуменов». Идеалистическая и дуалистическая теория познания Платона легла в основание его социологических воззрений.

Исходя из этой теории, Платон создает абсолютную идею нормального общества и государства, доказывая, что оно «лежит в царстве идей», а «образец, если кто хочет видеть его, может быть, находится на небе».

Дуалистический идеализм Платона и Аристотеля оказался незаменимым оружием в руках средневековой церкви, определив своеобразную теологическую «социологию» Августина Блаженного и Фомы Аквинского. Здесь окончательно сплелись звенья идеалистической философии и религии. Идеалистическая философия превратилась в «ancilla theologiae»*.

Своим учением о двух государствах – грешном и ничтожном – земном (civitas terrenae**) и истинном, вечном – божием (civitas Dei***) Августин Блаженный только копировал Платона.

Вся дальнейшая история идеалистической мысли, включая великих германских идеалистов – Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля – неопровержимо доказывает полное соответствие между философскими и социологическими воззрениями.

И совершенно не случайно новейшие религиозные искания, ревизия марксизма и, наконец, теоретико-познавательное обоснование буржуазной социологии идут под лозунгом возврат «назад к Канту».

«Двойственная истина», которой Кант приоткрыл в своей трансцендентной философии форточку, находит себе приют не только в сфере философии, но и в социологии.

---

*«служанка богословия».

**город земной.

***город божий.

Такое же соответствие между философскими предпосылками и социологическими воззрениями мы большей частью наблюдаем и у материалистических мыслителей.

Отрицательное отношение Демокрита, Эпикура, Т. Лукреция Кара, Гоббса, Локка, французских материалистов и Фейербаха к религии, их материалистическое обоснование нравственности, поведения людей, идея всеобщей закономерности, детерминизма – все это идеи, сохраняющие до сих пор все свое значение для материалистической социологии.

Тем не менее, в воззрениях указанных материалистов мы находим только отдельные, разрозненные положительные воззрения на проблемы общественного развития. На всем же их социологическом учении в целом лежит печать ограниченности, узости, часто безысходных противоречий. Их философия истории глубоко пронизана элементами утопизма. Их занимает не столько обнаружение естественно-необходимого закономерного развития исторического процесса, сколько измышление совершеннейшего общественного строя, наиболее соответствующего абстрактной природе человека. Будучи в вопросах метода метафизиками, французские материалисты не в состоянии были создать синтетического материалистического мировоззрения, оставаясь в анализе общественных процессов чистейшими идеалистами. Французский материализм, по выражению Плеханова, был лишь «идеологическим выражением борьбы революционной буржуазии против духовенства, дворянства и абсолютной монархии».

Для того чтобы могла быть создана материалистическая наука о человеческом обществе, понадобилось сильнейшее развитие промышленного капитализма, обострение классовых противоречий, рост естественнонаучных знаний и, наконец, наличие единого диалектического взгляда на развитие природы и общества.

Но и для сформирования буржуазной социологии необходимы были соответствующие социально-экономические предпосылки.

Чрезвычайно много весьма ценных социологических обобщений, сохранивших все свое значение и по сие время, высказали Аристотель, Т. Лукреций Кар, Ибн-Халдун, Вико, Маккиавелли, Монтескье, Гоббс, Локк, Спиноза, французские материалисты, Руссо и др.

Однако до XIX столетия мы наблюдаем только отдельные более или менее удачные попытки к созданию социологии как науки.

Идеалистическая социология своим окончательным оформлением обязана периоду упрочения буржуазии и полного ее отрезвления от материалистических увлечений революционной юности.

XVII в. в Англии и XVIII в. во Франции – периоды обостренных социальных противоречий, эра открытой и смелой борьбы буржуазии с феодализмом. Идейные вожди революционной буржуазии выступают во всеоружии последних достижений науки. Проблемы отвлеченных философских споров на время уступают место размышлениям об обществе и государстве,

поискам наиболее совершенного общественного строя. Однако и английские и французские материалисты, как мы отметили это уже выше, бессильны были создать научную теорию о законах общественного развития. Материалистическая философия явилась могучим орудием борьбы с феодализмом и религией в руках воинствующей буржуазии. Мысль о зависимости всего развития людей от воспитания, внешних обстоятельств, окружающей среды заставляла властно думать о необходимости радикального переустройства общества. В этом именно смысле Маркс и Энгельс и говорили, что французский материализм «приводит непосредственно к социализму и коммунизму». Но общество являлось для французских материалистов порогом, за который не в силах были перешагнуть они.

Опыт французской революции отрезвил многих мыслителей, приковав их взор к могучему рычагу истории – к классовой борьбе. Историки эпохи Реставрации Гизо, Минье, Тьери являются непосредственными предтечами Маркса и Энгельса в учении о классовой борьбе.

Таким образом, создание науки об обществе и законах его развития являлось исторической необходимостью. «Социология была потребностью времени; и если она напрасно искала свое теоретическое выражение в лице Огюста Конта, этого запоздавшего схоластика, то она нашла своего художника в Бальзаке, который явился истинным изобретателем классовой психологии» [11].

Социология призвана была дать теоретическое и практическое разрешение великих проблем эпохи. Для этого, прежде всего, общество должно было стать непосредственным объектом самостоятельного изучения.

Идея общества не могла родиться ни в древнюю эпоху, ни в средние века.

В античном мире огромной массе бесправных рабов противостоит сравнительно небольшое свободное население. Поэтому здесь нет особого термина для государства и общества. Существует лишь одно понятие – politeia*, civitas**.

Этическим идеалом свободных греков и римлян было безусловное подчинение индивидуальной воли воле государства.

По удачному выражению E. Gotheirm'a, у греков государство поглощает общество, оставляя независимой индивидуальной и общественной жизни самое ничтожное место («Der Staat verschlingt bei den Griechen die Gesellschaft»).

Никакого принципиального разграничения понятий «государство» и «общество» в эту эпоху никто не делает.

Наука об обществе не могла появиться и в эпоху средних веков, в период феодальной раздробленности и неограниченной гегемонии церкви.

*государственное устройство (греч.).

**1) право гражданства, гражданство; 2) гражданское общество, государство; 3) город, преим. Рим; 4) граждане.

Новая синтетическая наука об обществе могла появиться лишь в результате гигантского расцвета техники и естественных наук, вызвавших интенсивное развитие денежного хозяйства, сбросившего с себя мертвый обруч феодального общества.

Блантшли справедливо отмечает, что самая идея общества, как единого коллектива обширнейших богатых и сильных новых слоев населения, могла появиться лишь вместе с рождением третьего сословия. Поэтому Блантшли называет общество этого периода понятием, совпадающим с третьим сословием («Ein Drittenstandsbegriff»).

Классовый интерес третьего сословия властно требовал появления науки, которая бы теоретически оправдала ее права на власть, указав пути как положить конец «анархии» и революциям, как упрочить буржуазный «порядок».

Своей позитивной философией О. Конт имел в виду положить конец анархии умов, убедить недовольных в том, что устройство общества зависит отнюдь не столько от внутренних революционных преобразований, сколько от наличия добрых мнений. Ибо – «мнения управляют миром».

Ученые, носители позитивной науки, в союзе с банкирами должны стать во главе нового индустриального общества («социократия»), а пролетариат должен занять в нем, конечно, подчиненное место. Весь исторический процесс определяется по Конту, в конечном итоге, интеллектуальным развитием. Социальная динамика подвержена закону трех стадий – развитию человечества от теологической стадии через метафизическую к позитивной (Риголяж «Социология Конта»). Хотя Конт и приписывает себе пальму первенства в формулировке «закона» трех стадий, не подлежит, однако, никакому сомнению, что совершенно аналогичные воззрения излагались до Конта – Вико, Тюрго, Кондорсе и Сен-Симоном.

О. Конт справедливо считал социологию наиболее сложной наукой. В своей классификации наук, построенной по принципу убывающей общности и возрастающей сложности (математика, астрономия, физика, химия, биология, социология), О. Конт отводит социологии последнее место, утверждая, что она могла появиться и развиваться дальше, лишь в результате предшествовавшего развития естественнонаучных дисциплин.

Так родилась новая наука об обществе. Формальный основатель ее, давший ей имя, Огюст Конт, определил социологию, как «науку о порядке и прогрессе человеческого общества».

Французская буржуазия, пережив бурю Великой Революции, ни о чем столь сильно не грезила, как о порядке, который ей необходим был для быстрого обогащения и подчинения недовольных бедных трудовых масс. Медовый месяц революционного угара и увлечения материализмом уступает место реакции и идеализму. Буржуазный порядок превозносится, как величайшее завоевание прогресса. Так, буржуазная социология, родившись вместе с буржуазным обществом, призвана была стать на защиту его «порядка» и «прогресса».

Огюст Конт и Герберт Спенсер – основатели идеалистического и механически-биологического направления в социологии – были вместе с тем величайшими идеологами буржуазии.

Таким образом, рождение социологии совпало с периодом отрезвления буржуазии, с эпохой возрождения идеалистической мысли и решительной борьбы с материализмом.

Не подлежит никакому сомнению, что на дальнейшее развитие социологии оказали огромное влияние идеалистические системы Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля.

Подобно тому, как сенсуализм Локка приводил одних к субъективному идеализму, а других к материализму, так и германский идеализм диалектический метод оставил в наследство марксизму, а идеалистическую философию завещал буржуазной социологии.

Буржуазная социология, превратившись в орудие теоретического оправдания современного классового строя, не могла стать объективной наукой о законах общественного развития.

Идея беспрерывного движения, диалектического отвержения старых форм не мирится с социальным и духовным консерватизмом. Мысль о человеке как звене в цели природы, о подверженности его тем же естественно-необходимым законам – основная истина современной науки, встречает все более и более решительное сопротивление в среде идеалистически мыслящих философов и социологов.

Риккерт, Виндельбанд, Э. Мейер, Зиммель, Дильтей, Л. Штейн, Макс Вебер и ряд других имен настаивают на принципиальном отличии естественных и социальных наук, на невозможности установления законов исторического процесса, на индетерминизме и телеологии и наконец, на руководящей роли в истории... «божественного мирового духа».

Так, Макс Шелер, опровергая закон трех стадий Огюста Конта, глубокомысленно доказывает, что религия, метафизика и позитивная наука не являются исторически преемственными фазами умственного развития человека, но суть – врожденные особенности нашего познания и каждая из них должна найти равное место в гармоническом воспитании современной молодежи [33].

Не менее ярким показателем совершенной прострации современной буржуазной социологической мысли являются ученые «писания» считающего себя «ортодоксальным марксистом» Макса Адлера. Увлечение кантианством заставило его «обогатить» критический идеализм схоластической теорией трансцендентального обоснования социального и естественно признать всеспасающую силу разума и... бога.

Можно безошибочно утверждать, что вся история социологической мысли до Маркса и Энгельса была доисторическим периодом в социологии. Современная же буржуазная социология витает в сферах отвлеченной беспоч-

венной абстракции, разорвана на множество течений, каждое из которых не в силах определить ни объекта, ни задач, ни методов своей науки.

Не приходится поэтому удивляться тем ученым, которые стараются доказать совершенную ненужность подобной науки [27].

Те же исторические обстоятельства, которые обусловили появление буржуазной социологии, вызвали к существованию и марксистскую социологию.

Период революционных выступлений буржуазии сменился первыми вспышками возмущения со стороны Vorproletariat.

На арену истории выступил новый класс. Его интерес требовал, подобно интересу буржуазии, создания своей пролетарской науки о законах общественного развития. Будучи единственным прогрессивным классом в современном обществе, пролетариат один только и мог создать объективную материалистическую науку о человеческом обществе.

По справедливому замечанию Ф. Меринга «в прежние времена теория эта (марксизма. – *С. К.*) не могла быть выдумана даже самым гениальным умом... Лишь на известном уровне история человечества могла раскрыть свою тайну» [16, *3–4*].

Марксизм впитал в себя опыт великих революционных столкновений, обнаживших социальные покровы, усвоил все достижения естественнонаучной и философской мысли своего времени и тем самым получил фактическую возможность построить подлинно научную материалистическую социологию.

В железный инвентарь марксизма вошли все позитивные элементы идеалистической философии, особенно Гегеля, гносеология Фейербаха, учение о классовой борьбе историков периода Реставрации Гизо, Тьери, Минье, социалистические учения великих утопистов и завоевания классической политической экономии.

Мы далеки, разумеется, от того, чтобы считать непосредственными предшественниками Маркса и Энгельса всех тех, кто когда-либо высказал мысль о большом значении экономического фактора в историческом процессе. Тогда пришлось бы отнести к числу предшественников материалистического понимания истории не только Луи-Блана, Прудона и Лоренца Штейна, но и Аристотеля, и Вико, и Ибн-Халдуна даже… Шекспира, который в «Тимоне Афинском» так писал о власти золота:

Да, этот плут сверкающий начнет
И связывать, и расторгать обеты,
Благословлять проклятое, людей
Ниц повергать пред застарелой язвой,
Разбойников почетом окружать,
Отличьями, коленопреклонением,
Сажая их высоко, на скамьи
Сенаторов. Вдове давно отжившей
Даст женихов... [1, *31*]

Материалистическое понимание истории, и как основной закон общественного развития, и как метод исторического познания, могло появиться лишь на определенной ступени исторического развития. K. Gothein справедливо отмечает, что материалистическое понимание истории смогло сформироваться лишь в обстановке интенсивнейшего промышленного развития второй половины XIX века.

В предисловии к «Критике политической экономии» Маркс устанавливает, что борьба за интересы мозельских крестьян, необходимость всестороннего исследования причин их разорения – падение цен и уменьшение сбыта вина, влияние нового таможенного законодательства, постоянные неурожаи, неравномерное распределение налогов – побудили его заняться изучением экономических отношений. Сотрудничество с 1842 г. в «Рейнской газете» также побуждало Маркса искать выхода в разрешении важнейших социально-политических проблем и несомненно содействовало его быстрому отрезвлению от Гегелевских идеалистических воззрений на государство и право.

Германия в [18]30-е годы, период первых литературных выступлений Маркса, представляла страну, разбитую на независимые маленькие государства, с весьма слабо развитой чахлой промышленностью, с малочисленным пролетариатом и чрезвычайно сильной политической реакцией. Радикальная немецкая интеллигенция искала ответа на проклятые вопросы действительности у властителя дум 30-х и 40-х годов XIX столетия – у Гегеля.

Вплоть до 1843 г. Маркс находится всецело под исключительным влиянием Гегелевской философии. Интенсивное социально-экономическое развитие Германии с [18]40-х годов, усиленное основанием общегерманского таможенного союза, борьба с феодальным режимом, социальная дифференциация заставляют искать ответа на запросы жизни не в отвлеченной идеалистической философии Гегеля, и у материалиста Фейербаха.

В «Святом Семействе» Маркс пишет:

«За трехлетие 1842 г. – 1845 г. в Германии было сделано больше, чем прежде за три века. Дело идет, во всяком случае, об интересном событии – о процессе разложения абсолютного духа».

Еще более содействовала выработке материалистического мировоззрения Маркса поездка в 1844 г. в Париж. Здесь он очутился в центральной лаборатории социалистических идей, которые он тщательно изучил и подверг всесторонней критике.

Здесь, начиная с Великой Революции 1789 г., никогда не переставали бушевать волны революции, и классовая борьба пролетариата явно становилась в порядок дня. Маркс погрузился здесь в изучение Французской истории, государственного права и истории политических и экономических учений. Эти занятия побудили Маркса предпринять, как он пишет об этом в предисловии к «Критике политической экономии», для разрешения осаждавших его сомнений, критический пересмотр Гегелевской филосо-

фии права. Результаты своих исследований, положивших начало материалистической теории исторического процесса, Маркс опубликовал впервые в «Немецко-Французском Ежегоднике («Deutsch-Französische lahrbücher») в 1844 году в Париже.

«Я убедился, пишет Маркс, что правовые отношения и государственная форма не объясняются ни своей собственной природой, ни так называемым общим развитием человеческого духа, но коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII века, называл "гражданским обществом", анатомию же гражданского общества надо искать в его экономии».

В «Немецко-Французском Ежегоднике» Маркс большей частью остается еще на почве «реального гуманизма» Л. Фейербаха.

Л. Фейербах уже в 1839 г. подвергнул Гегелевскую философию тщательной критике. Он объявил, что единственным источником исцеления от умозрительной философии может быть исключительно возвращение к природе.

«Бытие, – возражал он Гегелю, – не есть общее, отделимое от вещей понятие. Оно совпадает с тем, что есть.

Ибо если существующее есть только понятие, то существует тогда в действительности не живой человек, а лишь скелет его».

Тайна непосредственного знания, учит Фейербах, есть чувственность. Гегелевская философия не дает истинного отношения мышления к бытию. Бытие невозможно вывести из мышления, ибо только бытие «есть из себя и через себя, бытие дано только посредством бытия, бытие имеет свое основание в себе» [20, *71*].

В центре всей своей материалистической философии Фейербах поставил человека:

«Всякие размышления о праве, о свободе, о воле, о личности – без человека, вне или поверх человека – являются размышлением без единства, без необходимости, без субстанции, без реальности» [20, *74*].

«Истинно и действительно только человеческое, ибо только человеческое – разумно; человек – мера разума» [20, *134*].

Единственным универсальным и высшим предметом философии Фейербах провозгласил человека. При этом речь шла не об отдельном человеке, философском Робинзоне, а о человеке, живущем в общении с другими людьми. Но Фейербах остановился на пороге материалистической социологии. Его человек – это абстрактное существо, не связанное ни с определенной эпохой, ни с определенным классом. Он не видит в нем совокупности общественных отношений. Он не понимает, что основа чувственного мира лежит в общественной, производственной деятельности людей. Наиболее характерными отношениями между людьми Фейербах считает отношения «любви и дружбы».

Движущего рычага исторического процесса, законов, определяющих общественное отношение людей, Фейербах вскрыть не сумел.

Уже в «Kritik der Hegel'schen Rechtsphiiosophie» Маркс значительно опередил Фейербаха. Человек, говорил он, это не есть абстрактное, вне окружающего мира обретающееся существо. Человек – это мир людей, государство, общество. Это государство, это общество производят религию. В этой же работе Маркс обратил внимание на классовую борьбу, как движущую силу истории.

В предисловии к «Кельнскому процессу коммунистов» Энгельс рассказывает, что в Манчестере он лицом к лицу столкнулся с той истиной, что экономические факторы являются решающей исторической силой. А Маркс в то же время, в 1844 г., в «Немецко-Французском Ежегоднике», установил, что «вообще не государство обусловливает и регулирует буржуазное общество, но буржуазное общество – государство, что, следовательно, политика и ее история может быть объяснена, если исходить из экономических отношений и их развития, а не наоборот».

В «Немецко-Французском Ежегоднике» Маркс не только преодолел Гегелевскую теорию права, но и сделал ряд шагов вперед по сравнению с Фейербахом, по пути к материалистическому истолкованию исторического процесса. Еще ближе подошли Маркс и Энгельс к задаче создания материалистической науки о человеческом обществе в «Святом Семействе» или «К критике критической критики», направленной против умозрительного Гегельянского идеализма Бауэра (в 1844 г.). «Исторический процесс, – говорит Маркс, – определяется способом общественного производства вещей, назначенных для удовлетворения потребностей людей».

Жестоко критикуя представителей «Критической критики», Маркс с недоумением спрашивает их: думают ли они, что действительно изучили, хотя один период, без того, чтобы прежде всего изучить индустрию этого периода, непосредственный способ производства жизни. Подобно тому, заключает он, как они отрывают душу от тела, себя самих от мира, так отрывают они историю от естествознания и индустрии, так усматривают они месторождение истории («Die Geburtstätte der Geschicte») не в грубо материальном производстве на земле, но в туманных облаках на небе.

Доказав, что не идеи, абстрактные понятия и абсолютный разум, а материальное производство является определяющим фактором истории, Маркс дает в «Святом Семействе» блестящий пример применения диалектического метода в социологии.

Пролетариат и богатство суть противоречия («Gegensätze»), доказывает Маркс. Как таковые, они образуют целое. Оба они порождены миром частной собственности. Последняя вынуждена отстаивать свое существование, а тем самым и существование своего отрицания – пролетариат.

Пролетариат, напротив, вынужден стремиться к тому, чтобы уничтожить и себя, как класс, и свое отрицание – частную собственность, его породившую. Разрешением этого диалектического противоречия, характеризую-

щего современное капиталистическое общество, может быть исключительно победа пролетариата, основанная на ликвидации классового общества.

В «Нищете философии» (1847 г.) Маркс отчетливо установил, что если пролетариат, волею истории, вынужден играть роль отрицания («Die Negation»), то отрицанием отрицания («Die Negation der Negation»), разрубающим гордиев узел диалектических социальных противоречий, может быть исключительно революция. В «Нищете философии» Маркс доказал, что ход исторического процесса определяется борьбой противоречий. Эта борьба находит свое конкретное выражение в ожесточенной борьбе классов, отражающей определенные производственные отношения, в свою очередь определяемые развитием производительных сил.

«Ohne Gegensatz, – утверждает Маркс, – kein Fortschritt: das ist das Gesetz, dem die Ziwilisation bis heute gefolgt ist»* [32, *256*].

Исключительный интерес для выяснения генезиса материалистического понимания истории представляет написанная Марксом и Энгельсом в 1845 г., больше для «собственного уразумения», «Немецкая идеология» или «Критика послегегелевской философии, в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера, и немецкого социализма, в лице его разных пророков».

В течение долгих лет эта работа была доступна исключительно «грызущей критике мышей». И только недавно большая часть ее опубликована Д. Рязановым в 1-м т. «Архива Института К. Маркса и Ф. Энгельса». (Рукопись этой работы хранилась все время у Эд. Бернштейна. Глава о Штирнере была опубликована в «Документах социалиста». Глава о Бауэре – «Лейпцигский сбор» опубликована биографом Энгельса – Г. Майером.

Между тем, «Немецкая идеология» имеет исключительное значение для выяснения генезиса марксизма. Он дает нам возможность заглянуть в любопытную «мастерскую исторического материализма».

В этом произведении Маркс решительно вскрывает созерцательный, абстрактный, метафизический, ограниченный характер материализма Фейербаха. Еще более резко Маркс нападает на «Святого Бруно» (Бауэра), который все еще продолжает скакать на «старом гегелевском боевом коне». Интересы реальной действительности привлекают более всего внимание Маркса и Энгельса. Борьба, которую ведут эпигоны немецкой умозрительной философии, ведется ими не во имя земных дел, а из-за священнейших интересов духа, из-за «субстанции», «самосознания», «критики», «Единственного» и «Истинного человека». Маркс саркастически спрашивает у своих противников, могут ли они, все время занимаясь пережевыванием идеалистической Гегелевской философии, с ее помощью,

*«Без оппозиции, – утверждает Маркс, – нет прогресса: это закон, которому цивилизация следует по сей день».

хоть сколько-нибудь удовлетворительно объяснить картофельную болезнь, отмену хлебных законов, постройку железных дорог, банковое дело, вообще все реальные коллизии современности. Вместо реального производства и действительно существующих социальных отношений, анализ которых кажется Марксу делом первостепенной важности, Бруно Бауэр знает только Гегелевскую «самодовлеющую деятельность самосознания».

Сжато и отчетливо Маркс вскрывает всю глубину своих разногласий с Гегелевской идеалистической философией, порывая с ней последнюю связь. Основной грех Бруно Бауэра «вместе со всеми философами и идеологами» в том, что они видят основу реального существующего мира «в мыслях, в идеях, в самодовлеющем мысленном выражении существующего мира».

Маркса же занимают не эти бесплодные абстракции, а настоящие люди и действительные отношения.

Таким образом, в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс формулируют основной тезис материалистического понимания истории: анализ производительных сил и определяемых ими социальных отношений должен стать исходной посылкой для обнаружения законов исторического процесса.

Только метод исторического материализма может дать ответ и на вопрос об отношениях между отдельными социальными элементами. Постоянная зависимость младогегельянцев от Гегеля заставляет их разделять фантазии, что изменившееся сознание, новый поворот в истолковании существующих отношений, может перевернуть весь нынешний мир.

Точную формулировку экономических категорий, определяющих статику и динамику общественной жизни, Маркс дает в 1847 г. в «Нищете философии». В отличие от А. Смита и Рикардо, Маркс в производственных отношениях людей, в рамках которых протекает производство, не видит вечных законов. Напротив, они изменяются неизбежно, вместе с изменением производительных сил. И эволюция идеологий может быть понята также лишь в том случае, если изучить причины, ее обусловившие. Ибо развитие идеологий не представляет собой самодовлеющего процесса. Нельзя понять, почему тот или иной принцип господствует именно в XI или в XVIII столетии, а не в ином каком-либо, без того, чтобы не изучить производительные силы и способ производства соответствующей эпохи. Право и государство, которые Гегель освещал, видя в них высшее воплощение абсолютного разума и свободы, Маркс уже в «Нищете философии» понимает лишь как прокламирование, протоколирование воли определенных экономических отношений [32, *68*].

К задаче, которую, начиная с 1844 г. стремились разрешить в своих философских, экономических и исторических сочинениях Маркс и Энгельс, были привлечены взоры величайших умов человечества начиная с Аристотеля. Однако, как метко определил Меринг, история лишь на определенной

ступени развития раскрыла свою тайну. Раскрыть тайну истории означало обнаружить движущие ее законы. Уразуметь повторяемость в развитии определенных социальных институтов и идеологий у разных народов возможно было лишь, установив основной закон – primum agens исторического процесса. Доказать научную пригодность метода исторического материализма можно было только путем глубокого и тщательного анализа законов развития определенной социально-экономической формации. Эту задачу Маркс выполнил в «Критике политической экономии» и в «Капитале».

Так определяются основные вехи генезиса марксистской социологии. Значение работ Маркса и Энгельса в создании науки о законах общественного развития не оспаривают и враги марксизма. (Об этом пишет Р. Штамлер «Хозяйство и право», «Die Materialistische Geschichts-auffassung», «Rechts und Staatstheorien der Neuzeit», Ф. Гтхейн «Gesellschaft», В. Odenbreit «Die Vergleichen de Wirtschaftstheorie bei Karl Marx» и др.).

Однако Маркс, по определению М. Ковалевского, – родоначальник научной социологии, мог им стать лишь потому, что в совершенстве владел диалектическим методом.

Значение этого метода заключается, прежде всего, в том, что он адекватно отражает процессы, совершающиеся в природе и обществе.

Вместо школьной логики тождества, которую Гёте столь зло осмеял в «Фаусте» («Das Collegium logicum»), Гегель создал новую логику – логику противоречий.

Формальная, рассудочная, догматическая или метафизическая логика определяет предметы и явления в их непосредственности и разрозненности, посредством ограниченных определений мысли.

Она извне устанавливает односторонние сказуемые изучаемых предметов. Гегель же утверждал, что «предмет можно узнать в его истине, только тогда, когда он сам обнаруживает свои определения (сказуемые), а не получает их внешним образом, в форме сказуемых» [4, *56*]. Только с помощью подобного метода можно изучить предмет – конкретно, со всех сторон. Предоставить же предмету развиваться самому из себя, это и означает вскрыть присущие ему противоречия. Логика диалектическая не исключает формальной, но включает ее в себя «как момент», не ограничиваясь «отвлеченным тождеством», а доходя до «конкретного или наполненного тождества». Это наполненное тождество есть единство противоположностей, рассудочное мышление, конечно, имеет свое значение. Без него «нельзя дойти ни до чего твердого и определенного», ибо для того, чтобы узнать предмет, необходимо уловить его определенные различия» [4, *131–132*].

Но все же рассудок – низшая форма мысли, на котором развитие логической идеи остановиться не может. Доходя до крайности, рассудочные определения переходят в свою собственную противоположность, «снимаются сами собой». Метафизический метод, как и примитивный эмпиризм,

ограничивается анализом явлений, разрывая единый мир на совершенно изолированные части.

Величайшее значение диалектического метода заключается не в триаде и даже не в тщательном выискивании повсюду «скачков» – это и есть метафизический взгляд на диалектический метод. Отдельные законы диалектики имеют значение лишь в обшей их связи. Категории качества, количества и меры служат лишь звеньями во всеобщей связи явлений мира. Диалектический метод, в отличие от механического мировоззрения, учит нас в безбрежном море количества уметь отмечать качественные своеобразия. Но все его исключительно значение заключается в синтетическом *взгляде на вселенную* [4, *71*]. «Но одного разъединения не достаточно, чтобы вполне обнять предмет, и вслед за тем необходимо воссоединить то, что было разобщено. Эмпиризм останавливается на разъединении и потому он заслуживает упрек поэта:

Что в химии зовется, как не грех,
Encheiresis naturae* – просто смех
Знакомы части ей, известен ли предмет.
Безделки в нем, духовной связи нет.

В этом смысле диалектика отрицает наличие непроходимых принципиальных граней между неорганической и органической природой, между природой и обществом. Метафизическое мышление, рассматривающее весь мир как совокупность разрозненных вещей, а не процессов, вне их необходимой связи и взаимного отрицания, есть система хаотического, наивно-эмпирического мышления. Оно за вещами не видит их отношения к другим вещам, оно не видит в них внутреннего постоянного превращения, самоотрицания.

Метафизическое мышление напоминает человека, который, видя большую великолепную картину Рубенса или Рафаэля, утверждает, что видит только массу отдельных оттенков различных красок и ничего больше. Но также, как восприятие суммы отдельных оттенков красок еще не создает Сикстинской Мадонны Рафаэля и сумма отдельных букв не порождает еще «Фауста» Гете, также и восприятие отдельных разрозненных, несвязанных в высшем диалектическом синтезе вещей, даст нам только картину мирового хаоса, но не создает правильной закономерно связанной синтетической картины мироздания.

Путем борьбы противоречий, взаимного отрицания, непрерывного перехода количества в качество и обратно устанавливается цепь узловых пунктов, непрерывных опосредствований, – всеобщая единая закономерность явлений природы.

Диалектика Гегеля есть диалектика понятий. Но понятие или мысль по Гегелю имеет объективное значение и «составляет сущность мира» [4, *40*].

*метод постижения природы (греч.-лат.).

Поэтому «диалектика есть истинная природа определения разума, вещей и вообще конечного» (Гегель «Философия истории»).

Диалектика есть не что иное, как совокупность законов движения не только в мышлении, но и в природе, и в истории.

Надо иметь в виду, что абсолютный идеалист Гегель решительно возражает против тех, кто может подумать, что «этим мы приписываем сознание предметам вещественной природы». Говоря о том, что миром правит nous (разум), Гегель не приписывает природе сознания, утверждая, что «природа есть система бессознательной мысли». Этим Гегель стал на точку зрения имманентной закономерности природы.

«Движение солнечной системы, – говорит Гегель, – совершается по неизменным законам; эти законы представляют собой разум этой системы, но ни солнце, ни планеты, обращающиеся вокруг него, сообразно с этим законом – не сознают этого» (Гегель «Философия истории»).

Основная цель, преследуемая Гегелем во всех его работах, это найти путем сравнения, «всеобщее в вещах», «привести это разнообразие к единству», «вывести всеобщие начала».

В то же время Гегель и человека подчиняет этой всеобщей закономерности.

«То же самое, – говорит он, – относится к силам, управляющим деятельностью человека, в бесконечном разнообразии... Из всех этих примеров видно, что размышление ищет везде чего-то незыблемого, постоянного, определенного, властвующего над особенным» [4, *37*].

Одно лишь наблюдение, чувственные восприятия, доказывает справедливо Гегель, как, впрочем, до него доказал это Фр. Бэкон, не может дать нам истинного познания. Необходима еще рациональная, методологическая обработка непосредственно данного в наблюдении.

В этом смысле Гегель, конечно, прав, когда доказывает, что «истинная сущность предметов узнается через посредство изменения, производимого размышлением».

В противоположность Канту, Гегель доказывает объективную природу установленных наукою законов. «Критическая философия напротив того, пришла к неутешительному результату, что наше знание имеет одно субъективное значение и что над субъективным мнением не возвышается ничего положительного» [4, *38*].

Диалектический метод, доказывая всеобщую непрерывную связь всех явлений в природе, тем самым утверждает единую причинную закономерность, одинаково распространяющую свою власть, как над природой, так и над человеческим обществом.

Гегель внес идею каузальной закономерности и в изучение исторического процесса.

Всемирная история осуществляет диалектический процесс самосознания Абсолютного Духа, конечный смысл которого в прогрессе сознания свободы («Der Fortschritt im Bewusstsein der Freiheit»).

Исходя из естественно-необходимого закономерного развития исторического процесса, Гегель в оценке деятельности каждого народа в любую эпоху становится на удивительно трезвую, реалистическую точку зрения. Ибо каждый этап в истории человечества есть необходимое звено в поступательном шествии абсолютного духа.

В «Логике» Гегель доказал несостоятельность метафизиков, для которых между свободой и необходимостью существует непримиримая антиномия. Он доказал, что «свобода, которая бы исключала из себя необходимость, и необходимость, без свободы, оба эти определения отвлеченные и неистинные», ибо «необходимость тождественна со свободою» [4, *38*].

Свободен человек лишь тогда, когда перестает быть рабом природы, познает ее законы и их подчиняет себе.

«Это было, справедливо говорит Г. В. Плеханов, – величайшее приобретение как в области философии, так и в области общественной науки, – приобретение, которым в полном его объеме воспользовался, однако, только современный диалектический материализм» [18].

Исторический взгляд Гегеля на природу и общество ничего общего не имеет с эволюционной теорией Г. Спенсера и тех историков, для которых история есть бесконечное, монотонное и скучное повторение одних и тех же проявлений одной и той же «природы человека». В. Зомбарт находит весьма странным, что историки-специалисты, отрицающие вместе с Вильденбандом «всеобщие законы развития в истории» в то же время «с жаром защищают то положение, что по существу всегда один и тот же дух управлял людьми в ходе их хозяйственной деятельности» (В. Зомбарт «Буржуа», стр. 2). В том то и заключается своеобразная «логика противоречий» буржуазных историков, что они одновременно служат обоим богам. Великий дух управляет историей, а отрицание закономерности создает некую иллюзию прочности и «порядка».

Природа, история и мышление находятся в процессе беспрерывного становления, отвержения старых форм, развития путем борьбы внутренних противоречий. Это противоречие, борьба, приводящая, в определенных пунктах развития, к скачкам – и есть движущая сила истории.

«Der Widerspruch ist das Vortlcitende».

Историческое развитие народов в общем не представляет обязательно медленного, еле заметного движения вперед, напротив, – эволюция истории сводится к непрерывной революции общественных форм. Поэтому нет ни одного социального института, ни одной ступени в истории человечества, которые были бы вечны. То, что сегодня разумно, завтра станет безумием и добро может стать злом.

«Vernunft wird Unsinn, Wohlthat Plage».

Диалектический метод обязывает историка и социолога не только к установлению факта всеобщей закономерности в истории, но и к изучению специфических, частных закономерностей в жизни конкретных социально-экономических формаций. Диалектический метод, идея всеобщей закономерности стали прочным достоянием марксизма.

Диалектический метод Маркса, понятно, существенно отличается от диалектического метода Гегеля. Маркс освободил его от мистифицирующей оболочки.

Для Гегеля, писал Маркс в предисловии ко второму изданию первого тома «Капитала», процесс мысли, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный субъект есть демиург действительности, представляющей лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как переведенное в человеческой голове материальное... Та мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал исчерпывающую и сознательную картину ее общих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтоб вскрыть рациональное зерно под мистической оболочкой» [31, *38*].

В этом именно смысле Гегель прав, когда говорит, что «диалектика есть живая душа в движении науки... составляет начало всякого движения, всякой жизни и деятельности в мире действительности... все, что нас окружает, может служить примером диалектики... все вещи или все конечные предметы обречены гибели и это означает диалектику, как всеобщую неотразимую власть, которой все должно покориться, как бы оно ни было, по-видимому, независимо и прочно» [4, *133–138*].

Диалектический метод Маркса, в отличие от Гегеля, не вращается в логической сфере понятий, а раскрывает противоречия в самом обществе. Конкретным историческим выражением этих диалектических противоречий является закон классовой борьбы.

Гегель также полагал, что современное «гражданское общество» («Die burgerliche Gesellschaft) полно глубочайших социальных противоречий. Некоторые страницы из его «Grundlinien der Philosophie des Rechts» напоминают знаменитую главу о первоначальном накоплении в первом томе «Капитала» Маркса.

Он пишет о невероятном угнетении и деклассировании широчайших слоев населения. Угроза существованию современного общества, по мнению Гегеля, идет из недр самого же все растущего населения и индустрии. На одном полюсе скопляются огромные богатства, а на другом все растет зависимость класса, вынужденного продавать свой труд. Снижение материальных условий существования огромных масс населения ниже мини-

мального уровня ведет к неверию в право и справедливость, к созданию пролетариата («Des Pöbels»*) и одновременно содействует концентрации огромных богатств в немногих руках. В пролетариате все возрастает гневное сознание, что он своим трудом не может обеспечить себе существования. Это порождает в нем внутреннее, все растущее возмущение против богатых, современного общества и правительства. «Только государство, – думает Гегель, – может ликвидировать аномалии, царящие в современном обществе, только оно одно может установить гармонию. Ибо только государство есть осуществление нравственной идеи» («Der Staat ist die Wirklichkeit der sittlichen Idee»). Поэтому государство необходимо почитать как нечто божественное на земле («Man muss den Staat wie ein Irdisch-Gotliches verehren»). Государство, утверждает Гегель, в отличие от общества есть нравственное целое, осуществление свободы («Der Staat an und für sich ist das sittliche Ganze, die Verwirklichung der Freiheit»).

Маркс пришел к материалистической теории исторического процесса путем преодоления Гегелевской теории права. Он доказал, что «государственная власть есть не что иное, как организация, созданная для себя самими же землевладельцами и капиталистами», что государство стоит на страже интересов угнетателей против угнетенных (Ф. Энгельс. Политическое завещание. Письмо от 24 января 1872 г.). Противоречия, господствующие в современном «гражданском» обществе, коренятся не в политической надстройке, а в экономике. Эти противоречия являются необходимым закономерным отрицанием современного классового общества и созданного им государства. Свобода, воплощение которой Гегель видел в государстве, найдет свое полное осуществление только в том обществе, которое освободится от слепого подчинения стихийным силам природы и рынка, которое на место управления людьми поставит плановое руководство производством. Подчинение законов природы разумной воле человека, осознанная необходимость приведут к величайшей свободе.

Маркс доказал, таким образом, имманентную закономерность развития экономических феноменов. Генезис и эволюция всех социальных институтов и идеологий не могут быть поняты без предварительного изучения закономерного развития производительных сил.

Основной ошибкой всех материалистических предшественников Маркса, препятствовавшей им вскрыть законы общественного развития, было отсутствие диалектического взгляд на природу и общество.

Свою исключительную способность «двигаться с неслыханной свободой» в огромном эмпирическом материале Маркс в письме к Кугельману объясняет исключительно критическим применением диалектического метода» (Письмо от 27 июня 1870 г.)

*Чернь (нем.).

Материалистическая теория познания и диалектический метод послужили краеугольным камнем для создания научной социологии, как элемента единого гармонического миросозерцания.

Г. В. Плеханов прекрасно устанавливает общие точки соприкосновения гегелевского диалектического метода с Марксовой социологией. Подобно Гегелю, Маркс рассматривал историю человечества как закономерный процесс, развивающийся независимо от человеческого произвола. Как и Гегель, он все явления изучал в процессе их возникновения и исчезновения. Подобно Гегелю, он считал бесплодным метафизическое объяснение исторических явлений. И что особенно важно, Маркс, также как и Гегель, не ограничился констатированием наличия множества взаимодействующих факторов истории, но свел их к одному основному, определяющему началу. Само собою разумеется, что для этого Марксу совершенно не понадобился абсолютный дух Гегеля. Основной рычаг исторического процесса Маркс усмотрел в экономическом развитии.

Таким образом, справедливо отмечает Г. В. Плеханов, «благодаря Марксу, материалистическая философия возвысилась до цельного, гармонического и последовательного миросозерцания. Маркс изгнал идеализм из последнего его убежища» [18].

Маркс впервые взглянул на общество со всех его сторон, в их конкретной связи и «опосредствовании».

Вместо вечных, мертвых, константных форм, Маркс призывал изучать конкретные социально-экономические формации с их специфической закономерностью. Вместо дилетантского эклектизма, Маркс возвысил социологию до состояния науки, являющейся составным элементом монистического диалектически-материалистического мировоззрения.

Человек был впервые включен в цепь мировой закономерности не только, как объект природы, но и как активно действующий субъект ее. Мир, природа, общество, разорванные дуалистической философией на части, были спаяны воедино в диалектическом синтезе субъекта – объекта. Вместо все покоряющего разума primum agens общественной жизни была объявлена основная переменная исторического процесса – производительные силы. Вместо абстрактной природы человека и «критически мыслящей личности» движущей силой исторического процесса объявлена была борьба классов.

«Теория классовой борьбы, – пишет Ленин, – впервые возводит социологию на степень науки».

В. И. Ленин следующим образом определяет роль Маркса в создании научной материалистической социологии:

«Поэтому “домарксовская социология” и историография в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно избранных, и изобретение отдельных сторон исторического процесса.

Маркс указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определенным условиям жизни и производства различных классов общества, устранил субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил» [12, *324–326*].

Марксизм проложил мост между природой и обществом, подчинив их единой диалектической закономерности.

Социология есть не что иное, как диалектически-материалистическое истолкование общественной жизни».

Философия и социология

Все предыдущее наше изложение имело главной целью доказать теснейшую зависимость социологии от философии марксизма. Оригинальной попыткой «социологизировать» гносеологию являются работы Эмиля Дюркгейма, особенно «Les formes elementaires de la vie religieuse» (общие выводы этой большой работы резюмированы в статье «Социология и теория познания» в сборнике № 2 «Новых идей социологии») и недавно опубликованный сборник статей «Sociologie et Philosophie» (Paris, 1924). Заслуживает бесспорного внимания доказательство исторического происхождения категорий, понятий. Этим наносится априорной философии серьезный удар. Но Дюркгейм решительно не последователен. С одной стороны познание – функция общества, с другой само общество объявляется психической категорией – «la societe est avant tout un ensemble d'idees»*. Не удивительно, что при всем внешнем кажущемся материализме (к числу «экономических» социологов относит Дюркгейма P. Barth «Dies Philos d. Geschichte») он скатывается к субъективному идеализму, утверждая, что «вселенная существует лишь постольку, поскольку она мыслится».

Вопросам теоретико-познавательного обоснования социологии посвящен ряд работ германских авторов: Carl Brinkmann «Soziologie» и его статья «Wissen-schftsgeschichtliche und erkenntnistheoretische Grundlagen der Soziologie», O. Spann «Kurzgefasstes System der Gesellschaftslehre», Theodor Litt «Indiwiduum und Gemeinschaft» и особенно Макса Адлера.

Гносеологические основания марксизма и диалектический метод являются исходными посылками марксовой социологии.

Основные принципы марксистской теории познания в общем сводятся к следующим положениям:

1) Мир есть не что иное, как единство многообразных форм движущейся материи.

*«общество – это прежде всего набор идей».

2) Эта материя (или природа) существует объективно, независимо от нашего сознания.

3) Различные формы движущейся материи находят свое отражение в мышлении. Следовательно, бытие определяет сознание.

Nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu*.

Следовательно, содержание сознания черпается из мира материи.

4) Формы мышления отражают формы движущейся материи.

5) Диалектика есть наука об общих законах движения материи в природе, истории и мышлении.

6) Основными законами диалектики являются следующие:

а) Переход качества в количество и обратно (принцип качественно-количественного единства).

б) Взаимное проникновение противоречий.

в) Закон отрицания (см. мою статью в «Трудах Белгосуниверситета» – «Диалектический материализм и механическое миросозерцание», 1926 г.).

Эти основные положения совершенно определенно разрешают вопрос об условиях и границах нашего познания. Источником нашего познания является объективно существующая, развивающаяся, на основе диалектических противоречий, материя.

Познание не представляет собой совокупности мертвых, раз навсегда застывших априорных категорий, но в развитии своем исторически обусловлено. Возможность познания мира дана тем, что сам человек со своим разумом есть часть природы. Достоверность нашего познания может быть проверена на опыте путем сравнения с объективно, вне нашего сознания, существующими вещами.

«Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания» [13].

Маркс и Энгельс не представляют себе нашего познания, как результат пассивного восприятия развивающихся вне нас явлений.

Познание наше формируется не в результате пассивного созерцания, а как результат конкретной человеческой деятельности. Действуя на внешнюю природу, человек изменяет свою собственную природу. Французские материалисты и утопические социалисты в своих преобразовательных планах исходили постоянно из неизменяющейся, абстрактной природы человека.

«Великая научная заслуга Маркса заключается в том, что он подошел к вопросу с диаметрально противоположной стороны, что он на самую природу человека взглянул, как на вечно изменяющийся результат исторического движения, причина которого лежит вне человека» [17, *118*].

Так как познание наше определяется, в конечном итоге, нашими отношениями к природе, а они беспрерывно развиваются, то и вопрос о границах познания – праздный вопрос.

*Нет ничего в сознании, чего бы не было раньше в ощущении (лат.).

Мир – объективно познаваем в процессе диалектического, т. е. исторически-относительного процесса познания.

Мы отмечали уже, что в числе своих философских предшественников Маркс и Энгельс называли великих германских идеалистов Канта, Фихте и Гегеля. Эти философы представляют все оттенки идеализма: субъективного, объективного и трансцендентального или критического. Не взирая на весьма существенные оттенки, философия германского идеализма характеризуется одною общею принципиальною особенностью: и Кант, и Фихте, и Гегель, в конце концов, демиургом действительности считали разум. Они персонифицировали собственный разум, его гипостазируя. Тем самым идеалистическая философия протягивала дружескую руку теологии. Историческое значение этой философии заключается, понятно, не в этих бесплодных априорных конструкциях, а в тех позитивных, материалистических элементах, которые она в себе таит.

Маркс и Энгельс впитали в себя активный, действенный характер философии Фихте, материалистические тенденции Канта в генезисе познания и диалектику Гегеля.

Теория познания Маркса сложилась, в значительной мере, под влиянием философии Фейербаха.

Гегель доказал несостоятельность Кантовского дуализма. По словам Фейербаха, он, как единственный трезвый среди пьяных, появился среди натурфилософов. Он воссоединил единство мышления и бытия, но, однако, так, что растворил последнее в первом. Таким путем Гегелевская философия оставалась в границах умозрительной теологии. От обыкновенной теологии она отличается лишь тем, что переносит божественное существо в потусторонний мир [20, *59*].

«Абсолютный Гегелевский дух есть ни что иное, как абстрактный, от самого себя обособленный, так называемый конечный дух» [20, *61*].

Только внимательное изучение Фейербаха помогло Марксу освободиться от влияния идеалистической Гегелевской философии – последнего прибежища, последнего рационального оплота теологии» [20, *71*].

Фейербах утверждал, в отличие от идеализма, объективность существования внешнего материального мира. От изучения этого объективного мира и необходимо исходить в философии.

«Дух следует после чувства, а не чувство после духа: дух – конец, а не начало вещей» [20, *45*].

Идеалистическая философия игнорирует действительность, воздыхает о потустороннем мире. Между тем, глубочайшие тайны скрываются в простейших естественных вещах и прежде всего в человеке.

Величайшая заслуга Фейрбаха заключается в том, что в его руках философия превратилась в «науку действительности», в «познание того, что есть» [20, *66*].

Фейербах справедливо доказывал, что Гегелевская философия является завершением новой философии.

Исторической необходимостью и оправданием будущей философии он считал критику Гегеля [20, *102*].

Маркс продолжил начатую Фейербахом критику Гегеля. Он распространил, однако, эту критику и на самого Фейербаха, доказав созерцательный, незаконченный, метафизический характер Фейербаховского материализма. Не говоря уже об абстрактном характере его «антропологизма» самая гносеология Фейербаха не могла удовлетворить Маркса.

Фейербах установил материалистический генезис познания, объективные предпосылки его истинности, но процесс познания все же остался для него пассивным, созерцательным восприятием внешнего мира, односторонним результатом его воздействия на нас. Между тем познание не есть только результат влияния на нас природы, но и следствие активного воздействия субъекта на объект. Оно исторически обусловлено нашими действиями, открывающими в вещах все новые и новые свойства и тем обогащающими наши познания. В этом и заключается диалектика познания.

«Главный недостаток материализма, до Фейербаховского включительно, – доказывает Маркс, – состоял до сих пор в том, что он рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир лишь в форме объекта или в форме созерцания, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно» (К. Маркс «Тезисы к “Людвиг Фейербах”»).

Только путем воссоединения с диалектическим методом могла быть создана законченная во всех отношениях теория познания, которую в снятом виде в себе содержит диалектический материализм.

В философии Маркс искал ответа на реальные запросы окружающей действительности.

Еще в «Святом Семействе» Маркс говорил о том, что «для практического материалиста, т. е. коммуниста, дело идет о том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически обратиться против вещей, как он застает их и изменяет их».

Марксистская теория познания является, само собою разумеется, совершенным антиподом Кантовой гносеологии. Тем не менее, до сих пор еще все попытки философской и социологической ревизии марксизма протекают под лозунгом «назад к Канту».

Это обстоятельство объясняется единственно тем, что мелкобуржуазная по существу философия Канта таит в себе реакционные тенденции. Глубокой ошибкой было бы думать, что Кант был только кабинетным ученым, погруженным в абстрактную «Критику чистого разума». Маркс великолепно вскрыл социальные корни Кантовой философии.

«Состояние Германии, – сообщает Маркс, – в конце прошлого столетия вполне ясно отражается в Кантовской критике чистого разума... Эта "добрая воля" Канта вполне соответствует бессилию, подавленности и ничтожеству немецких буржуа, мелочные интересы которых никогда не были способны развиться до общих национальных интересов класса и которые, благодаря этому, постоянно эксплуатировались буржуазией всех отсталых наций».

Основные воззрения Канта вкратце могут быть изложены его же собственными словами:

«Мы можем созерцать a priori вещи только посредством формы чувственного созерцания, в которой при этом мы можем познавать вещи только такими, какими они нам являются, а не такими, каковы они сами по себе... Пространство и время суть определения, нисколько не касающиеся вещей самих по себе, а только их отношений к чувственности... Только это мысленное пространство делает возможным физическое, т. е. протяжение самой материи... Пространство никак не есть свойство вещей самих по себе, а только форма нашего чувственного представления... Все предметы в пространстве суть только явления, т. е. не вещи сами по себе, а представления нашего чувственного созерцания» [9, *42*, *44*, *50*].

В своих «Пролегоменах» и «Критике чистого разума» Кант рассек мир на две независимые части: мир интеллигибельный – непознаваемый мир вещей в себе и мир феноменальный.

Субъект со своими априорными категориями разума противопоставляется внешнему миру, объекту. Мир «выводится» таким путем из индивидуального чистого разума. Познание объявляется окостеневшим в мертвых формах трансцендентальной апперцепции, не находящимся ни в какой зависимости от развития.

После этого не приходится удивляться тому, что и закономерность и причинность явлений, и пространство и время также объявляются не объективными свойствами природы, а априорными категориями разума. Совершенно очевидно, что последовательное логическое развитие воззрений Канта должно было неизбежно привести к субъективному идеализму. Преемником Канта явился Фихте. Плеханов так и пишет:

«Словом, другого выхода нет: или субъективный идеализм, последовательно приводящий к солипсизму (т. е. к признанию, что другие люди существуют лишь в моем представлении), или отказ от Кантовских посылок, отказ, логическим завершением которого должен быть переход на точку зрении материализма, как это показал еще в моем споре с Конрадом Шмидтом» [19].

В идеалистической гносеологии Канта заложены глубочайшие противоречия. Вещи существуют объективно, вне нашего сознания, в то же время «все свойства, составляющие созерцаемый образ тела» принадлежат только

к «явлениям», т. е. они только свойства нашего сознания. Но как может объективно существовать вещь, когда все ее свойства только явления сознания?

Исходя из материалистической посылки – объективного существования внешнего мира, Кант, отрицая объективную природу всех свойств вещей, неизбежно приходит к «непознаваемой вещи в себе».

Гегель очень остроумно возражает против непознаваемости «вещи в себе». По его словам «ничего не может быть легче, как знать это». Непознаваемая вещь в себе – есть сплошное чистое отвлечение от всех чувственных элементов предмета – пустое бытие, отнесенное за пределы сознания. Оно есть исключительно порождение мысли, «пустое тождество» – caput mortuum [4, *80*].

Величайшая ошибка критической философии, справедливо отмечает Гегель, заключается прежде всего в том, что «она хотела исследовать способность мысли прежде, чем приступить к знанию».

Критическая проверка истинности нашего познания возможна лишь путем опыта, а не до опыта. Нельзя изучить природу знания без того, чтобы предварительно не познавать, «как нельзя научить плавать, не входя в воду». «Деятельность мысли и ее критика должны идти вместе [4, *76*].

В таком толковании природы наших познавательных способностей величайшая заслуга Гегелевской диалектики.

Опытный характер нашего познания, возможность проверки его истинности лишь на практике неоднократно отмечался Марксом и Энгельсом.

Абсолютный идеализм Гегеля гораздо последовательнее хромающего идеализма Канта. Гегель не терпит Кантовского дуализма, отрыва мысли целою пропастью от предметов. Гегель находит, что «предметы чувственного созерцания имеют зависимое и условное существование, а мысли имеют самобытное и первичное бытие» [4, *77*].

Исходя из абсолютного тождества мышления и бытия, Гегель приходит, в отличие от Канта, к объективному пониманию причинности, закономерности, единства в разнообразии предметов. Гегель совершенно правильно указывает, что философию Канта «можно назвать субъективным идеализмом, т. к. он полагает, что наше я, или другими словами, познающий субъект дает и форму и содержащей познания, первую поскольку он мыслит, а последнюю поскольку ощущает» [4, *82*].

Принимая всю блестящую аргументацию критики Гегеля против Канта, остается, за совершенной ненадобностью, отбросить исходную посылку его философии – идею о тождестве мышления и бытия, ограничившие признанием их единства.

Дуалистическая философия Канта стала философией «двойственной истины», средством примирения веры со знанием. Вот почему философия истории Канта сводится к поискам «умысла природы», «провидения, которой направляет этот бессмысленный ход человеческих дел».

Чрезвычайно существенно установить, что еще задолго до «Критики практического разума» Кант в своем Предисловии к «Критике чистого разума» сам вскрыл истинные мотивы его намерений ограничить притязания разума.

«Я не могу, – писал Кант, – допустить бога, свободы и бессмертия в интересах необходимой практической деятельности моего разума, если я не отниму от спекулятивного разума его притязаний на чрезмерные обобщения... Таким образом я должен был уничтожить знание, чтобы дать место вере, ибо догматизм метафизики, т. е. стремление идти вперед без критики чистого разума, является источником всякого неверия, противодействующего морали, неверия, всегда и сильно догматического... Этим будут подрезаны корни у материализма, фатализма, атеизма, свободомысленного неверия, мечтательности и суеверия...» [8, *17*, *19*].

Причины, вызвавшие к жизни Кантовскую критику наших познавательных способностей, прекрасно вскрывает Гегель.

Плеханов некогда назвал Гегеля «материалистом в идеализме», приводя ряд примеров, когда великий идеалист при объяснении конкретных исторических событий неизбежно переходил на чисто материалистический путь.

Чрезвычайно любопытно, что и генезис критического идеализма Гегель объясняет отнюдь не свободными порывами абсолютного духа, а весьма прозаически: этого требовали «интересы религии, государства, права и нравственности».

Свободная независимая мысль, всесторонне анализируя сущность бога, природы и государства, неожиданно обнаружила несостоятельность теологических вымыслов, «оспаривая твёрдые религиозные представления», вступая в борьбу с религией.

«Мыслили прямо и смело», и в результате мысль «подкопалась под высшие жизненные интересы, подорвала значение всего положительно существующего». Гегель указывает нам, кого он имеет ввиду, говоря о «прямой и смелой» мысли. Он говорит о греческих философах – материалистах. Религия и государство, тесно связанные между собою, не оставили, разумеется, свободную мысль в покое. «Философы подвергнулись изгнанию и казни за ниспровержение религии и государства». После того, как мысль обнаружила столь «огромное влияние на действительность», ничего другого не оставалось делать, как подвергнуть сомнению самую природу мысли, самую способность знания [4, *29–30*]. Это трезвое, реалистическое объяснение рождения критического идеализма вполне совпадает, как мы видим, с объяснениями самого Канта.

Неокантианцы всех мастей стараются изобразить Канта глашатаем свободы.

Макс Адлер много лет занимается своеобразными раскопками, упорно отыскивая в творениях своего учителя идеи социализма. Для того, что-

бы понять, насколько неосновательны подобные воззрения, достаточно вспомнить про политические воззрения Канта, пришедшего под конец к оправданию прусского крепостничества, к отказу в праве на голосование женщинам и рабочим, к реакционнейшему утверждению о том, что государь в государстве имеет по отношению к своему подданному только права и никаких обязанностей и что народ не имеет никакого права на сопротивление даже самим антизаконным поступкам государя [29, *220–223*].

Мы потому позволили себе несколько дольше остановиться на философии Канта, что именно она является неисчерпаемым источником все возобновляющихся попыток ревизии марксизма.

Яд неокантианства просачивается не только в философию, но в социологию марксизма.

Энгельс, Дицген, Плеханов, Ленин, Меринг давно уже сигнализировали опасность, грозящую ортодоксальному марксизму от неокантианских претензий «объять необъятное», сочетать мониста, материалиста, диалектика и революционера – Маркса с дуалистом, идеалистом, метафизиком и реакционером Кантом.

«И если, – писал Энгельс, – неокантианцы стараются воскресить взгляды Канта, а английские агностики – взгляды Юма (никогда не вымиравшие окончательно в Англии), – несмотря на то, что и теория и практика давно уже опровергли и те и другие, – то в научном смысле, это представляет собою попятное движение» [31].

Плеханов полагал, что последовательно мыслящим людям «незаконное сожительство Маркса с философией Канта должно представляться чем-то чудовищным в полном смысле этого слова» [19].

В. И. Ленин со своею обычной прямотой справедливо определил философский идеализм, как прикрытую, принаряженную «чертовщину». «Имманенты, – по словам Ленина, – самые отделенные реакционеры, прямые проповедники фидеизма, цельные в своем мракобесии люди. Нет ни одного из них, который бы не подводил открыто своих наиболее теоретических работ по гносеологии к защите религии, к оправданию того или иного средневековья» [13].

Меринг находит, что единственная цель неокантианцев – «разрушить исторический материализм», а единственный результат их деятельности – «затемнение в сознании немецкого рабочего класса с таким трудом приобретенного понимания его исторических задач».

Пролетарий-философ Иосиф Дицген в выражениях не стесняется. Он находит, что хотя Кант и вовсе не прав, но тем не менее «между ним и его нынешними прихвостнями существенная разница» и объясняет стремление «назад к Канту» тем, что «его система, напротив, оставила щель, через которую можно снова провести контрабандой немножко метафизики».

Дицген справедливо утверждает, что для современной буржуазии Кант «оказался нужным человеком», так как с его помощью «мужика снова побивают Кантовской философией, подлинно доказывающей, что если мы и не можем видеть, слышать или постигать метафизическую истину, скрывающуюся за явлениями природы, то мы все же должны в нее верить. Итак, вера все же должна существовать, если не вера в Рим и Святую Библию, то в Юргена-Бону и профессорствующих попов» [6, *111, 113–114*].

Неокантианцы, включая лидера и теоретика австрийской социал-демократии Макса Адлера, верные завету практического разума своего учителя, идут прямой дорогой к самому неприкрашенному фидеизму и «чертовщине».

Только потому заслуживают самой внимательной и суровой критики их гносеологические упражнения. В противном случае, не следовало бы уделять им и минуты внимания.

Из основных гносеологических предпосылок марксизма вытекает ряд выводов и для Марксовой социологии.

В. И. Ленин видит гениальность Маркса и Энгельса именно в том, что они «в течение очень долгого периода, почти полустолетия, развивали материализм, двигали вперед одно основное направление в философии, не топтались на повторении решенных уже гносеологических вопросов, а проводили последовательно, – показывали, как надо проводить тот же материализм в области общественных наук» [13].

Основная задача Марксистской социологии заключается в распространении принципа естественнонаучной закономерности на мир социальных отношений.

Марксизм отрицает принципиальную разницу между естественными и социальными науками, равно как и проводимое идеалистическими учеными деление наук на науки о природе и о духе («Naturwissenschaften» и «Geisteswissenschaften»).

Идеалистические ученые (Риккерт, Виндельбанд, Мейер, Зиммель, Л. Штейн, М. Вебер и др.) обычно настаивают на следующих основных отличиях социальных явлений от явлений природы: во-первых, утверждают они, социальные явления гораздо сложнее и потому часто совершенно невозможно установить порождающие их причины. Во-вторых, явления природы протекают с безусловной, слепой необходимостью, общественная же жизнь созидается свободной волей человека и подлежит его оценке.

И, наконец, исторические явления, в отличие от явлений природы, не повторяются, носят индивидуальный характер, а потому в истории закономерность установлена быть не может. Кроме того, в социальном мире, в отличие от мира природы, никакое предвидение невозможно.

Несостоятельность приведенных мотивов в пользу признания принципиального отличия естественных и социальных наук давно уже доказана.

Современная историческая и этнографическая науки совершенно развеяли легенду об отсутствии исторических законов.

Указанная точка зрения идеалистических социологов определяется их взглядом на общество, как на совокупность психически взаимодействующих субъектов.

Таковы взгляды Уорда, Гиддингса, Тарда, Паланта, Де-Роберти, Кареева, Хвостова, Сорокина и всех приверженцев идеалистической социологии.

Марксистская социология, исходя из своих философских предпосылок, рассматривает общество, как материальную категорию, совершенно и независимо от субъективного сознания.

Психическое взаимодействие индивидуумов не есть конститутивный, первичный, формирующий признак общества.

В процессе производства люди вступают в определенные отношения между собой. Эти отношения производства в их совокупности Маркс и назвал «общественными отношениями, обществом и при том обществом, находящимся на определенной исторической ступени развития – обществом с определенным характером» (К. Маркс «Заработная плата и Капитал»).

Маркс понимает, следовательно, под обществом определенный «производственный организм», определенную социально-экономическую формацию. Эти общественные или, в первую очередь, производственные отношения людей и есть та социальная материя, которая существует объективно, независимо от сознания людей. Вот почему в своей классической формулировке исторического материализма Маркс говорит о том, что «в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независящие отношения, – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» [15].

Так как общественные отношения людей являются отношениями, от их воли независящими, то, следовательно, они и определяют эту волю и характер всех «психических взаимодействий» людей.

Общественные производственные отношения людей совершаются при посредстве «психических взаимодействий», но из этого совсем не следует их отождествлять, как это утверждают идеалисты социологи, а с ними и Макс Адлер.

Общественные отношения, разумеется, сложнее производственных. Последние составляют только «экономическую структуру общества». Над этим базисом «возвышается юридическая и политическая надстройка», которой «соответствуют определенные формы общественного сознания».

Материалистическая теория социального познания и призвана дать естественнонаучное причинное обоснование психологии и идеологии общества, показать их историческую социально-экономическую обусловленность.

Маркс в «Капитале» дал нам гениальный образец социологического исследования определенной социально-экономической формации – капиталистического общества. Острейшим орудием – методом материалистического познания Маркс вскрыл идеологическое извращение социального мира, нашедшее свое выражение в фетишизме товарном, государственном, религиозном, этическом и философском.

На основании естественнонаучного, социологического анализа диалектических противоречий капиталистического общества, Маркс установил необходимое его отрицание и «экспроприацию экспроприаторов».

Из признания объективного, независимого от сознания, существования общества вытекает логически – признание объективной закономерности исторического процесса.

Уже Гольбах доказывал, что «все, что мы делаем для изменения своего существа, является лишь длинной цепью причин и следствий, представляющих продолжение полученных нами от природы первых импульсов… то же самое (что о всей природе. – *С. К.*) можно сказать о человеке, который во всех испытываемых им изменениях и превращениях поступает всегда лишь согласно законам, свойственным его организации. Природа действует по простым, единообразным, неизменным законам...» [5, *11–12*].

Основным принципом диалектического материализма является принцип единства мира.

Метафизическое мышление разрывает мир на независимые части, устанавливает между ними непроходимые границы.

Марксизм, устанавливая единство диалектических законов природы, истории и мышления, дает нам единую универсальную картину мира. Длинная цепь количественно-качественных переходов связывает мир неорганический, органический и социальный.

Общество есть лишь наиболее сложное, заключительное звено в цепи диалектического развития природы.

Таким образом, законы общественного развития носят такой же строго необходимый и объективный характер, как и законы природы.

Из этого, конечно, отнюдь не следует, что задача социологии просто сводится к механическому приложению законов неорганической или органической природы к общественной жизни.

Принцип диалектического единства природы и общества вовсе не избавляет от необходимости изучения конкретного своеобразия социальных феноменов и законов их генезиса, эволюции и исчезновения.

Генетический метод должен занять в марксистской социологии подобающее место. Однако, одновременно возникает серьезная задача выяснения путей диалектического, количественно-качественного превращения эмбриональных форм общественности в животном мире (материальная культура,

общество, язык, этика, искусство) в социальные явления человеческого общества. Таким путем идея единства мира найдет себе новое подтверждение.

Мы убеждаемся, следовательно, что существование марксистской социологии без ее неразрывной связи с диалектическим материализмом и его гносеологическими положениями немыслимо.

Теория социального познания находит свое обоснование в общей теории диалектико-материалистического познания.

Вот почему ревизионизм свои удары направляет прежде всего против материалистической гносеологии и диалектики.

Давно уже наблюдается забавное стремление рассечь монолитный образ Маркса на части.

Профессор Колумбийского университета Э. Зелигман с ученым видом убеждает, что «социализм и исторический материализм по существу совершенно не зависят друг от друга» [7, *69*].

Незабываемый портрет Маркса, в виде двуликого Януса, нарисовал В. Зомбарт: в одной и той же груди бьются два сердца – холодное, мраморное, бесстрастное сердце ученого-эволюциониста и пламенное трепещущее – революционера.

Лаврам Зомбарта позавидовал лидер германской социал-демократии Г. Кунов. Изумительной борьбе Маркса-революционера с Марксом-ученым Г. Кунов посвятил целую, весьма потешную главу под громким названием – «Marx contra Marx» [29, *310–314*].

Сознавая исключительное влияние марксизма на современную общественную и научную мысль, буржуазные философы и социологи решили прибегнуть к чрезвычайно остроумному методу борьбы с этим влиянием.

Не моргнув глазом и бровью, они с усердием, достойным иного приложения, занялись откровенной фальсификацией марксизма.

Убедившись в том, что опровергнуть марксизм они не в силах, буржуазные ученые в союзе с ревизионистами стали среди бела дня заниматься спиритическими фокусами, вызыванием духов, доказательствами, что явно белое – черное и наоборот. Продолжительная борьба с марксизмом, как материалистическим учением, была основана, по их словам, на печальнейшем недоразумении. Марксизм ошибочно связывают с этим безбожным, аморальным учением. Марксизм, уверяют неокантианцы, профессор Лейпцигского университета Эрих Бранденбург и небезызвестный Макс Адлер и др. – есть чистейшей воды… идеализм.

Вот и докажите, что английский парламент все может, не может только превратить мужчину в женщину.

Фальсификаторы марксизма неопровержимо убеждают, что было бы лишь доброе желание и невозможного в сем грешном мире нет.

Проф. Эрих Бранденбург с самым серьезным видом убеждает в том, что Маркса и Энгельса по ошибке причисляют к материалистам [28]. Ведь

они, говорит он, неоднократно повторяли, что сознательные и планомерные действия людей составляют необходимое звено в закономерной цепи исторического процесса. Они вовсе не отрицали значения сознания в социальной жизни людей. И если они вовсе же называли себя материалистами, то это исключительно для того, чтобы самым решительным образом протестовать против объяснения явлений природы вмешательством сверхъестественных сил и причин. На них действительно оказал большое влияние Фейербах. Но и он, уверяет Бранденбург, (он только уверяет, но никогда не доказывает, для идеалистов это совсем не обязательно, их выручает «вера»!), по весьма сомнительным основаниям отнесен к материалистам. Безо всяких обиняков Бранденбург относит Маркса, Энгельса и Фейербаха к позитивизму толка Конта и Спенсера.

Обнаружив свой неоспоримый талант в фальсификации марксизма, проф. Бранденбург высокомерно упрекает Маркса и Энгельса в весьма слабом знакомстве с теоретической философией, что доказывают «поверхностные» суждения Энгельса о гносеологии Канта. Впрочем, продолжает фантазировать Бранденбург, Маркс и Энгельс и не желали вовсе быть философами. Они поставили себе совершенно иную задачу: создать новую теорию социальной жизни. Поэтому для них было совершенно безразлично с какой философской системой будет связана их социальная теория. Подводя итог своим «ученым» и отнюдь не «поверхностным» «исследованиям», Бранденбург изрекает: «Историческая теория Маркса, следовательно, не материалистична; ибо она относит к действительным факторам истории психические факторы, человеческий интеллект и силу воли».

Доказав столь ловко, что материализм Маркса и Энгельса есть чистейшей воды идеализм и что сами они не возразили бы против объединения своей социальной теории с какой угодно философией даже самого профессора Бранденбурга, наш «добросовестный» ученый муж преспокойно через несколько десятков страниц делает еще одно выдающееся открытие.

Оказывается, Маркс и Энгельс не только были слабо знакомы с теоретической философией. Они, кроме того, только «кое-что» (так и сказано) знали из истории западноевропейских народов, располагали очень незначительным материалом по психологии народов и истории религии и были слабо ориентированы даже в истории хозяйства. Естественно, что после подобного «компетентного» и «убийственного» заключения о теоретических познаниях Маркса и Энгельса, наш ученый Юпитер выносит своим жертвам беспощадный приговор; теории их были только попытками построить гипотезы, и носили чисто агитаторский характер.

Вот этот то «агитаторский», т. е. социалистический характер мировоззрения основателей диалектического материализма и заставляет многих идеалистических ученых, в том числе и почтенного профессора Лейпцигского университета, заниматься грубой подтасовкой фактов и сознательным извращением марксизма.

С грустью взирают буржуазные ученые на победное шествие марксизма в теории и жизни. Единственная сила, которая может спасти исстрадавшуюся Германию, таится, по словам Бранденбурга, не в социалистическом и материалистическом учении, а в тайниках «германского духа».

Мутная волна возрождающегося в Германии идеализма пытается обезвредить марксизм причудливыми сочетаниями его не только с кантианством, но и с самым настоящим фидеизмом, вплоть до католицизма. (По поводу этого религиозно-идеалистического безумия см. прекрасную книжку А. М. Деборина «Последнее слово ревизионизма»).

И, что интереснее всего, во главе этого религиозного ревизионизма стала социал-демократия, во главе с Максом Адлером.

Мы вынуждены были несколько отвлечься в сторону для того, чтобы показать, как сильно стремление врагов марксизма прежде всего подорвать значение его философских предпосылок.

Выше мы установили, что основные положения марксовой социологии находят свое научное обоснование в диалектико-материалистической теории познания.

Новейшей попыткой ревизии Марксовой социологии являются многочисленные работы Макса Адлера, в которых он пытается создать из синтеза марксизма и кантианства «новую» теорию социального познания. На теории Макса Адлера мы позволим себе остановиться подольше. Свою теорию трансцендентальной апперцепции социального Маркс Адлер обосновывает в ряде работ: «Kausalität und Teleologie im Streite um die Wissenschaft», «Die Staatsauffassung des Marxismus», «Die Soziologische in Kants Erkenntnistheorie», «Kant und Marxismus», «Marx als Denker», «Engels als Denker», «Neue Menschen», «Soziologie und Erkenntniskritik» и др.

Макс Адлер давно уже справедливо указывает на невообразимый хаос, который царит в современной социологии. Ни в одной науке нет столь глубоких, коренных разногласий по поводу задач и методов исследования. Более того. В этой науке нет даже определенного и единого представления о самом важном – об объекте своей науки. Объясняется это, думает М. Адлер, единственно тем, что нет отчетливого представления об обществе, о социальном.

Эти основные исходные понятий социологии до сих пор остаются совершенно невыясненными.

Необходимым теоретическим обоснованием современного естествознания и социологии, справедливо думает М. Адлер, может быть только научная теория познания.

Гносеологическая проблема социологии сводится к вопросу, где надлежит искать реальность общества («Wo die Realität der Gesellschaft zu suchen ware»).

Ведь общество, в отличие от предметов природы, не может быть обнаружено ни во времени, ни в пространстве. С особенным вниманием относится Макс Адлер к Штаммлеру и Риккерту, которые, по его словам, окончательно разбили в истории и социальных науках догматизм естественнонаучного мышления. И все же им не удалось создать теории социального познания. Их заслуга ограничивается тем, что они отчетливо подчеркнули принципиально отличный характер явлений культуры от явлений природы.

Между тем, главная задача заключается в отчетливом установлении особой точки зрения, присущей социальному познанию, ибо она то единственно и создает самую возможность социального опыта и общества, как особой реальности. Единственная причина непризнания многими учеными социологии, как науки, и всех ее неудач заключается в том, что объект ее все время искали в сфере природы. Между тем, его надлежит искать в совершенно иной – социальной сфере, своеобразная природа которой предварительно и должна быть определена. Только таким путем удастся объяснить и специфическую, не природную, а социальную причинность общественных явлений. Разрешение этого вопроса обусловлено в свою очередь ответом на другой вопрос: существует ли одно только естественное бытие («Das Naturale») или и особый род бытия – социальный («Das Soziale»). И далее – существует ли только естественная причинность или также и особая форма последней – социальная причинность. При внимательном размышлении выясняется, что природное бытие и причинность коренятся в особых формах мышления («Gegründet sind in besonderen Denkformen»). Так возникает основной вопрос социологической теории познания – нет ли особой формы мышления, в которой коренится социальное бытие. Таким путем, через закономерность нашего мышления, через формы нашего сознания, общество будет также конституировано, как и природа, будет доказана априорная природа социального опыта. Только таким путем, уверяет М. Адлер, социология приобретет право на существование.

Таким образом, предпосылкой всякой социологической работы неизбежно является теоретико-познавательное исследование, которое столь же необходимо, как и Кантовская критика для естествознания, с тою, однако, разницей, что никто права «последнего на существование оспаривать не собирается. В отношении же социологии теория познания призвана обосновать самое право этой науки на существование. Она образует следовательно ее фундамент. Вот почему, несмотря на глубокие разногласия по вопросу об объекте и методах социологии, самой очередной задачей является не исследование отдельных проблем социальных наук и их конкретного материала, а обоснование особой теории социального познания. Объект естественных наук – природа совершенно очевиден для каждого и неоспорим. Но где столь же очевидный объект социальных наук? Если это действующий человек, то где же тогда общество? Если же это оно, то как его воспринять? Если

отождествлять с государством его нельзя, то где его границы? Или, может быть, оно просто абстракция или же этическая идея?

Есть ли общество естественный организм или творение права? И, наконец, что такое социальное явление вообще?

Перед естественными науками, таким образом, существует только одна задача – постоянно изучать объект своей науки. Перед социальными же науками все еще стоит неразрешенной основная задача – вопрос о самом объекте науки.

Трудность проблемы в том, что природа дана нам всем в непосредственном опыте – социальное же, напротив, наивному сознанию, а к нему относится сознание всех, в том числе и теоретиков, поскольку мы не прибегаем к критике, – вообще не дано. То, что здесь кажется непосредственно данным, это только множество различно взаимодействующих людей, которых мы воспринимаем обычно, как индивидов. Таким образом, данным кажется собственно только индивидуальное. Только при критическом отношении становится ясной несостоятельность подобных воззрений. Обычному представлению социальное совсем не дано, а даны, говорит М. Адлер, отдельные индивиды. Понятие общения, общества появляется лишь в результате сознательной критической мыслительной работы.

Если, таким образом, критика социального познания совершенно необходима для образования социальных наук, то, тем не менее, сохраняет все свое значение вопрос о том – нужна ли нам особая теория социального познания.

Ведь существует одно только познание и только одна истина. Не дал ли нам Кант для всех наук основания критики разума (теорию познания), которой определил возможность опыта и общеобязательность (достоверность) знаний? Что же это за наука такая, которая требует для себя особой критики чистого разума?

Итак, центральный пункт – вопрос об отношении нашей теоретико-познавательной работы к теории познания Канта.

Таким образом, критические занятия теорией социального познания приводят к старому призыву, имевшему место в конце прошлого столетия среди естественников – «Auf Kant zurück». Следовательно, нет «особой» теории познания, которая нужна социальным наукам. Более того: в Кантовской теории познания мы находим все основные элементы также и для критики социального опыта и, что самое существенное, в теоретической критике (а не критике практического разума).

Нет, следовательно, и речи об образовании новой особой теории познания рядом с Кантовской. Нет и речи о ее модификации, но лишь о ее распространении. Трансцендентальный метод Канта полностью приложим и к социальному опыту. Необходимо все содержание Кантовских воззрений приложить к богатому материалу нашего современного опыта, отчего одновременно и Кантовская теория познания предстанет в новом свете.

Кантовская теория познания должна быть присолена к прогрессу в образовании наших научных понятий.

М. Адлер мечтает только об одном: очистить учение Канта от неверной ее интерпретации, от метафизического и психологического истолкования. Особенно сильно возмущается он теми, кто пытается «вещь в себе» толковать, как нечто действительно существующее вне нас. М. Адлер думает, что подобным толкованием творческий монизм трансцендентальной философии, для коего и «вещь в себе» есть лишь продукт закономерности нашего познания, превращает в банальный дуализм.

Обычно принято Кантовскую трансцендентальную философию трактовать, как крайний индивидуализм. Речь будто бы идет о том, чтобы выяснить условия познания индивидом того, что имеет объективное значение.

М. Адлер думает, что это толкование неверно. Кант не ставил вопроса о возможности познания индивида, но лишь о возможности познания вообще. Этот же вопрос говорит о чем то, что для каждого познающего субъекта имеет одинаковое значение, – об общезначимом и достоверном познании. Этот вопрос вместе с тем разрешает самую возможность существования наук вообще. Обычно социальное понимается просто, как результат психического взаимодействия индивидов. Причем упускается главный вопрос, который составляет в сущности основное зерно (ядро) социологии, каким это путем вообще возникает общеобязательное познание, каким это путем «психологические» субъекты, которые ведь, каждой an und für sich*, существуют совершенно независимо, приходят в соприкосновение, влияют друг на друга и вообще знают нечто друг про друга. Только трансцендентальная философия в состоянии объяснить возможность всеобщего или общеобязательного познания, которое уже не есть больше индивидуальное, в котором, более того, все индивиды заранее связаны. Речь идет, следовательно, о возможности познания чего то реального, одного и того же для индивидов, о том, как вообще возможно реальное межчеловеческое (nebenmenschliches) сознание.

Ответ на эти вопросы есть таким образом и ответ на вопрос о том, как возможно общеобязательное («A1gemeingü11tigkeit») познание. Ведь только общеобязательное познание дает возможность существования вокруг каждого индивида реальной природы, которая существует не для него только, но и для других.

Поэтому, заключает Макс Адлер, проблема общества нисколько не лежит в плоскости изучения процесса историко-экономического обобществления, но уже в самом априорном понятии обобществленного процесса мышления индивидуума – («Vergesellschaften den Denkprozess des indiwiduums»).

Таким образом, понятие социального включено уже непосредственно в индивидуальную форму познания, т. е. все психическое имеет в сво-

*само по себе (нем.).

их формах a priori определенную возможность отношений со множеством тождественных (artgleicher) индивидов (Denksubjekte).

Таким путем, призыв «назад к Канту» означает поиски социальных корней Кантовой теории познания.

Мы изложили воззрения Макса Адлера столь пространно, стараясь извлечь самое существенное из его многочисленных произведений, с тою целью, чтобы показать, что отрыв от философии диалектического материализма безнаказанно не проходит, что он с логической необходимостью приводит к совершенному забвению основных принципов материализма.

Все свои работы Адлер начинает грустным замечанием о печальном историческом недоразумении, заключающемся в непостижимом отождествлении марксизма с материалистически-диалектической философией. Это недоразумение заставляет, по словам Адлера, многих ошибочно полагать, будто бы марксизм рассматривает и общественное развитие, как естественно-необходимое [23, *19*].

Общество, с точки зрения Макса Адлера, есть нечто совсем нематериальное, развивающееся на основе не природной закономерности, а имманентно-телеологической. Отказавшись от основного воззрения Марксовой социологии на общество, как на объективно, независимо от нашего сознания, существующую категорию, Адлер приходит к прелюбопытному выводу. Оказывается, что принцип развития совершенно не имеет места в физической природе, а характеризует исключительно духовную жизнь. В физической природе, уверяет Адлер, наблюдается одно только изменение, но не развитие. Это царство постоянного круговорота тождественного. В этом мертвом царстве нет никакой целеустремленности. Последняя господствует в органическом или духовном мире.

Таким образом, с точки зрения Адлера, оказывается, что основной принцип диалектики, заключающийся в том, что вся природа представляет собой многообразную совокупность различных форм движущейся материи, к «физической» природе неприменим.

Не есть ли это своеобразное возрождение элеатской философии об абсолютной неподвижности бытия?

А имманентная телеология, вводимая Адлером в «духовный мир», не противоречит ли основному требованию науки – принципу каузального объяснения всех явлений, природы?

Телеологическая точка зрения всегда и неизбежно приводила к союзу с теологией. Этой участи не мог избежать и Макс Адлер, который в результате своих долгих блужданий между марксизмом и кантианством пришел, наконец, к идее бога, как символа безграничного развития разума [22].

Величайшее значение открытий Дарвина Маркс и Энгельс усматривали прежде всего в том, что он нанес смертельный удар телеологии в науках об органическом мире.

«Здесь, – писал Маркс Лассалю, – не только нанесен смертельный удар телеологии в естественных науках, но и эмпирически выяснено ее разумное значение».

Кантианская философия в строго последовательном логическом развитии ее основных исходных посылок до конца неизбежно приводит к субъективному идеализму и солипсизму.

От этой неизбежной участи не может спасти и попытка объединения кантиантства с марксизмом.

С точки зрения кантиантства, весь мир уже заранее дан в основных априорных категориях разума. Действительно, если отнять от мира объективные формы его бытия – пространство, время, причинность, закономерность – то остается абсолютное ничто. Это царство пустого ничто и есть интеллигибельный мир «вещей в себе», которое в то же время каким-то непостижимом чудом является источником всего познаваемого нами феноменального мира.

Таким образом, объективному миру противостоит трансцендентальное познание. Сознание предшествует бытию и его определяет.

Кант и его последователи совершенно потеряли из виду, что нет субъекта, который в то же время не был бы и объектом, только потому категории времени, пространства, причинности и закономерности присущи субъективному разуму, что они прежде всего являются объективными свойствами природы.

Фейербах неопровержимо доказал, что «трансцендентальный идеализм Канта, согласно которому внешний мир получает свои законы от рассудка, а не рассудок от внешнего мира, находится в самой тесной родственной связи с теологическим представлением о том, что божественный рассудок продиктовал миру его законы».

Заслуга Фейербаха заключается в том, что он в человеке увидел часть природы, часть бытия, и доказал что только потому и возможно познание мира. Каков объект, так и субъект («Wie object, so subject»).

Не мышление обусловливает бытие, а наоборот – мышление обусловливает бытием. Ибо: «бытие – субъект, мышление – предикат». В противоположность кантианской дуалистической философии, Фейербах создал монистическое учение о единстве субъекта – объекта. Это учение стало основанием материалистической гносеологии.

Приходится ли удивляться после всего сказанного, что М. Адлер, действительно исповедующий дуалистическую философию Канта и только по недоразумению или может быть по привычке на каждой странице призывающий в свидетели святые тени Маркса и Энгельса, сущность своих воззрений лаконически и выпукло выразил в следующей классической формуле: «Мир есть постоянное творение нашего собственного мышления... Мир вечно создается заново в каждом новом движении мысли...» [25].

Совершенно очевидно, что, если мир действительно есть лишь творение нашего собственного мышления, то и речи быть не может об объективном существовании мира.

Макс Адлер, повторяя Канта, утверждает, что и «внешняя необходимость, закономерность природы отражает лишь закономерность мышления. Таким образом, мышление и воля, в силу заложенных в них необходимостей их функционирования, строят материальный и нравственный мир. Законодателем, как естественной, так и нравственной закономерности является человек» [24].

Перед нами в стыдливой форме устами Макса Адлера вещает сам епископ Беркли!

Очевидно, не может безнаказанно пройти намерение изобразить марксизм, как «печальное и вредное смешение материалистического понимания истории с философским материализмом».

Неокантианство раздирается такими же внутренними непреодолимыми противоречиями, что и философия самого Канта.

Ирония судьбы сказалась в том, что Кант, столь сурово обрушившись на идеализм, сам попал в его хитрые сети, а за ним потянулись и его многочисленные последователи.

Объективное существование вещей Кантом не отрицается, но в то же время «все свойства, составляющие созерцаемый образ тела» принадлежит только к его явлению. Но как же может объективно существовать вещь, когда ее «все свойства» принадлежат не ей, а только чувственному ее созерцанию [9, *53*]. Подобные положения с неумолимой логикой приводят к утверждениям о том, что мир творится нашим субъективным мышлением.

Макс Адлер исковеркав основное положение диалектически-материалистической философии, заменив ее давно опровергнутой гносеологией Канта, решил обогатить наследие своего учителя, создав особую трансцендентальную теорию социального познания. Выше мы изложили эту теорию достаточно подробно.

Вся она решительно направлена против всех положений материалистического объяснения истории.

Адлер считает исключительной заслугой Маркса учение об «обобществленном человеке» («Der vergesellschaftete Mensch»).

Это учение, по его словам, будучи гносеологически обосновано, может избавить современную социологию от ее бесплодных блужданий в поисках своего объекта.

Маркс действительно неопровержимо доказал примат общества над индивидом.

Большинство представителей так называемой психологической социологии, понимающих под обществом исключительно совокупность психи-

чески взаимодействующих индивидов, не в силах уразуметь законов общественного развития.

Общество есть нечто большее, нежели сумма его членов и качественно отличное от этой арифметической суммы. Самое существование индивида и его психика обусловлены полностью наличием определенного общества.

«Человек, – писал Маркс, – есть в буквальнейшем смысле zoon politikon*, не только общительное животное, но также животное, которое только в обществе может стать отдельной особою».

Адлер не довольствуется, однако, Марксовым пониманием общественного человека. Его интересует вопрос об условиях социального познания, о причинах общеобязательности и достоверности социального опыта.

Оно возможно только тогда, думает Адлер, если допустить, что человек еще до всякого историко-экономического процесса и совершенно независимо от него обобществлен в своей духовной сущности, в своем теоретическом сознании [23, *30*].

«Человек, – по словам М. Адлера, – социален не потому, что живет в обществе, а может жить в обществе потому, что социален уже непосредственно в своем самосознании, т. е. отличается существенным сходством в психическом отношении со своим сородичами».

Социальная теория познания М. Адлера всецело обусловлена его неокантианскими взглядами. Общество, как и весь мир, есть не что иное, как порождение априорных категорий нашего разума. Социальное познание, вопреки учению Маркса и Энгельса, не обусловлено исторически. Оно дано, подобно всем Кантовским априорным категориям, до всякого опыта. Правда, Маркс и Энгельс неоднократно говорили о том, что в процессе овладения природой человек видоизменяет и свою собственную природу, следовательно, и свое сознание. Объективность нашего познания Макс Адлер, подобно Маху, Авенариусу и Богданову, совершенно неправильно отождествляет с общеобязательностью («Allgemeingültig»).

Истинность, объективность нашего познания, в том числе социального, доказывается не путем трансцендентальной апперцепции суждений a priori**, а практикой, тем, что мы сами вызываем те или иные явления и заставляем их себе служить.

Социальное мышление уже по одному тому не может быть априорной предпосылкой общества, что само оно является продуктом длительного органического развития, появляясь лишь на определенной его ступени.

Между тем, М. Адлер доказывает, что социальное нельзя рассматривать как продукт развития, так как оно относится непосредственно к условиям нашего сознания.

---

*общественное существо (др. греч.).

**независимо от опыта (лат.).

Маркс не раз говорил о том, что «процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является естественным процессом» и что «действительно понимающее мышление может быть лишь одним и тем же, изменяясь только по степени и в зависимости от зрелости развития и в частности органа мышления» (письмо Маркса к Кугельману от 11 июля 1868 г.).

Горя пламенным желанием связать социологию с кантианством, Макс Адлер обогащает Кантовы априорные категории еще одной – априорной категорией социального [26, 122].

В этом и заключается «новая» попытка М. Адлера дать гносеологическое обоснование «Марксовой» социологии.

Вопрос о причинах возможности социального и психического общения людей, как мы видели, разрешается марксизмом исчерпывающе и не нуждается в мистической опоре Адлеровской схоластики.

Тождественность способов познания внешнего мира, возможность общения меж людьми определяется биосоциальными причинами. Она коренится в одинаковом устройстве мозга, нервной и секреторной системы, всех физико-химических особенностей организма. На определенной ступени своего развития высоко организованная материя порождает сознание. Тождественность физической конституции создает и одинаковые формы сознания.

Содержание сознания определяется взаимоотношениями определенных организмов со средой, и, в первую очередь, социальной, в которой они живут.

Поскольку взаимоотношения людей с определенной средой тождественны, постольку в общем тождественна и их психология.

Одинаковая система социальных раздражителей порождает и одинаковую систему условных рефлексов.

Диалектика социального познания отражает диалектику исторического развития.

В период так называемого Homo Alalus или Homo Heidelbergensis было бы смешно предполагать наличие того «априорного» социального познания, которое Адлер считает необходимым условием существования общества. Чем же это объяснить? Единственно тем, что безъязычный предок человека еще не умел изготовлять орудий труда, не приобрел еще необходимых предпосылок для наличия членораздельной речи, не жил еще в обществе.

Только в результате долгого, измеряемого многими сотнями тысяч лет, процесса развития появились первые эмбрионы общественности и вместе с ними, переходя от первобытного дологического к причинному логическому объяснению явлений, зарождалось и эволюционировало социальное познание.

Попытка М. Адлера создать трансцендентальную теорию социального познания противоречит основным гносеологическим предпосылкам Марксовой социологии.

Подобно всей природе, общество существует объективно и совершенно независимо от нашего сознания.

Всякая иная точка зрения неизбежно приводит к субъективному идеализму в социологии.

Неудачный опыт неокантианской ревизии Марксовой социологии еще рельефнее оттеняет всю глубину логических связей, объединяющих диалектически-материалистическую философию и марксистскую социологию.

Заключение

Современная буржуазная социология представляет удивительное зрелище. Разорванная на множество враждующих направлений, она до сих пор бессильно бьется над разрешением основных вопросов – об объекте, методах и задачах своей науки, о возможности существования социальных законов и т. п.

Большинство социологов до сих пор ограничивает сложную проблему изучения специфических особенностей общественного развития аналогическим методом.

Этот метод объединяет различные направления.

Механическое, представленное Spenser, Carey, Fiske, Mismer, Ferre, Winiarski, Pareto, De Marinis.

Органическое – Spenser, Schäffle, Worms, Lilienfeld.

Биологическое – Spenser, Comte, Ammon, Kidd.

Аналогический метод, – в частности сравнение общества с организмом, восходит к глубокой древности. Менений Агриппа успокаивал некогда плебеев, ушедших из Рима, сравнением государства с организмом, в котором поссорились между собою члены тела: руки отказались подавать пищу, рот – жевать ее, желудок – переваривать. Подобные аналогии имели место у Плутарха, Августина Блаженного, Иоанна Салисберийского. На первой странице «Левиафана» Гоббса государство изображено в виде гигантского чудовища, все тело которого состоит из микроскопических человечков.

Обоснователем аналогического метода, положившим его в основание социологии, является Г. Спенсер.

Путем сравнения современных классов общества с разными слоями кожи, выполняющими различные функции, Спенсер, подобно Конту, приходит к биологическому оправданию существующей социальной иерархии, намечая только все усиливающуюся тенденцию индустриализации общества.

Механическое приложение Дарвинова закона борьбы за существование к объяснению социальных отношений привело Спенсера и многих его последователей к признанию совершенной естественности существующих социальных противоречий, содействующих выживанию лучших и наиболее приспособленных.

«Между людьми и домашними животными, говорил Спенсер, так часто господствует слабость и болезнь потому, что слабых и больных берут под особую опеку. Социализм, стремящийся к уничтожению борьбы за существование в человеческом мире, должен только вызвать интеллектуальный и физический упадок».

Аммон идет еще дальше. Он уверяет, что измерил сотни черепов богатых и бедных и у первых всегда находил большую развитостъ черепа. Особенно велики черепа банкиров. Тоже подтвердило измерение шляп у богатых и бедных. Поэтому, заключает глубокомысленно Аммон, надо ускорить вымирание беднейших классов, вводя косвенные налоги, лишая их избирательных прав, запрещая разнородные браки, преследуя низшие расы и т. д. (Лориа «Социология»).

Таким образом, в руках буржуазных социологов великая теория естественного развития превратилась в орудие мракобесия и реакции.

Дарвинизм имеет исключительно значение не только для естествознания, но и для социологии. Он вскрыл законы развития растительного и животного миров, изгнал из биологии телеологию, установил принцип беспрерывного развития путем естественного отбора; палеонтология, эмбриология и теория претипициновой реакции, равно, как и биогенетический закон Геккеля, полностью подтвердили теорию Дарвина.

Однако в среде реакционеров, даже ученых, революционное учение скоро взято было под подозрение.

Уже Вирхов обвинял дарвинизм в близости к социализму: «Будьте осторожны, говорил он, с этой теорией, так как она очень приближается к той теории, которая наделала столько зла в соседней стране».

Геккель успокаивает Вирхова, уверяя, что дарвинизм или теория подбора является целиком аристократической теорией, основанной на победе наиболее приспособленных, в отличие от коммунизма, стремящегося к уравнению житейских условий и являющегося потому возвращением к варварству. (Об отношении современной «культурной» Америки к дарвинизму см. Н. Полетика «Обезьяний процесс в Америке», 1926 г.)

Аналогия общества с организмом, равно как и механическое приложение биологических законов к общественной жизни, не в силах ни на йоту подвинуть нас вперед по пути изучения общества.

Дарвин как биолог изучал человека, как необходимое неразрывное звено животного мира.

Маркс как социолог изучал человека в его отличительных особенностях от животного, как социальное существо, изготовляющее орудие труда («Homo faber»).

У могилы Маркса в 1883 г. Энгельс говорил:

«Как Дарвин открыл законы развития органической природы, так Маркс открыл законы развития человеческой истории».

Последователи Спенсера довели аналогический метод до абсурда, стремясь построить своеобразную социальную анатомию, физиологию и патологию.

По тем же причинам оказалась бесплодной и механическая социология, пытающаяся путем исключительно физико-химических законов объяснить социальные явления.

Родоначальник аналогического метода в социологии – Спенсер является основателем ряда школ, оперирующих этим методом, в том числе и механического направления.

Спенсер считал возможным мир неорганический, органический и надорганический или социальный объяснить путем физических принципов неразрушаемости материи, сохранения силы, направления и ритма движения, интеграции вещества и дифференциации формы. Механическое мировоззрение не мешало, однако, Спенсеру оставаться агностиком и примирять науку с религией.

Механицисты идут по стопам Своего учителя.

Ваксвейлер уверяет, что социология есть физиология процессов реакций на внешний мир.

Карей и Мисмер пытаются объяснить общественные отношения законом молекулярного тяготения.

Винярский создает своеобразную социальную энергетику.

Все эти попытки бесплодны уже по одному тому, что не исследуют специфических особенностей объекта социологии – общества, ограничиваясь абстрактными и потому пустыми аналогиями.

В природе царит единая закономерность. Но она принимает различные формы в различных сферах природы – неорганическом, органическом и социальном мире.

Механическая точка зрения нивелирует вовсе качественные своеобразия вселенной и, в сущности, заменяет отдельные науки универсальной всепоглощающей механикой.

Общественные явления – явления sui generis*.

Только это и дает право на существование особой независимой науки о законах общественного развития в целом.

Нельзя считать удовлетворительными и такие направления в социологии, которые ограничиваются изучением только предварительных условий общественного развития или отдельных его сторон – антропогеографическое – Ratzel, Desmolins, Tourville.

Юридическое – Ardigo, Fouillee, de Greef, Stammler.

Статистическое – Coste.

Глубоко ошибочна и формальная социология, имеющая видных представителей, в лице Simmel'a, Tönnies'a, Vierkandt'a, Durkheim'a, Bougle и др.

*единственное в своем роде (лат.).

Представители этого направления полагают возможным, в той или иной форме, подвергнуть изучению формы общества, совершенно абстрагируя их от содержания. Между тем, это задача невыполнимая, так как невозможно форму общества оторвать от его конкретного содержания.

Было бы глубоко ошибочно думать, что указанные нами многочисленные направления в современной социологии пользуются сколько-нибудь значительным влиянием в науке.

Большей частью это – последние отряды некогда влиятельной армии последователей О. Конта и Г. Спенсера.

В социологии, как и в философии, борются между собою по преимуществу два основных направления – идеалистическое и материалистическое.

Представители идеалистического направления все решительнее настаивают на принципиальном «духовном» отличии общественных явлений от прочих явлений природы, все настойчивее доказывают невозможность установления законов исторического процесса, все последовательнее заменяют социологию, как науку об общественных явлениях в целом, коллективной, а то и индивидуальной психологией.

Представители психологического или идеалистического направления в социологии – Comte, Littre, Serrano, Word, Lacombe, Lectrade, Mackenzie, Stein, Xenopol, Tarde, Giddings, de Roberty, Хвостов, П. Сорокин и др. – видят основной фактор общественной жизни в психическом взаимодействии, во мнениях, знании, эмоциях.

Родоначальником идеалистического направления в социологии является Конт. Он утверждал, что «умственную эволюцию следует без колебания поставить на первом плане, как основу всего развития человечества».

Руководящее значение психического фактора в историческом процессе подчеркивают многочисленные представители индивидуально-психологического и коллективно-психологического направлений в социологии.

Хвостов приглашает изучать общественные явления «с точки зрения психологии».

По мнению Евгения де Роберти, задача социологии заключается в открытии высшей мировой духовной энергии и изучении ее законов.

Уорд также уверяет, что «силы общественные – силы психические», а потому социология и должна иметь «психологический базис».

Наиболее последовательным и в лагере психологического направления, несомненно, являются индивидуалисты.

Ж. Палант доказывает, что «социальным двигателем, по преимуществу, остается психика не коллективная, о которой говорит де-Роберти, а просто психика или психика индивидуальная».

Задача социологии становится, при таком понимании общества, совершенно неуловимой: изучить законы, управляющие поведением отдельных индивидов, а затем искать их общую равнодействующую, с целью уста-

новления законов общественного развития – это совершенно бесплодная и глубоко ошибочная затея.

Каждая личность сама по себе есть не что иное, как определенный сгусток общественных отношений, и она не может быть поэтому объектом универсальной науки об обществе и законах его развития.

Индивидуалистические тенденции в объяснении явлений общественной жизни коренятся, в последнем счете, в индивидуалистическом строе капиталистического производства».

В этом отношении особенно яркую позицию занимает австрийская школа политической экономии (Бем-Баверк, Менгер и др.).

При анализе экономических явлений эта школа постоянно исходит из мотивов изолированного индивида, независимо от всей системы общественных отношений. Бем-Баверк достаточно определенно говорит о том, что задача австрийской школы заключается в «восстановлении точного атомистического направления».

Совершенно очевидно, что психологическое направление растворяет социологию в психологию, лишая первую науку права на самостоятельное существование.

Буржуазные социологи бессильны создать объективную науку об обществе и законах его развития.

Линия закономерного развития с естественно-необходимой неумолимостью ведет к крушению капиталистического общества.

Буржуазная наука об этом обществе, запутавшаяся в сетях безысходных противоречий теряет всякое право на существование.

Подводя итоги, мы устанавливаем:

1) Марксистская социология – составная часть диалектико-материалистического мировоззрения.

2) Философские основания марксизма – теория познания и диалектический метод, являются необходимыми предпосылками марксистской социологии.

3) Исторический материализм есть основной абстрактный закон общественного развития и в то же время научная материалистическая теория социального познания, и, как таковая, – основной метод марксистской социологии.

4) Марксистская социология есть абстрактная наука о законах статики и динамики общественного развития, генезиса и эволюции социальных институтов.

5) Марксистская социология устанавливает основные исходные методологические посылки и закономерности, кои должны лечь в основание всех специальных социальных наук.

6) Всякая попытка объединить марксистскую социологию с нематериалистической философией означает попытку уничтожить марксистскую социологию.

Человеческая мысль тысячелетиями бьется над разгадкой тайн человеческого общества.

Долго блуждала она по бесплодным степям идеализма, мистицизма и фидеизма, пока не вышла на торную дорогу диалектического материализма.

Словно сфинкс, стоит общество перед человечеством, говоря: «Разгадай меня или я тебя сожру!».

Величайшая историческая заслуга Маркса и Энгельса заключается в том, что они разгадали, наконец, сфинкс, именуемый обществом, и тем самым создали научную социологию.

Библиографические ссылки

1. *Берлин П.* К генезису материалистического понимания истории // Образование. 1904. № 11. С. 29–55.

2. *Бэкон Ф.* Собрание сочинений : в 2 ч. СПб., 1874. Ч. 1.

3. *Варьяш А.* История новой философии. М. ; Л. 1926. Т. 1. Ч. 1.

4. *Гегель Г. В. Ф.* Логика Гегеля, изданная Леопольдом Геннингом, с дополнительными пояснениями, [предисл.] и примеч. по изустным чтениям автора / полный пер. с послед. нем. изд. [и предисл.] В. Чижова. М., 1861. Ч. 1.

5. *Гольбах П. А. Д.* Система природы или о законах мира физического и мира духовного. М., 1924.

6. *Дицген И.* Мелкие философские статьи : пер. с нем. 2-е изд. СПб., 1913.

7. *Зелигман Э.* Экономическое понимание истории / пер. с англ. Б. Смирнова. СПб., 1905.

8. *Кант И.* Критика чистого разума : в 2 вып. СПб., 1896–1897. Вып. 1–2.

9. *Кант И.* Пролегомены ко всякой будущей метафизике. М., 1905.

10. *Кроче Б.* Исторический материализм и марксистская экономия: Критические очерки. СПб., 1902.

11. *Лабриола А.* Исторический материализм и философия: (Письма к Сорелю). СПб., 1900.

12. *Ленин В. И.* Собрание сочинений : в 105 т. М., 1923. Т. 12. Ч. 2.

13. *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакцион. философии. М., 1909.

14. *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов: (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов). М., 1923.

15. *Маркс К.* К критике политической экономии. 4-е изд. М., 1922.

16. *Меринг Ф.* Об историческом материализме. М. ; Петроград, 1919.

17. *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю: ответ гг. Михайловскому, Карееву и К°. Минск, 1923.

18. *Плеханов Г. В.* К шестидесятой годовщине смерти Гегеля // Сочинения. М. ; Петроград, 1923. Т. 7. С. 31–61.

19. *Плеханов Г. В.* Ф. Энгельс «Людвиг Феербах» в переводе Г. В. Плеханова с его предисловием и примечаниями // Сочинения. М. ; Петроград, 1923. Т. 8. С. 367–410.

20. *Фейербах Л.* Сочинения : в 3 т. М. ; Петроград, 1923. Т. 1.

21. *Штаммлер Р.* Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории / пер. с нем. изд.; под ред. и с вступ. ст. И. А. Давыдова. СПб., 1907. Т. 1–2.
22. *Adler Max*. Das Soziologische in Kants Erkenntniskritik. Berlin, 1924.
23. *Adler Max*. Die Staatsauffassung des Marxismus. Wien, 1922.
24. *Adler Max*. Engels als Denker. Berlin, 1920.
25. *Adler Max*. Marx als Denker. Berlin, 1925.
26. *Adler Max*. Neue Menschen. Gedanken über sozialistische Erziehung. Berlin, 1923.
27. *Belov, G*. Soziologie als Lehrfach. München und Leipzig, 1920.
28. *Brandenburg Erich*. Die Materialistische Geschichtsauffassung. Leipzug, 1920.
29. *Cunow H*. Die Marxshe Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie: Grundzüge der Marxschen Soziologie. Berlin, 1921.
30. *Drews A*. Geschichte der Philosophie. Berlin, Leipzig, 1922.
31. *Engels F*. Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. Stuttgart, 1886.
32. *Marx K*. Das Elend der Philosophie: Antwort auf Proudhon's «Philosophie des Elends». Verlag von J. H. W. Dietz Nachf., 1907.
33. *Scheler M*. Die positivistishe Gescbichtsphilosophie des Wissens. Dresden, 1923.
34. *Squillace F*. Die soziologischen Theorien. Leipzig, 1911.

Л. Н. ТОЛСТОЙ (СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ)*

I

Величайший художник нашей эпохи, Лев Николаевич Толстой, не нуждается в том, чтобы ему курили фимиам и лицемерно его славословили.

Отдавая должную дань уважения художественному гению и человеку, мы в то же время обязаны подвергнуть его философские и социально-политические воззрения суровой критике.

Эти воззрения совершенно чужды нашей эпохе непримиримой классовой борьбы и торжествующего материалистического миропонимания.

Социально-исторические корни учения Л. Н. Толстого мастерски вскрыл В. И. Ленин.

Расцвет художественного дарования Толстого относится к периоду распада российского феодализма, кризиса в судьбах дворянства, ко времени крутой ломки старых патриархально-помещичьих устоев, трещавших под напором юных пионеров капитализма – Колупаевых и Разуваевых, чумазых.

*Доклад на торжественном заседании пленума Саратовского горсовета по поводу столетнего юбилея со дня рождения Л. Н. Толстого, 1-го октября 1928 г.

Граф Толстой, отпрыск старого аристократического рода, владелец Ясной Поляны и 1500 десятин земли, а во время крепостного права и 330 душ крестьян, с глубокой ненавистью и презрением отнесся к тем, кто шел на смену старой помещичьей культуре, кто жестоко и грубо нарушил вековой уют поэтических дворянских гнезд.

Толстой, однако, очень рано осознал историческую обреченность своего класса и морально его осудил.

Но сохранилась в нем навсегда ненависть барина к городу, к капиталистической культуре, искусству, науке, государству. С 70-х годов, когда в воззрениях Толстого определился решительный перелом, он стал искать основ для своего этического идеала, спасения от окружающего социального зла, он пустился в поиски «правды».

Толстой не видит тенденций исторического развития.

Традиции веков чрезвычайно властно над ним тяготеют. Порвав морально со своим же классом, Толстой ищет основ для своего социального и этического идеала, для всего своего мировоззрения у крестьянства.

Он становится выразителем чаяний крестьянства за период с 1861 г. по 1904 г.

Крестьянство, получившее в 1861 г. «свободу» от крепостной зависимости, очутилось, по характеристике Ленина, в тисках «новых ужасов разорения, голодной смерти, бездомной жизни голодных хитровцев».

Толстой превращается в выразителя отчаяния крестьянства, его покорности, долготерпения, религиозности.

Идеолог кающегося дворянства и отсталых слоев дореволюционного крестьянства, – Толстой далек от тех единственно верных путей борьбы с социальным злом, которые усвоили себе, начиная с 1905 г., крестьянство в союзе с пролетариатом.

Подобно всем утопистам, он ищет выхода не в революционном устранении царства гнета, нищеты и эксплуатации, а в надежде на «нравственное самоусовершенствование» угнетателей.

Его этические заповеди чистоотрицательного порядка и выхода из социального тупика не указывают. «Не сердись. Не блуди. Не клянись. Не воюй. Вот в чем для меня сущность учения Христа» («Спелые Колосья», стр. 216).

В своем учении о непротивлении злу Толстой договаривается до запрета лишения жизни угрожающей нам бешеной собаки, до отказа от борьбы с истязателями детей. Всякая борьба есть забота о второстепенном, мирском, временном, забота о материальном, о теле.

Гораздо важнее, уверяет Толстой, заботы о внутреннем нашем мире, о бессмертной душе.

Подобно всем идеалистам, Толстой отрывает мир внутренний от мира внешнего, сознание от бытия.

Поэтому он и не придает особого значения заботам о преобразовании внешних условий жизни трудящихся.

Толстой доказывает, что «нет ничего вреднее для людей той мысли, что причины бедственности их положения не в них самих, а во внешних условиях».

Подобное учение, обрекающее угнетенные трудящиеся массы на уныние и бездеятельность, парализующее их волю к борьбе за более совершенные общественные отношения, – разумеется, совершенно реакционное учение и с ним должно решительно бороться.

Учение о непротивлении злу дало Г. В. Плеханову право бросить Толстому жестокий, но вполне заслуженный упрек: «Мысль о народном счастьи и о народной доле не имела над ним силы; ее отгонял равнодушный вопрос: "а мне что за дело?" Вот почему он остался в стороне от нашего освободительного движения... Толстой был и до конца жизни остался большим барином» («Заметки публициста»).

Глубоко ошибочны суждения тех, кто считает Л. Н. Толстого и в наши дни идеологом крестьянства.

Российское крестьянство, тесно связавшее свои судьбы с судьбой пролетарской революции, очень далеко, в подавляющей своей массе, от идеологии покорности, овечьего смирения и воспрещения.

Передовому крестьянству и рабочим совершенно непонятно и чуждо реакционное по существу, отрицательное отношение Толстого к науке, искусству и образованию.

Все сокровища тысячелетней человеческой культуры, переплавленные в горниле материалистического миропонимания, должны стать подлинным достоянием миллионов.

Чужд рабочему классу крайний индивидуализм Толстого, его призывы к нравственному самоусовершенствованию вместо коренного социального переворота.

Совершенно далек современный, опаленный огнем и бурей революции, крестьянин от толстовского сусального Платона Каратаева, Алеши Горшка или Ивана-Дурака.

Нелепо звучат в наши дни слова Платона Каратаева: «Все на свете происходит не благодаря нашему разуму, а "божескому суду"».

Крестьяне и рабочие Советского Союза тянутся не к богу, хотя бы и к толстовскому, а к свету знания, к науке.

Учение Толстого о непротивлении злу в наши дни, в период разгула фашистского террора, в период непримиримой классовой борьбы, льет воду на мельницу всех друзей реакции.

«В наши дни, – писал Ленин, – всякая попытка идеализации Толстого, оправдания или смягчения его "непротивленства", аппеляций к "духу", его призывов к "нравственному самоусовершенствованию", его доктрины

“совести” и всеобщей “любви”, его проповеди аскетизма и квиэтизма и т. п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред» («Л. Н. Толстой и русская интеллигенция»).

Социально-политические воззрения Л. Н. Толстого поражают своей внутренней противоречивостью, глубокой двойственностью.

Острие своей критики Толстой направляет против православной церкви, но он – за религию, против самодержавия, но – за возвращение к самобытным патриархальным отношениям прошлого, против официальной народности, но за подсахаренного, блаженного во Христе, сусального мужичка Платона Каратаева.

Толстой жестоко и мастерски бичует все устои капиталистического общества, перед всем миром обнажая его гнойники – прогнивший государственный строй, продажный суд, лицемерный брак и семью, фальшивую, невежеством пропитанную, церковную обрядность, богатство одних и нищету других, гнет и эксплуатацию.

Жестокая критика Толстого – великого художника, разумеется, имела в свое время прогрессивное значение.

Она особенно значительна была в годину тьмы и реакции, когда Николаи Палкины жандармским сапогом наступили на всю трудящуюся и свободомыслящую Россию.

Но критика Толстого не указывала никакого выхода из капиталистического тупика.

Она только волновала, но не давала никакого исхода накопившейся революционной энергии миллионных крестьянских и рабочих масс.

Эта критика была пропитана ядом бессилия, квиэтизма, христианского долготерпения, смирения, самоуничижения, непротивления злу.

Эта критика, – в периоды революционного оживления, – парализовала волю к борьбе, – в первую очередь крестьянства и интеллигенции.

В трудные годы титанической борьбы русских революционеров с царизмом, Лев Толстой свой гневный голос возвышает отнюдь не только против царства, гнета и насилия, но и против самоотверженных борцов с ними.

Он называет революционеров «дармоедами», отягощающими жизнь «стомиллионному русскому земледельческому народу».

Только этот земледельческий народ Толстой и считает подлинным «телом русского народа».

Российский пролетариат объявляется «вредным паразитом этого тела, вытягивающим из него его соки».

А великая кровавая, полная мук и жертв, борьба пролетариата оценивается Толстым, как «очень глупое и вредное и главное – безнравственное дело».

В годы после поражения первой великой российской революции, когда царское правительство залило потоками крови трудовую страну, яснопо-

лянский пророк зовет к «смиренному и кроткому перенесению насилий, к признанию власти бога и закона его («Правительство. Революционеры. Народ»).

Повторяем, по всему своему умонастроению, по условиям своего воспитания и своей долгой жизни, – Толстой совершенно чужд, не созвучен нашей эпохе, – эпохе социальной бури и натиска.

II

Толстой – и как художник и как мыслитель – корнями весь в дореформенной Руси.

Россия князей и графов, – Ростовых, Болконских и Безуховых, – огромных помещичьих имений, великолепных псовых охот и ослепительных роскошных балов, феодальная и в то же время патриархальная Россия, окутанная дымкой романтизма, – нашла в Толстом своего великого, последнего бытописателя.

Достоевский некогда в «Подростке» писал: «Он (Толстой. – *С. К.*) берет дворянина с его детства и юношества, он рисует его в семье, его первые шаги в жизни, его первые радости и слезы и все так поэтично, так незыблемо и неоспоримо».

Толстой был человеком великих дарований и могучего темперамента.

Свои произведения он писал «раздраженно, со слезами, и волнением», заявляя, что «поэт лучшее своей жизни отнимает от жизни и кладет в свое сочинение».

Толстой обладал даром исключительно тонкого, проникновенного психологического анализа, его творения дышат полнейшей безыскусственностью и художественным реализмом, его стиль прозрачно ясен и прост, изображения природы ярки и полны динамики, картины массовых действий монументальны, незабываемы.

В. И. Ленин, давший жестокую критику социально-политических воззрений Толстого, в то же время установил, что «Толстой – шаг вперед в художественном развитии всего человечества», что «Толстой дал художественные произведения, которые всегда будут ценимы и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни».

Особенности художественного дарования Толстого еще на заре его творческой деятельности глубоко и тонко отметил Н. Г. Чернышевский.

По поводу «Детства и Отрочества» и «Военных рассказов» Чернышевский писал: «Внимание графа Толстого более всего обращено на то, как одни чувства и мысли развиваются из других: ему интересно наблюдать, как чувство, непосредственно возникающее из данного положения или впечатления, подчиняясь влиянию воспоминаний и силе сочетаний, представляемых воображением, переходит в другие чувства, снова возвращает-

ся к прежней исходной точке и опять странствует, изменяясь по всей цепи воспоминаний; как мысль, рожденная первым ощущением, ведет к другим мыслям, увлекается дальше и дальше, сливает грезы с действительными ощущениями, мечты о будущем с рефлексиею о настоящем. Психологический анализ может принимать различные направления: одного поэта занимают всего более очертания характеров; другого – влияния общественных отношений и житейских столкновений на характеры; третьего связь чувств с действиями; четвертого – анализ страстей; графа Толстого – всего более – сам психический процесс, его формы, его законы, диалектика души, чтобы выразиться определенным термином».

Толстой обладал неоценимым даром проникновения в глубочайшие тайники души своих героев, исключительным умением следить за сложною динамикой душевных людских переживаний.

Вот почему художественные произведения Толстого так приковывают к себе, так неотразимо влияют на читателя.

Вот почему такие творения, как «Война и Мир», «Анна Каренина», «Воскресение» по праву относятся к величайшим достижениям художественного гения.

Как живые перед нами встают и образ Наполеона, гонимого славой в снежные поля далекой Московии, и лихо пляшущие и покорно умирающие солдаты, и князь Андрей Болконский, вечно терзаемый муками душевных противоречий, и беспомощный, вечно недоумевающий, барин Пьер Безухов и благообразный, всепрощающий, с вечной пословицей на устах, Платон Каратаев и веселящаяся юная Наташа Ростова на балу, и живое, кровью пахнущее, дыхание войны в картинах Шенграбенского и Аустерлицкого сражений.

С таким же неотрывным вниманием мы следим за драмой душевных переживаний у Анны Карениной, Катюши Масловой, Нехлюдова и множества других героев гениальных творений «Льва русской литературы».

III

Обычно проводится резкая граница между художественными и философско-религиозными творениями Толстого.

Однако, внимательное изучение творчества Толстого убеждает в том, что основные идеи своего учения он настойчиво проводил и в своих художественных произведениях.

Любимая героиня Толстого, в романе «Война и Мир», Мария Болконская превыше всего в жизни ценит «христианскую любовь к ближнему, любовь к врагам».

На поле брани, тяжелораненый Андрей Болконский внезапно просветлел, обрел своего бога и пришел к «блаженному чувству» – «*любить врагов*

своих». Пьер Безухов успокаивается, найдя «правду» в образе христианских добродетелей Платона Каратаева.

Анна Каренина мучительно терзается от сознания своего «греха» и только смертью его искупает.

В одном из ранних своих произведений, в «Рубке леса» Толстой с особою любовью и нежностью рисует тип малороссийского солдата Валенчука, – кроткого, набожного, вечно покорного и преданного воле божией.

Вечные поиски «правды», проблемы жизни, смерти, бога поглощают все внимание Л. Н. Толстого – художника, публициста и философа.

По всему складу своего мышления Толстой – чистейший идеалист и метафизик.

Проповедуя христианские добродетели – всепрощения, любви, братства, наивно расчитывая разрешить аграрный вопрос с помощью утопического проекта Генри Джорджа (подоходное обложение земли), Толстой в сущности не придает никакого значения заботам о внешних материальных условиях жизни. Земное государство рисуется ему, как и Августину Блаженному, царством дьявола (Civitas diaboli), в отличие от царства божия внутри нас (Civitas dei).

Толстой продолжает длинную цепь идеалистической философии, всегда являвшейся символом веры обиженных историей социальных групп.

Толстой видит «начало и сущность жизни не в материи, а в духе», в боге.

Основа нашей жизни, по мнению его, «нечто невещественное», духовное. Сам, по натуре своей, великий язычник, жадно любивший жизнь во всех ее проявлениях, Толстой трудящимся проповедует презрение к земным радостям, умерщвление плоти, рабскую покорность, аскетизм.

Воззрения Толстого на тело и душу во многом воскрешают древнегреческую идеалистическую философию Платона.

В своем «Федоне» Платон, устами Сократа, приговоренного к смерти, доказывает, что тело – наши временные оковы, что дух наш в стремлении познать высший смысл жизни вечно рвется из этих оков, что смерть – избавление и радость, ибо душа бессмертна.

Платон, потомок старого аристократического рода, с грустью взирал на исчезновение старых феодальных устоев древнегреческой жизни.

Земная жизнь, афинская демократия не удовлетворяла Платона.

Таковы социально-исторические корни идеалистической философии Платона. В равной мере они объясняют и учение кающегося барина, Л. Н. Толстого.

Тело, – учил Толстой, – это – стены, ограничивающие дух и мешающие ему быть свободным. Дух, не переставая, старается раздвинуть эти стены, и вся жизнь разумного человека состоит в раздвижении этих стен, в освобождении духа от плена тела («Путь жизни»).

Для Толстого, как и всякого идеалиста, мир, природа, – инобытие духа, бога, материльный мир сам по себе иллюзия, нестоющая наших забот.

«Материя, – уверяет он, – есть предел духа. Истинная же жизнь есть разрушение этого предела... Материалисты принимают предел за истинную жизнь» (т. XV).

Современная наука неопровержимо доказывает, что противопоставлять внутренний мир внешнему, сознание бытию нельзя, что вне материи нет духа, что сознание есть свойство высокоорганизованной материи. Всякая иная, идеалистическая точка зрения воскрешает первобытное душеверие (анимизм) дикарей, прямой дорогою ведет к спиритизму, столоверчению, к той или иной форме фидеизма (поповщины).

Только будучи решительным врагом науки, ее высших достижений, только путем совершенного отрицания (разумеется, без всяких доказательств) эволюционного учения Толстой и мог стать творцом нового вероучения. Толстой и сам свой способ познания называет «ненаучным и нефилософским», так как «религиозное познание есть то, на котором зиждется всякое другое и которое предшествует всякому другому».

Учение о бессмертии души, презрение к телу явилось для Л. Н. Толстого спасением от вечно преследовавшего его страха смерти. Страх смерти, один из основных источников всех религий, неотступно стоял у изголовья Толстого, начиная с первого его юношеского произведения «Детство, Отрочество и Юность» и кончая «Смертью Ивана Ильича» и последними его сочинениями.

«Жизнь ваша, – писал он, – совершается в виду смерти... стало быть, жизнь для себя не может иметь никакого смысла». Чехов, ознакомившись с «Воскресением» Толстого, писал Горькому:

«Прочел и остолбенел. Вся книга написана человеком, который до ужаса боится смерти, обманывает себя и других и цепляется за цитаты из священного писания».

Невольно вспоминаются слова глашатая мистики и реакции, Мережковского о том, что религия обеспечила ему бессмертие и что поэтому «пусть же живет религия».

Материалисты всех времен иначе смотрели на проблему жизни и смерти.

Мир – движение и превращение многообразных форм материи, вечный ее круговорот. Жизнь и смерть – необходимые, противоположные полюсы единого универсального диалектического процесса движения материи.

Древнегреческий материалист Эпикур, как подобает истинному философу, говорил: «Когда я есмь – смерти нет, а когда она пришла меня нет. Чего же мне бояться?»

Толстовство и революционный марксизм – непримиримые враги.

Марксизм – законченное диалектическо-материалистическое мировоззрение.

Оно строит свои выводы на основе величайших достижений науки. В мире оно видит господство начал причинности, закономерности, детерминизма.

Марксизм – решительный противник всякого религиозного кликушества и мракобесия, в какие бы тоги оно не рядилось.

«Религия, – писал Маркс, – это вздох угнетенной твари, душа бессердечного мира, дух безвременья. Она опиум народа. ...Таким образом, борьба против религии есть косвенно борьба против того мира, духовным ароматом которого является религия».

Диалектический материализм не признает абсолютных, вечных, обязательных для всех эпох и классов истин и норм морали, толстовских обессиливающих волю добродетелей.

Толстой – идеолог деградирующего, вымирающего дворянства и отсталых слоев дореволюционного крестьянства – никогда не понимал подлинных интересов рабочего класса и крестьянства и был решительным противником социализма и революционных методов решения социальных проблем.

«Я, говорил Толстой, стараюсь показать, что рабочий, борясь против капиталиста и ненавидя его, сам в сущности, в душе такой же капиталист... Для того чтобы рабочим избавиться от зла, нужно, чтобы они воспитали в себе другого человека, христианина...»

Толстой своей религиозной проповедью, призывами к непротивлению злу, восточной покорности, разлагающе влиял и влияет на классовое самосознание рабочих масс.

Толстой, как это изумительно мастерски обнаружил Ленин, не только гениальный художник, но и «помещик, юродствующий во Христе», но и «истасканный истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который публично бия себя в грудь, говорит: "Я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками"».

В нашу эпоху – эпоху сумерек капиталистического мира, в эпоху великих социальных бурь и потрясений идеологией всего трудящегося, мыслящего человечества не может быть обессиливающая волю, реакционная философия толстовства. Ею может быть только философия творческой активности и революционного действия – философия революционного марксизма, ленинизма.

Научная и педагогическая деятельность профессора С. З. Каценбогена

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА С. З. КАЦЕНБОГЕНА, РЕЦЕНЗИИ НА ЕГО ТРУДЫ

Аксельрод-Ортодокс, Л. [Рецензия] / Л. Аксельрод-Ортодокс // Чырвоны сьцяг. 1925. № 7. С. 85. Рец. на кн.: *Каценбоген, С. З.* Что такое марксизм (философские и социологические основания) / С. З. Каценбоген. Минск : Белгосиздат, 1925. 156 с.

Аникин, Л. С. Возвращение забытых имен: С. З. Каценбоген / Л. С. Аникин // Социология жизни: преемственность и развитие исследовательских традиций : сб. науч. тр. / под ред. Н. В. Шахматовой. Саратов, 2010. С. 5–12.

Аникин, Л. С. С. З. Каценбоген и развитие социологии в Саратове / Л. С. Аникин, Е. Е. Немирюк // Российское общество в зеркале социологии : сб. науч. тр. / под ред. Г. В. Дыльнова. Саратов, 2007. С. 260–265.

Елсуков, А. Н. Каценбоген Соломон Захарович / А. Н. Елсуков, А. Н. Данилов // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. Минск, 2003. С. 134.

И. С. Что такое марксизм? (О книжке проф. Каценбогена) / И. С. // Звезда. 1925. 13 окт. С. 2. Рец. на кн.: *Каценбоген, С. З.* Что такое марксизм (философские и социологические основания) / С. З. Каценбоген. Минск, 1925. 156 с.

Набойченко, С. С. Каценбоген Соломон Захарович / С. С. Небойченко // История высшей школы Свердловской области. Екатеринбург, 2013. С. 129.

Каценбоген Соломон Захарович // Прафесары і дактары навук Беларускага дзяржаўнага універсітэта, 1921–2001 / [склад. А. А. Яноўскі]. Мінск, 2001. С. 123.

Каценбоген Соломон Захарович // Профессора Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена в XX веке. Биографический справочник / под ред. Г. А. Бордовского, В. А. Козырева. СПб., 2000. С. 165.

Каценбоген Соломон Захарович // Уральский государственный университет в биографиях / [сост. В. А. Мазур ; под общ. ред. А. В. Подчиненова]. Екатеринбург, 2010. С. 398.

Семенов, В. Н. Каценбоген Соломон Захарович / В. Н. Семенов // Ректоры Саратовского университета: факты жизни и деятельности. Саратов, 1999. С. 103–111.

Кацэнбоген Саламон Захаравіч // Культура Беларусі : энцыклапедыя : у 6 т. / рэдкал.: У. Ю. Александраў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2013. Т. 4. С. 428.

Кацэнбоген Саламон Захаравіч // Беларуская Савецкая энцыклапедыя : у 12 т. Мінск, 1972. Т. 5. С. 523.

Максимчик, А. Н. Малоизвестные страницы биографии и деятельности профессора С. З. Каценбогена (1889–1946) / А. Н. Максимчик // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 65–86.

Максимчик, А. Н. Соломон Захарович Каценбоген. Пионер в области социологии / А. Н. Максимчик // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941) / С. В. Абламейко [и др.] ; под общ. ред. С. В. Абламейко ; науч. ред. О. А. Яновский. Минск, 2017. С. 75–90. (Белорусский государственный университет: 100 лет на благо Отечества).

Марцулевіч, А. Архіў прафесара Кацэнбогена / А. Марцулевіч // Універсітэт. 2017. 15 мая. С. 4.

Покатов, Д. В. Ученый в условиях общественных изменений (С. З. Каценбоген между «Харивдой» личности и «Сциллой» административности) / Д. В. Покатов, Л. С. Аникин // Гуманитар., соц.-экон. и обществ. науки. 2018. № 10. С. 64–69.

С. З. Каценбоген // За большевистские педкадры. 1934. 15 дек. С. 1.

С. З. Каценбоген // Народный учитель: орган парткома комитета ВЛКСМ, профкома, месткома и ректората Свердл. гос. пед. ин-та. 1970. 20 нояб. С. 2.

С. З. Каценбоген [некролог] // Сталинец: орган партбюро, ректората и профкома Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького. 1946. 12 сент. С. 2.

Сербента, Вит. О весьма неудачной и совершенно неполезной книжке по марксизму / Вит. Сербента // Звезда. 1925. 6 окт. С. 4. Рец. на кн.: *Каценбоген, С. З.* Что такое марксизм (философские и социологические основания) / С. З. Каценбоген. Минск, 1925. 156 с.

Лапина, И. А. Соломон Захарович Каценбоген: в авангарде культурной революции / И. А. Лапина // Евреи Европы и Ближнего Востока: культура и история, языки и литература : материалы междунар. науч. конф., 22 апр. 2018 г. / отв. ред. М. О. Мельцин, С. Г. Парижский ; Петерб. ин-т иудаики. СПб., 2018. С. 160–176.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА С. З. КАЦЕНБОГЕНА

Монографии, учебные пособия, сборники, справочники, брошюры (персональные и в соавторстве), редактирование изданий

1923

Каценбоген, С. З. Первобытный человек. Опыт социологического анализа этнографического романа Ренэ Марана «Батуала» / С. З. Каценбоген. Минск : Белтрестпечать, 1923. 50 с.

Кунов, Г. Очерки по истории первобытной культуры : в 3 ч. / Г. Кунов, Г. Левин-Дорш ; пер. с нем., ред., предисл. и примеч. С. З. Каценбогена. Минск : Белтрестпечать, 1923–1924. 3 ч.

1924

Каценбоген, С. З. Ленин, 1 мая и международное рабочее движение / С. З. Каценбоген. Минск : Изд-во Агитпропа Белорус. бюро ЦК РКП(б), 1924. 30 с.

1925

Каценбоген, С. З. Что такое марксизм (философские и социологические основания) / С. З. Каценбоген. Минск : Белгосиздат, 1925. 156 с.

Каценбоген, С. З. Марксистская социология : курс лекций, читанных в 1924/1925 академ. году на пед. фак. БГУ : в 2 ч. / С. З. Каценбоген. Минск : Изд-во Профкома Рабпрос БГУ, 1925. 2 ч.

Володкович, Ф. С. Кредитные учреждения Союза ССР и Белорусской ССР / Ф. С. Володкович, А. М. Шубин ; под ред. С. З. Каценбогена, В. Шульмана и И. А. Петровича. Минск : Изд-во СНК БССР, 1925. 92 с. (Библиотека «Советская Белоруссия»).

Игнатовский, В. М. Белоруссия: территория, население, экономика. Важнейшие моменты истории. Экономический очерк советской Белоруссии и ее округов / В. Игнатовский, А. Смолич ; под ред. С. З. Каценбогена, В. Шульмана, И. А. Петровича. Минск : Изд-во СНК БССР, 1925. 94 с. (Библиотека «Советская Белоруссия»).

Переход, В. И. Леса и лесное хозяйство БССР. Краткий очерк / В. И. Переход ; под ред. С. З. Каценбогена, В. Шульмана, И. А. Петровича. Минск : Изд-во СНК БССР, 1925. 51 с. (Библиотека «Советская Белоруссия»).

1928

Николай Гаврилович Чернышевский. 1828–1928. Неизданные тексты, материалы и статьи / Нижне-Волж. краевая комис. по празднованию 100-летия со дня рождения Н. Г. Чернышевского ; под общ. ред. С. З. Каценбогена. Саратов : Тип. № 2 Сарполиграфпрома, 1928. 429, VI с.

1930

Каценбоген, С. З. Программа по диалектическому материализму / С. З. Каценбоген. Саратов : Тип. № 2 Нижне-Волж. крайполиграфтреста, 1930. 20 с.

1931

Герчиков, И. В. Очерк истории китайского комсомола. Доклад, сделанный на активе комсомола г. Саратова / И. В. Герчиков ; ред. С. З. Каценбоген. Саратов : 2 РК ВЛКСМ, [1931]. 46 с.

1939

Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. История, философия, лингвистика / отв. ред. С. З. Каценбоген. 1939. Вып. 2.

Научные статьи в сборниках, публикации в периодических изданиях, тезисы докладов, интервью, рецензии

1921

Каценбогин, С. З. Наши задачи / С. З. Каценбогин // Вестн. Нар. комиссариата просвещения ССРБ. 1921. № 1. С. 2.

Каценбогин, С. З. Просвещение и партия. Народное просвещение и партия. Тезисы, принятые Центральным бюро к X конференции КПБ / С. З. Каценбогин // Вестн. Нар. комиссариата просвещения ССРБ. 1921. № 1. С. 33–35. *Перепеч.*: Изв. Центр. бюро коммунист. партии (большевиков) Белоруссии. 1921. 6 окт. С. 28–29.

Каценбогин, С. З. Задачи просвещения в связи с новой экономической политикой / С. З. Каценбогин // Вестн. Нар. комиссариата просвещения ССРБ. 1921. № 1. С. 5–7. *Перепеч.*: Звезда. 1921. 22 сент. С. 1.

Каценбогин, С. З. Народное просвещение и задачи партии. Доклад на X конференции КП Белоруссии / С. З. Каценбогин // Вестн. Нар. комиссариата просвещения ССРБ. 1921. № 2. С. 3–10.

Каценбогин, С. З. Итоги и перспективы (1921 г. – 1922 г.). Тезисы / С. З. Каценбогин // Звезда. 1921. 22 сент. С. 2–3.

1922

Каценбогин, С. Пролетариат и крестьянство / С. Каценбогин // Вперед. 1922. № 1. С. 23–40.

Каценбогин, С. З. Инициатива, энергия, общественность. Народное просвещение и наши хозяйственные затруднения / С. З. Каценбогин // Вестн. Нар. комиссариата просвещения ССРБ. 1922. № 1. С. 3–4.

Каценбогин, С. З. Белорусский государственный университет за 1921–1922 академический год. Итоги и перспективы / С. З. Каценбогин // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. 1922. № 2/3. С. 326–364.

Каценбогин, С. З. Как оживить нашу культурную работу? / С. З. Каценбоген // Вестн. Нар. комиссариата просвещения ССРБ. 1922. № 4. С. 3–4.

Каценбогин, С. З. Белорусский государственный университет. Итоги 1-го учебного года / С. З. Каценбогин // Вестн. Нар. комиссариата просвещения ССРБ. 1922. № 5/6. С. 35–38.

П. Р. Факультэт грамадзянскіх навук («Фон») (з гутаркі з дэканам факультэту проф. С. Кацэнбогіным) // Савец. Беларусь. 1922. 29 кастр. С. 4.

1923

Каценбоген, С. З. Белорусский государственный университет. За 1922–1923 академический год. Итоги и перспективы / С. З. Каценбоген // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. 1923. № 4/5. С. 230–281.

Каценбоген, С. З. Спорные вопросы генеономии / С. З. Каценбоген // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. 1923. № 4/5. С. 282–304.

Каценбоген, С. З. Сложная форма брака у племени Арусси-Галласов в Абиссинии / С. З. Каценбоген // Працы Беларус. дзярж. у-ту. 1923. № 4/5. С. 305–307.

Каценбоген, С. З. Классификация каменного века / С. З. Каценбоген // Очерки по истории первобытной культуры : в 3 ч. / Г. Кунов, Г. Левин-Дорш ; пер. с нем., ред., предисл. и примеч. С. З. Каценбогена. Минск, 1923. Ч. 1. С. XXIX (Приложение).

Каценбоген, С. З. Археология и этнография и их значение для изучения доистории человечества / С. З. Каценбоген // Очерки по истории первобытной культуры : в 3 ч. / Г. Кунов, Г. Левин-Дорш ; пер. с нем., ред., предисл. и примеч. С. З. Каценбогена. Минск, 1923. Ч. 2. С. I–VIII.

Каценбоген, С. З. Огонь, способы его добывания и связанные с ним религиозные верования и переживания / С. З. Каценбоген // Очерки по истории первобытной культуры : в 3 ч. / Г. Кунов, Г. Левин-Дорш ; пер. с нем., ред., предисл. и примеч. С. З. Каценбогена. Минск, 1923. Ч. 2. С. IX–XVII.

Каценбоген, С. З. История развития жилищ / С. З. Каценбоген // Очерки по истории первобытной культуры : в 3 ч. / Г. Кунов, Г. Левин-Дорш ; пер. с нем., ред., предисл. и примеч. С. З. Каценбогена. Минск, 1923. Ч. 2. С. XVIII–XL.

Каценбоген, С. З. Самоочищение, а не самоубийство / С. З. Каценбоген // Звезда. 1923. 25 дек. С. 4.

1924

Каценбоген, С. З. Великий диалектик революции / С. З. Каценбоген // Звезда. 1924. 27 янв. С. 4.

Каценбоген, С. З. Изучение ленинизма / С. З. Каценбоген // Звезда. 1924. 27 янв. С. 4.

Каценбогин, С. З. Библиографическое обозрение литературы о В. И. Ленине / С. З. Каценбогин // Вперед. 1924. № 1. С. 86–93.

Каценбоген, С. З. В. И. Ленин великий диалектик Революции / С. З. Каценбоген // Голос пролетар. студенчества. 1924. № 1. С. 3–4.

Каценбоген, С. З. Голос пролетарского студенчества / С. З. Каценбоген // Голос пролетар. студенчества. 1924. № 1. С. 5–6.

Кацэнбоген, С. З. Нарысы па гісторыі першабытнай культуры Беларусі / С. З. Кацэнбоген // Полымя. 1924. № 1. С. 156–162.

Каценбоген, С. З. Ленин и Октябрьская революция / С. З. Каценбоген // Вперед. 1924. № 2. С. 34–40.

Каценбоген, С. З. Союз науки и Красной армии. Культшевство БГУ над 6-ми пехотными командными курсами / С. З. Каценбоген // Звезда. 1924. 24 февр. С. 5.

Каценбоген, С. З. Ленин и 1 мая / С. З. Каценбоген // Звезда. 1924. 1 мая. С. 3.

Каценбоген, С. З. Белорусский государственный университет за 1923–1924 учебный год. Итоги и перспективы / С. З. Каценбоген // Звезда. 1924. 10 июня. С 6.

Кин. М. Почему мы проводим чистку (Беседа с зам. ректора БГУ и членом проверочной комиссии ФОНа проф. С. З. Каценбогиным) // Звезда. 1924. 14 июня. С. 6.

Каценбоген, С. З. Эволюция оружия / С. З. Каценбоген // Очерки по истории первобытной культуры : в 3 ч. / Г. Кунов, Г. Левин-Дорш ; пер. с нем., ред., предисл. и примеч. С. З. Каценбогена. Минск, 1924. Ч. 3. С. I–XV.

Каценбоген, С. З. Генезис и эволюция украшений и одежды / С. З. Каценбоген // Очерки по истории первобытной культуры : в 3 ч. / Г. Кунов, Г. Левин-Дорш ; пер. с нем., ред., предисл. и примеч. С. З. Каценбогена. Минск, 1924. Ч. 3. С. XVI–XXVIII.

Каценбоген, С. З. Краткий библиографический указатель по истории первобытной культуры / С. З. Каценбоген // Очерки по истории первобытной культуры : в 3 ч. / Г. Кунов, Г. Левин-Дорш ; пер. с нем., ред., предисл. и примеч. С. З. Каценбогена. Минск : Белтрестпечать, 1924. Ч. 3. С. XXIX–XXXI.

1925

Каценбоген, С. З. Наши достижения / С. З. Каценбоген // Звезда. 1925. 20 февр. С. 3.

Кацэнбогін, С. З. Вялікае культурнае свята / С. З. Кацэнбогін // Савец. Беларусь. 1925. 20 лют. С. 3.

Каценбоген, С. З. Место высшего социально-экономического образования в системе советского строительства / С. З. Каценбоген // Первый выпуск Белорусского государственного университета, 20 февраля 1925 года : [доклады и выступления]. Витебск, 1925. С. 3–12. *Перепеч. на бел. яз.*: Чырвоны сьцяг. 1925. № 2. С. 6–13.

Кацэнбоген, С. З. Сялянскі рух на Захадзе (Да 400-годдзя сялянскага паўстаньня ў Нямеччыне 1525–1925 гг. / С. З. Кацэнбоген ; пер. на бел. мову У. Міхалевіч // Полымя. 1925. № 3. С. 85–97.

Каценбоген, С. З. Историческое значение Ленина / С. З. Каценбоген // Вперед. 1925. № 4. С. 54–66.

Каценбоген, С. З. [Рецензия] / С. З. Каценбоген // Вперед. 1925. № 4. С. 91–93. Рец. на кн.: *Эферот, Гуго.* Библия безбожника / Гуго Эферот. М. : Красная Новь, 1924. 249 с.

Каценбоген, С. Второй выпуск БГУ / С. Каценбоген // Звезда. 1925. 10 июля. С. 4.

Кацэнбоген, С. З. Ленін і Кастрычніцкая рэвалюцыя / С. З. Кацэнбоген // Чырвоны сьцяг. 1925. № 5/6. С. 16–21.

Каценбоген, С. З. Ленин о государстве / С. З. Каценбоген // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. 1925. № 6/7. С. 1–18.

Каценбоген, С. З. Правовое положение евреев в Белоруссии накануне революции 1917 г. / С. З. Каценбоген // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. 1925. № 6/7. С. 189–200.

Каценбоген, С. Пятый год существования Белорусского государственного университета / С. Каценбоген // Звезда. 1925. 30 окт. С. 5. *Перепеч. на бел. яз.*: Савец. Беларусь. 1925. 30 кастр. С. 5.

Каценбоген, С. З. Н. Г. Чернышевский и искусство / С. З. Каценбоген // Саратовский государственный театр им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1925. С. 8–10.

1926

Каценбоген, С. З. Да пытаньня аб заканамернасьці грамадзянскага жыцьця / С. З. Каценбоген // Полымя. 1926. № 1. С. 87–96.

Каценбоген, С. З. Диалектический материализм и механистическое мировоззрение / С. З. Каценбоген // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. 1926. № 11. С. 1–17. *Перепеч. на бел. яз.*: Полымя. 1926. № 2. С. 78–96.

Каценбоген, С. З. Михаил Александрович Бакунин (к пятидесятилетию со дня смерти) / С. З. Каценбоген // Сарат. изв. 1926. 1 июля. С. 2–3.

Каценбоген, С. З. Марксизм и социология / С. З. Каценбоген // Уч. зап. Сарат. гос. ун-та. 1926. Т. V, вып. 3. С. 181–232. *III раздел статьи под названием «Генезис социологии» перепеч.*: Социология в Саратове : хрестоматия / под общ. ред. Л. С. Аникина, Г. В. Дыльнова. Саратов, 2006. С. 10–29.

Каценбоген, С. Куда скатилась оппозиция / С. Каценбоген // Коммунист. путь. 1927. № 24. С. 23–27.

1928

Каценбоген, С. З. О воззрениях Н. Г. Чернышевского на первоначальные формы полового сожительства / С. З. Каценбоген // Николай Гаврилович Чернышевский. 1828–1928. Неизданные тексты, материалы и статьи / Нижневолж. краевая комис. по празднованию 100-летия со дня рождения Н. Г. Чернышевского ; под общ. ред. С. З. Каценбогена. Саратов, 1928. С. 79–82.

Каценбоген, С. З. Философские воззрения Н. Г. Чернышевского / С. З. Каценбоген // Николай Гаврилович Чернышевский. 1828–1928. Неизданные тексты, материалы и статьи / Нижневолж. краевая комис. по празднованию 100-летия со дня рождения Н. Г. Чернышевского ; под общ. ред. С. З. Каценбогена. Саратов, 1928. С. 113–150.

Каценбоген, С. З. К столетию со дня рождения Н. Г. Чернышевского / С. З. Каценбоген // К юбилею Чернышевского : [сборник] / Нижневолж. краевая комис. по празднованию 100-летия со дня рождения Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1928. С. I–IV.

Каценбоген, С. З. Первый в России воинствующий материалист и революционер / С. З. Каценбоген // Поволж. правда. 1928. 25 нояб. С. 3. *Перепеч.*: Коммунист. 1928. 9 дек. С. 3.

Каценбоген, С. З. Саратовские вузы на пути к пролетаризации / С. З. Каценбоген // Коммунист. путь. 1928. № 3. С. 51–54.

1929

Каценбоген, С. З. Н. Г. Чернышевский о науке. К 40-летию со дня смерти / С. З. Каценбоген // Поволж. правда. 1929. 29 окт. С. 2.

Каценбоген, С. З. Л. Н. Толстой (социально-политические и философские воззвания) / С. З. Каценбоген // Литературные беседы : изд. о-ва литературоведения при Сарат. гос. ун-те. 1929. Вып. 1. С. 5–14. *Перепеч.*: Поволж. правда. 1928. 4 окт. С. 4.

1930

Каценбоген, С. З. Нужен решительный поворот / С. З. Каценбоген // За пролетарские кадры. 1930. 18 марта. С. 1.

Каценбоген, С. З. К новому учебному году / С. З. Каценбоген // За пролетар. кадры. 1930. 6 июля. С. 2.

Каценбоген, С. З. Социалистическое строительство, вредительство, право-«левацкий» блок и оппортунистические вылазки / С. З. Каценбоген // За пролетар. кадры. 1930. 2 авг. С. 2 ; 14 авг. С. 2.

1931

Каценбоген, С. Итоги современной философской дискуссии / С. Каценбоген // На культурном фронте. 1931. № 7/8. С. 40–44.

Каценбоген, С. О Нижневолжском краевом научно-исследовательском институте марксизма-ленинизма / С. Каценбоген // Вестн. Коммунист. акад. 1931. № 5/6. С. 11–20. *Перепеч.*: На культурном фронте. 1931. № 9/11. С. 53–57.

Каценбоген, С. З. Международное значение письма тов. Сталина / С. З. Каценбоген // На культурном фронте. 1931. № 20/24. С. 7–9. *Перепеч.*: Поволж. правда. 1932. 10 янв. С. 3.

1932

Каценбоген, С. З. Задачи нового учебного года / С. З. Каценбоген // За большевистские педкадры. 1932. 13 сент. С. 1–2.

Каценбоген, С. З. За качество, за единоначалие, за дисциплину / С. З. Каценбоген // За большевистские педкадры. 1932. 30 сент. С. 1.

Каценбоген, С. З. Ленинградская кузница педкадров: к 15-летию Октябрьской революции / С. З. Каценбоген // На фронте коммунист. просвещения. 1932. № 10/11. С. 64–73.

Каценбоген, С. З. Университет должен стать центром научной мысли / С. З. Каценбоген // За пролетар. кадры (Казань). 1932. 18 мая. С. 2 ; 28 мая. С. 2.

1933

Каценбоген, С. З. О реализации постановления ЦИК о высшей школе Пединститутом имени А. И. Герцена / С. З. Каценбоген // Коммунист. просвещение. 1933. № 4. С. 103–107.

Каценбоген, С. З. Нам нужен не просто педагог, а педагог-большевик / С. З. Каценбоген // За большевист. педкадры. 1933. 10 апр. С. 1.

Каценбоген, С. З. За скорейшую ликвидацию наших недостатков / С. З. Каценбоген // За большевист. педкадры. 1933. 3 окт. С. 1.

1934

Каценбоген, С. З. Узловые вопросы высшего педагогического образования / С. З. Каценбоген // Пед. образование. 1934. № 6. С. 4–16.

Каценбоген, С. З. Наш институт на новом этапе / С. З. Каценбоген // Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена : материалы для поступающих в педвуз. Ленинград, 1934. С. 3–5.

Каценбоген, С. З. О так называемых «мелочах быта» / С. З. Каценбоген // За большевист. педкадры. 1934. 22 нояб. С. 1.

Каценбоген, С. З. Задачи ГИНПа / С. З. Каценбоген // За большевист. педкадры. 1934. 15 дек. С. 2.

1935

Каценбоген, С. З. Письмо в редакцию / С. З. Каценбоген // Под знаменем марксизма. 1935. № 4. С. 208.

1936

Каценбоген, С. З. Пять лет / С. З. Каценбоген // Урал. рабочий. 1936. 2 июля. С. 3.

Каценбоген, С. З. Антимарксистская сущность педологической лженауки / С. З. Каценбоген // Урал. рабочий. 1936. 8 июля. С. 3.

1939

Каценбоген, С. З. Чернышевский как философ (к 50-летию со дня смерти) / С. З. Каценбоген // Уч. зап. Свердл. гос. пед. ин-та. История, философия, лингвистика. 1939. Вып. 2. С. 5–14.

Каценбоген, С. З. Марксистско-ленинская теория познания / С. З. Каценбоген // Уч. зап. Свердл. гос. пед. ин-та. История, философия, лингвистика. 1939. Вып. 2. С. 221–259.

1940

Каценбоген, С. З. Сталинская дружба народов / С. З. Каценбоген // Урал. рабочий. 1940. 21 марта. С. 2.

1944

Каценбоген, С. З. Классическая русская философия 40–60 годов 19 в. и немецкая философия конца 18 и начала 19 века / С. З. Каценбоген // Сталинец. 1944. 10 окт. С. 2.

Каценбоген, С. З. Несмотря на трудности / С. З. Каценбоген // Сталинец. 1944. 13 окт. С. 2.

Каценбоген, С. З. Марксистско-ленинско-сталинское учение о государстве / С. З. Каценбоген // Сталинец. 1944. 22 дек. С. 2.

1945

Каценбоген, С. З. Наблюдения экзаменатора / С. З. Каценбоген // Сталинец. 1945. 23 февр. С. 2.

Каценбоген, С. З. Слава победителям / С. З. Каценбоген // Сталинец. 1945. 11 мая. С. 1.

Каценбоген, С. З. Счастливого пути, молодые друзья! / С. З. Каценбоген // Сталинец. 1945. 1 июня. С. 1.

1946

Каценбоген, С. З. Заметки экзаменатора / С. З. Каценбоген // Сталинец. 1946. 31 янв. С. 2.

Каценбоген, С. З. Укрепить факультет / С. З. Каценбоген // Сталинец. 1946. 13 апр. С. 3.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА С. З. КАЦЕНБОГЕНА

10 (22) мая 1889	родился в г. Минске.
1898–1903	учеба в мужской гимназии г. Седлец. Отчислен за участие в забастовке.
1904–1920	членство в еврейской социалистической партии «Бунд».
1904–1905	учеба в частной мужской гимназии В. И. Петра в г. Киеве. Отчислен за участие в забастовке.
1905–1906	учеба в частной еврейской гимназии М. М. Иглицкого в г. Одессе. Отчислен за участие в забастовке.
1907–1910	учеба в гимназии г. Гродно.
июнь 1910 – июнь 1914	учеба на экономическом отделении Киевского коммерческого института, который окончил со званием кандидата экономических наук.
1911	
июнь 1914 – август 1915	подработка репетитором в г. Минске.
1915–1917	учеба на юридическом факультете Петроградского Психоневрологического института.
август – декабрь 1915	статистик в страховом агенстве на нефтяных промыслах г. Баку.
январь 1916 – декабрь 1917	секретарь на кожевенном заводе при Всероссийском земском союзе в г. Бобруйске.
январь – июнь 1918	заведующий городской биржей труда в г. Бобруйске.
июль 1918 – июнь 1919	заместитель заведующего отделом социального обеспечения в г. Бобруйске.
июнь – август 1919	заместитель Народного комиссара социального обеспечения Литовско-Белорусской ССР.

август 1919 – июль 1920	заместитель председателя Особого продовольственного комитета Западного округа в г. Смоленске.
апрель 1920 – август 1938	членство в ВКП(б).
июнь 1920 – июль 1921	народный комиссар социального обеспечения Советской Социалистической Республики Беларусь (ССРБ).
июль – декабрь 1921	заместитель народного комиссара просвещения БССР, заведующий административно-организационным центром Наркомпроса.
9 сентября 1921 – 25 ноября 1925	профессор по кафедре социологии и первобытной культуры факультета общественных наук (ФОН) БГУ.
31 августа 1922 – 1 октября 1925	декан ФОН БГУ.
1 октября 1922 – 13 июля 1925	заместитель ректора по административно-хозяйственной части БГУ.
1922	преподавание по совместительству в Белоруском государственном политехническом институте.
25 февраля 1924 – 25 ноября 1925	директор музея атеизма и первобытной культуры БГУ.
16 января 1925	избран действительным членом Института белорусской культуры.
13 июля 1925 – 25 ноября 1925	заместитель ректора по академической части БГУ.
декабрь 1925 – апрель 1928	декан факультета права и хозяйства Саратовского государственного университета (СГУ), заведующий кафедрой диалектического материализма СГУ.
май – сентябрь 1927	земеститель ректора СГУ.
сентябрь 1927 – апрель 1928	исполняющий обязанности ректора СГУ.
1 апреля 1928 – 4 июня 1932	ректор СГУ (с 1930 г. – в звании директора), профессор по кафедре диалектического материализма
июнь 1932 – март 1935	директор Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, заведующий кафедрой философии

1935	получил звание мастера педагогической профессии по результатам специальной проверки преподавания в вузах Ленинграда.
апрель – сентябрь 1935	находился в Ленинграде в резерве Наркомпроса СССР.
16 сентября 1935 – 8 октября 1936	директор Свердловского государственного педагогического института (СГПИ).
сентябрь 1936 – ноябрь1937	заведующий кафедрой философии СГПИ.
декабрь 1937 – сентябрь 1938	заведующий сектором научно-исследовательской работы СГПИ.
сентябрь 1938 – январь 1940	исполняющий обязанности заместителя директора по научно-учебной части СГПИ, профессор основ марксизма-ленинизма и философии.
Январь 1940 – январь 1944	заведующий аспирантурой по философии СГПИ и Уральского государственного университета им. А. М. Горького (УрГУ)
Май 1940 – сентябрь 1946	вторичное членство в ВКП(б).
Январь 1944 – сентябрь 1946	заведущий кафедрой философии УрГУ.
27 ноября 1945	Вручена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».
1 сентября 1946	умер в г. Свердловске. Могила не сохранилась.

СОДЕРЖАНИЕ

MEMORIA ET GLORIA 3

ПРЕДИСЛОВИЕ 4

УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ОРГАНИЗАТОР И РУКОВОДИТЕЛЬ СОВЕТСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ 9

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА С. З. КАЦЕНБОГЕНА 32

ИЗБРАННЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ПРОФЕССОРА С. З. КАЦЕНБОГЕНА

Пролетариат и крестьянство 65
Спорные вопросы генеономии 86
Нарысы па гісторыі першабытнай культуры Беларусі 115
Сялянскі рух на захадзе (Да 400-годдзя сялянскага паўстання ў Нямеччыне – 1525–1925 г.) 123
Правовое положение евреев в Белоруссии накануне революции 1917 г. 135
Диалектический материализм и механистическое мировоззрение 149
Да пытання аб заканамернасці грамадзянскага жыцця 169
Марксизм и социология 179
Л. Н. Толстой (социально-политические и философские воззрения) 238

НАУЧНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРА С. З. КАЦЕНБОГЕНА

Литература о жизни и деятельности профессора С. З. Каценбогена, рецензии на его труды 249
Хронологический указатель трудов профессора С. З. Каценбогена 251

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА С. З. КАЦЕНБОГЕНА 260

Научное издание

Memoria et Gloria

ПАМЯТЬ И СЛАВА:
Соломон Захарович Каценбоген
К 130-летию со дня рождения

Ответственный за выпуск
Е. А. Логвинович
Редактор *А. В. Ефимов*
Художник обложки *Т. Ю. Таран*
Технический редактор *Л. В. Жаборовская*
Компьютерная верстка *С. Н. Егоровой*
Корректор *Д. В. Мацур*

Подписано в печать 29.04.2019.
Формат 70×90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19,30 + 1,17 вкл.
Уч.-изд. л. 21,2 + 1,14 вкл.
Тираж 100 экз. Заказ 185.

Белорусский государственный
университет.
Свидетельство о государственной
регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий
№ 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
Свидетельство о государственной
регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий
№ 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.